

Сергей Черемнов

*Мои
земляки –
прокопчане*

ОЧЕРКИ и ЗАРИСОВКИ

Сергей Черемнов

Мои земляки – прокопчане

ОЧЕРКИ и ЗАРИСОВКИ

Кемерово

2024

Книга очерков и зарисовок «Мои земляки – прокопчане» посвящена журналистам, поэтам и писателям, мастерам слова, талантливым чародеям шахматной Каиссы, сцены и киноэкрана. В ней рассказывается о тех, кто родился, жил и работал в Прокопьевске, создавал славу города – угольной «жемчужины Кузбасса» в газетах, журналах и книгах, на сцене, теле- и киноэкране. У кого-то из героев книги малая Родина пролегла в стороне от Кемеровской области, но волею судьбы они оказались в этом славном городе, трудились в нём, получили надёжную закалку характера, хорошие профессиональные знания, затем уехали в другие места, но сохранили в своих сердцах образ Прокопьевска, ставшего родным. В книге – имена известных творческих людей, прославившихся на весь Кузбасс, на всю Россию, имена, которыми надо гордиться.

12+

С. И. Черемнов.

Мои земляки – прокопчане. Очерки, зарисовки.

– Кемерово, 2024. – 279 с., илл.

Прокопьевск – моя малая Родина

Я родился и вырос в городе Прокопьевске Кемеровской области. И многим ему обязан. Здесь прошло моё ясельно-детсадовское детство, пионерское отрочество и комсомольская юность. Здесь же выбрал себе подругу жизни и профессию (как выяснилось, и то и другое – навсегда!). Здесь работал корреспондентом городской газеты «Шахтёрская правда», потом заведующим отделом промышленности, наконец, главным редактором этой газеты.

Впрочем, не о себе – о городе моего детства, юности, молодости.

Правда, в ту пору в Прокопьевске проживало около 300 тысяч человек, нынче – едва ли не вполосину меньше. Было 17 шахт, много заводов и фабрик. Сегодня нет ни одного подземного угледобывающего предприятия, исчезли или сократились другие производства. Но город живёт, тяжело, со сложными перспективами, но продолжает трудиться, растить детей и думать о будущем. Кстати, мои дети тоже родились в Прокопьевске, это сейчас жизнь разбросала их по разным городам.

Помню, в свои пионерско-комсомольские годы при встречах со сверстниками из Новокузнецка, а тем паче, из Кемерова, мы – прокопчане – до хрипоты спорили о том, что наш, третий по численности город области, является самым лучшим. И нередко «выспаривали» это первое место.

Потому что любили и любим своё детство, прошедшее среди бесконечного частного жилого сектора, где в простых домах жили мои одноклассники и большинство учителей моей школы.

Я любил, люблю и буду любить свой город с его незатейливыми улицами и переулками рабочих посёлков при бывших шахтах «Чёрная гора» и «Маганак», двориками Ванчевой горы, бараками Берёзовой рощи и Ясной поляны, светлыми многоэтажками микрорайонов Тыргана.

Если говорить официальным языком, Прокопьевск – город областного подчинения, административный центр одноимённого муниципального района. Он и сегодня третий по количеству жителей, пятый по площади и один из старейших городов Кемеровской области. Расположен в южной части Кузнецкого угольного бассейна.

Большинство моих земляков не так давно были шахтёрами, ведь наш город представлял собой один из крупнейших угледобывающих центров страны. Мои родители Иван Алексеевич и Валентина Никаноровна Черемновы тоже были шахтёрами на ордена Ленина шахте «Коксовая». Впрочем, родители моего отца – мои дед Алексей Васильевич и бабушка Аксинья Тимофеевна Черемновы, а также родители мамы – дед Никанор Степанович и бабушка Матрена Ермолаевна Галкины также имели отношение к угольной отрасли. И дружно праздновали День города, который отмечается в последнее воскресенье августа, потому что совмещён с важным профессиональным праздником – Днём Шахтёра. Ох и гуляли же когда-то с песнями и весельем наши большие семьи...

Мне посчастливилось жить в Прокопьевске в ту пору, когда в 1970-1980 годах он достиг пика своей угольной славы. Его по праву называли «угольной жемчужиной»

Кузбасса. В те годы горняки города добывали по 25 миллионов тонн угля в год. Зимой белый снег не держался здесь и одного дня! А что вы хотите?! Круглосуточная добыча угля и такая же круглосуточная работа трёхсот городских котельных делали своё дело. Но мы гордились тем, что мы – прокопчане. «И нам прокопчанам нет дел непосильных!» – сказал поэт.

У моего трудового рабочего Прокопьевска всегда была нелёгкая судьба. С самого начала, с самого зарождения...

Правда, в годы моего детства и юности его называли городом, рождённым Октябрем. Странно, но в то время другого летоисчисления будто и не было. Сегодня понимаешь, что Прокопьевск, как поселение, гораздо старше, чем Октябрьская революция 1917 года. История его появления непростая.

Первые российские поселения в Сибири появляются в начале XVII века, в их числе основанный в 1705 году Томский острог. А в 1718 году возникла Кузнецкая крепость. С этого времени начинается освоение Кузнецкой земли, её присоединение к Российскому государству. Между этими острогами, в тридцати верстах севернее Кузнецка (нынешнего Новокузнецка), вскоре zaloжили мужской Христорождественский монастырь, селившиеся вокруг крестьяне работали на землях монастыря.

Севернее монастыря в 1648 году основалось село Монастырское. Переселенцы продолжали постигать сибирские просторы, и в 1784 году недалеко выросло село Усяты. К началу XX века на территории современного Прокопьевска существовали уже три больших села, включая село Прокопьевское. В 1911 году Прокопьевское становится центром одноимённой волости. Уголь здесь пока не добывали. Он залегал слишком глубоко под землёй. И для извлечения его из земных недр надо было строить шахты.

Известна точная дата начала промышленного освоения Прокопьевского рудника – 12 октября 1917 года. В этот день сообщение о первых добытых на руднике пудах угля были официально занесены в «Подневную книгу». Позже угледобытчики создают первые штольни и шахты, прокладывается железная дорога, растёт численность рудничного населения.

29 января 1928 года постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) село Прокопьевское преобразовано в одноимённый рабочий посёлок с населением 14400 человек. Здесь строят новые шахты, развивается рудник, значительно увеличивается число людей. 10 мая 1931 года рабочему посёлку с населением 55 тысяч человек был присвоен статус города Прокопьевска.

Он становится крупным промышленным центром не только Западной Сибири, но и всей страны. В Прокопьевске были созданы три района: Зенковский, Рудничный, Центральный. В черту города включили сёла Спиченково и Зенково. За «большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, развитии угольной промышленности и значительный вклад в обеспечение Победы над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне» город награждён орденом Трудового Красного Знамени.

В те годы город являлся одним из основных центров добычи ценнейших марок коксующегося угля в России. В пик расцвета угольной промышленности в Прокопьевске было 17 угольных шахт...

В советские времена в городе работали такие предприятия как «Прокопьевский дрожжевой завод», знаменитая на всю страну «Прокопьевская табачная фабрика», швейная фабрика «Горнячка», «Прокопьевский фарфоровый завод» и другие предприятия, которых сегодня, увы, уже нет.

Но город упрямо учится жить и работать по-иному, осваивает непривычные ранее отрасли и специальности. Те же, кто продолжает шахтёрскую судьбу, работает на угольных предприятиях других территорий области вахтовым методом. Появляются новые производства.

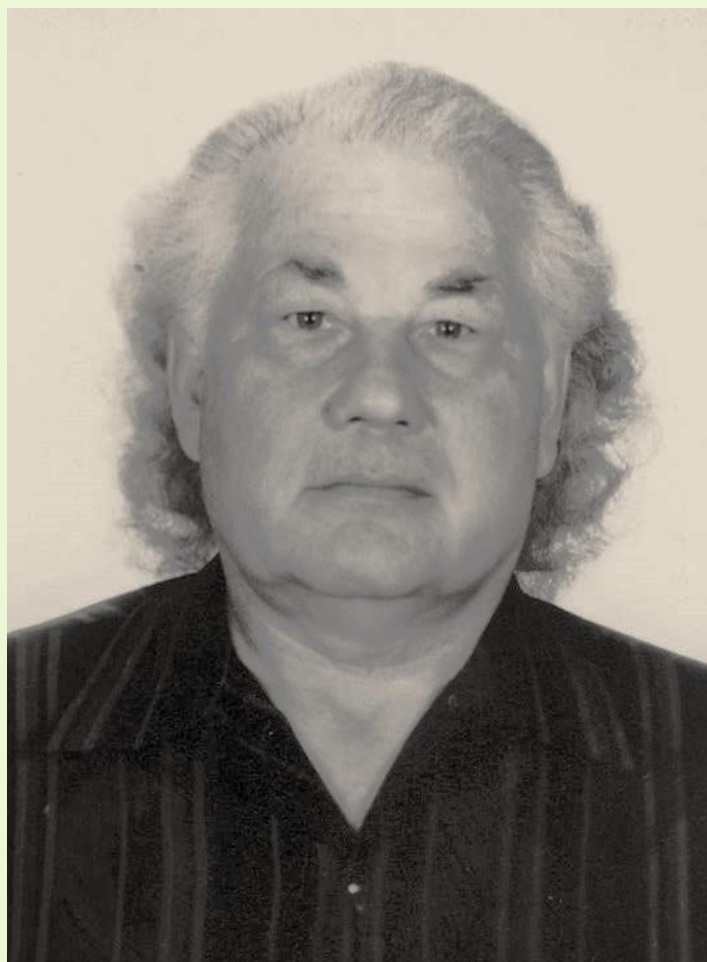
На южной окраине города живы санатории «Прокопьевский» и «Шахтёр», а также – знаменитое место отдыха прокопчан и гостей Зенковский парк – популярная среди горожан в летнее и зимнее время, реконструированная самая крупная в городе зона отдыха, где находится большой пруд. Зимой в парке множество лыжных маршрутов. Действуют спортивный комплекс «Снежинка», дворец спорта «Дельфин», стадион «Шахтёр» – одно из старейших сооружений Кузбасса.

Я горжусь своими знаменитыми земляками. У нас в Прокопьевске жили, учились и работали дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт Борис Валентинович Волинов, известный на весь СССР шахтёр, Герой Социалистического Труда Капитон Яковлевич Ворошилов. Отсюда вышли: Григорий Дрозд – боксёр-профессионал, чемпион Европы по версии EBU; чемпион мира по версии WBC. Сергей Кайдан-Дёшкин – композитор, автор музыки пионерского гимна «Взвейтесь кострами, синие ночи», в 1956-1959 годы работавший преподавателем в прокопьевской музыкальной школе; Алексей Эмильевич Конторович – российский учёный, специалист в области геологии и геохимии нефти и газа, в 1951 году окончил прокопьевскую школу № 1; Галина Алексеевна Кулакова – четырёхкратная олимпийская чемпионка, девятикратная чемпионка мира, обладательница Кубка мира, 39-кратная чемпионка СССР, окончила Прокопьевский техникум физической культуры.

Горжусь и многими-многими другими. Особенно теми, с кем когда-то вместе работал в родной газете «Шахтёрская правда», у кого учился профессиональному умозрению, кому многим обязан. Эта книга посвящена именно им – талантливым моим землякам – журналистам, поэтам и писателям, мастерам слова, талантливым чародеям шахматной Каиссы, сцены и киноэкрана.

Нечасто приходится приезжать теперь в родной город. Но всякий раз внимательно присматриваюсь к нему, к его переменам, к новым микрорайонам Тыргана, к людям. Вижу, как исчезают постепенно бараки и ветхие дома. Растут новые удобные и красивые жилые районы. И от всей души надеюсь на добрые перемены в судьбе моих земляков, в судьбе моего Прокопьевска...

Сергей Черемнов,
заслуженный работник культуры РФ

Михаил Анохин: «Не скорбен мой дух...»

В стихотворении «Мой крест» Михаил Анохин написал:

«Не скорбен мой дух
не в тумане.
Не камнем,
не сталью укрыт.
Подобно волне в океане
На встречу с землёю спешит»...

Но больше автор известен своими прозаическими произведениями, публицистическими статьями. В рецензии на книгу М. Анохина «Если в доме теряются ножницы» Василий Попок отмечает: «Дóлжно сказать, что Анохин не стилист в общепринятом смысле слова, не из школы Тургенева или Бунина, он не стремится отделать фразу, отшлифовать её до блеска. Он мыслитель. Если позволите сравнение с великими, то его духовная родня – Достоевский и Толстой. Иногда слово Анохина не поспевает за смыслом и возникает некоторое косноязычие. Впрочем, вполне извинительное в свете иных достоинств текста... Осмелюсь назвать Михаила Анохина стопроцентно состоявшимся прозаиком. Жаль, что книги такого уровня встречаются в кузбасской (да и российской) прозе не столь часто, как хочется». (В. Б. Попок, «Город Гремящих трамваев». «Книга

«Классика земли Кузнецкой»: в 3 томах. Т. 3. Книга вторая. Проза. Современная литература Кузбасса. – Кемерово. 2023. С. 37-43).

Известный кузбасский журналист, поэт, прозаик, публицист Михаил Петрович Анохин родился 29 сентября 1944 года в селе Калары Таштагольского района Кемеровской области.

С 1958 года жил в Бийске, откуда его призвали в ряды Советской армии. Служил в городе Хороль Приморского края, в войсках стратегической авиации (был командиром машины аэродромно-эксплуатационной роты).

После службы трудился в военизированной части командиром отделения пожарного расчёта. Познал много рабочих профессий в организациях города Бийска: был и автогрейдеристом, и рабочим в геологоразведочной партии, и грузчиком на Бийском мясокомбинате и в мебельном магазине, и слесарем по ремонту башенных кранов.

В 1971 году окончил в Бийске вечернюю общеобразовательную среднюю школу.

Тяга к писательству проснулась в нём достаточно рано. Поэтому сборник «Если в доме теряются ножницы» (2008) – не первая по счёту книга прокопьевского литератора. В самом начале были стихи: они вышли в Барнауле в 1970-х годах отдельной книжкой, которая называлась «Первая ступень».

Уже в 1976 году он участвовал в первых Шукшинских чтениях в Сростках. Михаил тогда проживал в Бийске, посещал местный городской литературный кружок. В те времена любая книга становилась событием в литературной жизни – стихи Анохина не стали исключением. В 1979 году он заочно окончил литературные курсы при Союзе писателей Алтайского края. И после этого ходил по оргнабору рабочим на судах тралового флота Камчатки по морям-океанам.

В 1984-м переехал на постоянное жительство в Прокопьевск, где трудился на городских стройках, являясь специалистом по дорожной и строительной технике в Прокопьевском домостроительном комбинате.

Михаил Петрович был человеком думающим и неравнодушным. У него всегда имелся самобытный взгляд на события, происходящие в жизни прокопчан, в жизни страны. Поэтому он не мог остаться в стороне от шахтёрских забастовок, которые вспыхнули в Кузбассе летом 1989 года. «Михаил Анохин – личность, больше известная Кузбассу не в качестве литератора, – подчёркивает В. Попок (там же). – В 1989-1990-х годах он был одним из вождей забастовочного движения шахтёров, потрясшего страну. Хотя и не шахтёр, по профессии он строитель. А если заглянуть глубже в биографию, то матрос тралового флота, геологический рабочий, да много чего перепробовал».

С 1990 по 1992 год – активного Анохина избирали депутатом Прокопьевского горсовета, в котором он был председателем комиссии по правам человека.

По итогам забастовочного движения горняков М. Анохин написал документальную повесть «Записки забастовщика», которую не удалось опубликовать. Анализируя ситуацию, автор подчёркивал, что главным содержанием тех забастовок стал бунт против засилья номенклатуры, за правду и справедливость. Однако энергия бунта

была перенаправлена в иное русло – свершилась «капиталистическая революция» с приватизацией собственности, обнулением вкладов в сберегательных кассах, либерализацией экономики, невыплатой зарплат и пенсий, дефолтом и галопирующей инфляцией, разделом страны.

Затем М. П. Анохин работал ведущим инженером НПО «Прокопьевскгидроуголь», заведовал информационно-аналитическим центром Прокопьевского теркома «Росуглепрофа».

После того, как рабочее движение «схлынуло», Михаил Петрович ушёл в журналистику, философию и литературу. В 1995-1999 годы работал заведующим информационно-аналитическим отделом газеты «Весь Прокопьевск». Время от времени выступал в периодической печати: в областной газете «Край», в литературном приложении областной газеты «Кузбасс» – «Круг чтения», в телепрограмме «Русское слово» на кабельном канале ТВ Прокопьевска.

Он углублённо занимается прозой. Произведения Михаила Анохина публиковались в журналах «Наш современник», «Звезда», «Нева», «Сибирские огни», «Алтай», «Огни над Бией», «Огни Кузбасса». Однако многие прозаические работы Анохина остались в рукописях.

О книге М. Анохина «Если в доме теряются ножницы» Василий Попок написал: «Рассказы Анохина многоплановы и сложно организованы. Написанное возможно понимать буквально, но не только. Подумаешь над прочитанным – обнаружишь подтекст. А поразмыслишь – возникнет новый, пожалуй, наиболее интересный смысловой этаж художественного произведения».

Замечу тематическое и жанровое разнообразие произведений, включённых в книгу. Тут и классический рассказ (можно, однако, назвать это маленькой повестью) «Билет в Фатерлянд», – упрощённо говоря, о современном Акакии Акакиевиче Башмачкине, тихонько существовавшем в одном из «присутственных мест» и потерпевшем в результате «четвёртой революции» карьерное и человеческое фиаско. «Свет в конце тоннеля», привидевшийся было ему, использовать не успел – человека подмяла под себя грубая жизнь.

Дальше – стилизация под «житийную» литературу. Вещь так и называется – «Житие странника»: о человеке, взыскующем святости, не то бродяге, не то бомже, которого активно отвергает власть, светская и духовная, и не вполне понимает даже ближайший соратник, практически ученик.

Блестящий абсурдистский рассказ, давший название книге, – «Если в доме теряются ножницы», его в двух словах не охарактеризуешь, следует читать. А бытовой детектив с фрейдистским анализом «Прокурорская сага»... В целом книга ощущается как работа зрелого мастера слова. И добавлю важное. Все рассказы созданы на живом, современном материале».

Во многом повести и рассказы Михаила Анохина – художественное сосредоточение надежд и разочарований бывшего советского человека, верившего в перестройку и последующие реформы для изменения жизни страны к лучшему.

Вместе с тем, повесть М. Анохина «Только память» стала лауреатом премии журнала «Огни Кузбасса» как лучшая проза 2005 года. А в декабре 2008-го автор

был рекомендован Кемеровской областной писательской организацией к вступлению в Союз писателей России. И с июня 2010 года он стал членом СПР.

Михаил Анохин – также лауреат журнала «Огни над Бией» 2013 года, победитель всекузбасского литературного конкурса «Энергия творчества» (2013). В мае 2014 года за книгу публицистики «Пережитое» (2009) М. Анохина удостоили специального диплома Берлинского фонда «Литературное наследие» в номинации «За художественное мастерство и высокую гражданскую позицию». Организатором Международного литературного конкурса «Лучшая книга 2014 года» стала Берлинская библиотека современной литературы при Берлинском литературном институте имени А. П. Чехова.

Надо отметить, что большинство произведений Анохина помечены конкретным, вполне узнаваемым адресом – это город Прокопьевск.

В числе книг М. П. Анохина и такие, как «Только память» (повести, 2012), «Сказки для взрослых» (2014), «Жажда немоты» (стихи 2011-2015 годов), «Мерцающая аритмия» (сборник рассказов, 2017). Есть и другие.

Михаил Петрович Анохин ушёл из жизни 31 марта 2022 года.

Михаил Анохин. «Мой крест»

Не скорбен мой дух,
не в тумане.
Не камнем,
не сталью укрыт.
Подобно волне в океане
навстречу с землёю спешит.
Спешит,
чтобы бренная пена
в зыбучих осела песках...
Чтоб вышла она
и взлетела,
парила в духовных мирах.
Где время над нею не властно,
Где чувства полны и остры...
Я верю, что жизнь не напрасно
Свои предлагала дары.
Что совести острые муки,
что разума ясный обман –
все эти метанья, науки –
мой крест,
что Тобою был дан...

Николай Бабарицкий: «Так появился снимок «Шахтёры уходят»

Коренной прокопчанин Николай Фёдорович Бабарицкий – настоящий профессионал своего дела и патриот родного города. В каких городах нашей страны он только не бывал, но везде с гордостью говорит о Прокопьевске, о шахтёрском Кузбасском крае. Его работы – это неповторимые фотокартины с изображением людей или пейзажей родных мест.

Он родился в этом городе в послевоенном 1950 году. Первые навыки изобразительного искусства получил в школьные годы, во время обучения в изостудии под руководством Веры Паршиной. Кроме того, тонкости и азы фотографии, в большей степени, нарабатывались во время службы в армии. Опыт профессионального мастерства он приобретал уже в Москве на факультете фото-видео искусства Государственного заочного народного университета искусств имени Н. К. Крупской.

Трудился на Прокопьевском заводе шахтной автоматики, где занимался внедрением робототехнических комплексов и станков. С 1965 года постоянно сотрудничал с редакцией городской газеты «Шахтёрская правда» – много лет был её внештатным корреспондентом, работал и в штате редакции.

Фотографии Николая Бабарицкого хорошо известны читателям «Шахтёрки». Они пронизаны мастерским умением автора увидеть красоту лиц героев снимков, в статике кадра передать динамику эмоций человека, увлечённого своим делом.

Многие его фотоснимки рассказывают о людях труда, о том, как живут и работают предприятия и учреждения города. В Прокопьевске, пожалуй, нет такого трудового коллектива, где не побывал бы этот вездесущий корреспондент. Работы Николая Фёдоровича всегда отличают высокая степень ответственности и большая доля творчества.

Своим творчеством Н. Ф. Бабарицкий внёс немалый вклад в развитие газеты и современного газетного дела – считают те, кому посчастливилось работать с ним в редакции. Вот что вспоминает бывший ответственный секретарь «Шахтёрской правды», ветеран журналистики Галина Александровна Щербакова:

– В середине 1980-х наша редакция оказалась «впереди планеты всей». Мы первыми в области, да, возможно, и раньше других регионов применили в оформлении модульную верстку. Её разработал бывший наш сотрудник, ответственный секретарь газеты «Кузбасс», заслуженный работник культуры РСФСР Юрий Дьяконов. «Шахтёрская правда» приобрела абсолютно новый дизайн. Она стала более современной, стильной, элегантной. Это началось при редакторе Сергее Черемнове. А следом – уже при редакторе Валерии Гужвенко – мы, можно сказать, совершили переворот в оформлении первой полосы. Вот как это было.

В последний день шахтёрской забастовки летом 1989 года наш фотокорреспондент Николай Бабарицкий сделал прекрасный снимок. Он запечатлел момент, когда шахтёры покидают площадь, которая несколько недель была для них местом круглосуточных жарких споров, дебатов и выступлений с трибуны. Подпись, щемящую душу, сделал сам Гужвенко: «Шахтёры уходят. Победа или поражение? Спасибо вам, родные, за стойкость, мужество, выдержку!» И тут же у редактора возникла сногшибательная мысль. Возбуждённый, с горящим взглядом, знакомым мне, когда его осеняла какая-нибудь безумная, но оригинальная идея, он врывается ко мне в кабинет и буквально с порога восклицает: «Галина Александровна, давай рискнем и поставим этот исторический снимок на всю первую полосу!»

И мы рискнули. И прославились среди коллег региональных и столичных газет. На семинарах в Москве, Кемерове нашу газету ставили в пример как лучшую по оформлению. Её называли своеобразной школой нового направления модульного дизайна. Кстати, фотоснимки Бабарицкого из «Шахтёрки» не раз перепечатывала иностранная пресса...

А вот как вспоминает те жаркие забастовочные дни сам Николай Фёдорович в публикации «Забастовка в судьбе газеты» (<https://vk.com/@249066880-zabastovka-v-sudbe-gazety>):

– Рано утром идёшь на работу и не знаешь, что будет происходить. Прежде чем снимать, я вникал в ситуацию, чтобы понять, что за ночь изменилось, беседовал с людьми и только потом доставал фотокамеру.

Но было опасно. Мне забастовочный комитет даже сопровождающего выдал. Для безопасности. Потому как люди были возбуждены, кто-то озлоблен. Кто-то из шахтёров вдруг начинал мнить себя начальником и пытаться указывать, что можно фотографировать, а что нельзя. Для пресечения таких выскочек мне и дали сопровождающего. Да и среди активистов забастовочного комитета единодушия не было. Часто не могли прийти к общему мнению, принять решение. Милиция вела себя очень спокойно, тактично и вежливо. Всё проходило мирно...

Власти к газете относились нейтрально. Не видели в нас угрозы. А мы заняли независимую позицию. Печатали о происходящем всё как есть. Пишущие работали на площади посменно. А меня заменить некому было. Отснял – быстрее в редакцию, проявил, отпечатал – и снова на площадь. Ведь каждую минуту происходили уникальные события. Было крайне необходимо, чтобы они попали в кадр, сохранились в истории.

Приезжали из Москвы виднейшие журналисты СССР. Все шли к нам в редакцию, расспрашивали о ситуации, просили снимки. Я со всеми делился. Никто ничего не платил. Как-то не думали мы в те времена о деньгах. Меня тогда поразил такой факт: я дал снимки журналисту из центральной газеты «Правда», а в этой «Правде» наврали. Мои снимки приставили к материалу о Донбассе. Или писали в других газетах откровенную неправду о событиях в Прокопьевске. А иллюстрировали моими снимками. Получается, я стал соучастником лжи. Было очень неприятно. Но были и исключения. Из латвийской газеты попросили у меня снимки. Тоже поделился. Потом думал, ну те-то точно всё исказят. Но я ошибся. Мне прислали из Риги газету и даже гонорар за снимки. Всю нашу редакцию удивило, что литовские коллеги не исказили информацию о событии.

Когда забастовка закончилась, Гужвенко мне сказал: нужен заключительный, последний снимок. Найди его, Коля! И я нашёл. Группа шахтёров уходит с площади и один из них, обернувшись, приподнимает каску, как прощальный жест. Так появился снимок «Шахтёры уходят»...

Этот кадр позже назовут «снимком-легендой». А Николай Бабарицкий, став всемирно известным, остался работать в родной редакции.

Николай Фёдорович был активным участником и призёром городских и областных фотовыставок. Например, к 30-летию «шахтёрских» событий летом 2019 года в Прокопьевском краеведческом музее проходила выставка «Жаркое лето 1989 года». Её составляли экспонаты из фонда музея. В их числе номера «Шахтёрской правды» тех дней и материалы фотокорреспондента газеты Николая Бабарицкого. Но однажды он удивил зрителей городской выставки изобразительного искусства, представив вниманию зрителей ещё одну грань своего творчества – живописные пастельные работы. В экспозиции Николая Фёдоровича было около 50 графических листов.

Особое внимание в живописи он уделяет небу. Сюжеты для своих картин прокопьевский автор черпает из поездок по Кузбассу, сплавляясь по рекам, поднимаясь в горы. Его работы объединяет одна общая черта, одна тема –

искренняя любовь к родному краю, неподдельное восхищение сдержанной, неброской красотой природы Кузбасской земли.

По общему мнению ценителей его творчества, его живописные работы тонко и правдиво отражают и душевный настрой человека.

Николай Фёдорович награждён медалью Министерства обороны России «За воинскую доблесть», удостоен областной медали «За служение Кузбассу». В 2013 году прокопчане присвоили ему звание лауреата городского конкурса «Человек года».

Владимир Баринов: «Если ты пошёл в газетчики, навсегда позабудь о покое»

Литработник прокопьевской районной газеты «Сталинский путь» Владимир Баринов к осени 1941-го был уже младшим лейтенантом – командиром пулемётного взвода. Немцы и финны рвутся к Кировской железной дороге, соединяющей Мурманск с Ленинградом. Мороз такой, что плюнешь – ледяшка падает. А взводу задание – провести разведку боем. Из самых неожиданных мест, прямо рядом, ударили вдруг по врагу станковые пулемёты. Началась яростная перестрелка. А в это время два стрелковых взвода рванулись по непростреливаемому коридору в расположение противника.

Минуты решили исход боя. Почти без потерь вернулась пехота в свои окопы, но с двумя языками, которых вот уже несколько суток до этого не могли добыть.

– Молодец, взводный, – говорили бывалые, стреляные разведчики.

А взводному, честно признаться, было страшно в бою. Ему шёл девятнадцатый...

Так описаны фронтовые события, в которых участвовал в годы Великой Отечественной войны прокопьевский журналист, редактор городской газеты «Шахтёрская правда» Владимир Лаврентьевич Баринов. («Шёл мальчишке в ту пору 19-й год», книга «Журналистика Кузбасса: строки истории», Кемерово, 2008)...

Владимир родился 16 мая 1922 года в красноярской глубинке – в деревне Мигна Идринского района Красноярского края в крестьянской семье. В 1938 году окончил 8 классов сельской школы и поступил на работу литературным сотрудником в редакцию радиовещания города Чулым Новосибирской области.

Затем с родителями переехал в Прокопьевск, где стал литсотрудником городской газеты.

В июле 1941 года добровольцем ушёл на войну. Окончив сначала пехотное училище в Новосибирске, в ноябре сорок первого в качестве командира пулемётного взвода прибыл на Карельский фронт. Здесь участвовал в боях. Был ранен. В 1943 году его перевели на 3-й Украинский фронт – командиром стрелковой роты 81-го стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии, затем он был помощником командира стрелкового батальона, командиром стрелкового батальона. При форсировании Днепра его тяжело ранило и вскоре его комиссовали.

Всего за годы войны он получил четыре лёгких ранения и одно тяжёлое, контузию. Но Судьба хранила его...

Вернувшись в Прокопьевск, Володя полностью посвятил себя журналистике. Трудился секретарём в многотиражной газете «Сталинец» шахты «Коксовая-1», затем стал редактором городского радиовещания. А вскоре перешёл заведующим отделом в редакцию городской газеты «Ударник Кузбасса» (так называлась в те годы «Шахтёрская правда»).

Часто на гражданке он вспоминал минувшие бои, иногда в минуты откровений рассказывал о фронтовых буднях.

...На Днепре капитану Баринову не повезло: его контузило у самого Ненасытецкого порога, где тайно готовилась переправа.

Четвёртая неделя в прифронтовом госпитале. И вдруг вызывают.

– Будешь командовать батальоном. Формируй сам. По госпиталям и лазаретам набралось 700 штыков. Задача ваша – переправиться через Днепр и «убедить» немцев, что именно вы наносите главный удар. А основная переправа будет километрах в четырёх выше по Днепру.

Комбат Баринов понимал, что идёт на верную смерть. Всего лишь триста бойцов из семисот достигли крутого правого берега. Почти на километр оттеснили немца. Противник не ожидал здесь удара. И начал подтягивать силы от Ненасытецкого порога, оттуда, где готовился главный удар. Пошла пехота. Батальон Баринова держался. Пошли танки. Батальон отбил и от них. И тогда немцы бросили авиацию. Два десятка бомбардировщиков – на две сотни израненных, но непобеждённых русских солдат. Это был ад крошечный.

– Держаться! – хрипло кричал из своего полуметрового окопчика Баринов. И тут в трёх-четырёх метрах от него ударила бомба. Солдаты бросились к окопу. Из-под груды развороченной земли торчала лишь рука комбата, как будто всё ещё зовущая вперёд.

Вспыхнула сигнальная ракета: пошли главным ударом наши основные силы. Но этого уже не видел и не слышал комбат. Лишь через полмесяца, придя в сознание,

узнал он о том, что выиграл сражение. Майору Баринову шёл тогда двадцать первый год...

С 1950-го по 1964-й Владимир Баринов трудился главным редактором газеты «Борьба за уголь» в городе Анжеро-Судженск, состоял там членом бюро горкома ВКП(б), неоднократно избирался депутатом городского Совета.

В свои 42 года Владимир Лаврентьевич возглавил одну из самых крупных городских газет Кузбасса – в 1964 году решением бюро Кемеровского обкома КПСС Баринова назначили редактором «Шахтёрской правды».

В коллективе редактора сразу полюбили, его авторитет в рядах прокопьевской прессы был непререкаем. При нём «Шахтёрка» стала интересной, содержательной, боевитой. Баринов многое сделал, чтобы земляки уважали свою газету, ждали каждого её выхода.

Во время его руководства в коллективе «Шахтёрки» царила атмосфера доброжелательности и отеческой заботы о начинающих журналистах. Не забывал Владимир Лаврентьевич и об организации труда журналистов. Добился строительства нового здания газеты. Благодаря его усилиям у сотрудников редакции появился свой дом, в стенах которого он растил талантливых репортёров, каким был и сам. Современное, светлое двухэтажное здание редакции «Шахтёрки» на улице Октябрьской, 11-а – его детище.

К сожалению, сейчас всё это в прошлом, здание у журналистов изъяли на другие нужды города. А было время, когда работники газеты гордились своим редакционным домом...

Владимир Лаврентьевич пользовался огромным уважением у нескольких поколений журналистов Кузбасса, особенно тепло он относился к молодёжи, воспитал целую плеяду известных журналистов. «Шахтёрская правда» стала настоящей кузницей кадров для средств массовой информации Кемеровской области и страны. В ней при Баринове в разные годы работали Юрий Дьяконов, Валерий Гужвенко, Алексей Равилов, Дмитрий Коробейников, Виктор Кладчихин, Александр Трутнев, Владимир Снегирёв, Григорий Шалакин.

Вот как вспоминала заведом газету Антонина Фоменко, которая 1971 году пришла в городскую газету, свою первую встречу с В. Л. Бариновым:

«В то время издание возглавлял редактор Владимир Лаврентьевич. Он посмотрел на меня внимательно и говорит: «Если ты пошёл в газетчики, навсегда позабудь о покое. Ты теперь за всё в ответе, за хорошее и за плохое». Это было его наставление...».

Именно он ввёл в редакции «чайную паузу», ставшую со временем традиционной. Весь редакционный коллектив собирался за чаем. Та же Фоменко рассказывала: «Чего стоит, например, бариновское изречение: «Когда человек пьёт чай, его даже змея не кусает», – во время чайных пауз обсуждали готовящийся номер, поздравляли именинников. Традиции, заложенные при Баринове, свято поддерживались в редакции долгие годы.

За 10 лет редактор сумел создать коллектив единомышленников. А в начале января 1973 года обком КПСС поручил ему организацию областного издательства «Кузбасс».

Гвардии майор запаса Владимир Лаврентьевич Баринов за образцовое руководство подразделением в трудной боевой обстановке и проявленное при этом мужество, доблесть и героизм был награждён боевой медалью «За отвагу», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1968 года В. Л. Баринovu было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Ушёл от нас Владимир Лаврентьевич 31 августа 1993 года. Похоронен в Ярославле, где провёл последние годы жизни.

В память об известном руководителе прокопьевских журналистов на бывшем здании редакции городской газеты 2 сентября 2015 года установлена мемориальная доска.

«О таких руководителях нельзя забывать», – эта фраза часто звучала на митинге по случаю открытия мемориальной доски легендарному человеку, Журналисту с большой буквы – Владимиру Лаврентьевичу Баринovu. Разносторонне развитый, принципиальный, с хорошим чувством юмора, добрый и справедливый – таким запомнили его ветераны газеты.

Иван Белоусов любил свою «Селяночку»

«Более десяти редакторов сменилось в газете, но самый длительный период возглавлять коллектив – почти четверть века – выпал на мою долю, – любил похвастать воспоминаниями бывший редактор газеты «Сельская новь» Прокопьевского района Иван Иванович Белоусов. – К сожалению, о первой половине жизни «Сельской нови» мало что известно. До 1960-х годов она, отражая веяние времени, прошла через ряд переименований: «Сталинский путь», «Колхозная жизнь», «Путь Ленина». Но подшивок с такими названиями в редакции не сохранилось...».

Белоусов хорошо знал историю своей газеты. Первым редактором «Сельской нови» был Александр Степанович Ромкин. В начале Великой Отечественной войны он ушёл на фронт и пропал без вести. О нём не раз в газете рассказывал его сын, бывший горняк, а потом председатель Зенковского райисполкома города Прокопьевска Владимир Александрович Ромкин.

Как сообщают известные документы, в 1940-50 годах редакторами газеты работали И. Ермолаев, Е. Куриленко, С. Герасин, П. Запорожченко, И. Червов, А. Ханов. К сожалению, мы не можем назвать полные имена некоторых редакторов... Светлая им память. «В конце 1960-х коллектив редакции возглавлял С. Е. Ротанов, которого я сменил на этом посту, – вспоминал Иван Иванович. – С Сергеем Егоровичем, добрым и отзывчивым человеком, мы оставались хорошими товарищами...».

Вообще-то в Сибирь Белоусов перебрался из европейской части страны. Он родился 2 января 1942 года на хуторе Дивногорье Воронежской области (недаром подписывал свои публикации псевдонимом Дивногорский). Семилетнюю школу и зооветеринарный техникум окончил там же. Его распределили на Алтай. Трудовой путь он начал зоотехником в отделении «Совет» совхоза «Семеновод» Бийского района Алтайского края. Первая запись в его трудовой книжке гласит: «29 августа 1961 года. Принят на должность зоотехника».

В этой должности Иван пробыл около пяти месяцев. Потом перешёл инструктором, вторым, затем и первым секретарём райкомов комсомола в различных районах Алтая. Заочно окончил экономический факультет Алтайского сельхозинститута.

А уже 21 ноября 1968 года И. И. Белоусова приняли литературным сотрудником Ельцовской районной газеты «Заря Востока». С этого времени его жизнь связана с журналистикой. Газетная карьера молодого и боевого репортёра вскоре привела к тому, что он стал заместителем редактора этого издания. А ещё через два года – в 1970-м – Иван переехал в Кемеровскую область. Здесь поработал в газетах: сначала – в Беловской районной, затем – в Гурьевской городской.

После этого бюро обкома КПСС выдвинуло его кандидатуру на пост редактора в Прокопьевский район. Он согласился. 14 января 1974 года Ивана Белоусова назначили редактором газеты «Сельская новь». Вот так он и оказался в Прокопьевске.

В статье «И агитатор, и организатор» («Сельская новь», октябрь 2009) он вспоминает: «Журналисты встретили меня несколько настороженно, по-видимому, так принимают каждого вновь назначенного, ранее неизвестного руководителя. Редакционный коллектив был работоспособный, костяк его составляли опытные сотрудники, молодым было у кого поучиться. А когда они убедились, что я в газетных делах не новичок, вся настороженность прошла.

На протяжении всей редакторской деятельности, особенно на первых порах, мне очень помогали хорошие теоретические знания сельскохозяйственного производства. С руководителями и специалистами сельхозпредприятий мог дискутировать, как говорится, на равных. А сотрудники редакции охотно консультировались со мной по вопросам полеводства, животноводства, экономики и полностью доверяли правку своих материалов, так как других «сельхозников» в редакции не было».

Главные темы публикуемых материалов касались вопросов социально-экономического развития района, повышения плодородности полей и продуктивности скота. Это подтверждают и постоянные рубрики газеты того времени: «С думой об урожае», «Животноводство», «Опыт передовиков – всем», «Гвардейцы пятилетки».

Редакция организовала «Клуб доярок – трёхтысячниц». В него зачисляли мастеров машинного доения коров, которые получали от каждой бурёнки не менее трёх тысяч килограммов молока. Редакции совместно со специалистами района проводила заседания клуба, где животноводы подводили итоги работы за минувший год и определяли задачи на предстоящий. В то время поощрялось соревнование между

районами области, прокопчане соревновались с беловчанами. «Сельская новь» отводила «разворот» на освещение соперничества между этими двумя территориями.

– В редакции мы проводили встречи «за круглым столом» с передовиками производства, – дополняет Белоусов, – ветеранами войны и труда, знатными людьми района, воинами-интернационалистами. Не забывала «районка» поднимать проблемы культуры, медицины, спорта, другие темы. Для школьников ежемесячно выходила страница «Пионерский меридиан», для молодёжи – «Шаги юности», для умельцев – «Страница рационализатора». Может, и не слишком мудрено, но очень познавательно, интересно для читателей.

В годы редакторства И. И. Белоусова газета и её сотрудники неоднократно становились победителями областных журналистских конкурсов на лучшее освещение социальных и экономических проблем. Особой гордостью редакции была победа во всесоюзном творческом состязании.

В кабинете редактора на видном месте висел вымпел Центрального Совета добровольного спортивного общества «Урожай» – за победу в конкурсе сельских газет Советского Союза на лучшее освещение вопросов здоровья, отдыха и физкультурного движения в сёлах Прокопьевского района. И заместитель редактора Николай Алексеевич Бобрышев, единственный из журналистов региона, был приглашён в Москву на Всесоюзное совещание победителей этого состязания. Здесь ему присвоили звание почётного члена ДСО «Урожай».

Иван Иванович пользовался в районе заслуженным авторитетом. На протяжении многих лет, наряду с обязанностями редактора, был членом бюро райкома партии, депутатом районного Совета, членом коллегии районной администрации.

Хотя и без проблем не обходилось.

«Сельская новь» регулярно публиковала критические материалы. Особой популярностью пользовался у читателей сатирический раздел «Запарник», в котором вскрывались различные непорядки, бесхозяйственность, бичевались прогульщики, пьяницы, прочие «герои ненашего времени». Не один год журналист Николай Бобрышев, который вёл данный раздел, становился дипломантом конкурса областной журналистской организации за свои материалы в «Запарнике».

При этом редакция стремилась добиваться действенности, принятия мер по критическим публикациям, обязательно публиковала ответы руководителей на критику, хотя давалось это нелегко. Критика – не мёд, не каждому нравится.

«Запомнился мне такой случай, – делится воспоминаниями Иван Иванович. – «Сельская новь» покритиковала руководство совхоза «Черкасовский» за бесхозяйственность на одной из ферм. Порядок здесь был сразу же наведён. Но редакцию об этом долго не извещали. Директор совхоза В. П. Кузьмин, опытный и грамотный руководитель, очень обиделся тогда на газету. И я решил встретиться с ним.

– Вениамин Петрович, вы же устранили недостатки, почему же не проинформировали читателей? – спросил его.

– Больше никаких связей с редакцией поддерживать не буду! – услышал в ответ.

Но я настоял на своём, предложил ему вместе написать ответ в газету, после некоторых раздумий он согласился. Вскоре после публикации ответа В. П. Кузьмин неожиданно появился у меня в кабинете и начал благодарить за помощь:

– Знаете, Иван Иванович, а ведь рабочим фермы понравилось, что я признал критику справедливой и объективной! Да и в райкоме отметили мою принципиальность...

Если же редакции не удавалось получить или «выбить» ответы на критические выступления, мы обращались за помощью в райком партии или райисполком и почти всегда находили там поддержку. В газете довольно часто появлялись материалы под рубрикой «После критики, «Меры приняты», «По следам наших выступлений».

Редакция ежемесячно получала сотни писем читателей. Работу с ними журналисты считали важнейшим участком своей деятельности. В «Сельской нови» постоянно выходила полоса «Письма наших читателей» или подборка «Из редакционной почты». Причём в ней всегда присутствовала рубрика «По следам неопубликованных писем», печатали обзоры редакционной корреспонденции.

Газета пользовалась популярностью. Об этом говорит и рост тиража. Если в начале 70-х годов тираж составлял пять тысяч экземпляров на весь район, то в конце 1979 года увеличился почти в два раза. Тогда редко какая семья не выписывала свою «Селяночку».

Белоусов всегда очень тепло отзывался о своих коллегах. А за четверть века работы редактором «Сельской нови» ему выпало потрудиться со многими людьми. «Помню почти всех, – подчёркивает он. – Пятнадцать лет, до выхода на пенсию, моим заместителем бы участник Великой Отечественной войны Николай Алексеевич Бобрышев, и я всегда мог на него положиться. Он писал просто и доходчиво для селян, причём старался преподнести читателям материалы по самым актуальным проблемам. Был хорошим организатором, по его инициативе постоянно проводили различные конкурсы среди читателей на лучшие материалы, слёты рабкоров. Коллектив газеты ходатайствовал о присвоении Н. А. Бобрышеву звания заслуженного работника культуры РСФСР. Он был удостоен его.

Почти четверть века отдала «районке» Галина Фёдоровна Анисимова. Корреспондент, заведующий отделом, ответственный секретарь, заместитель редактора, редактор – таков её трудовой путь в «Сельской нови». Она создала и вела в «Селяночке» поэтический клуб «Чистые родники». Он стал таким привлекательным и авторитетным, что стихи в него пытались протолкнуть многие поэты Прокопьевска и Киселёвска: «Но мы отдавали предпочтение своим авторам, селянам».

Более двадцати лет проработал в газете Виктор Ильич Ветров. Имея высшее театральное образование, он некоторое время трудился в разных театрах страны. А потому в вопросах культуры или искусства был незаменим: «Мы все учились у него».

Почти такой же трудовой стаж в «Сельской нови» у Евгении Михайловны Кулешовой. Имея специальное полиграфическое образование, она была прекрасным грамотным корректором, два года исполняла обязанности редактора.

«Лицо» газеты долгое время создавала ответственный секретарь Валентина Ивановна Шуева. Причём делала умело, на высоком профессиональном уровне. Она писала и заметки. Очень грамотно и старательно работала с письмами и жалобами читателей Татьяна Николаевна Заруднева. В учёте корреспонденции у неё всегда был порядок. И писать она тоже умела. Газетные страницы всегда украшали снимки фотокорреспондента Анатолия Васильевича Кравченко. Много лет отдали «районке» Фея Васильевна Симутова, Таисия Ильинична Квятковская, бухгалтер Валентина Фёдоровна Трусова, шофёр Виктор Егорович Уксин.

Стартовой площадкой стала «Сельская новь» для корреспондента «Комсомольской правды» Ларисы Красновой и корреспондента «Радио Кузбасса» Надежды Малашенковой (Масловой): «Пробу пера они начали в нашем коллективе».

В «Сельской нови» начинали корреспондент газеты «Кузбасс» Евгений Пестерев, фотокор этой же газеты Виктор Грызыхин, оператор Кемеровской студии телевидения Лев Удовиченко, член Союза писателей Иосиф Куралов.

При И. И. Белоусове было правило, чтобы в газете в обязательном порядке выступали руководители района, предприятий, организаций. Порой редакция заказывала им статьи на определённые темы. А десяткам рядовых тружеников, рабселькорам журналисты помогали подготовить материалы в газету...

В 1988 году Ива Белоусов перешёл работать в аппарат Прокопьевского райкома партии, передав редакторские дела Александру Сергеевичу Матвееву. Но у того не вышло долго удержаться в редакторском кресле. И потому Ивана Ивановича снова вернули в «Сельскую новь»

– Когда через пять лет – в апреле 1994-го – я снова возвратился в редакцию, то и страна уже стала другой, – вздыхает он. – И работать приходилось иначе. Это было непонятное, смутное время. Не стало СССР. Из развитого социализма люди «окунулись» в капитализм. На глазах разрушались совхозы, предприятия. Рабочие и служащие месяцами не получали зарплату.

Трудно было всем, в том числе и газетчикам. Основная проблема – нехватка средств. Не было денег на бумагу и типографские расходы. Из-за этого график выпуска газеты часто срывался:

– Теперь мы не знали, что ждёт коллектив завтра, а тем более в перспективе. Вместо трёх раз в неделю газета стала выходить два, а то и один раз. Тираж сократился в четыре раза – до двух тысяч экземпляров. Бывало, агитируешь селян за подписку на газету, а люди раздражённо отвечают:

– Нам хлеба не на что купить, а вы тут со своей газетой...

– В 1997 году, когда губернатором области стал А. Г. Тулеев, жизнь постепенно начала налаживаться, меняться к лучшему, что через некоторое время почувствовали и мы, – продолжает Белоусов. – Исчезли проблемы с бумагой, оплатой за типографские услуги, люди начали своевременно получать зарплату.

Вскоре в редакцию поступил компьютерный комплекс, и газета перешла на электронные набор и вёрстку. Много старания при внедрении новшества приложили Г. Ф. Анисимова и оператор Е. Ф. Харченко. Очень радовало, что тираж газеты начал расти, поступающая в редакцию корреспонденция становилась оптимистичнее.

Ну а в 2002 году я вышел на пенсию. Меня сменила Г. Ф. Анисимова. Но в «Сельской нови» я продолжал трудиться – замредактора, заведующим экономикой и политикой. Теперь уже писал материалы наравне с другими журналистами. Об этих моих материалах судить читателю. Из-под моего пера выходило немало критических публикаций – больно было смотреть, как разворачивается то, что создавалось годами. В результате у меня появилось немало недругов. Порой приходилось слышать:

– Мы тебя, писака, засудим, по судам набегашься.

После выхода критической статьи «Тень на совести» бывший руководитель совхоза «Севский» подал на Ивана Ивановича в суд: вроде бы журналист оговорил его, факты не подтверждаются. Тяжба длилась больше года. В том, что редакция выиграла дело, немалая заслуга рабочих и служащих этого совхоза. Около 30 жителей посёлков Севск и Кутоново выступили свидетелями в суде. И подтвердили, что «всё, изложенное в статье, – сущая правда, за что я им очень благодарен». А за статью «Стонет лес под топорами» Белоусов стал лауреатом Всероссийского журналистского конкурса «Золотой гонг-2002» в номинации «Результативность публикаций».

Кроме газеты у Ивана Белоусова были и душевные хобби. В свободную минуту или, когда взгрустнётся, доставал Иван Иванович с детства хранимый музыкальный инструмент – мандолину и от души играл на ней. Или погружался с головой в огородные заботы. Ведь на его садовом участке всегда был непчатый край работы, прежде всего, на опытной грядке, где любовно и со знанием дела лелеял и выращивал своими руками созданный сорт картофеля «Белоусовка».

5 октября 2017 года И. И. Белоусова не стало. Ему было 75 лет...

Более четверти века отдал И. И. Белоусов «Сельской нови». Его труд в газете неоднократно отмечался. Об этом свидетельствуют Диплом Союза журналистов России и Почётная грамота Министерства сельского хозяйства России, благодарственные письма Кемеровской областной администрации. А по итогам работы за 2004 год жители Прокопьевского района удостоили его почётного звания «Человек года». Но самой же дорогой наградой он считал медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени.

Владимир Берязев и его Ойкумена

– Я в детстве мечтал стать не поэтом, а великим шахматистом, – разоткровенничался известный новосибирский поэт, эссеист, переводчик Владимир Алексеевич Берязев в интервью к своему 60-летию, которое вышло в газете «Новая Сибирь». – Однажды – лет в 14 – уже будучи перворазрядником, даже сыграл партию в сеансе одновременной игры на одной из сорока двух досок с кем бы вы думали? – с чемпионом мира Михаилом Талем, он приезжал в мой родной Прокопьевск в начале 1970-х. Вообще, я думаю, что между шахматами и стихами много общего, особенно если брать в расчёт любимую мной эпическую поэзию.

– Ну а позже меня увлекли политэкономия, социология и прочие серьёзные вещи, – продолжает он рассказывать о себе. – Хотелось разобраться, как всё в жизни устроено, поэтому я, не набрав баллов на планово-экономический (Бог миловал), поступил на статистику в Новосибирский нархоз. Хотя я с детства считал себя не таким, как все. И не просто беспричинно, как все подростки, а в связи с тем, что у меня были странные отроческие видения-состояния...

– Как бы объяснить... – задумался он. – Ну, например, я обладал способностью к астральным полётам, которые с атеистическим пионерским и комсомольским мировоззрением никак не стыковались. Может быть, я бы и к поэзии никогда не пришёл, если бы не эти полёты на световых скоростях, видения и ощущение бескрайности Вселенной – бесконечности и конечности всего. Я ведь там

действительно путешествовал и видел всё это. И лет в 11 осознал, что смертен. И это было страшным потрясением! Но я к самым полётам тогда относился без тревоги (хотя никому не признавался в таких способностях). Да и к сочинительству, по чести сказать, долго был равнодушен. Хотя стихи легко запоминал уже с двух с половиной лет – и в больших объёмах...

Родители иногда возили маленького сына Володю по знакомым и, как это нередко бывает с молодыми папами и мамами, просили своё чадо что-нибудь продекламировать с табуретки – для изумления взрослой компании. Малыш, читающий наизусть сказки Пушкина и «Конька-Горбунка», конечно, радовал и восхищал зрелых людей.

Позже он стал и сам сочинять. Однако буквально до совершеннолетия не считал это серьёзным занятием: «Мне казалось, что так всякий может. Но однажды меня просто вышибла из колеи ода «Бог» Державина».

– Я тогда подумал: что-то тут не так! – припоминает он. – Что поэзия-то, может быть, штука на самом деле серьёзная. Поскольку и до Державина осознавал, что я песчинка посреди бесконечного пространства, которое с того мгновения я уяснил, как Творение. Как раз тут-то всё и совместилось: Гаврила Романович послужил чем-то вроде спускового крючка...

1.

Владимир Берязев родился 14 апреля 1959 года в шахтёрском городе Прокопьевске в семье рабочих. Жил в рабочем посёлке возле шахты имени Дзержинского.

«Я родился в горняцком городе на юге Сибири. Вырос на шахте – среди грохота металла, криков маневровых паровозов, среди шлака, пыли, угля, на берегу мёртвого ручья и у подножия террикона, подобного чёрной пирамиде, – рассказывает он о себе. – Иногда террикон был схож с вулканом, потому что изрыгал клубы ядовитого газа из похожих на фурункулы огненных жерл.

В нашей избе под терриконом всё было очень просто и по-деревенски, как на Алтае, откуда корни моей родовой. Дед мой из Каменки. Кстати, не случайно так же называется небольшой район в Прокопьевске.

Мы, подростки горняцкой окраины, не боялись ни шахты, ни террикона, ни взрывчатки, которая иногда попадалась в отвалах пустой породы. Мы купались в заполненных глинистой водой обвалах на месте обрушенных выработок. Мы устраивали взрывы на пустырях, иногда лишаясь конечностей или глаз. Мы плавил свинец и алюминий в багровых кратерах самовозгоревшихся угольных барханов и отливали кастеты, рукояти ножей, биты для игры в чик и зоску, а также грузила для рыбалки и дробь для самодельных пугачей-поджиг. Коробка спичек нам хватало для того, чтобы выстрелом картечи пробить миллиметровый стальной лист...».

Я, тоже родившийся и выросший в Прокопьевске, могу всецело подтвердить истинность этого чуть романтического описания детства – как и моего, и моих друзей-соседей. Наши родители, в основном, работали на добыче угля. Посёлок между шахтой «Чёрная гора» и городским садом был нам малой Родиной, где росли, изучали премудрости жизни и выживания, осваивали и школьные науки, и уличный политес.

Так что мальчик Володя рос вполне нормальной шахтёрской шпаной. «Лыжи, коньки, футбол, хоккей – всё это было, – уверяет Владимир Берязев. – На велосипедах за 15 километров от города в тайгу ездили, в кедрач, шишки бить. И самопалы-поджиги с пацанами делали, и капсюля взрывали. До сих пор на пальцах следы остались... Мы были хорошо вооружены и верили в счастье! А рядом была девственная дикая тайга, где мы, подобно индейцам на поджарых велосипедах, ощущали себя хозяевами.

Я серьёзно отношусь к тому, что сейчас модно стало называть «местами силы». Между местом, где ты родился, и твоей душой и судьбой всегда есть определённая тонко-невидимая связь. Из этого парадокса и возникла поэзия».

Учился наш герой в прокопьевской школе-восьмилетке № 46. Был активным учеником, не стеснялся общественно полезных дел: «Меня там очень активно привлекали ко всем мероприятиям. Как главный персонаж, был представлен на всех концертах и вечерах. Читал стихи, пел, был ведущим...».

В 1976-м Владимир окончил среднюю школу. И поехал в Новосибирск, где поступил в Институт народного хозяйства. Его специальность по диплому о первом высшем образовании, которое Берязев завершил в 1980 году, была более чем прозаической – статистик. «При этом, – вспоминает он, – будучи студентом, я посещал три самых крупных литературных объединения Новосибирска. Там познакомился, подружился с литературными критиками, настоящими поэтами». После окончания вуза, как принято в советские времена, молодой специалист получил направление на работу и пару лет трудился фининспектором в городе Барабинск Новосибирской области.

Познакомились же мы с Берязевым в редакции городской газеты «Шахтёрская правда», куда молодую чету Берязевых – Владимира и его жену Наталью – в 1983 принял на работу редактор Анатолий Иванович Поздеев. «В молодые лета на три года я возвращался (в Прокопьевск) уже с семьёй, с двумя малыми детьми – поработать в редакции газеты «Шахтёрская правда» и получить от родного города жильё (за что по гроб жизни буду Прокопьевскому горкому партии благодарен и признателен)».

Я же в это время только-только перешёл в собкоры областной газеты «Кузбасс». Но в своей родной «Шахтёрке» бывал часто. Здесь мы вели нескончаемые беседы о жизни, журналистике, политике и о многом другом.

К сожалению или к счастью, но прокопчанин Берязев за студенческие годы по-настоящему влюбился в столицу Западной Сибири – Новосибирск. И часто вслух мечтал о возвращении туда. Этот город манил его своей широтой и размахом, глубиной культуры, её сильными традициями. Столичный Новосибирск, по его мнению, чем-то подобен Петербургу: «Новосибирск в советские времена был славен, прежде всего, своим Академгородком, – размышлял он однажды об этой тяге к перемене мест. – За сто лет с пустого места он вырос до двух миллионов жителей. Всё как в сказке про Емелю: и мост, и город, и заводы, и консерватория с театрами, и наука, и искусство... А значит, он обладает подлинностью и полнотой жизни. Растёт и развивается какими-то чудовищными темпами, я это наблюдаю уже лет тридцать, поскольку родом из Кузбасса, приезжий, как и большая часть

новосибирцев. В этом городе заключена огромная энергия, он подобен и трансконтинентальному экспрессу, и стреле Аполлона, он, подобно хищному зверю, – и жесток и прекрасен».

В 1986 году ему нашлось место в многотиражной газете «Рабочая трибуна» Новосибирского приборостроительного завода. Параллельно Владимир освоил специализацию радиожурналиста и около семи лет – с 1993-го по 1999-й годы – был автором и ведущим радиопрограммы «Слуховое окно» на облрадио в Новосибирске.

«Всю свою уже немалую жизнь, за исключением короткого (менее двух лет) эпизода фининспекторства в Барабинской степи, я, так или иначе, был связан со словом – печатным или эфирным (радийным), – пишет Владимир Алексеевич в своём интернет-блоге. – В общей сложности в новосибирском Доме радио я отработал почти 10 лет. Начинал в молодёжной редакции, а потом почти семь лет вёл литературную программу «Слуховое окно» – была такая еженедельная 20-минутка».

Как бы подводя итог своей журналистской деятельности, он – не в обиду коллегам – с определённой колкостью высказался об этой профессии так: «Журналисты – особая порода людей – своеобразный подотряд в биологическом виде «человека разумного». Они обладают крайней степенью внушаемости...». Если учитывать более язвительные высказывания других литераторов о работе СМИ, думаю, Владимиру Берязеву можно простить его иронию. Тем более что так же самокритично он оценивает и свой десятилетний труд, связанный с этим ремеслом...

Новосибирск – главный центр сибирской культуры. Могу сказать это со всей определённой, ведь и мне посчастливилось несколько лет учиться здесь. К достоинствам Новосибирска надо отнести и способность замечать талантливых людей. Несмотря на свои огромные пространства, город умеет ценить тех, кто отмечен каким-либо даром.

В 1990 году Берязев стал директором издательства «Мангазея». Кстати, к этому времени он заочно окончил литературный институт имени А. М. Горького: «Литинститут дал многое, был уникальный преподавательский состав и творческая тусовка со всего Советского Союза. Всё это и сформировало вкус, умение видеть ценное...».

Новое издательство «Мангазея» было образовано в 1990 году в Новосибирске как акционерное общество при поддержке Союза писателей России и Новосибирского отделения издательства «Детская литература». В те годы Новосибирск становится книгоиздательской столицей современной Сибири. Здесь к началу нового тысячелетия функционировало уже более 90 различных издательств. Конкуренция огромная! При этом «Мангазея» считалась самым коммерческим издательством России и одним из немногих за Уралом, которое пытается работать в сегменте массового спроса, издавая карманные книжки – небольшого формата в мягкой обложке, которые с лёгкостью уместятся в кармане любителя чтения в поездке, на отдыхе. В годы директорства Владимира Алексеевича «Мангазея» превращается в

издательство, широко известное не только в своём регионе, но и в центре страны. Ориентированное на выпуск массовой литературы, издательство работало также успешно по совместным проектам с издательством «Детская литература. Сибирское отделение». Наиболее популярные серии «Мангазеи» – детективы, женская проза, сентиментальный роман.

Семь лет директорствовал здесь Владимир Берязев. За время работы в издательстве стал составителем литературного альманаха – одноимённого с издательским названием. Здесь же параллельно занимался и поэтическим творчеством. В 1989 году его приняли в Союз писателей СССР.

За время руководства «Мангазеей» он близко сходитя со многими коллегами – членами СП, занимает активную позицию по вопросам строительства организации и работы творческого писательского сообщества. Не стеснясь, спорит с известными членами СП, отстаивая свою точку зрения. Его авторитет год от года растёт, его часто привлекают в экспертные группы. Его редакторский рейтинг тоже высок.

Учитывая всё это, члены местной организации СП России в 1997 году избрали Берязева председателем правления Новосибирской писательской организации, он стал секретарём Союза писателей России.

Таким образом, он ступил на ещё одну – очень непростую – стезю. Писательский народ, независимо от региона, в общении очень непрост, часто – обидчив, нередко – инертен, требует определённого подхода, лавирования между интересами разных писательских групп... Всё это надо было учесть Владимиру Алексеевичу в председательской деятельности. Была ещё и куча других проблем. Поэтому и избрание на этот пост, и работа в новом качестве – всё было не так просто, как кажется теперь, спустя годы, со стороны.

Надо обязательно отметить, что до Берязева новосибирскую писательскую организацию возглавлял человек, про которого говорят: человек-легенда, – Александр Иванович Плитченко. Он был старожилом местного правления СП: с конца семидесятых годов входил едва не в каждый его состав. Его литературный, издательский и гражданский авторитет были высоки. Именно Плитченко в своё время открыл для Новосибирска и России много молодых литературных имён. Именно он создавал и выпускал новые литературные издания – журналы, альманахи, поэтические сборники, – такие, как «Гнездо поэтов», «Горница», «Мечта», «Проза Сибири», «Дарование». Владимир Берязев всегда подчёркивал особое уважительное отношение к этому удивительному новосибирцу, считая его своим учителем и другом.

В начале 90-х, по признанию А. И. Плитченко, «организация писателей в Новосибирске была на грани исчезновения». Более того, у организации отобрали помещение. Старое, на улице Каменской, напротив Центрального рынка, городские власти отдали Дому детского творчества, новое, на углу улиц Орджоникидзе и Мичурина, оттяпал один из новоявленных банков – тоже, говорят, не без участия городских чиновников.

С приходом А. И. Плитченко к руководству областного СП за это помещение развернулась настоящая битва. На кону была тысяча квадратных метров – весь огромный первый этаж, специально для Новосибирской писательской организации спроектированный и Литфондом оплаченный, в самом центре города. Отвоевать удалось всего несколько комнат, которые сейчас и занимает Новосибирское отделение Союза писателей России. На годы работы Берязева в СП пришлось «окончание» этой «войны».

– Если говорить чисто о моей секретарской писательской деятельности, – рассказывает Берязев, – то она была весьма непродолжительной и случилась вскоре после того, как скоропостижно умер мой учитель и друг Александр Иванович Плитченко, знаменитый новосибирский поэт и общественный деятель. Это случилось 8 ноября 1997 года. А немного погодя люди из окружения Плитченко предложили мне, 38-летнему молодому и деятельному человеку, заняться делами Союза писателей, который находился тогда в очень сложном положении. Начиная с самого «писательского» помещения, из-за проблем с которым, похоже, у Александра Ивановича и случился инфаркт. В конце концов, 176 квадратных метров в собственность писательская организация получила...

Другой серьёзной проблемой была приостановка издания старейшего сибирского литературного журнала «Сибирские огни» – это случилось из-за нехватки средств. Издание почти на целый год исчезло из поля зрения читателей и писателей. Ценой немалых организаторских усилий Берязеву удалось вернуть «Сибогни» в информационное пространство:

– С помощью коллег со всей Сибири и, в частности, моего товарища Валерия Николаевича Казакова, который тогда был представителем Президента России по Красноярску, в 1999 году мы провели III Съезд писателей Сибири. (Первые два сибирских съезда проводились ещё в середине 1920-х). Именно там мы в условиях «разрухи» и договорились о возрождении «Сибогней», которые не выходили уже год. Повезло, что тогда были ещё такие живые организации, как «Сибирское соглашение», администрация СФО, так что всё нам удалось...

Словом, дел было невпроворот. Организационная работа в областной писательской организации, собрания и совещания, приём новых членов СП, чтение и разбор многочисленных рукописей. Ещё он взял на себя редакторство в «Сибирских огнях». К началу нового тысячелетия всё это навалилось на председателя новосибирской СП так, что он слёг в больницу:

– Зимой 2000-го я, честно сказать, совсем измотался, да и здоровье подвело: отказала почка, и я оказался в больнице, где перенёс тяжёлую операцию и был действительно между жизнью и смертью. Ну, а пока меня откачивали, мои друзья-товарищи провели собрание и освободили меня от должности председателя правления писательского Союза...

2.

И всё же Владимир остался директором и редактором «Сибирских огней», и секретарём правления Союза писателей России. Говорят, что именно это помогло провести в Новосибирске IV Съезд сибирских писателей в ноябре 2002 года. Съезд

собрал 58 делегатов из 12 регионов. Для эффективности руководства писателями была создана Ассоциация писателей Сибири (АПС) – как инструмент консолидации и конкретный механизм сотрудничества с властью и обществом. Координаторами АПС стали В. А. Берязев и В. Н. Казаков.

«Сибогнями» Берязев руководил по 2013-й год: был и директором, и главным редактором журнала. Для одного из старейших литературных журналов России это был благотворный период. Во-первых, удалось основательно и серьёзно выстроить авторскую политику издания. Ведь каждому журналу необходимо иметь своё лицо, как-то отличаться от остальных изданий. Исключительной особенностью «Сибирских огней», по мнению Берязева, был уникальный подбор авторов. И, прежде всего, поэтов: «Недаром... мы зачастую пересекаемся на этом поле с «Новым миром», а зачастую – сначала публикуем мы, потом – они. В публицистике это уникальные материалы по истории Сибири. В прозе? Это отдельный большой разговор. Но из последних публикаций это, несомненно, роман Валерия Казакова «Тень гоблина» («Сибирские огни», №№ 2 и 3 за 2008 год).

Во-вторых, решился самый главный вопрос существования журнала. Его содержание включили в ежегодную статью расходов областного бюджета Новосибирской области. «Сибирские огни» стал единственным «толстым» журналом Сибири, который выходил с периодичностью раз в месяц. Интерес авторов к журналу вырос многократно: в месяц редакция стала получать порядка 300-400 рукописей...

Кроме традиционного бумажного варианта журнал стал доступен читателю в электронном виде – в интернет-портале «Журнальный зал». («ЖЗ» – это литературный интернет-проект, который начал работать в 1996 году, представляющий деятельность ряда русских «толстых» литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом). Появился у «Сибогней» и свой сайт: www.sibogni.ru, который действует с 2001 года.

– Общее посещение «Сибирских огней» в «ЖЗ» и на сайте нашего журнала ежемесячно переваливает за 40 тысяч читателей, – подводил Владимир Берязев итоги этой работы в одном из интервью. – Если на www.sibogni.ru заходят около 5 тысяч наших постоянных читателей каждый месяц посмотреть наш свежий номер, то в ЖЗ открывают нашу страницу около полутора тысяч ежедневно. Это очень даже неплохой результат. Бумажный тираж у нас всего-навсего 1500 экземпляров. Это – библиотеки и редкие подписчики. А в интернете нас читают. Но надо признать – читают больше за рубежами России, в русском и русскоязычном мире: в Германии, Франции, Америке, Англии, Израиле и ближнем зарубежье. Благодаря онлайну журнал стал за эти годы любимым и авторитетным во всём русскоязычном мире. К нам стали приходить рукописи из Австралии, Индонезии, Бразилии, а это дорогого стоит... Интернет, онлайн – это современный способ сохранить такое уникальное культурное явление, как толстый литературный журнал, – уверен издатель Берязев. – Мы – всероссийский журнал. И всегда «Сибогни» были таковым со дня основания в марте 1922 года. ...И двумя самыми тиражными журналами противоположного направления – «Новым миром» и «Молодой гвардией» – долгие годы руководили

выходцы из «Сибирских огней» – Сергей Залыгин и Анатолий Иванов, – подчёркивает редактор Берязев.

На вопрос о том, как ему, по существу, поэту, удаётся успешно возглавлять столь разнообразно формируемое издание? – он ни много ни мало вспоминает имена таких поэтов-издателей журналов, как Жуковский, Тютчев, Некрасов, Гумилёв, Заболоцкий, Твардовский...

Залогом успешной работы «Сибирских огней» В. А. Берязев считает команду друзей-единомышленников: «Талантливых людей в Новосибирске и в Сибири, уверяю, хватает. Посмотрите нашу редколлегию... Потом, всё это зиждется на традиционном уважении к журналу, ведь такое издание обладает огромной инерцией, мы не вправе поступать вопреки эстетике и художественному мировоззрению П. Васильева, Л. Мартынова, С. Маркова, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина и многих других, печатавших свои произведения на страницах «Сибирских огней».

По существу, Владимир Берязев отдал журналу около полутора десятков лет своей жизни. Работал бы ещё, но, всё проходит... В декабре 2013 года по решению администрации области главный редактор литературного журнала «Сибирские огни» Владимир Берязев вынужден был уйти в отставку.

Как сообщили в обл администрации, смена руководителя издания, финансировавшегося из бюджета, «связана исключительно с финансово-хозяйственной деятельностью». Министерство региональной политики так прокомментировало своё решение информационному агентству Тайга.инфо: «Увольнение главного редактора журнала «Сибирские огни» Владимира Берязева связано с невыполнением госзадания по объёмам тиража».

Владимир Алексеевич с доводами чиновников не согласился...

Сегодня, когда прошло достаточное количество лет после скандальной истории этого увольнения, можно с уверенностью сказать одно – то, что написано сегодня на сайте «Сибирских огней» в разделе «О журнале»: «Творческая судьба многих деятелей российской литературы была прочно связана с «Сибирскими огнями», – относится и к известному поэту, многолетнему редактору этого журнала Владимиру Берязеву.

И его почитатели, и просто понимающие люди уверены, когда лет этак через «...дцать» будут говорить о «берязевском» периоде в истории журнала (как сегодня говорят о «зазубринском», «кожевниковском», «смердовском», «никульковском» или «карпунинском»), то непременно найдутся как сторонники, так и оппоненты его нынешней идеологии.

Одни скажут, что при руководстве Берязева была заметно приподнята планка издания, и журнал был поставлен вровень с другими российскими «толстыми» журналами. Другие, напротив, найдут, что, публикуя произведения не только авторов из Сибири, но и писателей со всей России и зарубежья, журнал тем самым ущемлял интересы «своих».

При В. А. Берязеве редакция журнала провозглашала художественность как основное кредо. И при отборе материалов отдавала предпочтение сибирской

литературе. При этом «Сибирские огни», – всегда подчёркивал Владимир Алексеевич, – издание всероссийское, поскольку едва мы станем провинциальным, как тут же превратимся в издание для графоманов. Планета сегодня стала очень компактной, коммуникативные и технические средства усовершенствовались до такой степени, что замыкаться даже в сибирском мире – величайший грех. И если есть возможность общаться и делиться тем, что достигнуто в России, на Украине, в Казахстане и дальнем зарубежье, если там есть крупные писатели, которые стремятся публиковаться в «Сибирских огнях», то почему мы должны этому препятствовать? Напротив, надо самые мощные, самые могучие силы сюда привлекать. Для современного журнала, я считаю, это абсолютно нормальная модель, она позволяет сохранять коренную традицию «толстого» русского журнала и в то же время считаться с требованиями времени...».

После увольнения он ещё оставался секретарём правления Союза писателей России. Но, прежде всего, он был и есть известный поэт, автор многочисленных стихов, поэм, книг.

3.

Юрий Михайлович Кублановский российский поэт, эссеист, публицист, критик, искусствовед, около десяти лет проведший в эмиграции и в 1990 году вернувшийся в Россию, так написал о поэзии Владимира Берязева:

«Писать стихи в посттоталитарной России... занятие неблагодарное. Не чувствуешь отклика, ощущение, что все заняты «другими делами», что несмотря на литературный девятый вал, нет в современной литературе (а шире – культуре, жизни) чистоты, прозрачности, искреннего культурного аристократизма. Всё замутнено мировоззренческой невнятицей и словесной необязательностью. Да и спонтанности тоже не хватает – поэзия в целом выглядит как с усилием выжатая из тюбика паста. На это накладывается и общий кризис поэзии в «мировом сообществе»: настоящее искусство вымывается из технотронной цивилизации...

И всё-таки не писать – нельзя: когда есть вдохновение, дуновение, веяние (любимое слово Аполлона Григорьева), дар Божий. Им наделён – и вполне щедро – Владимир Берязев. Стихийность... Берязева выверена поэтическим мастерством, в его поэзии много жизни. Пожалуй, я сравнил бы её с лирическим миром покойного Евгения Блажиевского: пафос и лиризм находятся здесь в непринуждённой стихийной спайке. Это поэзия свежая, незакаменевшая, незабронзовевшая в самолюбовании и самозначительности. Правда, иногда её энергетика переходит в «нахрап», но, слава Богу, намного чаще хороший вкус не изменяет поэту.

Как Россия прирастает Сибирью, так и поэзия её центра прирастает сибирскими литературными самородками, в той или иной степени отшлифованными культурой. Кислород поэтического мира Берязева – ей в помощь.

3 декабря 2007 г.,
Париж».

Писать стихи, по признанию самого героя нашей публикации, он начал в юности: «Ода Гавриила Державина «Бог», которую я считаю отправной точкой для

большинства русских поэтов, в том числе и для Пушкина, меня поразила и вдохновила на дерзость поэтическую...».

Впервые стихи Владимира Берязева были опубликованы в журнале «Сибирские огни» № 8 за 1982 год. Первая его поэтическая книга «Окоём» увидела свет в Новосибирске в 1986 году. Как говорит сам поэт, она-то и послужила главной причиной его возвращения из Прокопьевска в столицу Сибири: так как профинансировать издание могли только жителю Новосибирска. И он сменил место жительства.

Я уже отмечал, что Владимир Алексеевич признаётся: большую роль в его судьбе сыграл издатель А. И. Плитченко, который брал на особую заметку и по-учительски опекал и поддерживал молодые новосибирские таланты. Владимир Ярцев в статье «Мой Плитченко» («Сибирские огни» № 11, 2017) подтверждает это:

«Именно равнодушие я бы назвал главной чертой характера Александра Ивановича... Для него было естественным поддержать того, кто находился рядом, или того, кто ранее с ним знаком не был, но в его помощи нуждался. Это, если хотите, было его образом жизни. Может быть, не самой яркой, но весьма показательной иллюстрацией к этому утверждению является история выпущенного в 1989 году коллективного сборника «Гнездо поэтов». Не погружаясь в детали, скажу, что каким-то образом близкий к Плитченко, пользующийся его покровительством молодой поэт Владимир Берязев вышел на участников городского литобъединения конца 60-х – начала 70-х годов. Все они писали стихи (в их числе и автор этих строк), но до того времени отметились лишь единичными публикациями в периодике. Их имена были неизвестны ни читающей аудитории, ни тем более – писательскому сообществу...

Александр Иванович, который был в ту пору главным редактором Новосибирского книжного издательства, ознакомился с творчеством некоторых из нас, возникла идея издания «Гнезда». Другой бы не стал возиться с этой совершенно непонятной публикой, к тому же ещё и в возрасте, однако Плитченко разглядел в каждом что-то неординарное и принял решение объединить безвестных поэтов в общей книжке под одним переплётом. Забегая вперед, замечу, что впоследствии практически у каждого из «птенцов» «Гнезда» вышли персональные сборники стихов, и первые из них – в Сибирском отделении издательства «Детская литература».

Затем новые книги Берязева стали выходить с завидной регулярностью. В Новосибирске вышли: «Золотой Кол» (1989), «Могила Великого Скифа» (1996), «Посланец» (1997). Затем были – книга поэм «Тобук» (2003, Улан-Удэ, издательский дом «Буряад-Унэн»), «Кочевник» (2004, издательство Иркутска). «Золотоносная мгла» (2008) и «Ангел расстояния» (2009) – обе вышли в Москве. И это далеко не весь перечень книг Владимира Алексеевича.

В издательстве «Сова» (Новосибирск) в 2008 напечатан его трёхтомник под общим названием «Моя ойкумена» – том лирической прозы «Сумасбродные мысли о выборе веры», эссеистики и публицистики; том избранных стихов и том лирических и тюрко-монгольских исторических поэм («Девиш», «Свистульки», «Поле Пелагеи», «Знамя Чингиса», «Тобук», а также роман в стихах «Могота»).

Наряду с историческими поэмами, такими как «Тэмуджин-Чингисхан», «Гуннская легенда», В. Берязев создаёт и поэмы о современности, среди которых «Баллада о молодом генерале», «Псковский десант» и другие.

Поэт публикуется во многих журналах, альманахах и антологиях России: «Новый мир», «Наш современник», «Москва», «Северная Аврора», «Урал», «Сибирские огни», «Алтай», «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «Сибирь», «Рубеж», «День и ночь», «Сибирская горница» и других.

Также его широко печатают за рубежом: «Зарубежные записки», «Крещатик» (Германия); «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 2004); «Немига», (Минск, 2004 и 2005); «Дикое поле» (Украина, 2005). В журнале «Аманат» (Казахстан) он – постоянный автор с 2001 года, здесь опубликовано несколько его поэм и роман в стихах. Стихи Владимира Берязева входят в школьную хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX-го века» (Издательство «Внеклассное чтение», 2011).

Литературный критик Виталий Науменко в рецензии на книгу Владимира Берязева «Ангел расстояния» пишет (в журнале «Интерпоэзия», № 1, 2010): «С засилием поэзии абстрактной мы начали постепенно терять поэзию повествовательную. В этом смысле Берязев, часто рассказывающий истории, любящий в большей степени глагол, чем прилагательное, – скорее исключение. Это попытка поговорить о быте вроде бы просто, непретенциозно, но взятый ракурс таков, что, узнавая реалии, мы видим их уже по-другому, уходит «обыкновенность». Берязев всегда хочет наговориться, выговориться, не боясь наглядности. С первой строфы.

За дощатой, просящей пощады,
За подпёртой с обеих сторон
Древоколем, за старой оградой
Мы сидим на крыльце впятером.
У соседа скулит кобелишко,
На решётке шипит барбекю,
И на пару Саврасов и Шишкин
Опрокинули по коньяку...

Вот эти-то Саврасов и Шишкин, «опрокинувшие по коньяку», сразу дают новое освещение намеренно приземлённой картинке.

Эпика, разумеется, не противоречит лирике. Из размеренного прибоя эпики лирика и родилась. Эпический поэт лишь иначе расставляет акценты. Берязев как будто делает глубокий вдох – и выдох становится периодом стиха, который невозможно остановить, как и я, например, не могу здесь прервать цитату – просто негде.

...Но, погоди, не загадывай,
Не торопи, не шути!
В звёздной дали мириадовой,
Там, далеко впереди –
Где-то за мартовским маревом,
То ль на трамвайном кольце,
То ли на солнце миндалевом,

На воробьином крыльце
Встретимся, ангел полуденный,
Встретимся, милая, мы!..
Флейтою, зябкою лютнею,
Как из бродяжьей сумы...

Красивости – оттого, что вот так поймано настроение и с такой силой хочется его передать. Это своего рода есенинская нота, когда не ощущение подбирается к словам, а слова – к ощущению. Слова могут быть неточными, но если они работают на ощущение, если они органичны, значит, они те самые...».

Берязевскую поэму «Люди льда» называют поразительной. Она повествует об изгнанных из рая Адамовых детях, застывших перед роковыми дверями на границе мира. Ценители отмечают, что в поэме показана непроницаемость некой отвлечённой границы, отделяющей падшего человека от Эдемского сада. Граница – понятие не только культурное, но и пространственное. Приближаясь к окраине времён и к окраине Ойкумены, человек наталкивается на границу человеческого, за которым начинается не хаос, а Бог:

Только Спаситель, только лишь Он один
Ад одолел, возгласивши: «Аллах един!»
Только Спаситель, слышите, только Он
Пасхою сделал обморок похорон.

Вот ещё яркое мнение на не менее яркую книгу «Золотоносная мгла» (издательство «Водолей-Паблишер», Москва, 2008), высказанное Алексеем Ивантером – поэтом, редактором, журналистом, лауреатом национальной литературной премии «Поэт года» и Пушкинской премии:

«Потомок пастухов – я чую кожей этот родной запах зимних овец и пота усталых кобылиц. Мы кочуем под одними звёздами, дышим тем же пряным ветром, и свист одной степной пурги горячит нам кровь. Когда есть название – можно издавать книгу. Золотоносная мгла. Золотоносное название. Но могло бы быть иное. Книга даёт такую возможность.

Каждая десятая строка могла бы быть вынесена на обложку – язык Берязева концентрирован и закручен, как травяная алтайская настойка, как тетива лука кочевника.

Он весь – за Уралом. С цепким глазом хищной птицы, доброй рукой пастуха, это его земля – а мы... мы просто его табунщики. И шутки его – шутки чингизида, кровь проступает на клинке этой улыбки...».

4.

Специалисты отмечают, что его поэзия пронизана кочевым духом и овеена ветром странствий. Каждая новая выпущенная поэтом книга – новое путешествие. На Восток или на Запад, в века минувшие – к миражам умерших городов и образам ушедших воинов или во времена нынешние. В своих бесконечных странствиях поэт «в восторге непереводаемом» вдыхает запахи алтайских костров, возносит гимны звёздному своду, слушает птичье камлание и ведёт разговоры у очага с «аксакалом нелюдимым»...

И хотя в его стихах есть и парижские улочки, и лондонские сады, и московские кафе, стихия Азии с её стоянками и юртами поэту всё же ближе и роднее. Древней историей северной Азии – от Тибета до Казахстана и Сибири – и исследованием эпосов населяющих её народов поэт увлечён давно. Это пристрастие стало неотъемлемой частью и его жизненной философии, и его поэзии.

Друзья, шутя, обвиняют Берязева в «тюркизации» действительности, а новосибирские художники с удовольствием изображают его то в образе древнего воина, то шамана, то восточного вельможи.

– Когда мне «шьют» пантюркизм и говорят: «Берязев, ты – азиат, татарин, тюрок!» – я не спорю, – откровенничает он в интервью газете «Вечерний Новосибирск» (№ от 5 июля 2009). – Я отвечаю: да, мы полтора тысячелетия, может быть, и больше, кочуем туда-сюда, кочуем по этому пространству, называемому Дешт-и-Кыпчак (исторический регион Евразии, представляющий собой Великую Степь от низовий Дуная до Иртыша и озера Балхаш). Да, мы кочевники, хотя и земледельческого толка. Господи, так получается, что мы зачастую не знаем и не помним, где похоронены наши предки...

Так называемые «евразийские поэмы» занимают в его творчестве особое большое место. Евразийская цивилизация, всегда подчёркивает поэт, это особый культурный феномен. Её возраст насчитывает несколько тысячелетий. Она имеет очень глубокие корни, оказала самое большое влияние на формирование русской культуры, в том числе поэтической. Более того, многообразие языков, культур, традиций евразийских народов вообще обогатило духовную культуру людей всей планеты.

Евразийские поэмы Владимира Берязева написаны на материале многочисленных мифов, поэм, баллад, которые зародились на большом пространстве: от Алтая – Байкала – до Каспия. «Они все невидимо живы в культурном поле, – подчёркивает автор, – их смысл нам близок и понятен. И я рассказываю о них в евразийских поэмах. Например, в поэме «Знамя Чингиза» подробно, на основании исторических источников, рассказываю, как мальчик Темучин стал Чингисханом. Я даже побывал на том месте, где стояла юрта, в которой родился Чингис...».

В «Знамени...» поэт стремится создать идеальный образ собирателя народов, властителя Великой Державы, усмирителя ссор и раздоров, установителя Закона. Текст этого произведения насыщен историческими данными и малознакомыми широкому читателю именами и названиями, поэму движет желание рассказать историю великого завоевателя и, что важнее, – создать поэтический образ, за который не жалко умереть.

Сквозь время Чингисхана явственно прочитывается боль автора за судьбу России «эпохи великой криминальной революции», по выражению Юрия Кублановского, эпохи распада национального самосознания. В глубине веков поэт ищет объединяющую идею...

В поэме «Мать Чингисхана» «Я» поэта отступает на второй план, но сама история наполняется другим, не менее волнующим смыслом. В нём появляется настоящая боль и драма матери, родившей того, кто принесёт в этот мир смерть:

И мать ли виновна в жестоком
Порядке на долгой земле,
Где демоны борются с Богом
И – чья-то печать на челе...

Удивительные легенды стали материалом и для создания поэмы «Ганлин». Так, по легенде 1927 года, бурятский религиозный деятель, один из выдающихся буддийских подвижников Даши-Доржо принял позу лотоса и ушёл в нирвану. Саркофаг, в который было помещено его тело, открыли спустя тридцать лет – он всё так же сидел в той же позе. И это была не мумия, а нетленное тело. Позже его тело перенесли в Иволгинский дацан (село Верхняя Иволга, Республика Бурятия) и поместили в стеклянный саркофаг.

– Я был в тех местах под Улан-Удэ и там, в дацане, узнал и о флейте-ганлин, – рассказывает Владимир Берязев. – Она изготавливается из берцовой кости невинной девушки, погибшей от несчастного случая. Тело должно истлеть, прежде чем мастер возьмёт кость. На этой флейте играют только по особым случаям. Меня легенда поразила до глубины души. На первый взгляд, нам может показаться это дикостью – из кости человека делать музыкальный инструмент. Но в этом есть особый смысл. На Востоке ведь к праху относились именно как к праху. Тело человека просто предавали огню. Эта флейта из кости юной девы продолжает петь для живых. История о Даши-Доржо и обычай изготовления флейты-ганлин стали материалом для создания поэмы «Ганлин», в которой перекликаются эти события, истории, в том числе с современностью, с трагедией 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, с давним противостоянием Востока и Запада...

Его роман в стихах «Могота» потрясает своей широтой лирико-эпического пространства, которое охвачено в произведении. Сочинение создавалось автором на протяжении семи лет: в период с 1996-го по 2003-й годы.

В основе повествования Берязева критики усматривают средневековую «Повесть о Петре и Февронии Муромских», точнее, первую её часть, рассказывающую о беде, случившейся в семье князя Павла, к жене которого летает змей и, принимая образ мужа, учиняет над ней насилие. В тексте Берязева нет Февронии, а легенда перенесена в наши дни. Главный герой романа художник Павел своим творчеством, питаемым «мором страсти», даёт возможность воплотиться в жизнь дьявольскому наваждению, жертвой которого становится жена художника – Анна.

«Художественный центр романа – не рассказ о злоключениях главных героев и изгнании демона, а взволнованное, яркое, страшное лирическое повествование об осквернении души и тела, о блуждании души в кругах «ирреального» ада, растворении её в морозе сладострастия и стыда», – отмечается в одной из критических публикаций о произведении.

Когда «Сибирские огни» начали печатать крупными кусками новое произведение Владимира Берязева «Могота», заявленное автором как «Роман о любви», скептически настроенные товарищи по цеху, не скрывали своих сомнений относительно того, что далеко задуманная вещь (первые главы появились в 1998 году) будет когда-либо вообще закончена. Слишком редок этот жанр – роман в

стихах – в русской, да и во всей мировой литературе. Примеры успешного освоения поэтами столь сложной формы повествования буквально наперечёт.

Вот что пишет о сюжетной линии берязевского произведения кандидат филологических наук Владимир Яранцев («Сибирские огни», № 8, 2004):

«У Владимира Берязева возник замысел романа о любви. Точнее, о той обители духовной истины, где врачуют увечных и заблудших, даруют цельность раздвоенным, и которая станет началом общерусского возрождения и единения России.

Таким образом, с самого начала стихотворное произведение В. Берязева было обречено на метафизику и мистику, чьи герои, полные грехов и скверны, проходят очищение в сфере высшей духовности, в идеальном, Божественном пространстве. Этим местом и стала заповедная Могота в трёх стадиях своего развития: сначала она – Ад («могоча» по-татарски – «яма», «гиблое место») для сосланных в период репрессий, затем, со строительством монастыря во главе с владыкой Иоанном это – Чистилище, место осознания каждым своей греховности, и оно же (так как в Православии нет такого понятия) – Рай, вернее его прообраз для тех, кто готов его узреть.

Так же троичны и триипостасны и герои романа: Павел, его брат Михаил и Анна, жена Павла. Поначалу они тоже ссыльные, правда, собственной совести, как тоже повинные в разгуле бесовщины в стране. Во второй ипостаси – это медленно прозревающие люди, мучительно сбрасывающие прежние оболочки художника-авангардиста, ветерана кровавой войны и романтически настроенной провинциальной девушки. И, наконец, ипостась третья: любовью осенённые и одухотворённые и ею же обращённые в апостолов Любви. Но любви разной: мужской, антично-эротичной, взирающей на небесное сквозь телесное, и любви братской, платонической, переходящей в православно-монашескую и возвеличивающей Анну в Пресвятую Деву».

Роман вызвал неоднозначное к себе отношение. Его публикация вызвала немало споров о смысле и содержании повествования. Автора неоднократно обвиняли и в смысловых, и в фактических ошибках, в незнании жизни и неумении до конца разобраться в сложной фактуристике, мешающей расставить все нужные точки над «і». Вот, например, мнение прозаика В. В. Дворцова («Сибирские огни», там же):

«По прочтении романа практически у всех опрошенных осталось тяжёлое, удручающее состояние, как бы в промежуток между двумя болезненными снами. Словно нужно ещё раз заснуть и досмотреть, допереживать кошмар, иначе он не останется «там», в прошедшей, душащей ночи, а потянется в день. Отравленность. Эта тяжесть, цинковая кислота послевкусия «Моготы» от невозможности пережить через финал катарсис...».

Вместе с тем, «Моготу» критики называют уникальным для современной поэзии трудом Владимира Берязева, известного русского поэта конца XX и начала XXI века. Так, литературовед В. Н. Яранцев отмечает:

«...Любовь – это Могота... Любовь вездесуща: и на поле боя, и среди бомжей и «рерихнувшихся», и даже у дьявола, завидующего Творцу... Автор немало

постарался, чтобы проторить свой путь к читателю: негодовал и восторгался, поучал и грешил, думал вслух и наудачу, не стесняясь наивностей или общих мест, но всегда нараспашку, честно. И всегда слово «любовь» у него выступало не только существительным (что значит, «сущим, насущным»), но и глаголом и прилагательным, то есть активным, сильным, теряющим смысл и ни к чему не годным и неприложимым без живых людей. Ну а сам В. Берязев сказал бы проще: могота и есть любовь, как монастырь среди тайги, повенчавший и примиривший человека и природу, «как знак века, преддверие иного духовного опыта» (из эссе «Хождение в обитель отца Иоанна»). А ещё короче и точнее: любовь – это Сибирь. Сибирь, как, может быть, последний приют любви и надежды, бога и человечества. И конечно, поэта, который сочинил роман, так и не вместившийся в рамки романа: эссе в начале книги и «драматическое произведение» в конце её – знак бесконечности романа-триптиха о Сибири, новой колыбели любви».

Сам же автор так сказал о своём произведении:

– Роман в стихах «Могота», с которым я провозился лет семь с половиной, издал тиражом 44 экземпляра – по числу моих тогдашних годов. Зачем я его сочинял столько времени и для кого – до сих пор не знаю. Но недавно полистал и убедился: чёрт возьми, ведь хорошо написано, оказывается! А главное – передана, запечатлена картина и атмосфера целой эпохи – периода 1990-х. Но могу признаться, что иногда большие объёмы сочинять бывает очень мучительно, особенно когда это связано с трагедией, геополитической катастрофой, случившейся с твоей Родиной.

5.

Поэт выраженного эпического начала и космогонического мироощущения, – снова и снова пишут о нём исследователи его произведений. Мысль о равновеликости мощи природы и человеческого духа стала в творчестве В. Берязева краеугольной. В. Берязев тяготеет к монументальным символам и метафорам, позволяющим ему постичь «тайную смежность почвы с небом» и выразить, как «рождается таинственная связь души с необозримым».

Он мастерски владеет и малыми формами лирического стиха, однако именно в самых объёмных повествовательных полотнах Берязев предстаёт как лирик по преимуществу, автор необыкновенно сгущённого, насыщенного чисто поэтическими смыслами текста.

Восторг мастера перед словесной глиной, могущей превратиться в упругий стих, кочевая энергия путешествия по всему дольному миру, бесконечная тяга к дразнящей Азии с её легендами и преданиями, искусство дружества и опеки... Подобные живописные обороты выплывают из воображения, когда думаешь о стихах Владимира Берязева.

«Берязев – поэт-реалист, проводник между прошлым и настоящим, поводырь, ведущий читателя по опасным нехоженным тропам инокультурного пространства, – довершает образ поэта кандидат филологических наук, литературовед Е. А. Иванова. – ...Работа поэта – созидание нового художественного образа иной России, лирическое постижение её невообразимого пространства – духовного,

исторического, географического. Кажется, что Берязев в своём творчестве ищет пресловутый «третий путь», но находит нечто большее – уверенность в неисчерпанности культурного потенциала России, незаконченности её исторического пути, возможности будущего».

Надо подчеркнуть, что его поэтический дар, как говорится, замечен. Его талант, его стихи, поэмы, книги отмечены многочисленными творческими, профессиональными наградами. Их за десятилетия публичной творческой деятельности собралось уже так много, что есть вероятность пропустить какую-либо. И всё же попытаемся сгруппировать их и выстроить основные из них в хронологическом порядке.

По итогам 2002 года В. Берязев – лауреат первой премии конкурса межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» «Сибирь – территория надежд» в номинации «Публицистика». В 2007 награждён премией журнала «Аманат» и медалью Международного клуба Абая (Казахстан) за роман в стихах «Могота», поэмы «Тобук», «Сухой колодец», «Белый старец», переводы и эссеистику.

В 2008 году в Ханты-Мансийске В. Берязев был признан лучшим поэтом Урала и Сибири по итогам регионального конкурса. В 2009 награждён медалью и премией имени Константина Симонова за поэму «Псковский десант». В 2010 году получил медаль и премию «Белуха» (Алтай), а также специальный приз международной премии Максимилиана Волошина за книгу «Ангел расстояния» (Крым).

В январе 2013 года получил «Серебряного Дельвига» – премию «Литературной газеты» имени Антона Дельвига в номинации «Поэзия» за издание антологии «Поэты «Сибирских огней», век XXI», за верность классической традиции русской поэзии и творческое развитие евразийских идей.

...Однажды, обидевшись чуть ли не на весь белый свет за непонимание, неоправданные «наезды» от недругов, да и от некоторых бывших друзей, решив уйти от «мира», уединиться, он в сердцах сказал: «Я лучше буду сидеть у себя в имении Абрашино, выращивать овощи, собирать грибы и воспитывать внучку...».

Но жить полным отшельником не умеет. Владимир Алексеевич и сегодня активно занят творчеством, пишет стихи, публицистические заметки, которые публикует не только в своих аккаунтах соцсетей, но и на интернет-порталах известных журналов, газет.

В 2021 году вышла его обновлённая книга – теперь уже пятитомник «Моя ойкумена», куда вошла лирика, поэмы, эссе, избранная переписка, интервью о сути литературной творческой деятельности. И много чего ещё.

Он постоянно откликается на все заметные события, касающиеся не только творческого Новосибирска, но и Союза писателей России, и самой страны в целом. Одна из таких острых критических его статей «Корни плебейства» обнаружилась на интернет-портале «Литературной России» (№ 2022/35, 16.09.2022):

«...В силу того, что мой дом-усадьба в Абрашино располагается на расстоянии 130 км от Новосибирска, большую часть пути за рулём я могу слушать лишь «Радио России», остальные каналы в FM-диапазоне не простираются далее 30 км от

мегаполиса. Посему именно из этого всероссийского источника информации я и познакомился с явлением, именуемым «Поэзия русской весны»...

Идея возвращения поэзии в публичное поле сама по себе не вызывает ни сомнения, ни протеста. Однако возникает несколько «но», не придёт ли на место попрыгушки и развлекаловки, на место убожества шоу и юмора ниже пояса, не придёт ли самодеятельность, гопота, самоуверенное и амбиционное невежество? Как минимум, те, кто сегодня пишут на актуальные, горячие, кровавые темы, те, кто в гуще событий и эмоционально переживают исторический слом, они должны знать ремесло, быть профессионалами, они обязаны работать в рамках традиции. А традиция эта имеет протяжённость не менее двух веков.

И вот я слушаю главное радио страны... Кого нам представляют в качестве новой поэтической волны, когорты пришедших с передовой, несущих в поэтическом слове боль, надежду, гражданское мужество и дух победный, хранимый в сердцах?..

А нижеприведённый текст, транслировавшийся на 150-миллионную аудиторию всероссийского радио, я не могу, не могу интерпретировать иначе как самодеятельность сельскую, клубную. Скажу мягче: эмоция понятна, ситуация на грани жизни и смерти не может не вызывать сочувствие, но вспоминается классический афоризм: «Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет»... Вы поймите, поэзия – не место выяснения отношения с несправедливым миром, поэзия есть попытка примирения с миром через связь с небесами. Поэтому, когда я читаю подобное, я вспоминаю Николая Тихонова с его «Мы разучились нищим подавать» и начинаю шарить по карманам, Господи, прости...».

Он делает детальный разбор стихов авторов этой радиопередачи. Это серьёзный, может быть, даже злой, но очень полезный профессиональный анализ стихотворства молодых, во многом только начинающих, но Владимир Берязев искренен в своём желании доказать, что писать плохие стихи лучше не надо, а публиковать их на всю страну – тем более...

Он многому может научить молодых и начинающих. И для этого – и не только для этого, конечно, – он пытается организовать новую радиопередачу «Сибирская муза». В конце 2017 года на своей интернет-странице в Живом Журнале (livejournal.com) он сообщает:

«Областное радио готово предоставить мне студию и эфир, но оплачивать мою работу, увы, неспособно. Помимо еженедельных радиопередач в FM-диапазоне на всю территорию Новосибирской области, аудио архив «Сибирской Музы» будет выкладываться и на отдельном сайте в свободном доступе. Обсудив эту идею с друзьями,.. мы решили – почему бы не попробовать?! Достаточно набрать стартовый капитал для пилотных выпусков программы, а там – Бог даст...».

О чём он намеревается говорить со слушателями? Вот некоторые из предложенных тем: «Тобольский гений. Пётр Павлович Ершов...»; «Поэзия декабристов-ссыльных...»; «Традиция поэзии ссыльно-каторжан...»; «Харбинская поэтическая школа. «Чураевка» – одно из значительных явлений литературной жизни русского Харбина»; «Поэты советской эпохи»...

Ведь сам Берязев и сегодня не стесняется учиться секретам поэтического мастерства, обращаясь к текстам самых признанных Учителей: «Я читаю Евангелие. Пушкина, опять-таки, да его любимца Гоголя. С огромным интересом перечитываю того же Михаила Юрьевича Лермонтова, чья фигура так до сих пор и не разгадана. Я считаю, что ничего подобного в мировой поэзии не было явлено и уже вряд ли будет. ...Я почти представляю себе живого Пушкина, особенно когда читаю гениальные воспоминания Гоголя. Но вот голоса его не могу себе представить. Это для меня опять остается тайной...».

Владимир Берязев часто размышляет о том, какое будущее ждёт нас, живущих на огромном евразийском пространстве. Он уверен, если мы сможем сохранить нашу духовность, веру, имея в виду «веру в самом широком смысле, думаю, что Господь будет на нашей стороне и мы сохраним нашу землю. Без этой земли не будет того, что называют живой душой. Человек, особенно в России, не может в полной мере жить без связи со своим Отечеством. Будучи до конца преданным своей земле, человек становится её защитником, настоящим воином, а в награду получает способности Творца»...

Когда-то давно он написал стихотворенье «Тоска по призраку». Им и хочу завершить этот неполный рассказ о поэте:

Всё больше нас – надменных и сухих,
Свободных и безапелляционных,
Размерявших на блюдцах порционных
Любовь и смысл,
Страдание и стих.
Всё в пользу, всё рассчитано, всё в срок:
Когда войти, о чём распространяться.
Диета – символ веры сыроядца.
Разумность – долголетия залог.
Но не бессмертья...
Боже упаси,
От сытости и самосозерцанья.
...Рябит в глазах от звёздного мерцанья.
И оглашая космос бубенцами,
Из топота и храпа вырастая,
Косматый призрак мчится по Руси.

Николай Бобрышев: «Журналистика – тоже страсть»

Стать журналистом Николаю Алексеевичу Бобрышеву, как ни странно это звучит, помогла война. Дело было так. В 1944 году его призвали в Красную Армию. Пока учился в снайперской школе младших командиров, советские войска взяли Берлин. Но война не закончилась. Новоиспечённых бойцов отправили в Приморский край на границу с Манчжурией. Там и принял Николай боевое крещение.

О жестоком бое за сопку Двугорбую, о подвиге однополчанина Яши Жлудова написал балладу. Без особой надежды отослал в армейскую газету. А стихи опубликовали!

– И тут я как начал писать! – улыбается Николай Алексеевич, рассказывая эту историю своим прокопьевским коллегам Ирине Смирновой и Галине Игнатовой, которые пришли поздравить ветерана с Днём советской печати 5 мая («Полезный недогляд», книга «Овеянные славой дороги в сорок пятый», Кемерово, 2010. С. 183-184). – В армейскую, дивизионную, краевую газеты. Журналистика – тоже страсть. Один раз напечатали, тянет вновь и вновь видеть свои творения опубликованными. Писал стихи в «Солдатскую правду», дивизионная американская газета тоже напечатала мою «Балладу о солдате».

Впрочем, биография у Николая Алексеевича мало чем отличалась от судеб его сверстников. Он родился 20 октября 1927 года в селе Новохмелёвка Кытмановского района Алтайского края. В 1938 году его отец Алексей Семёнович и мать Анна Кузьминична с детьми Колей, Марусей и Настей переезжают на жительство в совхоз «Сталинец» Новокузнецкого района. После окончания восьмого класса Николай пошёл работать в полеводческую бригаду – помощником комбайнёра, сменив ушедшего на фронт отца.

– Время было тяжёлое. – вспоминает наш герой. – Отца недавно забрали на фронт. Не голодали, но хлеба всегда не хватало. Как-то собирались обедать. Мама нарезала хлеб на всех (нас, детей, трое было) маленькими кусочками и отошла к печке. И тут в открытое окно влетел в комнату петух. Да не один, с курами! Он, как галантный кавалер, позвал подружек на пир. Мигом нашу пайку склевали! Я об этом случае написал в «Пионерскую правду» и получил ответ, мол, много нам пишут, но хуже этого ещё не читывали. Другой бы обиделся. А я решил: надо учиться писать. В газеты, правда, больше ничего не посылал, в школьной редколлегии мастерство оттачивал.

А потом Николай и сам оказался на фронте. В начале 1945-го служил в 5-й гвардейской танковой армии, сражавшейся с фашистскими оккупантами в Прибалтике. Потом участвовал в войне с милитаристской Японией в Маньчжурии. Затем проходил службу в артиллерийской части топографическим разведчиком в Приморском крае.

Демобилизовавшись в апреле 1951 года, приехал в Прокопьевск. Работал секретарём комитета ВЛКСМ в городском горнопромышленном училище № 1, заместителем председателя промартеля «3-я пятилетка», инструктором горкома ДОСААФ, товароведом на хладокомбинате и молзаводе.

При этом, где бы ни трудился Николай Алексеевич, он постоянно публиковался в областных газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», прокопьевской городской газете «Ударник Кузбасса» (ныне «Шахтёрская правда»). Часто подписывал свои заметки литературным псевдонимом Н. Хмелевский:

– Когда трудился в училище, опять потянуло к сочинительству. У нас было хорошо организовано социалистическое соревнование. Дай, думаю, напишу в городскую газету. Две ночи корпел. Принёс в редакцию, встретили ласково: «Всё отлично. Опубликуем непременно. Пишите ещё». Окрылённый, каждый день бежал искать свежую газету. Наконец, через неделю увидел... крохотную статейку – всё, что оставили от моего достаточно обширного опуса!

Однако Бобрышев не унывал. Продолжал писать в газету и вскоре стал постоянным внештатником в «Шахтёрской правде». В 1965-м ему предложили попробовать себя в роли корреспондента газеты «Сельская новь» Прокопьевского района, не раздумывая, он согласился:

– Редактор Андрей Петрович Ханов дал мне тему: написать о доярке. Девушка попалась разговорчивая, хорошенькая, материал получился душевный. «Умеешь с девчатами разговаривать!» – оценил редактор и взял меня в штат.

Так что его официальный журналистский стаж начался в 1965 году, а неофициальный – в 1944-м. 22 года он работал в «Сельской нови», из которых 18 был заместителем редактора. В 1971 году Николая Алексеевича приняли в Союз журналистов СССР. Его любимыми газетными жанрами стали юмореска, фельетон, сатирические стихи. Подборка его сатирических стихотворений вышла в коллективном сборнике под названием «Смехом – по огрехам» (Сатирические стихи и эпиграммы. – Кемерово: Книжное издательство, 1965).

Много лет Н. А. Бобрышев вёл в газете пользующийся особой популярностью у читателей сатирический раздел «Запарник», в котором вскрывалась бесхозяйственность, бичевались прогульщики, пьяницы. Не один раз журналист становился дипломантом конкурса областной журналистской организации за свои материалы в «Запарнике».

Работая в районной газете, сотрудничал и с другими изданиями. Его очерки печатали в таких газетах как «Знамя Сибири», «Советский патриот», «Знамя труда», «Шахтёрский край». Даже в казахстанской газете «Ленин жолы» выходила его заметка о долгожительнице из совхоза «Плодопитомник» А. П. Черновой.

За более чем двадцатилетнюю его журналистскую деятельность бывало немало интересных случаев, даже курьёзов. Об одном из них Николай Александрович любил вспоминать:

– Дали мне однажды письмо. Жители Верх-Егозы жаловались, что половодьем снесло мост. Речушка, конечно, мелкая, воробью по колено. Но всё равно перебираться через неё неудобно, особенно женщинам. Им в болотных сапогах на работу ходить несподручно. Как положено, письмо проверил, обработал, отдал редактору. А когда напечатали, выяснилось, что не указал название деревни. Тут, конечно, шум-гам поднялся. Редактор мне выговор влепил за недогляд, хотя сам-то письмо тоже читал. Но должен же быть виноватый! А спустя некоторое время пришёл в редакцию ответ из сельсовета: «Мост отремонтировали. Спасибо за критику». Следом ещё одна официальная бумага из... другой деревни, из Бурлаков. Текст примерно тот же: «Мост отремонтирован. Спасибо за конструктивную критику». И ещё... Из-за моей оплошности пять мостов в порядок привели!

За сражения в Маньчжурии Н. А. Бобрышев награждён медалью «За победу над Японией» и благодарственным письмом И. В. Сталина за активное участие в разгроме Квантунской армии. О боях напоминает и орден Отечественной войны II степени.

А за плодотворную деятельность в печати он был удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1983), награждён медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени. Есть в его копилке и первая премия в областном конкурсе рассказов о тружениках села, также он – четырежды лауреат в областных конкурсах Союза журналистов «Лучший материал года».

Николай Алексеевич умер в 2017-м, 19 сентября.

Пётр Бугаев: «Пусть остаётся. Среди живых»

В своём очерке «По ту сторону взгляда», посвящённом памяти юргинской писательницы Екатерины Владимировны Дубро, он написал: «...Моя записная книжка за долгие годы истрепалась до крайности – не поймёшь, где, что, кто, номера телефонов выцвели. Недавно я купил новую книжку, в кожаном переплёте. Взялся переписывать фамилии и телефонные номера, а заодно провёл ревизию прошлого – вычистил всё ненужное, ушедшее, потерявшее необходимость. Вот телефон Дубро Е. В... Вычеркнуть? Нет! Пусть остаётся. Среди живых».

Этот материал известного кузбасского журналиста Петра Бугаева опубликовал областной журнал «Огни Кузбасса» в февральском номере 2013 года, в канун пятилетия ухода писательницы из жизни.

Образно и «сочно», как умеет настоящий профессионал пера, Пётр Михайлович рассказывает читателю о том, как «...завязалась... непростая дружба – со взаимным любопытством, со взаимным притяжением, но и с бесконечными спорами, даже ссорами», прикованной к постели писательницы и молодого юргинского журналиста. «Самый вредный читатель», – так она меня называла, – вспоминает он. – Почему «самый вредный»? Я помогал Кате готовить к изданию первые книги, многое читал в рукописи...». Однако же недаром свою первую книгу «Вернусь звездопадом» Екатерина Дубро подарила ему, сопроводив ехидно-шутливой дарственной надписью: «Самому вредному читателю».

Принимала его помощь... Как-то двадцатичетырёхлетняя Катя в своём дневнике оставила своего рода... завещание: «...Вещей у меня ценных нет, но всё же – кому что?» И далее: «Во-первых, книги...» Шло перечисление, кому и какие книги отдать. Потом – магнитофон, ковёр, кресла...

И такая строчка: «Пишущую машинку – Пете Бугаеву».

«Это признание, открывшееся только теперь, очень дорого для меня, – признаётся помогавший жить-выживать смертельно больному таланту Пётр Михайлович. – Ведь пишущая машинка на протяжении всей её жизни, лимит которой, очерченный медициной, Екатерина Дубро, благодаря природной воле, неземному упорству, превзошла вдвое, – была для Кати верным товарищем, сродни смыслу пребывания на Земле. Спасибо! А споры-разговоры мы вели обо всём на свете – от замёрзшей на стекле дождейки до проблем космического масштаба».

Такая, видно, выпала ему судьба: его редакторский дар «прорезался» смолоду, когда ещё о «большом редакторстве» он, наверное, и не мечтал. Уверен, что по жизни он научил настоящему писательству, азам профессии и основательной журналистике не один десяток газетчиков. И занимался этим всегда: и в первые годы работы в редакции, и когда стал известным в Кузбассе журналистом, публицистом и редактором.

Он родился 14 августа 1948 года на Украине – в городе Нежине Черниговской области, в семье военнослужащего. Не раз рассказывал мне о том, как армейская служба отца мотала его родителей по белу свету, поэтому непросто было ему привыкать к новым городам и школам.

Но по всему видно, такая «неоседлая» жизнь ему нравилась. И во многом подтолкнула его к профессии журналиста. А от отца-офицера парню передалось упорство в достижении цели, умение рассчитывать на свои силы, точность и ясность мысли и конкретность формулировок. И крепкий внутренний стержень, и упрямство...

С журналистикой связана вся его трудовая деятельность. Начинал корреспондентом юргинской городской газеты «Свет Ильича». Уже в молодые годы проявил широту кругозора и ответственность за написанное. Не случайно в 1976 году его, 27-летнего, пригласили работать в Прокопьевск, в газету «Шахтёрская правда», где стал заместителем ответственного секретаря. А вскоре – заместителем редактора.

Здесь мы впервые и встретились. Это произошло в начале августа 1978 года. В «Шахтёрскую правду» меня приняли сразу по окончании филфака Кемеровского университета. Когда в первый день я вышел на работу в «Шахтёрку», редактор Анатолий Иванович Поздеев находился в отпуске, его обязанности выполнял заместитель редактора – Пётр Михайлович Бугаев.

Помню, как поднял он усталый взгляд, оторвавшись от чтения очередной полосы завтрашнего номера, сказал: «Мы про тебя с редактором всё обговорили, будешь работать в отделе промышленности», – и сразу дал задание...

Работы было хоть отбавляй! Наша газета выходила пять раз в неделю, была второй городской газетой – после новокузнецкого «Кузнецкого рабочего» – в области по

тиражу. В каждый номер литсотрудник должен был ежедневно сдавать не менее 200 строк. Прямо скажу, система – потогонная, но «затягивает» моментально. Приходилось почти ежедневно бывать на предприятиях, находить себе рабкоров, информаторов на местах, чтобы постоянно «вариться» в гуще и в курсе городских событий, и успевать при этом отписываться.

Конечно, Пётр Михайлович редактировал, правил наши материалы. Иногда даже, чего греха таить, отправлял их в корзину. Но, если можно было исправить и «углубить» предстоящую публикацию, делал это умело, довольно тактично и обязательно разъяснял свою редакторскую позицию.

И я до сих пор уверен: в том, что я надолго – да что там, на всю жизнь! – задержался в этой потогонной профессии, в том, что работал в «Шахтёрке» корреспондентом, а потом заведующим отделом промышленности, – есть заслуга и Бугаева.

Мы не теряли друг друга из виду, и тогда, когда в 1979 году Петра (в «Шахтёрке» привыкли его называть Петей) пригласили работать собственным корреспондентом «Кузбасса» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району. Он сменил на этом посту Валерия Зубарева, перебравшегося в Кемерово, где стал большим поэтом.

Петя всё равно заходил в «Шахтёрку» чуть не ежедневно, благо, жил с семьёй неподалёку от редакции, на улице Комсомольской, в доме, где располагался известный на весь Прокопьевск магазин «Тысяча мелочей». И его супруга Галина не раз угощала вкуснейшим борщом случайно забредших иной раз к ним в гости коллег...

Мы обсуждали вышедшие публикации, новые темы для предстоящих статей, генсека Брежнева, кажется, да и мало ли что ещё... Словом, говорили обо всём. Больше всего спорили о том, что в жизни справедливо, а что нет. Петя спорщик был ещё тот, как говаривала про таких моя бабушка Матрёна Ермолаевна: «Ежели чего втемяшится ему в голову, не своротишь!»

Но как же часто приходилось убеждаться, что спорщик Бугаев, оказывается, прав.

Писал он в областную газету много, хорошо и вдумчиво. Публикации его были заметны не только читателю, а посему где-то в высоких кабинетах решили, что место Бугаева в Кемерово – непосредственно в «конторе» – в редакции «Кузбасса». И в 1983-м его позвали на должность заведующего отделом этой областной газеты. – Знаешь, я переезжаю в Кемерово, в «контору» перехожу, – сказал он мне, хотя его переход уже не был секретом. – Да, ты в курсе, но я про другое... Вместо себя на место собкора я предложил твою кандидатуру...

Неожиданно! К этому времени я уже успел потрудиться в редакции, полтора года в армии отслужить, потом снова вернулся в «Шахтёрку», где был заводделом. Запереживал, перемены в жизни для меня всегда были волнительными.

– Не бойся, – успокаивал Петя. – Встречаемся завтра в обед на стадионе «Шахтёр», и я тебе там всё расскажу.

Стадион всего лишь через дорогу от редакции, на трибунах – ни души, на огромном футбольном поле – тишина. Только мы с Бугаевым, с нами – портвейн, колбаска,

кильки в томате, вкусный прокопьевский хлеб... В этот по-летнему тёплый майский солнечный день просидели мы за разговорами часа четыре. Наговорились, как водится, от души. Пётр делился секретами соборовской жизни, я – тревогами о предстоящих переменах. Словом, настроил и наставил меня Пётр Михайлович на новую работу. И я взял обязательство, что не подведу его...

И, как мог, не подводил.

А к середине 80-х перемены в жизни пошли косяком. В 1984-м Кемеровский обком комсомола принял решение и назначил Петра Бугаева редактором областной молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса». В марте 1985 года и меня назначили – стал редактором «Шахтёрской правды». Стало не до встреч с посиделками, разве что на каких-нибудь областных совещаниях, типа: «Привет, как дела?..»

«Комсомолец» в это время гремел на всю страну. Писали там обо всём и остро, и злободневно. Многие, кто работал с Бугаевым, до сих пор считают, что благодаря его «корпению» над каждым выпуском «Комсомольца Кузбасса», значительно вырос тираж газеты (до 124 тысяч экземпляров!). Публикации здесь бывали настолько интересными, что их буквально «рвали» на цитаты. А ещё на этой должности Пётр Михайлович продолжал традиции предшественников – постоянно заботился и о журналистах, и других работниках газеты, в обустройстве редакции сумел добиться заметных улучшений.

Правда, и сам редактор изменился – стал более серьёзным, что ли, хмурых складок на лбу прибавилось. В редакции он дневал и только что не ночевал.

Разве может быть иначе у настоящего редактора?!

Соединение в одном таланте гражданской зрелости и умения блестяще владеть пером – довольно редкое сочетание. Именно за эти качества в 1987 году Петра Бугаева пригласили в заместители редактора областной газеты «Кузбасс». В мае этого же года меня перевели на работу в Кемерово – заведующим сектором печати, радио и телевидения Кемеровского обкома КПСС. Теперь снова встречались чаще, но всё равно, больше по делам.

Их у Петра было по горло. В 1990 году кемеровчане избрали журналиста Бугаева депутатом Кемеровского городского Совета народных депутатов, добавив ему хлопот.

Потом в стране началась безудержная «перестройка» всего и вся. Я с коллегами в 1991 году организовал первую в области независимую телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса» (АИК), где работал главным редактором. Пётр же Михайлович был ярым газетчиком, телевидению не доверял, «подкалывал», дескать, вы, телеболтуны, за словом не следите, ляпнете чего-нибудь, а газете потом приходится людям ваши опусы «разжёвывать»...

Всё это время чехарды и перемен, связанных с развалом страны, её экономики и политики, он так и трудился – до 1999 года – в ответственной должности замредактора главного издания области. Отстаивал вместе с коллективом право на свободу слова, на сам выход газеты в свет, ведь пришедшая после ГКЧП, новая власть Кемеровской области делала всё, чтобы буквально закрыть «Кузбасс».

Журналисты выстояли, выиграли эту нелёгкую схватку...

В эти годы талант журналиста Бугаева проявился особенно ярко, редко номер «Кузбасса» выходил без его актуальных материалов на социально-экономические и политические темы.

В конце 1990-х новый губернатор региона А. Г. Тулеев предложил Бугаеву очень ответственную работу: возглавить самую большую за Уралом газету для ветеранов «Земляки».

Знаю, как долго Пётр раздумывал над этой инициативой, советовался, сомневался – потянет ли... Мы много говорили с ним об этом (я был начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области). А когда он согласился и приступил к новым обязанностям, все почувствовали на деле, как «Земляки» «прибавили»...

Вот что вспоминала ветеран журналистики, корреспондент «Земляков» Нелли Прокопьевна Ермакова:

«В 1992 году ушёл из жизни первый редактор и создатель «Земляков» Владимир Бобров, его сменила Эвелина Суворова. А после ухода Эвелины Владимировны на пенсию редактором стал талантливый журналист и организатор Пётр Михайлович Бугаев. Газета, конечно, неузнаваемо изменилась за эти годы.

Благодаря его хлопотам, кардинально улучшились условия работы сотрудников: из двух крохотных комнатшек в здании обкома профсоюзов на площади Советов в Кемерово, где не у всех были даже письменные столы, редакция переехала на проспект Октябрьский, в шикарный издательский корпус «Кузбасс», где на восьмом этаже нам дали сразу несколько просторных кабинетов. Несравненно улучшилось и техническое обеспечение редакции, да и внешне газета стала другой, яркой, заметной – на 16-ти полосах, интересно оформлена, первая и последняя полосы – цветные.

Штат редакции пополнился новыми журналистами. Конечно, такое новое, второе рождение «Земляков» – во многом заслуга редактора П. М. Бугаева.

Под его руководством значительно расширилась тематика газеты, появились новые рубрики – «Акценты недели» (оперативная информация на злободневные темы), «Герои ушедшего века» (о лучших людях советской эпохи), «Спорт», «Вся пресса» (знакомство с наиболее интересными публикациями в отечественной и зарубежной прессе), «Корни», «Радуга искусств», «Поколения вместе» (о преемственности старшего и молодого поколения кузбассовцев).

Газета больше стала писать о молодых, уделяет внимание их нуждам и проблемам. «Земляки» по-настоящему интересны любому кругу читателей, не ослабла связь газеты и с областным советом ветеранов...

Неизменная и основная позиция газеты – защита интересов рядовых кузбассовцев, страдающих от реформ, борьба с клеветниками на прошлое, патриотическая настроенность. И эта преемственность «старых» и «новых» «Земляков» просматривается со всей очевидностью.

Газета, как и прежде, защищает интересы простых людей, протестуя против повышения цен на ЖКХ, услуги связи, медицинское обслуживание и лекарственные препараты, против отмены льгот пенсионерам. Она поддерживает все социальные проекты, направленные на улучшение жизни ветеранов, подробно рассказывает о буднях ветеранов, их социальном положении, культурных запросах.

«Земляки» ратуют за Союз с Белоруссией. Широко освещается всё, что делается в Кузбассе для укрепления связей между Россией и Белоруссией.

Газета работает для читателей», – уверенно заявляла Нелли Прокопьевна.

С приходом Петра Бугаева в «Земляки», газета получила сильный импульс: вырос её объём, увеличился тираж. «Земляки» стали ближе к читателю, выросла редакционная почта. Улучшилось техническое оснащение, повысилась зарплата сотрудников. Всё это – результаты кропотливой работы Петра Михайловича, умелого организатора, лёгкого на перо, яркого журналиста и публициста.

Все годы его редакторства в «Земляках» мы встречались часто. Были и общие командировки, семинары, торжественные вечера в дни печати и другие праздники. У Петра словно крылья выросли за спиной. Скорый на подъём, придумщик всего нового в работе редакции, он часто делился идеями с коллегами из других изданий, передавал свой опыт, строил «планов громадьё».

Публицистический и литературный талант Пётр Михайлович реализовывал и в книгах. Он – автор таких книг, как «С чем идём к людям», «Такие женщины в Сибирской стороне», «Связанные одной болью», «Между вчера и завтра», «Не ставшие на колени» и других.

Его работу и талант ценили. За свою трудовую деятельность Пётр Бугаев удостоен немалых наград, среди них знак «Шахтёрская слава» III степени, медали «За служение Кузбассу», «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро», гражданский орден «Серебряная Звезда «Общественное признание».

В 2008 году за большой вклад в развитие журналистики Кузбасса и в связи с 60-летием со дня рождения главному редактору газеты «Земляки» присвоено звание «Лауреат премии Кузбасса».

И когда в 2011 году его лишили газеты, почему-то поверив неким странным анонимкам, и решив, что так для газеты будет лучше, то и отличного редактора-журналиста-организатора потеряли, и «Земляки» понемногу сошли без него на нет. В конце концов исчезли совсем...

Бугаев долго не мог с этим смириться, не хотелось ему сидеть на «заслуженном отдыхе»... Пытался заниматься литературным трудом, да только как это делать, когда тебе «связали крылья»...

Мне тоже пришлось уехать из Кузбасса в другой регион в поисках работы. Мы редко, но созванивались, обменивались впечатлениями о жизни, часто не очень весёлыми. В последние годы его спасала лишь дача под Кемерово, где занимался грядками, картошкой да морковью. Ему-то с его опытом, конечно, это было непросто, но он не ныл.

...Он ушёл 22 октября 2020 года. Ему было 72.

На всех, кто знал Петра Михайловича, эта внезапная кончина навевала глубокую печаль.

Кемеровский краевед, филолог, исследователь творчества кузбасских литераторов, дочь поэта-фронтовика Михаила Небогатова Нина Инякина написала: «...Печальная новость. Я знала Петра Михайловича. Он давал мою большую публикацию в «Земляках» о моём муже, фронтовике, инвалиде Великой Отечественной войны Александре Никифоровиче Инякине. Я благодарна ему за публикацию».

«А ещё вспоминается дневниковая запись Михаила Небогатова, касающаяся Петра Бугаева, – сообщает Нина Инякина. – Я её приведу: «1985 год, 21 февраля, четверг: Венок (сонетов) напечатан (в «Комсомольце Кузбасса» – прим. ред.) на четвёртой странице, на её левой стороне сверху донизу на двух колонках с маленькой (моей) вводкой и с портретом... Сразу же в девять часов позвонил редактору «Комсомольца» Петру Михайловичу Бугаеву, поблагодарил его за публикацию Венка, а он ответил умно:

– Я рад за газету.

Вот так бы и в «Кузбассе» дорожили хорошими авторскими материалами, радовались, что это хорошее предложили их газете».

... В очерке Петра Бугаева о Екатерине Дубро есть такие строки:

«...Может быть, этот уход явился для неё своего рода освобождением, переходом, согласно её же воззрениям, в иные миры? Кто знает?! Ведь не раз утверждала шутливо: «Жизнь – дело посмертное. Или смерть – дело пожизненное? А?»

Время от времени я перечитываю её стихи, её книги, где столь многое знакомо до подробностей. И тогда у меня возникает странное чувство, будто мы не договорили, не доспорили и продолжаем наш спор.

И ещё одно чувство: вины. Я перед Катей виноват. В чём? Не знаю. А может, и знаю:

«Но ведь судьбам переча,
Расставаться не впрок:
Лишь отложена встреча
На неведомый срок.
В жизни экая невесть,
Догадаемся ли:
Так какую же весть
Мы друг другу несли?!»

Редко кто теперь записывает телефоны друзей и знакомых в записные книжки. XXI век всеобщей сотовой телефонизации их как-то незаметно отменил.

Иногда копаешься в этой телефонной памяти в поисках нужного номера и «натыкаешься» на тех, кого уже и нет. Говоришь себе, что однажды надо почистить телефонный «мозг», удалить из него всё ненужное, ушедшее, потерявшее необходимость. Вот в памяти моего телефона номер телефона Пети Бугаева... Вычеркнуть? Нет ничего проще. Но как быть с памятью человеческой...

Виктор Грызыхин: «Приходилось работать и под пулями, и на радиоактивном ветру»

Сын эвакуированного слесаря и детсадовской воспитательницы Виктор Грызыхин родился в 1943 году – в самый разгар Великой Отечественной войны – в Прокопьевске. Образование – школьное и жизненное – получил послевоенное, не каждый день сытое, вспоминал он, но надёжное и справедливое.

Трудовую деятельность начал слесарем-сборщиком цеха № 5 прокопьевского завода «Электроаппарат». В свободное от заводских смен время, как и многие его сверстники послевоенных лет, начал заниматься фотографией. Тогда он даже и не помышлял о журналистике, но помог случай. Как-то познакомился с настоящим фотографом, который не только научил его снимать, но и предложил посылать фото в местную газету. «Грызыхин отказываться не стал, – сообщает журналист газеты «Земляки» Олег Курочкин. – И уже на следующее утро отправился на первое редакционное задание. Судя по тому, что его фотографии были опубликованы в ближайшем номере газеты, кадры получились удачными». (Статья «Да он совсем и не «Грозный»!», сайт: слово-сочетание.рф, 2 мая 2016).

Увлечение постепенно переросло в новую профессию. Снимки фотоработника Грызыхина начали выходить в городской газете. На него в «Шахтёрке» обратили внимание. И когда в редакции образовалась вакансия фотографа, позвали на неё

Виктора. Тот с радостью согласился, поехал в редакцию на смотрины, взяв с собой кучу своих снимков.

Дело было зимой. Основным общественным транспортом в Прокопьевске всегда был трамвай. В холодном трамвайном вагоне Виктор сильно закованел. Когда заводской слесарь пришёл в редакцию, попал к замредактора «Шахтёрки» Эдуарду Савицкому. Тот, не расслышав толком из-за окоченевших губ Виктора фамилию «Грызыхин», потрепал новичка по плечу, сказав, что отныне под его снимками будет стоять: «Фото В. Грозного...».

Виктору, кстати говоря, этот псевдоним понравился. Ведь и сам он, отмечали коллеги, с виду сумрачный, немногословный, ироничный, вполне ассоциировался с этим именем. Однако, внешнее впечатление часто обманчиво, ведь человека оценивают, прежде всего, по его поступкам. А «В. Грозный» начал приносить в редакцию хорошие фотографии, на них были рабочие заводов, горняки шахт с вдохновенными лицами, ведь парень из пятого цеха знал жизнь трудового коллектива изнутри, умел заснять трудовой порыв человека и показать читателю. Его фотографии начала с удовольствием печатать и областная пресса.

В те годы редактором «Шахтёрки» был Владимир Лаврентьевич Баринов, который притягивал, а потом выпускал дальше толковых ребят, имена которых стали именами не только кузбасской, но и всесоюзной журналистики. Этой «участи» не избежал и герой нашего рассказа и через несколько лет продолжил журналистскую деятельность в областной газете «Кузбасс». Сюда его взяли за творческий подход к делу, а также за оперативность, точность, обязательность.

«Благодаря не в последнюю очередь именно ему потомки будут знать в лицо наших великих земляков той эпохи – поэта В. Фёдорова, космонавтов Б. Волинова и А. Леонова, Героев Социалистического Труда Н. Путру, В. Девятко и других шахтёров, рядовых героев-строителей Запсиба и даже неизвестного аса-вертолётчика, что вознёс над кемеровским «Азотом» длинную трубу и сейчас поставит её на место. Его снимки напоминают нам главные события – пуск «Капролактама-2», самого крупного в Советском Союзе. Первый уголь «Распадской», самой большой шахты Советского Союза. Первую сталь второго кислородно-конвертерного цеха, самого мощного в Советском Союзе. Кузнечные рельсы для Байкало-Амурской магистрали, самой протяжённой в мире», – читаем о нём в заметке «Виктор Никифорович Грызыхин – Мастер с большой буквы» (газета «Кузбасс», 6 декабря 2016)...

С известным фотокорреспондентом Виктором Никифоровичем Грызыхиным связан и мой – автора этой публикации о земляке-прокопчанине – самый первый материал в «Кузбассе». Летом 1982-го, когда я только начал жизнь собственного корреспондента «Кузбасса» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району. Меня из Прокопьевска вызвали в Кемерово: в редакции были отпуска, людей не хватало, и замредактора «Кузбасса» Анатолий Игнатьевич Бельчик распорядился, чтобы я пару недель поработал непосредственно в коллективе, заодно познакомился с коллегами и поучился у них.

Приближался День работников морского и речного флота, который отмечают в первое воскресенье июля. В то время в Кемерове ещё был настоящий речной порт

с судами – «Ракетами» на подводных крыльях, регулярно курсировавшими до Томска и Новокузнецка. И меня вместе с Грызыхиным послали в Кемеровский речпорт делать репортаж. Красивое фото речников на первую полосу было за Виктором Никифоровичем...

Я уже давно «набрал фактуру» для текста страницы на три, а Виктор всё никак не мог успокоиться – снимал кадр за кадром. К месту вспомню, что моё фото на новенькое удостоверение корреспондента областной газеты тоже делал он – я минут сорок ему позировал, пока он не остался доволен: мой портрет три на четыре сантиметра вышел на славу. (Жаль, что его мало кто видел...).

Его работоспособности и мастерству мог позавидовать любой фотограф. Знаю, что Виктор Никифорович побывал в самом пекле Чернобыльской аварии, получил ранение во время съёмок боёв в Афганистане.

В конце апреля 1986-го на Украине, на Чернобыльской АЭС, произошла крупнейшая техногенная катастрофа XX века. На ликвидацию последствий аварии руководство СССР направило огромные людские и материальные ресурсы. Одними из первых откликнулись на беду кузбассовцы – более трёх тысяч жителей нашего региона участвовали в устранении катастрофы. Они рисковали жизнью и здоровьем, среди них были военнослужащие, пожарные, водители, шахтёры, которые проводили реабилитацию заражённых территорий, возводили бетонный саркофаг над пострадавшим объектом. А журналист из Кузбасса в дни аварии был только один – Виктор Грызыхин. Больше желающих не нашлось. Хотя, командировку в Чернобыль предложили нескольким фотокоррам Кемеровской области – все, кроме него, отказались.

Да и Виктор-то, прежде чем решиться, первым делом позвонил жене, чтоб посоветоваться. Она ему: «Ну что, езжай». На следующий день он и поехал:

– Решился не потому, что хотелось известности, – работа такая...

Он побывал на аварийной АЭС в ноябре того же года. Выезжал вместе с дозиметристами в населённые пункты, которые находились в зонах заражения. Там, где непосредственно работали земляки, сделал сотни фотоснимков. Давались они непросто. Снимать в тех условиях было очень сложно: всюду стоял густой туман, фотокадры часто не удавались. Как выяснилось потом, журналист пострадал при этом и сам, получив, немалую дозу облучения, от чего болел впоследствии. Но званием «чернобыльца» гордился. А фотографии В. Н. Грызыхина с места страшного события публиковали региональные, всесоюзные и зарубежные издания. Его снимки впечатляли, помогали людям понять и осознать масштабы трагедии.

Ещё одной «горячей» точкой в его биографии стал Афганистан. И снова никто туда Грызыхина не гнал – напросился сам. В интервью газете «АиФ-Кузбасс» (4 ноября 2013, <http://www.kuzbass.aif.ru/society/education/98936>) он вспоминал, как переходили границу: «Прапорщик сказал сделать две фотографии и купить пару бутылок портвейна. Купили три. Одну отдали, когда паспорта получили, чему прапор очень обрадовался. Потом вручили ещё одну. Когда же передали кому надо

и третью, лицо у него такое было, как будто он командующий Военно-морским флотом».

Виктор проехал по горным дорогам этой страны на броне советской военной техники, побывал с солдатами в боевых переделках. Несколько дней буквально не выпускал из рук фотоаппарат, снимая кадр за кадром мгновения из жизни и сражений Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Однажды во время съёмок Грызыхин попал под обстрел, был ранен осколками разорвавшегося вблизи снаряда. К счастью, ранение оказалось не тяжёлым. Как сам говорил:

– Обошёлся малой кровью. По-настоящему страшно было ехать в кабине БМП: трясёт, на каждом ухабе бьёт телом о броню, а в голове мысли, что машина в любую минуту может подорваться на mine. Когда же дали в руки автомат, страх моментально исчез. Удивительно, что делает с человеком оружие...

«Вспомнилась осень 1989-го, – пишет о нём Олег Курочкин. – Тогда под Юргой, где дислоцируется мотострелковая бригада, произошло ЧП – взорвались склады боеприпасов. Частично разрушенными оказались даже некоторые из городских домов и зданий. Редакция «Кузбасса» отправила нас с «Грозным» туда в срочную командировку. Конечно, такое не забывается, когда вместе с сапёрами бродили мы по пепелищу изрытого, вздыбленного взрывами военного полигона, густо усеянного осколками и обломками снарядов, мин, гранат, крупнокалиберных патронных гильз, различных детонаторов. О том, что вполне могли подорваться сами, как-то не думалось. Вселял уверенность, прежде всего, Грызыхин. Виктор был спокоен, чрезвычайно сосредоточен, дотошно уточнял у специалистов детали и прочие подробности: чувствовалось, что в военном деле он дока. Все эти «мелочи» здорово пригодились мне при подготовке фоторепортажа».

Скруплезность, въедливость – это было в характере Виктора Никифоровича, отмечают все, кто его знал. Поэтому работать с ним в одной связке всегда было интересно и полезно.

Было у Грызыхина и ещё одно необычное дарование. Однажды Виктор открыл в себе экстрасенсорные способности. Мне убедиться в этом не представилось возможности, а вот моему студенческому товарищу Олегу Курочкину Виктор Никифорович не однажды здорово помог.

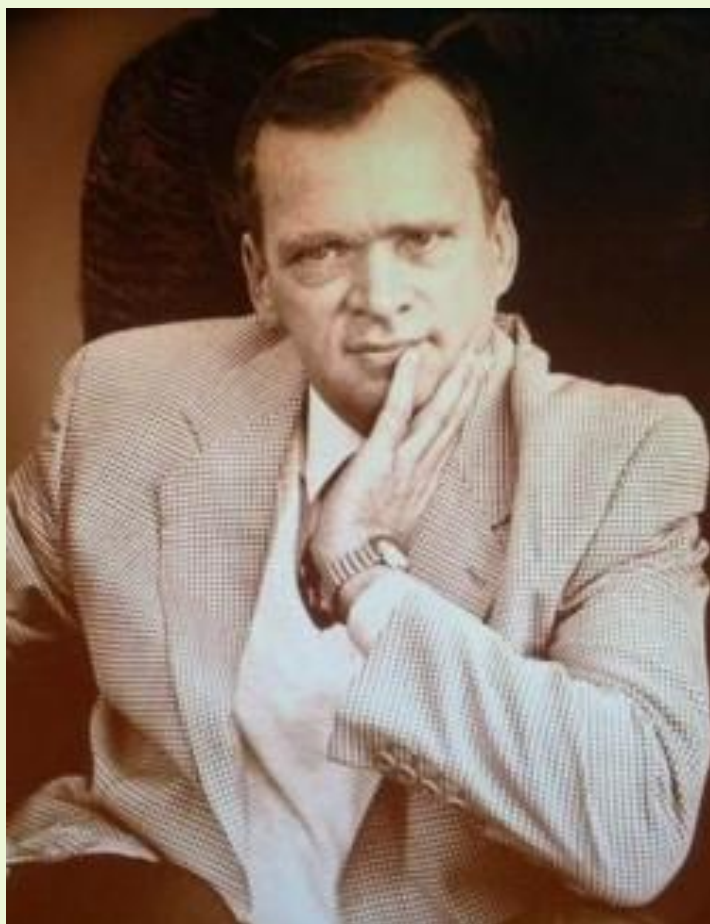
– Шейный остеохондроз – беда многих, кто из-за работы склонен к малоподвижному, сидячему образу жизни, – жаловался Олег. – И когда мы как-то разговорились с Грызыхиным на эту тему, он предложил мне помощь. Выглядело это так: не касаясь моей шеи своими большими, как у горняка, руками, Виктор начал манипулировать ими. В районе моего затылка возник сильный, до ломоты, жар, и – что удивительно! – боль постепенно утихомирилась. Таким неожиданным был эффект от этого бесконтактного массажа. А когда в сентябре 1992-го случилась со мной другая неприятность: получил сильные ожоги при взрыве ёмкости с кипящим битумом (помог, называется, коллегам отремонтировать крышу гаража), – Виктор несколько раз приходил меня навестить и какими-то металлическими рамками «колдовал» возле моих залепленных бинтами ног. И – не поверишь! – снимал болевые ощущения...

Успевал Виктор Никифорович заниматься и общественной деятельностью. Он, как никто, понимал, что настоящий журналист не может быть сторонним наблюдателем, поэтому и действовал, и рисковал, чтобы ощущать происходящее на себе или помочь другим в трудную минуту.

Более двух десятилетий он являлся членом областной организации «Союз-Чернобыль», выполнял различные поручения, связанные с оказанием помощи пострадавшим кузбассовцам – участникам ликвидации аварии. Неоднократно ходил на передачи областного телевидения и радио, посвященные Чернобыльской катастрофе. По приглашению педагогических коллективов выступал в школах, рассказывая юным кузбассовцам о чернобыльской трагедии. А к 20-летию со дня аварии на АЭС в Государственной филармонии Кузбасса разместил свою персональную фотовыставку.

Он, напомним, был неоднократным победителем и призёром международных, российских и областных фотовыставок. Грызыхин был и среди тех, кто в начале 1977 года учредил легендарный кемеровский фотоклуб «Томь». Виктор был одним из самых активных членов этого клуба, часто представлял его участникам свои новые работы. Особое место в выставочной деятельности клуба занимала фотоюморина (выставка фотографий с юмористическим содержанием), которая с начала 1980 годов ежегодно проходила в день смеха 1 апреля. Её исток находится в болгарском Габровском фестивале, где фотоклуб «Томь» имел честь участвовать. А фотография Виктора Грызыхина «Судья всегда прав» долгое время представляла Кемерово в Габровском музее фотоюмора.

К великому сожалению, здоровье фотомастера было подорвано, 3 декабря 2016 года его не стало. Припомню, что к своему 70-летию в 2013 году Виктор Никифорович был удостоен высокой награды – золотого ордена «Доблесть Кузбасса». Губернатор А. Г. Тулеев лично вручил его юбиляру. А расчувствовавшийся Грызыхин сказал тогда, что ни разу не жалеет, что приходилось работать и под пулями, и на радиоактивном ветру. Такова его жизнь и профессия, которую он сам выбрал. Не случайно его фотографии и сегодня вызывают живой интерес.

Валерий Гужвенко – самый неудобный редактор страны

Однажды Валерий Гужвенко сказал, что в молодости готов был мыть пол в редакции ради того, чтобы в штат взяли. Не пришлось, потому что и так приняли. Не могли не принять, раз родился журналистом.

1.

Журналист – не журналист, если он не любопытен и не настырен. «Ради нескольких строчек в газете...» Помните песню? Хотя несколько избитые, но золотые слова, которые сегодняшнему молодому журналистско-блогерскому племени уже не понять. (Но и песня не про них). Не знаю, впрочем, про всех ли прокопьевских журналистов эти песенные строчки? Про одного, оставившего яркий след на небосклоне журналистики Прокопьевска и Кузбасса, – точно. Ведь с профессиональной точки зрения, да и просто с человеческой, его творческая судьба уникальна. Валерий Михайлович единственный из главных редакторов областной газеты «Кузбасс», кому покорилась эта должность, однако он так и не завершил высшего образования. То есть, формально вузовского диплома не имел. Наверное, он ему был ни к чему. В своей профессии он и без того всегда шёл первым. Был отличным редактором и руководителем СМИ – к этому у него имелся талант...

Профессию журналиста он хорошо знал изнутри, потому что начинал, как говорится, со «стрелочника». Прошёл все ступеньки газетной специальности и

мастерства: от Валеры Гужвенко – Валерия Михайловича – до Михалыча. Но для друзей неизменно оставался Гужей.

Впервые мы познакомились в августе 1978 года в родном для нас обоих Прокопьевске. В редакции городской газеты «Шахтёрская правда». Я – выпускник госуниверситета с направлением на работу в «Шахтёрку», он – уже известный читателям заведомо партийной жизни и душа редакции. Но пальцы, как говорится, не гнул, только много курил, без конца «промакал» слезящийся глаз и безо всяких оговорок делился опытом с неизменной улыбочкой-ухмылкой на лице. Он родился в шахтёрском городе 24 ноября 1954 года в семье рабочего. Здесь окончил школу, поступил в Свердловский госуниверситет на факультет журналистики. Но ушёл из вуза после третьего курса...

В газете начал работать с 1974-го. Здесь его знали по юнкорским заметкам. К моменту официального трудоустройства Валерий уже «прошёл через руки» опытных редакторов: Владимира Лаврентьевича Барина, Юрия Софроновича Тотыша. Одним из его учителей-редакторов был и Анатолий Иванович Поздеев, который до «Шахтёрки» сам одолел ступени хорошей школы в газете «Кузбасс».

Сначала Гужвенко приняли литсотрудником, корреспондентом. Потом назначили заведующим отделом партийной жизни. В то время партотделы в редакциях считались ведущими.

Кстати, в прокопьевской редакции всегда была хорошая традиция: самостоятельно «выращивать» и воспитывать кадры для газеты. По возможности не брать готовых «перьев» со стороны, чтобы не переделывать потом под газету этот «штучный товар».

Наверное, поэтому «Шахтёрская правда» стала хорошей кузницей журналистских кадров для газет Кузбасса и даже для центральных изданий. Здесь в 1950-70-е годы начинали творческий путь будущие редакторы газет Кемеровской области – Кемерова, Прокопьевска, Киселевска, Юрги – Иван Филиппович Ларин, Яков Алексеевич Атучин. Здесь начинали популярные корреспонденты «Известий» и «Комсомольской правды» Пётр Семенович Ворошилов, Владимир Николаевич Снегирёв и Юрий Александрович Совцов. Отсюда вышли: редактор областных газет «Комсомолец Кузбасса» и «Земляки» Пётр Михайлович Бугаев, главный редактор областного книжного издательства Зинаида Александровна Чигарёва, главные редакторы газеты «Кузбасс» Александр Васильевич Трутнев и Виктор Спиридонович Кладчихин, ответственный секретарь «Кузбасса» Юрий Васильевич Дьяконов. В прокопьевской газете вставляли на крыло известные фотокорреспонденты Виктор Грызыхин, Дмитрий Коробейников. Юрий Сергеев. Всех и не счесть.

Эта газета стала школой подготовки настоящих личностей со здоровыми амбициями, упорных и целеустремлённых. Коллеги не раз шутили, что, пожалуй, нет в России ни одного престижного печатного издания, где бы ни поработали выходцы из прокопьевской «Шахтёрской правды».

И Гужвенко, став редактором этой газеты, достойно продолжил традицию. Именно в годы его руководства в газете выходила страница юнкоров, под названием

«Побочный эффект», где ученики 10-11 классов средних школ публиковали свои первые заметки. Её авторы – будущие именитые журналисты – сейчас работают не только в Прокопьевске, но и в Новокузнецке, Москве, Санкт-Петербурге.

А пока, в первой половине 1980-х, за умение писать вдумчиво и остро, интересно и читабельно Валерия взяли на работу в Кемерово – заместителем редактора областной молодёжки «Комсомолец Кузбасса». Вскоре перевели в один из отделов главной региональной газеты «Кузбасс». Каждая его публикация тех лет становилась для читателей своеобразным откровением и «зачитывалась до дыр». Кроме того, в столице области продолжал складываться опыт его будущего редакторства.

Пока он проживал в Кемерове, встречались мы редко, больше общались по телефону или во время нечастых наездов в Кемерово, куда вызывали меня, ставшего тогда собственным корреспондентом «Кузбасса» по Прокопьевску и Киселёвску.

Но недолго пожилось ему в кузбасской столице. Накопились личные, семейные проблемы – с кем из творческих людей не бывает?.. Он снова вернулся в родной город. И когда меня назначили главным редактором «Шахтёрки», нисколько не сомневаясь, позвал его в замы.

2.

Мне выпало сменить Анатолия Ивановича Поздеева на посту редактора «Шахтёрской правды» в 1985 году. Ох, как я сомневался перед этим назначением в своих силах и способностях! Кто я – 29-летний?! К этому сроку успевший поработать лишь литсотрудником, заводделом и собственным корреспондентом областной газеты... И – зубр журналистики Поздеев! Долго сопротивлялся этому назначению, не хотел менять соборовскую вольницу на большую ответственность за коллектив, за газету. Меня вызывали в прокопьевский горком КПСС, «прессовали», чтобы усадить в редакторское кресло. Чтобы этого избежать назначения, редактор «Кузбасса», а тогда редактором был Александр Трутнев, отозвал меня, собкора, из Прокопьевска в длительную командировку в Кемерово, как бы «спрятал» от партийных властей. Но кончилось тем, что меня вызвал к себе «на ковёр» секретарь Кемеровского обкома КПСС Пётр Михайлович Дорофеев, сказал: «Хватит прятаться, ты уже не мальчик, так что бери на себя ответственность! Всё у тебя ещё впереди...».

Заместителем редактора я пригласил Валеру Гужвенко. Он согласился. Так мы снова стали работать вместе.

Конечно, Анатолий Иванович тяжело принял решение городских и областных властей. Он очень переживал за газету, которой отдал лучшие годы жизни, заходил в редакцию, справлялся, как мы без него...

В редакции тех дней работали 28 человек, включая творческих и технических сотрудников. Тогда в стране начиналось интересное и, как всегда, непростое время. Михаил Сергеевич Горбачёв затеял «перестройку». «Пахнуло» свежим воздухом. И нам хотелось острых публикаций, нового взгляда на журналистское ремесло, на газетное дело.

Прокопьевск, состоящий сплошь из рабочих посёлков, по площади – больше европейского Парижа, растянулся на десятки километров. Во время работы в «Шахтёрке» приходилось часто мотаться из одного конца города в другой. Знал многие его закоулки. Добрым словом вспоминаю свою малую родину: незатейливые улицы рабочих посёлков бывших шахт «Чёрная гора», «Маганак», бесконечный частный жилой сектор Зенковского района, где в простых домах жили все без исключения мои одноклассники и большинство моих учителей, заросшие тропинки Ванчевой горы, довоенные застройки Берёзовой рощи и Ясной Поляны, белые многоэтажки микрорайонов Тыргана.

На редакционных летучках мы с Гужвенко и с журналистами газеты строили планы: как помочь проживающим там людям решить свои бытовые проблемы, улучшить жизнь их детей, условия и безопасность труда тех земляков, кто трудится на производстве, особенно, в угольной промышленности.

Ведь большинству из нас посчастливилось жить в Прокопьевске в ту пору, когда он в 1970-80 годы достиг пика своей угольной славы. И его по праву называли «угольной жемчужиной» Кузбасса. Искренне хотелось возродить это бывшее реноме Прокопьевска.

Ведь были же периоды, когда шахтёры города добывали почти по 25 миллионов тонн угля в год! И как заведующий отделом промышленности «Шахтёрки» тех лет, я с корреспондентами отдела – Сергеем Марковым, Геннадием Марущенко и Владимиром Маракулиным, Борисом Хакдыровичем – усердно сдавал в каждый номер газеты материалы под специальной «угольной» рубрикой. Помню, как однажды на небольшом редакционном застолье, накануне Нового года, заведующий отделом партийной жизни Валерий Гужвенко читал шуточные стихи собственного сочинения:

«Даёшь угля! Хоть мелкого, но много!» –
Воскликнул Черемнов Серёга...»

Поэтому в пору перестройки и гласности мы с заместителем предложили журналистам газеты: пишите свободно, делайте материалы на любую тему, чтобы людям от этого жить становилось лучше.

Коллеги словно «раскрепостились», у многих будто крылья за спиной выросли. Такая работа ещё недавно и не снилась... Газете очень пригодился Божий дар журналистов Ларисы Фроловой, Нины Засадной, ответственного секретаря редакции Галины Александровны Щербаковой и других. На страницах «Шахтёрки» появилась целая серия актуальных, глубоких публикаций-раздумий о недостатках в работе парторганизаций на крупных промышленных предприятиях, застое в их работе, они буквально всколыхнули городскую общественность. Печатали такое, что ещё совсем недавно казалось невозможным. Критиковали не только парткомы, но и директоров шахт, заводов. Вели журналистские расследования так, что ими зачитывался весь город. И я почувствовал поддержку коллектива, поддержку читателей, которым мы давали хороший предлог для дискуссий, создавали повод для появления новых, молодых городских лидеров.

Хочу подчеркнуть, что «Шахтёрка» всегда была в гуще событий, инициатором многих интересных дел. И эта замечательная традиция активно продолжилась.

Но мы понимали, что нельзя стоять на месте и в том, как выглядит газета внешне. Ведь, как говорится, «встречают по одежке». А современный вихрь перестройки донёс до Прокопьевска новые принципы печатного оформления. Тем более, прокопьевские полиграфисты тоже славились в Кузбассе своим мастерством – ещё в 70-х они первые в Кемеровской области начали печатать газету офсетным способом.

Мы долго совещались с Гужвенко, Щербаковой, пока, наконец, не решили попросить помощи у бывшего сотрудника «Шахтёрки» – ответственного секретаря газеты «Кузбасс» Юрия Дьяконова. Чтобы помог нам «осовременить» внешний вид газеты. Юрий Васильевич согласился приехать на несколько дней в Прокопьевск. В результате мы первыми в области перешли на современную модульную вёрстку в газетном оформлении. Газета приобрела абсолютно новый дизайн. Стала более стильной, элегантной. Издали даже номер, где снимок передовых горняков занимал всю первую полосу...

«Коллеги из других редакций завидовали, – вспоминает ветеран журналистики Галина Александровна Щербакова. – В этом «Шахтёрская правда» опять же оказалась впереди планеты всей».

3.

Как неумолимо быстро летит время...

Когда в 1987-м меня назначили завсектором печати, теле- и радиовещания Кемеровского обкома КПСС, уговорил прокопьевское городское руководство – в лице первого секретаря горкома Владимира Петровича Жеваго, – что лучше Валерия Гужвенко с газетой никто не справится, что отсутствие высшего образования – далеко не главное.

По характеру Гужвенко был не так уж и прост. Да, он всегда готов был защитить своего сотрудника от нападок любого уровня, даже мог испортить приятельские отношения ради этого. Но и бездельников не любил. Не кричал на таких, не ругался, не «напирал» голосом, как другие руководители. Но от его негромких жёстких слов, сказанных в адрес провинившегося, мороз мог пойти по коже.

Редактором «Шахтёрки» Валерий Михайлович трудился 13 лет. Для тех, кто не понимает «потогонную» жизнь городского газетчика-руководителя, ещё раз уточню, что газета при нём выходила пять раз в неделю, каждый номер тиражом 20-50 тысяч экземпляров. Редактору каждый день надо прочитать около трёх тысяч строк публикаций очередного газетного выпуска, сделать правки. Узнать, как дела в полиграфическом цехе, хватит ли бумаги на газетные выпуски, так как, в отличие от большинства городских газет, печатный цех «Шахтёрской правды» – это структурное подразделение редакции. Надо вникнуть в проблемы электро-, тепло- и водоснабжения кабинетов, ибо двухэтажное здание «Шахтёрки» тоже является собственностью редакции. Просмотреть почту от читателей. Поставить очередные задачи десятку сотрудников. Побывать на двух-трёх заседаниях, потому что он – член бюро или комитета... Выслушать предложения от собственного

корреспондента прокопьевской газеты в Кемерове (!). Не считая телефонных звонков, ежедневных посетителей редакции. И так далее, и тому подобное.

Побывавшего однажды в Прокопьевске кемеровского журналиста Александра Шрайбера удивил кабинет редактора «Шахтёрской правды»: редактор очень доходного издания работает в обычных условиях, не кичится доходами организации, как в конце 90-х принято было делать в других доходных «конторах», где кабинеты «первых лиц», порой, ломились от роскоши.

«Скажу сразу, что в кабинете редактора Гужвенко не стоит ничего особенного – добротная офисная мебель, но вполне обычная, – описывал гость. – На стенах тоже всё в норме – плакаты, календари... Но в верхнем углу над дверью – небольшая иконка. Дань моде? Или вера такая, что молиться тянет даже на работе? Да нет, отвечает он. Мода ни при чём...»

Официального, сусально-золотого, церковного Бога Гужвенко никогда особо не жаловал, как и служителей культа. А иконка – напоминание о конфликте, расколовшем коллектив. Конфликт удалось разрешить. После этого и появилась иконка – ею освятили итог...

Он был деловым, умел принимать решения быстро и точно. Не зазнавался и не «бронзовел», хотя в Прокопьевске его знал буквально каждый. Но редакторская работа и прежде-то никогда не была простой. За годы его руководства газетой, можно сказать, исчезла одна страна и появилась новая. Другой становилась жизнь, рушились нерушимые, казалось бы, устои.

В Прокопьевске менялись руководители города, а редактор Гужвенко оставался. И к нему – а что делать, если у него опыт?! – городские начальники обращались за советом.

Разваливались шахты и заводы, появились в городе другие газеты, создали своё городское телевидение и радио, а «Шахтёрская правда» крепко стояла на ногах. Потому что у Гужвенко всё было своё – типография, здание редакции, прочие основные фонды... Но прежде, чем появилось это своё, редактору пришлось изрядно покрутиться, договориться, принять соответствующие закону неординарные решения.

И за примером можно далеко не ходить. Допустим, кому из редакторов газет кузбасских городов пришла в голову идея включить в протокол Прокопьевского городского забастовочного комитета по итогам летней забастовки шахтёров 1989 года пункт о покупке для своей газеты офсетной печатной машины? Никому, кроме Гужвенко.

Вообще, горняцкие забастовки 1989 года стали для Валерия Михайловича настоящей школой управления, школой жизни. Очевидцы хорошо помнят, какие это были грозные дни, пропитанные для кого-то – страхом, что вот-вот могут начаться едва ли не военные действия, для кого-то – гордостью от того, что смогли подняться против системы и не струсить.

Это были очень непростые и тревожные для города и области дни и недели. Многие решали для себя: как быть и с кем быть...

4.

12 июля 1989 года смена горняков на шахте имени Калинина отказалась спускаться в забой. Следующим утром к ним стали присоединяться рабочие других шахт города. К полудню центральная площадь города – площадь Победы – была до отказа заполнена бастующими шахтёрами в рабочих спецовках.

Ушли они с площади лишь спустя неделю. И все эти дни они читали свежую газету – «Шахтёрскую правду».

Вот как об этом рассказывает Николай Кузнецов, журналист одной из кемеровских редакций, оказавшийся в это время в Прокопьевске:

«...Находился в дни забастовки на этой площади. На что обратил внимание – шахтёры передавали друг другу газеты. Не «Правду», не любимый когда-то «Труд» – городскую «Шахтёрскую правду». Восемь номеров её целиком были посвящены забастовке и забастовщикам. Такой журналистской смелости не проявило практически ни одно издание в области. В лучшем случае газеты и телеканалы стремились к некоей «сбалансированности мнений», предоставляя страницы и бастующим, и их ярким оппонентам из партгосноменклатуры».

Валерий Михайлович в первый же день стачки собрал коллектив и чётко поставил задачу:

– О забастовке и причинах, которые привели к ней, будем писать правду и только правду. По-другому события в городе освещать не будем!

Он сказал им: газета должна быть объективной. Не «перевешивать» ни в одну из сторон громадного, сложного конфликта, а освещать его так, как есть. Это была непростая цель. Не всякий редактор и не всякий корреспондент смогли бы работать в таких тяжёлых условиях. В редакции были отменены выходные. Всех журналистов редактор направил на шахты и на бунтующую площадь.

Корреспондент «Шахтёрки» Игорь Семёнов позднее напишет в своих мемуарах:

«Работали тогда действительно ударно. Редакционные работники успевали дома только поспать. Кто-то не успевал. Ночевал в редакции, заодно держа руку на пульсе ночных событий. А рано утром на площади Победы, которая была заполнена бастующими шахтёрами, появлялись свежие номера «Шахтёрки». Люди читали сами о себе, о том, что происходит вокруг события, эпицентром которого они стали».

Фотокорреспондент газеты Николай Бабарицкий, фотоснимки которого о тех событиях облетели весь мир, вспоминает:

– Рано утром идёшь на работу и не знаешь, что будет происходить. Прежде чем снимать, я вникал в ситуацию, чтобы понять, что за ночь изменилось, беседовал с людьми и только потом доставал фотокамеру. Но было опасно. Мне забастовочный комитет даже сопровождающего выдал. Для безопасности. Потому как люди были возбуждены, кто-то озлоблен.

Кто-то из шахтёров пытался указывать фотокору, что можно фотографировать, а что нельзя. Для пресечения таких выскочек ему и дали сопровождающего. Да и

среди активистов забастовочного комитета единодушия не было. Часто не могли прийти к общему мнению, принять единое решение.

– Благодаря редактору мы заняли независимую позицию, – уточняет Николай Фёдорович. – Печатали о происходящем всё как есть. Пишущие работали посменно. А меня заменить было некому. Отснял – и быстрее в редакцию. Проявил, отпечатал – и снова на площадь. Ведь каждую минуту происходили уникальные события. Было крайне необходимо, чтобы они попали в кадр, сохранились для истории.

В те жаркие дни коллектив «Шахтёрской правды» проходил уникальную репортёрскую школу. Намного больше стали понимать в журналистике, признавались потом журналисты. Уровень каждого заметно вырос. А простым шахтёрам нравилось, что про них писали, как есть.

Известны и такие факты, когда родные и знакомые горняков из других регионов спрашивали: что у вас в городе на самом деле происходит? По телевизору говорят одно, народная молва – иное. Где правда? И прокопчане отправляли им в конвертах свежий номер «Шахтёрской правды» и записку: «Читайте нашу газету, в ней всё напечатано».

5.

– Когда забастовка закончилась, – поведал Бабарицкий. – Гужвенко мне сказал: «Нужен заключительный, последний снимок. Найди его, Коля!» И я нашёл. Группа шахтёров уходит с площади и один из них, обернувшись, приподнимает каску, как прощальный жест. Так появился снимок «Шахтёры уходят».

На самом деле, Гужвенко целую ночь думал над этим номером газеты, который «завершал» стачку. Подсказал идею фотографу. Но и это было ещё не всё. Как опубликовать «точку» в крупном социально-политическом конфликте СССР?

Сам Валерий вспоминал эту историю с волнением и дрожью в голосе:

– Николай Бабарицкий сделал прекрасный снимок. Он запечатлел момент, когда шахтёры покидают площадь, которая была для них местом круглосуточных жарких споров, дебатов и выступлений с трибуны. Я сделал подпись, которая щемила душу: «Шахтёры уходят. Победа или поражение? Спасибо вам, родные, за стойкость, мужество, выдержку!»

– И тут же у редактора возникла сногшибательная мысль, – добавляет Галина Щербакова. – Возбуждённый, с горящим взглядом, знакомым мне, когда его осеняла какая-нибудь безумная, но оригинальная идея, он врывается ко мне в кабинет и буквально с порога восклицает: «Галина Александровна, давай рискнём и поставим этот исторический снимок на всю первую полосу!» И мы рискнули. Потом на семинарах в Москве, Кемерове нашу газету ставили в пример как лучшую по оформлению. Её называли своеобразной школой нового направления модульного дизайна.

Позже этот кадр назовут «Снимок-легенда». А имя Николая Бабарицкого станет известным профессионалам многих стран...

Между тем, после стачки шахтёров в горкоме КПСС Валерию Михайловичу устроили «разборки». Чего греха таить, и сегодня-то немало чиновников разного уровня, искренне уверенных в том, что, если бы пресса не говорила о проблемах в жизни людей, то никаких проблем и не было бы. А уж тогда, тем более, мало кто из руководителей хотел смотреться в зеркало прессы и видеть в нём собственное неприятное отражение.

На «Шахтёрку» и на редактора попытались «свесить всех собак»: чуть ли не газета организовала стачку со всеми вытекающими последствиями. Ругали его и первый секретарь горкома, и руководство объединения «Прокопьевскуголь». И даже... руководитель стачечных рабочих комитетов города – не удержался, бросил свой упрёк журналистам: мол, газета слишком натуралистично описывала острые моменты в действиях бастующих. Впрочем, набор обвинений был больше стандартным, чем объективным: говорили, что, якобы, газета однобоко освещает стачку, обливает грязью руководителей, увлекается негативными явлениями.

Но и Гужвенко уже давно не был «мальчиком для битья». В ответ высказался прямо: «Надо признать, что сегодняшняя власть города, партийная и советская, получила вотум недоверия. Во время забастовки аппарат продемонстрировал полную неспособность...». Ну, и так далее...

Они взбеленились, а он был спокоен, как всякий, уверенный в своей правоте, как специалист своего дела.

К слову, в те июльские дни «Шахтёрка» прославилась на всю страну. Она стала, пожалуй, едва ли не единственной городской газетой, которая не ждала ни одной секунды приказаний «сверху», а сразу решительно окунулась в самую сложную тематику времени. Многие отмечали потом, что это было очень смело. Просто самоубийственно для члена бюро горкома КПСС, коим в ту пору был Валерий Гужвенко в соответствии с его должностью.

– Так интересно, как работалось в 89-м, уже, наверное, никогда не будет... – как-то поделился со мной Валерий Михайлович.

При этом его радовало и другое, не менее важное событие: у газеты появилась своя новая, самая современная офсетная печатная машина. Такой не было ни в одной редакции области! «Вот она, красавица, выстрадавшая нами! Наконец-то, украсила наш печатный цех! – хвалился он. – Для читателя старались. Он стал получать «Шахтёрку» в лучшем виде».

Восемьдесят девятый год давно уже – глубокая история. Но то, что июль этого года стал испытанием на зрелость шахтёрской газеты – бесспорно. Из участников шахтёрского конфликта в то время никто ещё не знал, какие «побочные» эффекты и катаклизмы он вызовет. Какие потрясения и развал ожидают страну и город...

«В одном можно быть уверенным – газета честно расскажет о том, что было, о том, что есть и будет», – размышляет Александр Шрайбер.

Конечно, Гужвенко далеко не всем кажется идеальным редактором. Отношение к нему и в городе, и среди коллег – разное. Кому-то не нравится, что о нём и его коллективе часто пишут не только в федеральных СМИ России, но и за рубежом. Что его хвалят и ставят в пример, подчёркивают его независимость. Например,

интервью Валерия после забастовочных событий опубликуют в «Литературной газете» под заголовком «Самый неудобный редактор страны».

После тех событий Валерий Гужвенко стал лауреатом Всесоюзной премии «Лучший журналист года». За большие заслуги в журналистике в 1999 году его удостоили звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В 2000 году прокопчане выбрали его «Человеком года». Согласитесь, любому приятно...

Но для него всегда на первом месте был не собственный имидж, а доверие и уважение читателей к газете. Включая и тех читателей, кто «рулит».

В одном из опросов об отношении горожан к «Шахтёрской правде» бывший председатель городского забастовочного комитета Валерий Строканев отметил:

«Она всегда была близка шахтёрам. В дни июльской забастовки, августовского путча газета была с нами. Объективно отражала и отражает шахтёрские проблемы, рабочее и профсоюзное движение, выступает за экономические реформы и демократические преобразования».

Экс-прокурор города Николай Янкин:

«Для меня «Шахтёрка» – это пульс жизни города. Именно в этой газете самые свежие новости. Я знаком с ней столько, сколько себя помню. Если выбирать, то она – самая любимая газета».

Председатель городского женсовета Александра Карпова:

«Во всех добрых делах помощь «Шахтёрской правды» для нас неоценима. Это трибуна, с которой формируется общественное мнение».

6.

Когда внезапно освободилось должностное руководство областной газеты «Кузбасс», у меня не было сомнений, кто может с успехом взять её руль в свои руки. Как удалось уговорить на это решение руководство области? – отдельная история. Мне указали: «Под твою ответственность!.. Если что, головы не сносить!» И с августа 2001 года Гужвенко назначили главным редактором областной газеты «Кузбасс».

Он был в этой должности недолго: всего два года. Но благодаря его настойчивости и таланту за это время газета стала другой, острой, деловой, будто проснулась от спячки. Укрепилась материально-техническая база редакции. Это было непросто... Ему снова выпало работать почти без выходных. Да ещё он начал заочно учиться в новосибирском филиале Академии госслужбы.

И в областной редакции Валерий Михайлович видел свою задачу в том, чтобы нести читателям достоверную информацию о событиях и фактах, правдиво рассказывать, чем живут Кузбасс и Россия. Он всегда считал, что журналист должен прочувствовать то, о чём пишет. Поэтому требовал от областных корреспондентов чаще бывать в коллективах, видеть жизнь своими глазами.

«Главное, что за это время ему удалось создать в редакции особую атмосферу, – оценит позднее Юрий Кухмарь, сменивший Валерия Гужвенко на посту редактора «Кузбасса». – Теплая товарищеская обстановка в коллективе до сих пор. Во всём

этом чувствуется, что именно Валерий Михайлович сумел людей собрать, настроить. И этот настрой есть и сейчас. За это я ему благодарен».

Валерий Михайлович скончался 13 августа 2003 года – скоропостижно, после непродолжительной болезни. Ушёл очень рано. Сердце не выдержало нагрузки...

Главный редактор областной газеты «Кузбасс», член коллегии администрации Кемеровской области, председатель региональной организации Союза журналистов России, член Центрального исполкома Союза журналистов России, делегат нескольких съездов журналистов страны, председатель Совета редакторов газет угольных городов Кузбасса – всё это Валерий Гужвенко.

Однажды, в день юбилея бывшего редактора «Шахтёрской правды», его коллеги и друзья-прокопчане организовали вечер памяти Валерия Гужвенко. Бывшие соратники вспоминали его светлыми словами. Рассказывали интересные истории, припоминали совместные командировки.

– А ведь мы и сегодня сверяем свои действия с тем, как бы Валерий Михайлович сделал, что подумал бы, что предложил или сказал, – признался тогда заместитель редактора газеты «Шахтёрская правда» Михаил Александрович Ткачёв. – Наш коллектив его помнит и благодарит за всё то многое, что он сделал для нашей газеты, для всех нас.

«Значит, мы вместе хорошо работали», – если мог, ответил бы ему Валерий Гужвенко...

Виктор Давыдов поэзию подземного труда отобразил печатною строкою

«Начало сбора рассказов шахтёров, которые работали непосредственно рядом со мной на одной шахте, было положено в связи с желанием написать историю своей родной шахты «Центральная», на которой с небольшими перерывами я работал на протяжении сорока лет, – пишет во вступительном слове к своему сборнику «Шахтёрские истории» Виктор Давыдов. – В моей рабочей тетради имеются записи бесед с Героями Соцтруда Николаем Георгиевичем Кочетковым, Петром Яковлевичем Усовым, Петром Ивановичем Ниневым, почётными легендарными шахтёрами, первостроителями шахт города Петром Фёдоровичем Похильченко, Илларионом Калиновичем Шемякиным, Иваном Михайловичем Казаковым, Михаилом Григорьевичем Парханюком... На мой взгляд, каждый ветеран-шахтёр может поведать много занимательного из своей жизни, поделиться опытом и поведать такое, что будет интересно сохранить для истории».

Автор, конечно, прав. У каждого, кто много лет работал под землёй, в забое, случалось много всякого, гора есть гора, характер у неё часто бывает очень строптивый. Поэтому историй у горняков немало, они их расскажут, если сумеешь разговорить. Да не каждый сумеет запомнить рассказанное, потом изложить на бумаге так, чтобы другим было интересно читать. Виктор Иванович это умеет. Во-

первых, он сам много лет работал на шахте, во-вторых, у него настоящий талант журналиста и писателя. Чем он успешно пользуется.

И, кстати, в Прокопьевске, где проживает наш герой, его знают стар и млад, ведь Давыдов не молод, при этом много лет публикует свои заметки в городской газете «Шахтёрская правда».

Он – настоящий патриот города, прославляет своих земляков и письменно, и устно. Родился он в Прокопьевске 20 апреля 1939 года. Семью его родителей с тремя сыновьями сослали сюда в 1933 году, предварительно раскулачив как представителей зажиточного крестьянства. Везли их из Тверской области через всю страну в вагонах, предназначенных для скота. Наконец, довезли до станции Усяты, оттуда – до прокопьевского посёлка Голубевка, где кое-как расселили. А через шесть лет у них родился четвёртый сын – Виктор.

«Шесть классов я окончил в прокопьевской школе № 1, где учились космонавт Борис Волинов, академик Алексей Конторович. Потом меня перевели в 37-ю школу, где я завершил семилетнее образование, – рассказывал Виктор Иванович редактору «Шахтёрки» Гульсире Игнатовой (статья «Воспел поэзию шахтёрского труда», «Шахтёрская правда», 2-8 мая 2024). – Первая моя специальность – слесарь по ремонту промышленного оборудования. Получил её в горПУ № 1 (ныне – Прокопьевский электромашиностроительный техникум). В обиходе название шуточно расшифровывали так: Год Отучусь, Ребята, Потом Убегу. Мы состояли на полном гособеспечении: форменное обмундирование, трёхразовое питание. Кстати, два года обучения в горПУ № 1 – с 1954 по 1956-й – были внесены в трудовой стаж. Так что мой стаж производственной работы, начавшийся в 15 лет, сейчас насчитывает почти 70 лет.

По собственному признанию, он многие годы ощущал себя «вечным студентом». И вот почему. После училища его направили в кузницу на шахте имени Сталина (затем переименована в «Коксовую-1», позже в «Коксовую»). Там он поработал и молотобойцем, и сварщиком, ремонтировал вагонетки. А когда достиг 18-ти лет, впервые спустился под землю как подземный слесарь. Но вскоре почувствовал – знаний не хватает, и пошёл в вечернюю школу, где получил среднее образование.

Не заставили себя ждать и первые травмы на угольном производстве. Вот как он вспоминает об одной:

– Однажды бригада ремонтировала вагонетку, с которой свалилось колесо, а обойма осталась на оси колеса. Снимали обойму при помощи кувалды. Напарник так ударил, что обойма треснула, и её металлический осколок от ricochetил мне в живот. Друзья не поймут, что со мной, а я корчусь от боли, живот в крови. Врачи вскрыли брюшную полость, обнаружили сильное кровоизлияние. Прооперировали, вытащили осколок. По этой причине меня не взяли в армию. Потом судьба привела меня на участок шахтного транспорта шахты № 3-3 бис (потом переименована в «Центральную»), на сей раз в подземное электродепо.

Похоже, что именно с той поры Виктор Давыдов и начал запоминать, а может быть, и записывать первые «подземные» казусы и истории. Об одной из них он поведал в новелле «Горняцкие ситуации»:

«На шахтном транспорте я начинал работать учеником машиниста подземного электровоза. Два первых дня околоствольные выработки изучал на горизонте +215 метров. На третий день мой наставник Сергей Банько говорит:

– Слушай! Слетай-ка ты на пятый фланговый! (это дальний вентиляционный ствол, находившийся в районе посёлка Ясная Поляна). Там в буфете возьмешь пару пива. Ну, и... перекусить чего-нибудь!

И даёт мне денег.

Я деньги спрятал в карман гимнастерки, про себя думаю: «Вот это да! Оказывается, и буфет в шахте имеется». И ни капли сомнения, что может быть подвох со стороны такого солидного человека, каким был Сергей Банько.

Мне дважды повторять не надо, вскочил в машину и мигом на пятый ствол. Обошёл там все околоствольные выработки – нет буфета! Обиделся я на товарища тогда. Но время, потраченное в поисках подземного буфета, не пропало даром. И сейчас могу начертить на бумаге, где какая выработка располагалась на 215-м горизонте»... («Шахтёрские истории», книга первая. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003, С. 6).

Вскоре Виктор снова почувствовал тягу к новым знаниям. Работая на шахте, стал слушателем вечернего отделения Прокопьевского горного техникума. Окончив его, получил диплом горного техника. Снова работал подземным электрослесарем, был горным мастером на очистных и подготовительных участках. После выхода на пенсию несколько лет трудился раздатчиком на шахтовом подземном складе взрывчатых материалов...

Более сорока лет жизни отдал Виктор Давыдов работе на предприятиях угольной промышленности Прокопьевска. И, конечно, знает все особенности и тонкости многих горняцких профессий. Знает и помнит даже про те специальности, которых уже давно нет. Не каждый молодой шахтёр ведаёт, что были и такие:

«Как-то незаметно в прошлое ушли отжившие горняцкие профессии. И только воспоминания ветеранов дают нам представления о них. Один из таких ветеранов, работавший ещё в первых прокопьевских штольнях, вспоминал в беседе о тех далеких временах...

Выступая перед молодёжью, на вопрос: «Кем работал?» – иногда отвечал:

– Ветрогоном! Обычно улыбались, принимали за шутку. На слух звучит вроде бы не совсем серьёзно. А ведь была в горняцкой жизни и такая профессия. Надо, скажем, очередную печь пройти. Чтобы с помощью кайла пройти печь, сейчас вообразить трудно. Особенно тяжело приходилось забойщику из-за недостатка воздуха. Однако и здесь умельцы нашли выход, смастерили самодельный вентилятор «Лопатки-вертушки». Мехцех потом их изготавливал по заказам участков. Трубы же для подачи воздуха из сухих плах сбивали, а щели глиной тщательно промазывали. Крутили такой вентилятор вручную. Обычно сажали новичка: «Крути – не ленись!» И забойщик, милое дело, тюкает в забое кайлом спокойно, потому что дышит свежим воздухом.

Ровно неделю пришлось и мне покрутить такой вентилятор, когда впервые устроился работать на штольню. Так и звали – ветрогон». («Шахтёрские истории», книга первая, 2003. С. 8).

– Всё-таки есть, – говорит писатель Давыдов, – в наименованиях шахтёрских профессий, старинных и нынешних, определённая поэзия: люкогрузчик, осланцовщик, лопатчик. Или с корнем «гнать»: ветрогон, лесогон, коногон. При названии профессии наши деды, не мудрствуя лукаво, называли шахтёрские профессии бесхитростно. Например, дверовой следил за тем, чтобы двери в выработке были закрыты, иначе нарушится проветривание забоев в шахте, у лопатчика основная работа заключается в перекидке угля на десятки метров, от забоя в углеспускную печь. У осланцовщика – вручную раскидывать инертную пыль по всем выработкам подземного участка, чтобы тем самым предотвратить возможность взрыва угольной пыли.

Согласитесь, в его пересказе всё это звучит необычно, красиво, даже как-то поэтично...

Виктор Иванович Давыдов многое уже успел в своей жизни. Сумел даже учителем английского языка поработать в школе. В здании профтехучилища, которое он когда-то окончил, разместились подготовительные курсы новокузнецкого института горного дела: «Я записался туда. Преподаватель английского отметила моё отменное произношение, что хорошо читаю и перевожу. А это все заслуга учителя английского языка школы № 1 Василия Нэффа. И вот в 1967-м – в 28 лет – я захотел получить высшее образование и снова стал студентом, поступил на заочное отделение факультета иностранных языков Томского государственного пединститута. А по окончании alma mater отработал в школе полтора года, на большее меня не хватило...».

После этого Виктор Иванович снова вернулся на шахту. Был в его жизни и такой отрезок, в течение которого он трудился в партийных органах, точнее в парткоме шахте «Центральная». Попал он туда в 1985 году. Выдвинул его на новую должность парторг шахты «Центральная» Николай Черноморов – предложил стать председателем партийной комиссии. Давыдов поначалу отказывался, боялся потерять подземный стаж.

– Черноморов уговорил: подземный стаж сохраняется, – вспоминает он в интервью Г. Игнатовой. – Потом, когда пришло время оформлять пенсию, у меня партийный стаж вычеркнули из шахтового. Но я не жалею о работе в райкоме: много общался с людьми, решал их проблемы...

Имеется в его биографии и такой отрезок жизни, когда трудился на Прокопьевском заводе шахтной автоматики, где был переводчиком научно-технической литературы, а затем начальником патентного отдела.

После этот беспокойный человек, кажется, снова вернулся на шахту по банальной причине: на шахте зарплата выше – семью надо кормить.

Многие в городе и области знают его, прежде всего, как толкового журналиста. Пришёл он к этому увлечению давно. Вспоминает:

– Работая на «Центральной», написал как-то заметку в «Шахтёрскую правду», где редактором тогда был Юрий Софронович Тотыш. И её опубликовали. Это было в 1974-75 году. Атмосфера шахтёрского труда меня всегда восхищала – это же целый город под землёй! Чтобы добыть уголь, надо подготовить очистной фронт, очистной участок. Меня тянуло всё это увидеть, посмотреть, пролезть – порой на грани фола. Я почувствовал поэзию подземного труда. И это чувство не могло не вылиться в газетную строку. Писал о своих товарищах – забойщиках, проходчиках. Стал интересоваться их работой, вникать в тонкости шахтовых специальностей, записывать интересные случаи.

Я с Виктором Давыдовым познакомился в начале 1980-х. Точно не упомяну, когда. Он часто приносил в «Шахтёрку» свои заметки. Вот на этом и сошлись. Журналистика была особым призванием Виктора Ивановича. Недаром он до сих пор является внештатным корреспондентом «Шахтёрской правды». Помнится, в годы моего собкорства в областной газете «Кузбасс» мы с Давыдовым, бывало, писали один материал на двоих, почти как Ильф и Петров. Наши совместные публикации о горняках, о социальных проблемах, базах отдыха и лечения прокопьевских шахтёров выходили не только в газетах, но и в журнале «Советский шахтёр», даже в сборниках очерков об угольщиках региона, которые – было время – часто выходили из печати в Кемеровской области.

С Давыдовым можно легко сработаться. Он добрый, юморной, покладистый порядочный и общительный. Слог у него лёгкий, но обстоятельный. Может разговорить любого. Шахту знает до мелочей – а эта тема для прокопьевских журналистов в те времена была основной: город в 1980-е имел полтора десятка шахт, в этой отрасли работал едва ли не каждый третий, а то и второй житель. И горняки – особая каста – пользовались завидным уважением. Это сегодня в Прокопьевске нет ни одной шахты, все закрыли...

Но вернусь к Виктору Ивановичу. В октябре 1986 года его приняли в Союз журналистов России. Было за что! Кроме «Шахтёрки» он печатался в таких периодических изданиях, как городские и областные газеты «В бой за уголь», «Весь Прокопьевск», «Вита Плюс», «Диалог», «Кузбасс», «С тобой», «Шахтёрский край», в журналах «Семья и школа», «Уголь Кузбасса», «ТЭК и ресурсы Кузбасса» и в других изданиях.

В его авторском багаже и книг немало: «Шахта «Центральная» (3-3 бис)», «Открытки – покорители недр», «Иван Борисов – первый стахановец Кузбасса», «Единый коллектив» (из опыта работы совета ветеранов шахты «Центральная»), «Калейдоскоп жизни Павла Ярового», «Шахтёрские истории», «Здесь целый город под землёй». Его статьи и очерки вошли в книги-сборники «Шахтёры», «Жемчужина России», «Шахтёрские бригады Кузбасса».

Угольная тематика, прямо скажем, не самая простая. По себе знаю. А изложить события, рассказать о деле и его людях надо так, чтобы, с одной стороны, всем и каждому было понятно, с другой, чтобы шахтёры не подняли «писателя» на смех.

Виктор Давыдов об этой проблеме рассуждает вот как: «В повествовании о шахтёрских ситуациях я старался избегать профессиональных терминов, исходя из

того, что читателю, далёкому от шахтёрской тематики, сложно воспринять их. Конечно же, даже при всём старании, этого не удастся сделать. Да и как обойтись без таких слов, к примеру, как «печь», «штрек», «сбойка» и других колоритных слов? Без них, пожалуй, просто невозможно будет передать атмосферу работы шахтёра». Документалистика, очерковые заметки, основанные на реальных событиях, привлекают Виктора Ивановича особо. Тут ведь выдумывать ничего не надо – особая жизнь и работа шахтёров под землёй уже всё за тебя выдумала. Только не ленись, пиши об этом толково и непредвзято – так действует журналист и публицист Давыдов. А оценки этого труда бывают порой самые неожиданные.

– Вот, допустим, мой очерк «Сутки в завале» про Геннадия Шолохова «Шахтёрская правда» опубликовала в 1989 году, – приводит он пример. – Прошло 35 лет, недавно в «Одноклассниках» мне пишет тот самый Геннадий Шолохов, герой моего очерка: «Виктор Давыдов, это вы, наверное, работали редактором газеты «В бой за уголь»? Как вы тогда мастерски рассказали о том, как я был в завале!»

Уточню: было и так, что Виктор Иванович редакторствовал в многотиражке «В бой за уголь» шахты «Центральная», замещая настоящего редактора Н. Л. Сапронову, когда та уходила в отпуск.

С какой любовью и уважением пишет он о своих земляках-шахтёрах! Читаешь и завидуешь этому неброскому пиетету, на самом деле, идущему из глубины души. И героев своих рассказов он не выдумывает – они живут с ним рядом:

«Анна Степановна Старушкина день своего рождения отмечает в начале года. Преклонного возраста. Живёт в своем домике в посёлке Зенковские Уклоны. Здесь совсем как в деревне: тихо, улочки занесены снегом, пройти можно только по узенькой тропинке, протоптанной редкими прохожими.

Очень снежным выдался нынешний год. Анна Степановна берёт лопату и очищает дорожку от дверей дома до калитки: а вдруг гости заглянут проведать? Ловко орудует лопатой, невольно подумаешь, да на самом ли деле ей столько лет? А она смеётся:

– Да я ещё молодых за пояс заткну. Сено-то летом для своих козочек сама накосила! Анна Степановна и с работой шахтёров знакома не понаслышке. Самой доводилось в шахте бывать и даже поработать, пусть и на производственной практике. Эти рабочие смены под землёй для неё на всю жизнь стали незабываемыми...». («Хор в шахте», «Шахтёрские истории», книга первая, 2003. С. 12).

Или вот ещё:

«В деревушке Котино, что верстах в сорока от Прокопьевска, в 30-х годах ни одного двухэтажного строения не было, сплошь неказистые избышки стояли. Здесь прошло беззаботное детство Ефима Григорьевича Кравчука. Не заметил, как вырос в крепкого парня, втянулся в колхозную работу, наравне с мужиками косил и обрабатывал землю. Пока однажды не сказала ему мать:

– Вот что, Ефимушка... Вырос ты у меня большой, теперь и семье помочь сможешь – ведь ещё четверых поднимать. Я тебя, конечно, не неволю, но съездил бы ты к

дяде своему Василию в Прокопьевск, говорят, там на шахту народ набирают. Может, и ты надумаешь... Только сразу не соглашайся, приглядишься что к чему.

Больше пятидесяти лет с той поры минуло. А всё живо в памяти. Как приехал в город – ахнул: это же надо, столько домов понастроить в одном месте! И не просто домов, а один над другим. Этажами называются. Хотя, конечно, оно, поди, дешевле: три дома друг на друга поставлены, а покрыты всего одной крышей!» («Сократ», книга «Там целый город под землёй». – Санкт-Петербург: Моя строка, 2018. С. 17-18).

Ещё об одном увлечении Виктора Ивановича нельзя не сказать: он спортсмен до самых мочек ушей. Например, лёгкой атлетикой, а конкретнее, бегом, занимался несколько десятилетий. Особенно любил марафонские дистанции. Был участником целых пяти Московских международных марафонов Мира. События грандиозные, которые давали позитивный заряд Виктору Ивановичу на длительное время. В ММММ принимали участие тысячи профессиональных спортсменов и любителей этой легкоатлетической дисциплины не только из нашей страны – со всего мира. Виктор Иванович отпрашивался с работы, подменялся, брал отпуска без содержания, чтобы только попасть в Москву на марафон. Высокий, стройный, поджарый, он мог составить конкуренцию многим мастерам бега.

Второй вид спорта – интеллектуальный, тихий, застольный – это шахматы. Любовь к древней игре привил Давыдову один из его старших братьев. В годы работы на ПЗША создавались внутризаводские шахматные команды, за которые он с удовольствием играл. А когда трудился на шахтах – участвовал в общешахтных соревнованиях. Постепенно отточил искусство так, что позвали в тренеры-преподаватели по шахматам. Ещё в 1973 году известный прокопьевский шахматист, международный арбитр по шахматам, детский тренер и организатор Павел Николаевич Зорин на базе клуба «Пешечка» создал шахматно-шашечную спортивную школу № 2, сам стал её первым директором и пригласил Виктора Давыдова поработать в этой ДЮСШ.

За годы преподавания Виктор Иванович вместе с Павлом Николаевичем, другими тренерами-преподавателями воспитали не одно поколение настоящих шахматистов. Золотыми буквами в историю ДЮСШ № 2 вписаны имена мастеров игры Андрея Харлова, Владимира Исупова, Ольги Трофимовой, Дмитрия Ситникова, Вадима Янкина. В учреждении и поныне успешно развиваются отделения шахмат и шашек, обучение игре на чёрно-белом поле проходят 800 воспитанников.

Давыдов и сейчас продолжает шахматные уроки с ребяташками детсадовского возраста, участвует в соревнованиях. «Завтра, – пишет мне в письме по электронной почте 6 мая 2024 года, – предстоит ответственный поединок в городском первенстве по шахматам с 13-летним игроком, у которого являюсь первым тренером. Как-то не хочется ему проиграть...». Соглашаюсь с ним, действительно, досадно было бы учителю уступить своему ученику.

20 апреля 2024 года Виктор Иванович встретил 85-летие.

Он по-прежнему бодр и энергичен. Трудится на приусадебном участке: «Хворать некогда. Пашу на огороде как папа Карло! Правда, засыпаю потом мгновенно, и сплю богатырским сном!»

Что тут скажешь?! Я рад другому, тому, что у него полно творческих планов. Задумал выпустить сборник написанных уже детских сказок: «Идею одобрили и детсадовское начальство, и детки», – это про тот детсад, где учит дошкольников шахматному искусству. Не сомневаюсь, и новые шахтёрские рассказы зреют в его мудрой голове... Тут-то уж ему, талантливому, все карты в руки. Не знаю, кому как, а мне доставляет большое удовольствие читать непреходящие строки его оригинальной, документально-литературной горняцкой прозы:

«А на «Центральную штольню» девчонок послали разбирать конвейер. По печи поднялись на параллельный штрек. Круто, трапов нет, какой-то канат привязан сверху за срубину. С помощью этого каната и вскарабкались одна за другой. Кругом всё завалено: уголь, поломанные стойки, обломки плах. Инструктор производственного обучения показал, где и что раскрутить, и ушёл дать задание другой группе ремесленников.

Стали разбирать конвейер, увлеклись. Быстро управились. Довольные, что так хорошо выполнили задание, уселись здесь же, кто на чём, и давай песни петь! В шахте, в замкнутом пространстве, песня звучит по-особенному, не так, как наверху.

Вдруг откуда-то сверху голос:

– Эй, это кто ещё там распелся? Убирайтесь поживее оттуда, сейчас уголь перепускать начнём! Вас же засыплет к едрене-фене!

Перепугались девчонки и словно горох по канату через узкий лаз – печь попрыгали на основной штрек. Кроме Ани. Не может, и всё тут. Очень перепугалась и не сообразит, как спуститься. Боится на канате повиснуть.

Побежали подружки за помощью. Хорошо, что инструктор недалеко был с другой группой ребят. Заскочил он наверх:

– Ты что это, Аня, расселась? А ну-ка быстрее шевелись!

Обхватил её одной рукой, другой за канат держится. Крепкий, сильный был мужчина. Словно котёнка вытащил девчонку.

Не успели отдышаться, как в лаве что-то обрушилось с грохотом. Аж под сердцем захолонуло – это ж чуть не попали под завал...». («Хор в шахте», «Шахтёрские истории», книга первая, 2003. С. 13-14).

Что ж, пожелаем ему ещё немало таких интересных рассказов!

Алексей Доронин: «Верю, что мы справимся со всеми вызовами времени»

Алексей Доронин родился 10 сентября 1984 года в Прокопьевске. Окончил факультет романо-германской филологии Кемеровского государственного университета. Работал преподавателем английского языка, корреспондентом городской муниципальной газеты, специалистом по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям на одной из угольных шахт в Прокопьевском районе Кемеровской области. Писатель и сегодня живёт в Прокопьевске.

Алексей – автор произведений в жанре постапокалипсиса и боевой фантастики. Большинство его произведений посвящены теме выживания в период глобальной катастрофы или мировой войны.

Его дебютная книга «Чёрный день» появилась в 2009 году. В центре сюжета – события постапокалиптического мира, события происходят после крупномасштабной ядерной войны, поставившей человечество на грань вымирания. Оставшиеся в живых герои пытаются найти средства для дальнейшего существования. Место действия главной сюжетной линии – Западная Сибирь и Урал. Герои – жители Сибири, борющиеся за жизнь в условиях «ядерной зимы» и разрушения цивилизации.

В роман автор ввёл две линии – это истории Александра Данилова и Сергея Демьянова. Первого персонажа ядерный взрыв застаёт недалеко от родного города

Прокопьевска. Александр решает вернуться домой, но жизнь там становится невыносимой. Горожане готовы убить друг друга за еду, радиационный фон повышается, принося за собой жертвы.

Сам Алексей так рассказывает о своём писательстве:

«Первые идеи, связанные с творчеством, пришли ко мне ещё в школе, но тогда я хорошо осознавал свою недостаточную зрелость и неготовность к этому занятию. Такого писательского зуда, графомании, которые бы обуревали меня – не было. Поэтому идеи в моей голове вызревали, а я спокойно дождался поступления в университет (я филолог по образованию), и только курсе на втором начал набирать первые страницы. Постепенно из них сложились черновики первого романа. Это и был «Чёрный день». Ну а потом я выложил их в сеть, на Самиздат (samlib.ru) – там на меня и наткнулось издательство «Крылов». А дальше мой путь уже был прямой линией, с некоторыми заминками, вызванными жизненными обстоятельствами, но без особых поворотов в сторону. Однажды, задумав написать Максимально Подробный Роман про Ядерную Войну, – я от этой идеи уже не отступал».

Общий объём книги – около 1500 страниц. Эпизодические вставки-интермедии посвящены глобальным событиям, происходящим на театрах третьей мировой войны от Шпицбергена до Австралии.

Жанр романа ближе всего к фантастическому боевику, но им не исчерпывается. В основу его положены научные теории, реальные геополитические процессы и военные доктрины государств. В нём нет шаблонов бульварной фантастики о «радиоактивных мутантах».

Это динамичное произведение, сочетающее элементы хоррора (ужаса) и боевика. При написании автор консультировался у специалистов по техническим вопросам (техника, оружие, радиация и средства защиты от неё), а также опирался на собственные профессиональные знания инженера по ГО и ЧС.

В продолжение этой темы Алексей сочинил такие романы, как «Сорок дней спустя» (2010), «Утро новой эры», «Поколение пепла» и «Дети августа», также вышедших в издательстве «Крылов» (Санкт-Петербург) и объединённых в серию «Чёрный день».

А его повесть «Кабельщики» рассказывает о возможных проблемах встречи с внеземным разумом. В романах писатель часто вводит биографические отсылки, сближающие его персону с героями сочинений.

Один из критиков написал о произведениях А. Доронина:

«Книги цикла «Чёрный день» уже названы «лучшей панорамой постъядерного мира». Совершенно согласен с такой формулировкой, потому что эти романы поражают своей реалистичностью. Здесь нет монстров и мутантов, но и без них, а скорее всего именно потому, что их здесь нет, читать эти романы совсем непросто. Это не приключенческая фантастика с антуражем погибающего мира. Это суровое, полное безысходности, отчаянья описание картины мира на примере отдельных, совсем разных людей, которые несмотря ни на что, отчаянно пытаются выжить. Выжить в бомбоубежище Новосибирска, в окрестностях сгоревшего в ядерном костре города. Ужас ещё и в том, что романы эти не воспринимаются как

фантастика... Они практически с документальной точностью воспроизводят хронологию этого выживания, по часам, по дням... И каждый час этой «почтижизни» – непрерывная борьба, боль, ужас того мира, где для человека уже не осталось места. Вы считаете, что ничего не боитесь? Почитайте эти романы...».

Помимо этого, автором написан роман под названием «Метро-2033: Логово» (для межавторского цикла издательства АСТ «Вселенная Метро-2033», 2017), созданный на стыке научной фантастики и хоррора.

В настоящее время Алексей Доронин продолжает работу над научно-фантастической серией в жанре киберпанка (жанр научной фантастики, отражающий упадок человеческой культуры на фоне технологического прогресса в компьютерную эпоху) с рабочим названием «На пороге вечности», посвящённой переломному моменту в развитии человечества ближайшего будущего и возможным технологическим прорывам в области создания искусственного интеллекта, нано- и биотехнологий. Первая книга серии «В двух шагах от вечности» уже увидела свет в 2020 году.

Основная мысль серии в том, что уже в ближайшее время за счёт развития информационных технологий откроются, а точнее, уже открылись колоссальные возможности для манипуляции большинством со стороны меньшинства, которое имеет доступ к этим технологиям.

«Уточню, что «киберпанк» – упрощённое определение, – рассказывает сам писатель. – То, что я пишу, довольно далеко стоит от первых западных образцов жанра 1970-1980 годов. Если быть точным, то у меня это научная фантастика ближнего прицела с акцентом на перспективные технологии NBIC.

НБИК-технологии – это аббревиатура, составленная по первым буквам таких дисциплин как: N – нано; B – био; I – инфо и C – когито (осмысление). То есть прорывные технологии в важнейших сферах, которые могут изменить и всю техносферу, и природу самого человека, и его сознание. А заодно породить то, что может человека заменить.

Эта книга имеет и социально-политический аспект. Это не эскапистское, далёкое от жизни литературное развлечение. Она о мире, похожем на реальный тем, что в нём бушуют конфликты, связанные с вопросами власти, собственности, идеологии, а не только столкновения «плохих» и «хороших» людей. Ну а героев и избранных тут тоже нет. Просто каждый пытается выплыть в этом море как может, в соответствии со своими жизненными установками. Персонажи – от повстанцев и хакеров-отщепенцев до миллионеров-депутатов и защитников старого порядка из спецслужб».

– Я давно хотел написать книгу не о конце света, а о том, к чему мы можем прийти с развитием современных технологий, – подчёркивает он. – Ведь это происходит уже сейчас, на наших глазах. Меня волнует тот аспект технологий, который может привести к контролю над сознанием людей, к возможности манипулирования массами. Так появился замысел серии книг «На пороге вечности».

Я считаю, что появление настоящего искусственного интеллекта станет большим вызовом человечеству. Не хочу рассказывать, чем в моих книгах является этот

интеллект, чтобы не лишать читателей удовольствия самим об этом узнать. Но попробую порассуждать. Искусственный Интеллект – вещь амбивалентная, двойственная. В книгах у меня показано, что самое главное зло приходит со стороны людей всё же. А не от технологий, которые пока всего лишь инструмент.

Но иногда мне кажется, что именно искусственный Интеллект может принести благо человечеству. Что он способен действовать непредвзято, бескорыстно, руководствуясь разумными целями. Тогда он может помочь спасти человечество от самого себя, которое обзавелось массой самоубийственных «игрушек», типа ядерного или бактериологического оружия, но в социальном плане не очень продвинулось с древних времен. Просто неравенство стало другим, более замаскированным. А ещё есть генная инженерия, нанотехнологии... Уточню: я не технофоб. Я за использование технологий, но на всеобщее благо. Запрещать развитие науки и техники неразумно и невозможно...

Литературные критики отмечают качественный художественный слог автора, оригинальные сюжетные линии и философскую основу его творений.

Сам Алексей называет себя «филологом-сурвивалистом» (сурвайвализм от англ. survivalism – выживание), верит в прогресс и светлое будущее, но готовится к тёмному.

«Научная фантастика – более широкое поле, если не замыкаться в жанре, – уверен он. – Особенно если она опирается на реальные тенденции, на научную картину мира и социальное моделирование, на сложный социум реального мира, экстраполированный в будущее (хотя этот перенос и чреват ошибками). Но это всё равно не должен быть образ картонного «далёкого будущего», где почему-то в звёздных империях или федерациях среди «чужих», среди оружия Предтеч и станций размером с планету живут такие же люди, как мы, у которых даже психология ничем не отличается от нашей. При том что мы сами отличаемся от людей XIX века. А уж про средневековье я и не говорю. Даже поколение тех, кому сейчас двадцать, отличается от тех, кому сейчас сорок, очень сильно.

При этом никто не запрещает автору брать отдельные элементы из разных поджанров, даже и постапокалипсиса. Например, крах цивилизации, может быть локальным, региональным. И соседствовать с высокотехнологичным социально поляризованным обществом».

В интервью городской газете «Шахтёрская правда» (14 мая 2020) особой темой было отношение к критике читателей:

– Благодаря интернету, социальным сетям, автор практически мгновенно получает отзывы на своё творчество. Люди разные, мнения могут быть оскорбительными. Но к откликам в интернете отношусь положительно, – говорит Алексей Алексеевич. – Каждый человек имеет право на своё мнение, произведение не обязано нравиться всем. Но если люди критикуют без оснований, просто в порядке интернет-троллинга, из зависти, либо по каким-то другим мотивам, выходящим за рамки качества литературы, то это сразу видно. И заблокировать на своих страницах в соцсетях или на своих сайтах таких комментаторов – обычная практика для любого пишущего человека. Никто перед ними не оправдывается и не извиняется, никто не

позволяет трепать себе нервы. И даже мнения профессиональных критиков или собратьев по перу могут быть необъективны...

Поэтому он ориентируется не на наличие отрицательных отзывов, а на наличие положительных. Особенно, подчёркивает, если пишут из разных городов, из разных стран и социальных слоев, люди разного возраста, – значит, его творчество нужно.

На вопросы: насколько важно писателю много читать? Сколько книг в месяц читаете лично вы? Только ли художественную литературу? – Алексей Доронин ответил:

– Довольно многие коллеги по перу признаются в интервью, что читают фантастики не очень много. Наверное, дело тут не только в цейтноте. Многие из творцов имеют ещё основную работу, и российского фантаста можно увидеть где угодно. Хоть программистом, хоть кассиром или охранником «Пятёрочки». Но в том-то и дело, что глаз профессионала совсем по-другому смотрит на конечный продукт своей деятельности. Думаю, это касается и режиссёров, и сценаристов, и художников, и изобретателей, и шеф-поваров... кого угодно. Видишь не только чужие огрехи, и внутреннюю структуру шедевра (или антишедевра), но и наоборот, чужие удачи, находки, которые неплохо бы скопировать... а нельзя. Для некоторых авторов чужие произведения того же жанра могут казаться ненужным информационным шумом, сбивающим с толку и уводящим не туда. Судя по интервью, некоторые из маститых писателей не читают беллетристику совсем. Читают другое. Non-fiction (произведение, где используются невымышленные события), прежде всего. И соцсети. Смотрят котиков в них. Нервы-то надо расслаблять.

Безусловно, читать нужно. Но в целом я сейчас потребляю гораздо больше сетевой периодики и публицистики, чем фантастики. Например, для работы над киберпанковской трилогией перечитал тысячи статей с научных порталов. Читал и специальную литературу. Думаю, у многих людей львиную долю в объёме прочитанных за день страниц занимают соцсети. И это не грехопадение, а примета времени. Больше двух романов в месяц я вряд ли читаю (по сравнению с тем, сколько я читал фантастики подростком – это вообще «ни о чём»). Причём, чаще это не новые произведения, а что-то старое. Вот сейчас перечитываю Станислава Лема.

К 2020 году в авторском активе Алексея было уже более десяти книг за десять лет – восемь романов и четыре повести: «Не всегда получается написать книгу за год, иногда времени уходит и больше... У меня ведь есть и основная работа, на шахте. Поэтому не всё своё время я могу направить на творчество. А во-вторых, даже целый роман за год – это по современным меркам очень-очень медленно. Есть авторы, которые пишут по четыре романа в год...

Когда видишь, что другим для книги достаточно и четырёх месяцев, что они пишут каждый день по 20 тысяч знаков, то понимаешь, что нужно как-то мобилизоваться, нужно работать. Не спешить в ущерб качеству, а именно трудиться, и не искать себе оправданий вроде «творческого кризиса». Чужая производительность тебя в большой мере стимулирует».

Алексей Доронин всё больше ориентируется не на бумажный, а на электронный вариант опубликования своих книг. Ведь насколько известно, сейчас каждая вторая

прочитанная книга в России – это книга в электронном варианте. Однако, это не всегда законно приобретенные книги, от которых автору ничего не достаётся. А писателю надо что-то есть и кормить семью. Даже если он пишет не только и не столько ради денег. Вот почему он вынужден работать не только за писательским столом.

Конечно, он многое переживает вместе со своими героями, без этого никакой профессионализм в описании событий невозможен. Бывают в книгах моменты, когда автор переживает при написании катарсис, то есть сопереживание, когда его пробирает до глубины души: «Наверно, можно работать ещё более отстранённо, как на конвейере, когда произведения собираются из деталей, как конструктор. Я тоже планирую сюжет и композицию, применяю литературные приёмы осознанно (как филолог их ещё и изучал в университете), но всё же часто переживаю происходящее с персонажами. Вредит ли это здоровью? Думаю, не очень, потому что реальная жизнь куда сложнее и тяжелее придуманных сюжетов. А главное – ближе».

Он считает, что во все времена у человека была потребность со стороны посмотреть на катастрофу. Ведь тот же Шекспир часто писал далеко не весёлые истории. В творениях древнегреческих драматургов и трагиков полно крови и ужаса. Или вспомним Гомера. Искусство не бывает без конфликта. «Но у меня в книгах, как мне кажется, несмотря на натурализм, нет смакования чернухи и ужасов. Я всё равно остаюсь на стороне гуманизма и у меня всегда есть сопереживание нормальным людям, сохранившим человечность, а не аморальным негодяям... Такие сюжеты помогают нам представить себя на их месте. Задуматься, как мы бы справлялись с реальными трудностями».

Как фантаст, он считает, что нас ожидает сложное будущее. Впереди у человечества новые серьёзные испытания, и пандемия – не единственное из них:

– Но как обычный человек я верю, что всё будет хорошо, и мы справимся со всеми вызовами времени.

Юрий Дьяконов: «Для журналиста важно даже не то, что видно из окна, важен человек, который в него смотрит»

Однажды одну из своих многочисленных публикаций Юрий Васильевич Дьяконов подписал так: «Выпускник газеты «Шахтёрская правда» 1974 года». Прокопчане, те, кто это прочитал, одобрительно отметили: «Наш человек».

Так и есть. Юрий Васильевич родился в Прокопьевске 20 мая 1940 года. Здесь же учился в школе № 7. По первому образованию он строитель – в 1960 году окончил Сталинский горный техникум (ныне Новокузнецкий горнотранспортный колледж имени В. Ф. Кузнецова).

Пока учился, был внештатным корреспондентом прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда». И вообще, непонятно, зачем ему этот техникум? Ведь писательская жилка проснулась в нём ещё в детстве: «Моя первая заметка в этой газете была опубликована, когда я ещё учился в пятом классе», – признаётся он.

Но потом Юра понял, где находятся «ключи» от его призвания, поехал в Москву и поступил в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. А окончив его в 1971 году, получил диплом журналиста.

Учился хорошо, поэтому предлагали продолжить учёбу в аспирантуре МГУ, но он не согласился. Позднее вспоминал, что в столице не понравилось, как люди друг к другу относятся: обсуждают, кто что сказал, кто что сделал, а деньги для них –

главный интерес: «Наши люди как-то честнее». И отношения в редакции, в которой он начинал свою карьеру, не то чтобы дружеские, более человеческие были. К теме МГУ мы ещё вернёмся. А пока – про «Шахтёрку». В прокопьевской городской газете он отработал 13 лет – до возраста Христа.

– Годы, отданные «Шахтёрской правде», стали для меня, пожалуй, одними из лучших, – делится Юрий Васильевич. – Основное время моей работы там пришлось на редакторство очень мудрого, умеющего ценить инициативу Владимира Лаврентьевича Барина. Я перед ним снимаю шляпу, как и перед Екатериной Белокопытовой, Леонорой Бейлиной, Эвелиной Васильевой, Анатолием Цыряпкиным, Эдуардом Савицким, Валентиной Ерофеевко и многими другими, с которыми пришлось держать газету в тонусе жизни.

Профессиональная школа, которую прошёл здесь герой нашего повествования, трудно переоценить. Пятиразовая газета всегда требовала большого напряжения сил каждого работника редакционного коллектива. Отсидеться за чужими спинами тут было невозможно, да и не в правилах Дьяконова прятаться за других. Он трудился с огоньком, с интересом вникая в тонкости работы газетного штаба – секретариата редакции, учился макетированию, осваивал вёрстку полос.

Здесь, в Прокопьевске, он обрёл профессиональный опыт, здесь по-настоящему раскрылось его редкое оформительское дарование, в котором слились острый ум, сметливый взгляд на содержание очередного номера, умение сделать его привлекательным или, как говорят газетчики, «читабельным». И вообще, ветераны прокопьевской редакции отмечали, что их молодого коллегу отличает постоянный творческий поиск, исключительная добросовестность, высокая ответственность за порученное дело.

К слову, «Шахтёрская правда» стала отличной школой мастерства для многих маститых журналистов. Здесь в своё время начинали корреспонденты «Известий» Пётр Ворошилов и «Комсомольской правды» Владимир Снегирёв, главный редактор областного книжного издательства, писатель Зинаида Чигарёва, главные редакторы областной газеты «Кузбасс» Александр Трутнев и Виктор Кладчихин, модный московский фотохудожник Дмитрий Коробейников и многие другие.

Надо отметить, «Шахтёрка» первой в Кемеровской области и одной из первых газет в СССР перешла в 1970-х на офсетную печать. И в этом принимал участие Юрий Дьяконов. И когда он в 1974 году перешёл в областную молодёжную газету «Комсомолец Кузбасса» и переехал в Кемерово, не забывал свою малую родину, часто бывал здесь, навещал и редакцию, в стенах которой начиналась его творческая биография.

А дальше творческий рост ожидаемо привёл его в 1978 году в главную газетную редакцию области – в «Кузбасс». Здесь Юрий Васильевич более 30 лет трудился в одной из самых ответственных должностей – до 2009 года был ответственным секретарём этого издания. Работа, прямо скажем, хлопотная, с интригами – как же без этого! – и «подводными камнями». Ведь в областной газете Кузбасс работали такие «зубры пера», как Максим Щербаков, Александр Зайцев, Анатолий Бельчик, Инна Золина, Лев Амбиндер, Александр Ивачёв, Виктор Моисеев, Татьяна

Ганичева и многие другие. И каждый – талант со своим характером, к каждому надо суметь найти подход... Он умел найти выход, компромисс, если хотите, из многих щекотливых, непростых ситуаций, которые нередко возникают в творческом коллективе среди «звёздных» коллег. Потому что пользовался у них авторитетом, а также не завистлив, не жаден на доброе слово, умеет быть объективным.

Отыскиались замечательные заметки о Дьяконове, написанные коллегой-журналистом Василием Попком:

«Глуховатый голос в телефон: «Здорово. Это Юра». Это Юрий Васильевич Дьяконов, старый товарищ. Ветеран нашей журналистики. Мастодонт и звероящер профессии. Неотъемлемая часть редакционного пейзажа. Всегдашний и вечный, как Горелая гора напротив конторы, на том берегу Томи.

Когда я пришёл в «Кузбасс», а это, дай Бог памяти, 1986 год, он уже был. Когда уходил, это было не столь давно, он оставался. Кстати, такой же меднокожий, как та Горелая гора: все бледные после зимы, а он сияет во всю лысину – успел до схода снегов на Поднебесные Зубья, там и нахватался солнышка. Заодно семинар фотографов провёл. Самое место для таких семинаров: много света, много воздуха и сахарные снежки на дальних пиках.

Все фотографии Кемеровской области – его ученики. Или, по крайней мере, земляки, как Юра Сергеев. А ещё есть Юра в квадрате – Юрий Юрьев. Они все, которые с камерой, – Юры, что ли? Нет, вот же Федя Баранов...

Дьяконов не только фотограф. Фотография из основной профессии перешла в хобби, в отдохновение от дел. Он много лет был газетным архитектором, ответственным секретарём редакции. Ответственный за дизайн, за газетный облик. Чтоб было не только содержательно (признаемся, это не так уж часто случается), но и красиво (при нём – всегда)».

Юрий Дьяконов не из тех, кого читатель знает по публикациям, потому что у него была другая задача – создать лицо газеты. Заботился, чтобы можно было легко найти «гвоздь» номера, чтобы газету было удобно читать, чтобы полосы не казались «слепыми», а тексты гармонично дополнялись фотографиями. Для всех, кто знаком с Юрием Васильевичем, он безусловный авторитет газетного и полиграфического мира.

Дьяконов любил экспериментировать с вёрсткой и газетным оформлением, не боялся внедрять в облик газеты новое, современное, чтобы лицо газеты не отставало от времени. Признаётся, что этому его в своё время Москва научила, учёба в МГУ дала много знаний и возможностей.

В студенчестве Юрий Васильевич прочитал немало книг по дизайну (в университете великолепная библиотека), покупал зарубежные газеты, сравнивал их с нашими. Так у него возникла идея: внедрить модульную сетку, которую всю использовали на Западе. Благодаря Дьяконову «Кузбасс» стал одной из первых газет в стране, где применили эту технологию, даже в Москве о ней знали мало.

«Любая пропорция, – объясняет Юрий Васильевич, – соотносится с золотым сечением, испортить этим соотношением газетную полосу просто невозможно».

Незнающий человек даже не поймёт, почему обычная газетная страница настолько притягивает взгляд. Просто захочет читать...

Разработка модуля для «Кузбасса» у него заняла два года: «Я всё отнёс верстальщикам, объяснил. Сначала они сопротивлялись, но потом согласились – оказалось, очень удобно», – рассказывает журналист. Руководство безраздельно ему верило, мол, Дьяконов плохо сделать не может.

За разработку и внедрение инновационных технологий вёрстки газет Юрий Васильевич удостоен звания заслуженного работника культуры РСФСР (1984), а позже ему за это присудили премию Правительства Российской Федерации.

Модульную вёрстку газеты Юрий Васильевич помог внедрить и в родной «Шахтёрской правде». Мне вспоминается 1986 год – я в это время был главным редактором «Шахтёрки». Однажды мы с Валерием Гужвенко, который тогда работал заместителем редактора, разговорились о том, как сделать городскую газету более привлекательной. Вспомнили о Юре Дьяконове и его модульной вёрстке. Созвонились с ним, попросили помощи, и он на несколько дней приехал в Прокопьевск. За эти дни мы много чего услышали от него о правилах «золотого сечения», «золотых пропорциях», и как это можно и нужно использовать в газете.

Как сейчас помню его рассуждения о том, что «корни любой формы находятся в природе и могут быть описаны с помощью чисел в математике, золотое сечение представляет собой идеальное сочетание баланса и гармонии», что красота есть и в чёрно-белой газетной полосе. Юрий Васильевич всё нам рассчитал, помог создать шаблоны новых макетов газетных полос (модульные сетки), провёл несколько занятий с ответственным секретарём газеты Галиной Александровной Щербаковой и метранпажами газетного цеха типографии.

Не углубляясь в теорию и постоянные расчёты идеальных пропорций между колонками, строками, фотографиями и прочим, скажу, мы просто ахнули, когда вышел первый номер нашей обновлённой газеты! Она стала какая-то воздушная, светлая, просторная, хотя материалов в ней было опубликовано не меньше, чем раньше. Мы поздравляли друг друга, жали руку мэтру Дьяконову, который устроил нам и нашим читателям этот праздник.

Вот что вспоминает бывший ответственный секретарь «Шахтёрской правды» Г. А. Щербакова:

– В середине 1980-х наша редакция оказалась «впереди планеты всей». Мы первыми в области, да, возможно, и раньше газет в других регионах применили в оформлении модульную вёрстку. Её разработал бывший наш сотрудник, ответственный секретарь газеты «Кузбасс» Юрий Дьяконов. «Шахтёрская правда» приобрела абсолютно новый дизайн. Она стала более современной, стильной, элегантной. Это началось при редакторе Сергее Черемнове. А следом – уже при редакторе Валерии Гужвенко – мы, можно сказать, совершили переворот в оформлении первой полосы...

Помню, как я тогда предложил Юрию Васильевичу приличный по тому времени гонорар, но он отказался наотрез, согласился только с тем, чтобы мы взяли на себя

его командировочные расходы: «Я «Шахтёрке» обязан многим, если не всем», – сказал он. На том и порешили.

После Дьяконов начал проводить семинары по этой теме для редакторов других городских, районных и иных периодических изданий Кемеровской области.

Свои передовые идеи он помогал внедрять в газеты, и уже находясь на заслуженном отдыхе, в 2000-2010-е. Например, именно Дьяконов по просьбе спортивных журналистов разработал макет приложения к газете «Кузбасс» с названием «Спортивная арена» – и оригинальный, и логичный, и насыщенный, и яркий. А главное – понравившийся читателям.

– Я сменил его на посту ответсека газеты «Кузбасс», – вспоминает Андрей Королёв, который ныне – член редколлегии литературного журнала «Огни Кузбасса», – но часто спрашивал у Юрия Васильевича совета, уговаривал его, удивительно скромного мэтра, написать о каком-либо событии или прислать фото из богатейшего личного архива. Потому что знаю: всё, что исходит от Дьяконова, будет качественно. И вообще главная его черта (и главное наследие, оставленное им газете) – реальная, осязаемая, подкреплённая образованием, талантом и опытом солидность. Её впитывали страницы «Кузбасса» на протяжении тридцати с лишним лет работы Юрия Васильевича в редакции, он буквально излучал её. Именно любовь и серьёзное, вдумчивое отношение к своему делу и отличают этого мастера в первую очередь.

Дьяконов всегда любил путешествия. Объездил едва ли не всю нашу страну и ещё полмира. А начиналась эта тяга к путешествиям с тех времён, когда трудился в Прокопьевске. О необычных поездках в молодости – в начале 1970-х – он рассказал в публикации «Прокопьевск и океаны» (газета «Кузбасс», 11 сентября 2010):

«Шахтёрская правда» подарила мне множество встреч с интереснейшими людьми и... кораблями. Эти встречи происходили, как мне сейчас кажется, на грани мистики и счастливого стечения обстоятельств в очень ограниченное время. Корабли носили имя «Прокопьевск». Одно рандеву состоялось в Мурманске, а другое – во Владивостоке...».

Сначала он побывал в Мурманске на большом морозильном рефрижераторном траулере (БМРТ) «Прокопьевск». Как-то вечером, будучи в Москве, он прочёл в газете «Известия» заметку о том, что «Прокопьевск» вернулся в порт Мурманска с полными трюмами рыбы: «На следующее утро я позвонил в Мурманск директору тралового флота. Он меня разочаровал, сказав, что «сегодня в 16 часов «Прокопьевск» уходит на промысел. Он уже стоит на рейде». Я бесшабашно заявил, что постараюсь в обед быть в Мурманске и, схватив фотоаппарат, рванул во Внуково».

Он благополучно долетел и в уже 15 часов был у проходной в порт. И тут с ужасом обнаружил, что редакционное удостоверение в спешке забыл в Москве. Обзвонил всех начальников порта, но телефоны молчали. Тогда Юрий Васильевич, набравшись смелости, подошёл к начальнику на КПП и сказал, что он корреспондент из Прокопьевска и ему срочно надо попасть на БМРТ

«Прокопьевск». Не попросив удостоверения, тот сказал: «Ну, иди». Он пулей прибежал в диспетчерскую, там вызвали катер, чтобы доставить на корабль. Портовые краны, корабли стали объектами для его фотосъемки: «сплошная экзотика для сухопутного человека. А вот и «Прокопьевск» – стометровый красавец. Вбегаю по трапу на палубу. Меня встречает третий помощник капитана, и мы идём к капитан-директору. Излагаю просьбу: мне нужен человек, который ходил в первый рейс и может интересно рассказать о корабле, команде.

– Лучше старшего механика мы никого не сыщем, – сказал он...

Пришли в каюту стармеха. Здесь десятки приборов, все системы корабля под контролем. Представляюсь:

– Я из Прокопьевска.

– А я тоже с «Прокопьевска», – сказал он.

– Я из города Прокопьевска, – пришлось уточнить.

– Слушай, какое это имеет значение!

Пришлось изложить цель своего визита. На что стармех ответил неожиданно: «Пока не выпьем бутылку коньяка, ни о чём рассказывать не буду». Из сейфа он достал баночку икры, и мы стали с удовольствием употреблять зло. Незакатное июньское солнце клонилось к горизонту, как уровень коньяка ко дну. Беседа постепенно затеплилась впечатлениями о бразильском карнавале с эмоциональными и пышногрудыми танцовщицами, о «Сахарной голове» – холме, обрывающемся к океану, о статуе Христа на холме Корковаду. В Рио-де-Жанейро «Прокопьевск» забрёл случайно: у рыбака случился аппендицит, и нужна была срочная операция.

– А вообще-то в иностранные порты мы редко заходим. Наша рыбная нива – Атлантический океан и прилегающие моря, – продолжал стармех. – Например, Джорджес-банка.

С бутылкой коньяка вошёл капитан. Я взмолился: «Вы показали бы мне своего красавца».

– Тогда идём на палубу...».

В общем, прокопьевский корреспондент пробыл на корабле едва ли не до утра. А когда вернулся в родной город, написал в газету материал о поездке, в местном Лито (цензуре) долго удивлялись, кто разрешил всё это фотографировать?! В итоге в газете было опубликовано лишь два снимка – общий вид корабля и портрет капитана на фоне надписи «Прокопьевск». Ни одной государственной тайны «Шахтёрка» не выдала.

А в 1973-м, во время круиза по странам Юго-Восточной Азии на лайнере «Русь», он побывал на сухогрузе «Прокопьевск»:

«Рано утром, выглянув в иллюминатор (мы ночевали на «Руси»), я увидел борт корабля с надписью «Прокопьевск»! Схватил фотоаппарат – и на пирс. Там объявляют: «Сухогруз «Прокопьевск» поставить на разгрузку». Через 15 минут «Прокопьевск» был пришвартован, а я поднялся в штурманскую рубку. Пришёл капитан. Я представился. Встретили очень тепло и подарили альбом для фотографий с объёмной цветной обложкой. Рассказали, что судно построено в

Выборге и работает в основном на Тихом океане, перевозя зерно из Канады в нашу страну. Рейсы не из лёгких, так как приходится пересекать буйные сороковые широты...

Моя встреча с «Прокопьевском» продолжалась ровно 30 минут. По возвращении из круиза подаренный альбом я заполнил фотографиями, которые сделал на этом корабле, и передал его в краеведческий музей.

Такими мимолётными, но запоминающимися стали для меня, тогда корреспондента «Шахтёрской правды», встречи на кораблях, которые носили имя рабочего сибирского города Прокопьевска».

С тех пор утекло много воды. За Юрием Васильевичем прочно закрепилось звание заядлого путешественника, он побывал в странах и Востока, и Запада, везде стараясь запечатлеть на фото здешний колорит и людей, изучить местную историю, географию, флору и фауну. Но всё-таки больше всего он любит ездить по России и Кузбассу, где красивых мест нисколько не меньше, чем в остальном мире, и они всегда придают нашему герою новые силы и вдохновение.

Десятки раз он бывал на горных маршрутах Поднебесных Зубьев. Там, где по-хозяйски и по-доброму сметливо расставил домики-приюты для путешественников настоящий хозяин тех мест, большой друг Юрия Васильевича, незабвенный Михаил Шевалье. Нет уже Михаила Михайловича на этом свете, а тысячи людей, особенно детей, пользуются его приютами, которые предоставляют путникам надёжный кров и тепло.

Есть среди нескольких десятков высокогорных туристических приютов один – имени Юрия Васильевича Дьяконова. Он расположен в одном из живописнейших мест Кузнецкого Алатау – в туристическом районе Поднебесных Зубьев (Междуреченский район), у пересечения ручья Высокогорный и реки Малый Казыр. Здесь имеются удобные и нужные путешественникам постройки: двухэтажный дом, баня, навес и туалет. Приют – действующий, если что, можно проверить... Хотя судьба приюта одно время была незавидной. В 2007 судебные органы Хакасии признали Дьяконовский стан, а также три других приюта, построенных для туристов неуёмным Михаилом Шевалье, незаконными строениями, в результате дома были разрушены. Но потом справедливость восторжествовала. Земля, где теперь расположен приют Дьяконова, находится в постоянном пользовании Кемеровского «Областного центра детского и юношеского туризма и экскурсий». В день открытия обновлённого приюта по поручению и благословлению Митрополита Кемеровского и Прокопьевского Аристарха священнослужитель Знаменского собора города Кемерово отец Михаил освятил возрождённый стан. В этот день Шевалье устроил возле приюта детский праздник, на котором был и Юрий Васильевич, он же и вручил всем участникам торжества медали общества «Юных краеведов и путешественников Кузбасса».

Кстати, Дьяконов никогда не был бесцельным путешественником. После его поездок, пеших маршрутов появлялись в газете отчёты, фоторепортажи, выходили книги. У каждого из его походов была определённая цель. Поэтому об одном путешествии хочу сказать подробнее. Оно состоялось летом 2012 года. В

нескольких номерах газеты «Кузбасс» об этом рассказал один из его участников Василий Попок под общим заголовком «Наша экспедиция: с «Кузбассом» по Кузбассу» (газета «Кузбасс» от 14, 17 и 19 июля 2012).

Они сплавлялись по Томи – с юга области на север – на надувной оранжевой лодке, которую автор называет «наш рафт, то есть, плот, вернее... «пэддл» по-английски, а в водницком просторечии «падла». На ней – Василий Попок и Юрий Дьяконов, журналисты Владимир Михеев и Сергей Лепихин, заслуженный путешественник России и полный кавалер «Шахтёрской славы» Виктор Зайцев и бывший химик, ныне рекламщик Владимир Доценко. У каждого из членов экипажа свои обязанности. Попок исполняет поварские обязанности: «Вчера, к примеру, сварил щи со свежей капустой и очень угодил команде». Юрий Васильевич, как всегда, с фотокамерой: «Мы с Юрием Дьяконовым – созерцатели, смотрим и впитываем впечатления. Дьяконов, кроме того, ещё и фотокамерой постоянно целится и очередями стреляет в разные стороны». Остальные – матросы, средний возраст команды далеко за шестьдесят.

Есть у этой экспедиции и основная цель – экологическая, чтобы посмотреть, как чувствует себя главная водная артерия региона. И тут дела не очень хороши. Попок пишет: «...Большой город Новокузнецк – главный поставщик производственных и бытовых миазмов на кузбасском юге. Им из этого котла деваться некуда – только вниз или вверх по течению Томи. От этого в воздухе самым ясным днём висит неизменная дымка, какой никогда нет, например, на Алтае.

Про воду вообще молчу. Юг Кузбасса делает её чёрно-серой. Кондома, принявшая в себя стоки рудничных посёлков, от Таштагола до Каза, входит в Томь мутной струёй. Мрассу после Мысков уже не такая светлая, как где-нибудь на Хомутовском пороге. Да и Томь, слившаяся с Усой, густеет цветом и консистенцией, подходя к дачным пригородам Новокузнецка.

А уж Новокузнецк довершает дело. После него томскую воду пить нельзя даже прокипячённой. Может быть, прокипячённой даже опаснее – в этой воде, убитой стоками, масса органических и неорганических соединений и производных от них, не известных науке – просто потому не известных, что не существует способов и методов их определения.

Поэтому Кемерово с осторожностью относится к своей водопроводной воде, уже однажды прошедшей через кишечника новокузнецчан, предпочитая природную, бутилированную вне города, а Томск вообще отказался от речной воды и пьёт её, беря из артезианских скважин».

И далее:

«Крапивинский гидроузел – позднесоветская, гигантская, по масштабам Кузбасса, стройка. Вокруг неё было множество споров... Неохота повторяться, углубляясь в былые дебаты. Стройку прикрыли и, наверное, сделали правильно, потому что она уничтожила бы реку».

Для тех цитирую, (и не сомневаюсь, что Ю. В. Дьяконов согласен со мной), кто решил позабыть мудрость отстоявших было в конце 1980-х – начале 1990-х судьбу Томи учёных, журналистов и общественников и уступил необычайно скоростному

напору новых экспертов, родивших прямо противоположное экологическое мнение о предстоящем перекрытии Томи. Неужели многочисленные трагические истории весеннего половодья 2024 года в нашей стране, связанные, в первую очередь со строительством искусственных водохранилищ, не заставят решивших всё-таки поставить малопредсказуемый и дорогостоящий эксперимент с рекой, не заставят задуматься о судьбе будущих поколений... «Река – навсегда, – писал Попок. – Люди это сознавали очень хорошо: народы приходят и уходят, а реки остаются тысячелетия».

Ну а любитель путешествий Дьяконов не гнушался даже самыми короткими маршрутами. Здесь, по-моему, уместно вспомнить загородные поездки, которые он «со товарищи» организовывал в праздничные для коллектива редакции «Кузбасса» дни. Была такая традиция (похоже, изжитая сегодня) в главной газете области.

– Встречали саму новогоднюю ночь на турбазе в Берёзово, – рассказывает Юрий Васильевич. – Были творческие работники и печатники. Все – с мужьями-жёнами и детьми. Новый год – семейный праздник, но мы были как одна семья и потому праздновали его вместе. Приехали вечером, ночь праздновали, днем катались на лыжах, и вечером обратно.

Обязательно выпускали новогоднюю стенгазету. Её курировали Инна Золина, корреспондент, и Александр Зайцев, он заведомом тогда был. Стенгазеты были длинные, на ватманах. Там были авторские тексты, много фото, монтажи, шаржи, юмористические рассказы. Помню, был у нас объектив «рыбий глаз», им можно было снимать лицо человека с расстояния в три сантиметра, мы сделали портреты каждого. Понятно, что мало кто себя узнавал, а некоторые барышни даже обижались. Но было смешно.

Вообще вариантов любых «отмечаний» было довольно много, всё было интересно. Большими компаниями выезжали на природу, по грибы-ягоды. Сейчас в редакциях не хватает коллективизма. Если тогда гуляли как одна команда, то сегодня – в кабинетах по кучкам...».

К сожалению, мне не пришлось попутешествовать с Юрием Васильевичем. Однажды, правда, я собирался сопровождать его на Поднебесные Зубья. «Поедем, – позвал он меня тогда. – Миша Шевалье приглашает. Надо сказать, хотелось съездить, но... так и не собрался. Какие-то дела не пустили.

А вот с Василием Попком Юрий Васильевич поездил, помотался по свету к их обоюдному удовольствию, о чём сам Василий Борисович не забыл упомянуть в своих воспоминаниях (газета «Кузбасс», 20 мая 2015):

«Лично ему благодарен за рубрику «Кругосветка», под которой опубликовал немалую часть заметок о водно-дорожных приключениях. И за «Круг чтения», наше совместное детище. И за совместные путешествия. Мы, а ещё покойный Владимир Мазаев, много ездили. Больше, чем среднестатистический журналист. И дальше, чем многие из коллег. Правда, за пределы Сибири не выбирались – мы тутошние. Домашние. Однажды, например, проплыли по Томи в большой и не очень, признаться, трезвой компании – давно собирались и всё ж таки собрались однажды.

С ним хорошо преодолевать пространства и жить в полевых условиях, ибо Дьяконов непривередлив к походному быту, покладист и терпелив в общении. Такой вот добрый и восхищённый созерцатель жизни. Не по разу Чуйский тракт просквозили от начала до конца. И Ябоганским трактом проникали в укромную Уймонскую долину (в Горном Алтае), красивее которой ничего нет на белом свете....».

«Что можно сказать об этом безумно интересном человеке? – задавался вопросом в заметке, посвящённой одной из «круглых» дат со дня рождения Ю. В. Дьяконова, известный Новокузнецкий журналист Валерий Немиров в газете «Кузнецкий рабочий». – Перефразируя Бабеля, можно от имени многих его друзей, товарищей по туристскому и фотографическому братству сказать: «Я пил вино его бесед». И хмелел от восторга».

Красиво сказано, ничего не скажешь!

Завершая тему путешествий, отмечу: за активную пропаганду здорового образа жизни Юрий Дьяконов дважды награждён международной премией в сфере туризма – туристским «Оскаром».

«Человек с фотоаппаратом» – это тоже про Дьяконова. Эта «болезнь» у него тянется из Прокопьевска. Его первые газетные снимки начались в «Шахтёрской правде», продолжились в «Комсомольце Кузбасса», в «Кузбассе»... Не раз публиковался он в советских и российских изданиях, да и в зарубежных – тоже.

Фотографий Дьяконова в его личной коллекции – не счесть: со всего света, из разных уголков России и многочисленных мест Кузбасса. Удивительно, но он каждую свою фотографию знает и помнит, может рассказать целую историю её появления. Однако ж, какие-то моменты своей фотожизни Юрий Васильевич выделяет особо:

«Самая интересная съёмка моей жизни была во время событий 1989-го года (шахтёрские забастовки), – рассказывал он в интервью корреспонденту сайта Photographer.ru (<https://www.photographer.ru/cult/practice/364.htm>, 20 января 2003). – Это были действительно репортажные снимки. Я в газете проработал много десятилетий, и считаю, что эти дни работы – самое интересное в моей жизни. События, важные для страны, происходили в нашем регионе, шли очень стремительно, и народ верил газете. И в то же время я осознаю, что это был последний пик доверия к нашей профессии, который стал началом развала журналистской корпорации.

Когда подписали документ между шахтёрами и правительством о том, что шахтёры прекращают забастовку, мы подписали газету в семь утра, потому что только в пять часов утра был подписан документ. Шахтёры сидели на площади перед обкомом партии, благо было лето, и ждали газету – не увидев документа в прессе, не хотели уходить. В девять утра они её получили и разошлись...».

Десятки фотографов из разных СМИ бывшего СССР снимали события в те жаркие июльские дни. Но всё же лучше кузбасских фотожурналистов этого никто не сделал. Потому что фотошкола Кузбасса была на уровне. И Дьяконов приложил к этому

руку, воспитывая коллег «в духе высокого профессионализма», если можно так выразиться. Ведь он привык всё делать профессионально.

В конце 1976 года Юрий Васильевич, который в то время трудился в «Комсомольце Кузбасса», выступил инициатором создания городского фотоклуба в Кемерове. Его поддержали известные в городе фотокорреспонденты Пётр Павлович Костюков, Виктор Никифорович Грызыхин и фотограф завода химического волокна Николай Фёдорович Карев.

– Официальной датой рождения городского фотоклуба «Томь» стало 7 января 1977-го, – напоминает Дьяконов. На первое собрание пришло более 250 человек.

Первым адресом клуба стала редакция газеты «Кузбасс». В журнале «Советское фото» № 2 за 1978 год появилась скромная заметка за подписью В. Запороженко «В добрый путь, фотоклуб», в которой рассказывалось о рождении фотоклуба в Кемерове:

«О создании фотоклуба при Кемеровской городской организации Союза журналистов было объявлено в газете «Кузбасс», и на первое организационное заседание в редакции собралось почти 300 человек.

Клубу присвоили название «Томь». Приняли устав, провели вступительный фотоконкурс. «Проходной балл» набрали 30 человек. Пятнадцать участников конкурса зачислены кандидатами. Однако двери на клубные «четверги» открыты для всех желающих.

На «четвергах» обсуждаются проблемы фотографического мастерства, делаются обзоры фотолитературы, проводятся конкурсы снимков. Интересной была встреча с корреспондентом Фотохроники ТАСС А. Кузяриным. Первым отчётом «Томи» перед общественностью стала фотовыставка, посвящённая 60-летию Великого Октября. Авторы работ – журналист и шахтёр, электрослесарь и архитектор, инженер-конструктор и зоотехник, шофер и учитель... На хорошем полиграфическом уровне был выполнен иллюстрированный каталог, оригинально сделана афиша. В этом немалая заслуга председателя клуба, заместителя редактора газеты «Комсомолец Кузбасса» Ю. Дьяконова».

Напомним, на каждое собрание клуба определялась тема клубного фотоконкурса. Плюс к этому – на каждой такой встрече проходила отчётная выставка члена клуба. Из лучших работ формировался клубный фонд, из которого работы отправляли на российские, всесоюзные и международные конкурсы, где участники клуба неоднократно становились призёрами. Примером может служить выставка «World Press Photo», которая ежегодно проходит в Амстердаме. В ней принял участие Юрий Сергеев.

– Если говорить о советских временах, – уточняет Юрий Васильевич, – наш фотоклуб, которым я руководил двадцать лет, с 1977 по 1997 годы, участвовал и в «Уорлд пресс фото», и в болгарский город Габрово мы ездили на фестиваль юмористического фото, и куда бы чего не посылали, всегда что-нибудь проходило. У нас было правило – если тебя приняли в клуб, ты должен был раз в год сделать выставку: 30 фотографий 30х40. Представляете, сколько для этого каждому нужно было потрудиться? Помимо этого, были собрания раз в две недели и тематические

выставки, «Снег», например, в которых тоже непременно участвовали все члены фотоклуба. Коллективно определяли: хороший или плохой у тебя снимок, – все втёмную голосовали.

Особое место в выставочной деятельности клуба занимала фотоюморина (выставка фотографий с юмористическим содержанием), которая с начала 1980 годов ежегодно проходила в день смеха 1 апреля. Её исток находится в болгарском Габровском фестивале, где фотоклуб «Томь» имел честь участвовать. А фотография Виктора Грызыхина «Судья всегда прав» долгое время представляла Кемерово в Габровском музее фотоюмора.

Были многочисленные награды и у самого клуба. Так, на Международной выставке «Интерпрессфото-77» в Москве фотоклуб «Томь» отметили медалью «За мир и дружбу, за гуманизм и прогресс». А в 1984 году за участие во Всесоюзной фотовыставке «Фотообъектив и жизнь» клуб был удостоен медали...

По инициативе Юрия Дьяконова в организации выставок фотоклуб «Томь» объединял свои усилия с Новокузнецким фотоклубом «Сибирь», который имеет не меньшую известность в России. Вообще-то в Новокузнецке, где Юрий Васильевич любит бывать, у него много друзей, в том числе, влюблённых в фотоискусство. Среди них всегда были Юрий Романов, Николай Бахарев, участники фотогруппы «ТриВА» и многие другие таланты.

– В Новокузнецке фотографическая жизнь вообще несколько активней, – отмечал Ю. В. Дьяконов. – В фотоклубе «Сибирь» очень плодотворно занимались бытовой, документальной, реалистической фотографией. Ещё была такая группа «ТриВА»: «Три Володи», – которая увлекалась довольно острой социальной фотографией. Один из них, Соколаев, снимал «лейкой» и магическим образом всегда оказывался в нужном месте...

О многочисленных выставочных удачах фотоклуба «Томь» до сих пор одобрительно вспоминают в определённых кругах кузбасских фотографов. Да, были времена и было на что посмотреть! Впрочем, Юрий Дьяконов и сам нередко и успешно выставлял на всеобщее обозрение свои фотографические шедевры.

Например, прокопьевские зрители в 2015 году с восторгом приняли его персональную ретроспективную фотовыставку «Мимо времени», которая разместилась в городском культурно-выставочном центре «Вернисаж». На ней автор представил фотографии разных лет – числом 50 – в различных техниках: соляризация, изогелия, крупное зерно, традиционная чёрно-белая и цветная печать как с негативов, так и с электронных носителей. Техники ушедших лет, как представил их автор, которые в эпоху цифровой фотографии практически не употребляются, оставаясь достоянием плёнки, позволявшей такие эксперименты.

На открытии выставки Юрий Васильевич сказал даже, что, может, и изъяснялся бы из экспозиции некоторые фотографии, но оставил, чтобы дать представление о различных способах съёмки. Снимки, кроме подписей, сопровождали авторские трёхстишья – в жанре японской поэзии хокку.

Специалисты отмечали, что большинство его фотографий сделаны так называемым «репортажным методом» во время журналистских командировок и

путешествий. При этом снимки Дьяконова – это не снимки туриста, делающего «метки» – типа «я тут был». Он отрывает для зрителя то, что спрятано от глаз многих, замечает и показывает вещи и события, кажется, незначительные, наделяя их смыслом и значением.

Мэтр фотографии доказал, что ему доступен и портретный жанр. Не менее интересная фотовыставка «Лица и личность» Юрия Дьяконова прошла весной 2019 года в Кемеровской областной научной библиотеке имени В. Д. Фёдорова, с которой он дружит много лет. В выставочную экспозицию автор включил 40 фотографий. Снимки были представлены лицами Африки, Европы, стран Юго-Восточной Азии и, конечно, Кузбасса. Многие портреты людей хорошо известны в мировом сообществе. Например, космонавт, впервые вышедший в открытый космос, Алексей Леонов; один из самых знаменитых музыкантов планеты, эксперт кемеровского органа Гарри Гродберг; прокопьевский художник-примитивист, показавший свои работы в Нью-Йорке и во всех столицах Европы, Иван Селиванов; дважды занесённый в книгу Рекордов Гиннеса врач Карим Диаб...

Организованный Дьяконовым фотоклуб «Томь» жив – в январе 2022 года отметил 45-летие. А там, глядишь, – и полувековой юбилей, несмотря на то, что судьба у этого профессионального сообщества выдалась не такая уж и простая. Сам Юрий Васильевич, напомним, возглавлял «Томь» до 1997 года. Затем, чем мог, помогал клубу, консультировал его руководителей.

– В конце 1990 годов, – вздыхает он, – дефолт и резкое ухудшение материального положения жителей нашей страны отрицательно повлияли на деятельность фотоклубов в стране и на фотоклуб «Томь», в частности. Цена на плёнку выросла в 20 раз, а цена на фотобумагу в 5 раз. По стране число фотоклубов почти с пятисот сократилось до нескольких десятков. На собраниях клуба «Томь» реже стали проводить конкурсы и отчётные выставки. К тому же, в связи с уменьшением площади редакции газеты «Кузбасс», у фотоклуба не осталось помещения для проведения собраний. Из-за этого его деятельность свернулась до минимума.

Но в конце концов 12 марта 2007 года на сайте депкульта Кемеровской области появилась заметка под названием «Второе рождение фотоклуба «Томь»»: «...И вот сейчас происходит второе рождение «Томи». В связи с приходом нового руководителя – старшего преподавателя кафедры фото-видеотворчества КемГУКИ Нуримана Лендо». Началась новая веха в истории клуба, местом прописки которого стал Культурный центр Кемерова. Однако в 2008 году председатель был переизбран. Им стал фотограф-любитель Александр Чаплыгин, врач по профессии. А фотоклуб «Томь» переехал в Кемеровскую областную научную библиотеку имени В. Д. Фёдорова.

Однако же клуб всё реже организует авторские и общие выставки, где всегда объединял профессиональных фотографов и фотолюбителей, повышал их художественный уровень и мастерство, пропагандировал фотографию как вид изобразительного искусства, давал возможность для общения и обмена опытом.

Хочется, конечно, чтобы детище Дьяконова было живо! И это – главное. За годы своего существования фотоклуб принял в свои ряды много талантов. Вот лишь

несколько имён, творчество которых неразрывно связано с его деятельностью: Юрий Сергеев, Александр Блотницкий, Фёдор Баранов, Рашид Салихов, Сергей Тюнни, Юрий Юрьев. Каждый из них, уверен, всегда готов сказать доброе слово о Юрии Васильевиче.

При всех общественных нагрузках ответсекретарь «Кузбасса» Дьяконов и о газете не забывал, улучшая, делая её более содержательной, интересной, современной. И для это он смотрел на газету не только глазами ответсекретаря, но и фотографа. Снова обратимся к мнению Василия Попка:

«Фотографа, однако, из Дьяконова не изживёшь. В нём всегда жил особый пиетет к человеку с фотокамерой, остроглазому и приметливому. Когда «Кузбасс» выходил воскресным выпуском (это было давно, но это было), Дьяконов придумал на тот особый номер обязательный фотоочерк: чтобы во всю первую страницу ударный снимок, причём в цвете, типография «Кузбасс» тогда освоила офсет, а весь основной разворот – бенефис фотокорреспондента с малой толикой текста (его сочинял обычно я), объясняющего, кто и что на снимках. А он радовался удаче во всю свою зубастую улыбку...».

Тем не менее, мастер фотографии Юрий Дьяконов не мог не отметить, что с годами, с развитием цифровых гаджетов, со смещением акцентов с героев трудовых будней на «серые», сиюминутные потребности, «размытость» идеологии, на коммерциализацию нашего бытия, мастерство фотографов и качество фотоизображения начало падать («Кто для чего щёлкает – ловит ковыряние в носу или взмах руки... Сейчас в моде компьютерное фотоизображение, так-сяк переиначенное. Мы завидовали в своё время искусству соляризации таллиннской фотошколы – лицо полосами или в точках, но достигалось это гораздо более трудоёмкими ухищрениями, чем «фотошоп». Но помилуйте, «фотошоп» – это примерно, как клонирование. Секса нет, а ребенок есть»). И это не ворчливость человека, отягощённого прожитыми годами, это – чувство досады таланта настоящего, умеющего снимать жизнь людей и природу по классическим канонам:

– 20-30 лет назад текст ставили к трём снимкам с предприятия, где делались какие-нибудь табуретки, банки, болванки. С одной стороны – предмет труда, с другой стороны – человек труда. Такие репортажи были и в наших гранд-журналах типа «Советский Союз» или «Огонёк», я не говорю уже о газетах. Сегодня репортаж такого типа сохранился только в районных провинциальных газетах.

Забыли все опять про шахтёров. Вроде бы с хорошей аппаратурой в шахту не полезешь – условия экстремальные. Но ведь горняки – главная сила Кузбасса, так горько за них... Сегодня образ шахтёра в газете отсутствует. Ребята по-прежнему добывают миллионы тонн, но такого ажиотажа, как раньше, их производственные подвиги не вызывают. Я всю жизнь живу здесь, были в Кузбассе и союзные, и мировые рекорды, и всегда шахтёр был здесь на первом месте...

В то же время, Юрий Васильевич благоволит коллегам – мастерам своего дела – и при случае всегда находит для них доброе слово: «За последние годы очень многие ребята уехали в Москву. Андрей Рудаков, Сергей Ильницкий, Дмитрий

Коробейников... И они не последние в тех местах, где теперь осели. Это говорит о том, что потенциал наших ребят очень высок».

И хотя Дьяконов иногда шутит, что пессимистам живётся легче, сам он всегда был оптимистом. Оптимистом и остался:

– Можете смеяться надо мной, не соглашаться, но я абсолютно убеждён, что будущее всё равно за реальной, документальной, социальной, репортажной фотографией, а не за фотографией сделанной, компьютерной и суррогатной. Конечно, многое определяет спрос, но никакое безумие и торжество рекламы не может перебить востребованность человеком чуткого и живого отражения текущей жизни.

Когда у меня вышел очерк «Михаил Шевалье и его Поднебесные Зубья» (сайт слово-сочетание.рф, 18 апреля 2022), Юрий Васильевич позвонил и похвалил. Он, кстати, консультировал меня в ходе работы над этим материалом, делился воспоминаниями о легендарном Михаиле Михайловиче, которые включены в публикацию:

«Не раз бывал в горах у Шевалье и сам Юрий Васильевич, который лишь недавно – в силу возраста – оставил любимые горные тропы. О дружбе с Михаилом Михайловичем, о разных приключениях в горах может рассказывать часами. Он своими глазами видел Шевалье в деле.

– Однажды наша группа во главе с Мишей, в которой было полтора десятка детей и пять-шесть взрослых, в горах попала под ливневый дождь. Предстояло вброд перебраться через речку, а уровень воды в ней рос прямо на глазах. Люди запаниковали, появился страх, особенно у ребятишек, перед водной преградой. Один Шевалье не растерялся. Время шло к вечеру, и он приказал ставить палатки для ночлега. Поставили палатки, устроились кое-как. Дождь не прекращался, шёл всю ночь, лишь к утру стих. А реку переходить надо. Один из наших опытейших туристов попробовал перебраться в одиночку, но не дошёл до противоположного берега – его понёс поток, он едва сумел выбраться.

По одному не получится, – сказал Миша. И скомандовал нам – для переправы разбиться на тройки. Так по трое, придерживая друг друга, все перешли реку. Сам он раз пять сгонял туда-сюда, поддерживая ребят, помогая им. Если бы мы поддались панике, от которой он нас удержал, ничего бы не вышло. Кстати, за время работы Михаила Шевалье с туристами у него ни разу не было ЧП, где пострадали бы люди. Он хорошо понимал, что там, где человеческая жизнь особенно хрупка, в экстремальных таёжных условиях, – требуется не деловая хватка, а порядочность и надёжность...

– Потом он велел развести костёр, чтобы обогреться, просушиться, – продолжает Дьяконов. – Костёр вышел на славу! Миша любил для детей делать такие большие костры, чтобы пламя – вверх метров на пять. Говорил, это пацанам особенно запомнится. Смотрю, ребятишки согрелись, развеселились... И, между прочим, в таких туристических походах дети обучаются всем премудростям полевой жизни...».

– Давай, – предлагает по поводу этого очерка Дьяконов, – сделаем о Шевалье книжку. Возьмём твой текст, добавим фотографий из моего архива. Выйдет замечательно! Я даже выделю на это... – и он называет сумму, которую готов дать на выпуск книги из своих скромных доходов.

– Нет, – вынужден был отказаться я. – Этих денег явно не хватит, а я не готов добавить, времена теперь не те, не из чего...

Словом, не получилось пока книжки о Шевалье.

Сам же Юрий Васильевич участвовал в выпусках не менее полутора десятков различных книжных изданий, только за недавние три-четыре года не одну свою книгу издал. Они у него – настоящее произведение искусства!

Из тех, что вышли недавно, назову книжки-альбомы «Поднебесные Зубья», «Вдоль времени. Музыка цвета», «Играют мысли в прятки. Хайку о мироздании и временах жизни».

Название альбома «Поднебесные Зубья» говорит само за себя. Прекрасные снимки Ю. В. Дьяконова, размещённые в нём, можно рассматривать часами.

Впрочем, все издания – уникальные, в них собраны снятые им в разные годы портреты, пейзажи, зарисовки из жизни. Документальные и художественные фотографии разных лет выполнены всё в тех же любимых автором различных техниках: соляризация, изогелия, крупное зерно, чёрно-белая и цветная печать.

Но особо хочу подчеркнуть ещё одну особенность этих изданий: в них ярко проявилось увлечение Юрия Васильевича специфической поэтикой – а именно, японской поэзией хокку (хайку), известной ещё с XIV века. Все свои снимки автор сопровождал изящными поэтическими миниатюрами – нерифмованными трёхстишиями в стиле хайку. Юрий Васильевич пишет их сам и считает их «фотографией мысли».

Чтобы понять, насколько непросты эти короткие философские сочинения с заключённым в каждом бездонным, порой, едва уловимым смыслом, отмечу, что каждое классическое трёхстишие хайку состоит из 17 слогов, составляющих один столбец иероглифов. Особыми разделительными словами – кирэдзи – текст хайку делится в отношении 12:5 либо на 5-м слоге, либо на 12-м. Таким образом, хайку записываются как трёхстишия:

– Хайку – один из наиболее популярных жанров классической японской поэзии. Он почитаем во многих странах мира. Интерес к сочинительству трёхстиший не прошёл мимо меня. Все хайку написаны под сильным впечатлением от общения с природой... – Дьяконов ни при каких условиях не отступает от строгих правил поэтического сложения, выработанных за века в Стране восходящего солнца.

Хайку, по его мнению, позволяют сделать фотоизображения более объёмными, ассоциативными и глубокими по мировосприятию. Юрий Васильевич увлекается сочинением хайку давно и серьёзно. И немало преуспел в этом. Он – в своих стихах – настоящий философ нашего времени... Вот как хайку выглядит в его исполнении:

«Музыка мыслей
Воплотившись в слово,
Звучит поэзией».

«Моя колыбель
В межзвёздном пространстве,
А дом мой – Земля».

Это – вполне в духе восточной эстетики и стихов хокку Басё – японского поэта XVII века, которого Юрий Васильевич некогда открыл для себя, восхитившись лаконизмом и философичностью его стиха. Он, Юрий Васильевич, глубоко воспринял форму лирической миниатюры, требующей точности и весомости каждого слова. Теперь, сочиняя стихи хокку сам, он добивается их предельной точности и выразительности. Например, фотографии «Око времени», где изображен крупным планом влажный глаз лошади, преподнесено такое трёхстишие:

«Глядит природа
Вдоль времени и событий.
Родилась улитка».

А вот ещё:

«Под белым танцем
Прячется в любви признание.
В цвету подснежник».

«Древний свет восточной афористичной всеохватности мира позволяет сочинителю передать разноликость человека и вечно-бесконечной природы с её метаморфозами, – пишет в предисловии к одной из своих книг наш увлечённый автор издания. – При этом, важно подчеркнуть: одна деталь должна вызывать у читателя представление о всей картине. Истинная красота раскрывается лишь тогда и тому, кто мысленно дополняет недосказанное или подразумеваемое...»:

«В сиянии галактик
Беззвучен чёрный космос –
Дизайн Вселенной».

«Здесь... надо обратить внимание на философскую сущность фотографии, – подчёркивает Дьяконов. – Мы снимаем не просто окружающую действительность, а Время».

В его книге «Вдоль времени. Музыка цвета» целый раздел посвящён ассоциативным фотографиям. Они являются цветомузыкальными метафорами и аллегориями симфонической поэмы «Прометей» русского композитора Александра Скрябина. Как отмечает автор книги, Скрябин верил, что можно увидеть музыку. И потому стремился соединять тональности с цветом. Вот и Юрий Дьяконов предлагает свои музыкальные ассоциации в фотографиях: «Рождение дня» (синее туманное утро в тональности фа-мажор), «Фантазии мироздания» (красно-жёлто-оранжевый солнечный рассвет в тональности фа-диез мажор – до-мажор). Поэтому

к каждому книжному тому «Вдоль времени» прилагается диск с музыкой этого композитора.

На одной из встреч я спросил Юрия Васильевича, как он находит средства на издание таких прекрасных книг-фотоальбомов?

– А мне Тулеев помогает, – улыбнулся он и скромно потупился, – мне же с подачи губернатора Амана Гумировича в 2015 году присвоили звание «Почётного гражданина Кемеровской области». А за это положена доплата к пенсии. Я эти деньги коплю, а потом на книги трачу. Поэтому часть тиража передаю в свой именной туристический приют, чтобы книги в подарок от меня получали дети, которые путешествуют по горным тропам Поднебесных Зубьев и останавливаются там на ночлег...

Эрудит, газетчик, фотограф, турист, преподаватель – во всех этих сферах у Дьяконова много друзей и учеников. Один из них Андрей Королёв, сменивший Юрия Васильевича на посту ответсекретаря редакции, считает, что «есть люди, чьё присутствие поблизости – особенно в профессиональной среде – придаёт всему окружающему осмысленность и значимость. Именно такой человек Юрий Дьяконов, – написал он (газета «Кузбасс», 19 мая 2020). – Серьёзность и солидность в случае с Дьяконовым – вовсе не синоним нудности и надутости. Юрий Васильевич – очень остроумный, весёлый, лёгкий в общении человек».

Эти черты его характера по достоинству оценивали и студенты вузов, которых Юрий Васильевич долгие годы приобщал к профессии фотожурналиста. Он читал интересные лекции по фотографии – первом из «технических искусств» – в Кемеровском государственном институте культуры, погружая своих студентов в историю и теорию фотодела, раскрывая им секреты современного фотоискусства. От дагеротипии, калотипии и мокроколлодионного процесса они шли – «верной дорогой» за мыслью учителя – к современным фотографическим технологиям XX-го и XXI веков.

К фотографии Юрий Васильевич, ещё раз подчеркну, относится с особым пиететом.

– Вот скажите, – мог он неожиданно задать студенческой аудитории вопрос, – вы можете сфотографировать то, чего нет? – и сам же отвечал. – Не можете. Значит, абстрактной фотографии не существует. Воздействие светом – принципиальный и неизменяемый момент. Это одинаково верно для документальной и художественной фотографии. Всё. Остальное – от лукавого...

В Кемеровском государственном университете он, обучая будущих «акул пера», вёл курс по технике средств массовой информации, производству и оформлению газет. Изучали процессы формообразования печатного издания – от редакционного (допечатного) и до типографского, проходили размерные характеристики издания, знакомились с постоянными элементами оформления газеты, современными приёмами и методами оформления. Его выпускники до сих пор вспоминают, что, пожалуй, самой интересной темой были рассказы учителя о правиле «золотого сечения»...

Юрия Васильевича всегда слушали с непреходящим интересом, сам-то он, как говорится, «собаку» в этом деле «съел», а уж образно и интересно рассказывать о том, что любит сам, он горазд.

– А ещё он регулярно вывозил одарённую молодёжь на природу, вместе с другими профессионалами, проводя замечательные семинары по фотоискусству, – добавляет Андрей Королёв. (А я уточню, что немало таких познавательных выездных семинаров Юрий Васильевич провёл на Поднебесных Зубьях). – Их итогом становились опять-таки конкурсы: заснять, к примеру, воду – в самых разных видах и состояниях. И потом прекрасные кадры с завораживающими заснеженными вершинами, бойкими ручьями и каплями росы, конечно же, с удовольствием публиковал «Кузбасс».

Где ещё найдёте такого творческого учителя и такие обстоятельные и доброжелательные уроки?!

Между тем, на своих занятиях Дьяконов ненавязчиво повторял, что настоящая журналистика – это профессия с высокими нагрузками. Что будь ты женщина или мужчина, журналист должен быть честным, в первую очередь, перед собой. Что нельзя быть скучающим и безразличным. Мир вокруг удивителен, и журналист, как никто другой, должен это замечать...

В одном из интервью, делясь секретами своего преподавательского ремесла, Юрий Васильевич рассказывал, что студенты, приходя на практику, часто не знают, о чём писать: «Я предлагаю им просто выйти на улицу. Вокруг нас жизнь во всём её многообразии. Интересное рядом с нами. Но, в конце концов, важно даже не то, что видно из окна, важен человек, который в него смотрит».

Свою 84-ю весну в 2024-м ветеран кузбасской журналистики встречает на своём загородном дачном участке под Кемерово.

– Буквально вчера сюда приехал, – рассказывает по телефону.

На дворе – конец апреля, но погода пока не особо балует нас, сибиряков, теплом. Прошедшую зиму он провёл в Новосибирске, присматривая за правнучкой. На улицу, говорит, почти не выходил: четвёртый этаж, высокие потолки, а лифта нет... Но ничего, справился со своими дедовскими обязанностями.

– Теперь вот буду шагать по огороду. А скоро жена возьмётся за лопату, и я буду ею командовать, – шутит и смеётся он в трубку.

Дача – это у него на всё лето. А осенью, даст Бог, снова очно свидимся, обменяемся планами и творческими наработками. Ведь творческий поиск – это как раз про него...

Павел Зорин, без которого немыслима шахматная жизнь Кузбасса

Сколько же знаменитых людей прошло в детстве через светлые стены Прокопьевского Дворца пионеров?! Павел Николаевич Зорин – один из них.

Он родился 7 августа 1936 года в городе Ижевске (Удмуртия). В Прокопьевске проживает с 1937 года. В 1954-м окончил среднюю школу № 4. Обучался также в Прокопьевском аэроклубе. Окончил географический факультет Новокузнецкого педагогического института (1968).

А вот шахматами начал серьёзно заниматься с декабря 1951 – в кружке прокопьевского Дворца пионеров, которому впоследствии присвоили имя Юрия Гагарина. Дело было так. Когда семилетний Паша пошёл в школу № 4, учитель математики Михаил Ефимович Куликов познакомил его с шахматными фигурами.

– Рассказал, как они перемещаются по доске, – вспоминает Павел Николаевич. – Я довольно быстро освоил премудрости древней игры. И стал выступать в школьных турнирах. Играл хорошо.

Скоро в учебном заведении не осталось тех, кто у него выигрывал. А у учителя иссякли заготовки для его совершенствования познания в этой игре. Видя безграничное увлечение мальчика игрой, учитель математики привёл его в

городской Дворец пионеров к руководителю шахматного кружка Леону Жоржевичу Плизу.

Сосланный в Прокопьевск француз Л. Ж. Плиз был выпускником медицинского факультета Сорбонны, родственником Фанни Каплан, которая 30 августа 1918 года на заводе Михельсона в Москве совершила покушение на жизнь руководителя страны Советов Владимира Ильича Ленина.

– Леон Плиз, – припоминает Зорин, – ходил с красивой резной тросточкой, в удлинённом чёрном плаще. На ногах калоши. В руках чёрный портфель из кожи, в котором вместе с планами занятий всегда были конфеты, ими он премировал успешных учеников.

Смекалка Паши, его умение анализировать позиции на шахматной доске понравились Плизу. Он не скрывал свою любовь к трудолюбивому парнишке из многодетной семьи, ходившему в латаных штанах. Юному Паше не было равных среди детей его возраста. Да и взрослые видели в нём достойного соперника. С годами росло его мастерство за шахматной доской. Переходя из одной возрастной категории в другую, он постоянно находился в «верхнем шахматном эшелоне». И к 22-летию прочно заявил о себе как лучший шахматист города.

В 1958 году Павел Зорин стал руководителем шахматного кружка Дворца пионеров. Случилось это потому, что его тренер и наставник Л. Ж. Плиз покинул этот мир, и кружок остался без начальника. Тогда директор Дворца пионеров Фрид Николаевич Латыпов предложил Зорину занять место своего учителя. К этому времени Павел Николаевич имел немалый авторитет среди шахматистов города, активно участвовал и выигрывал многие турниры и первенства.

На этом посту в полной мере проявились способности молодого руководителя в поиске и воспитании новых шахматных талантов Прокопьевска. Первой звёздочкой в его преподавательской карьере стала скромная девчушка лет тринадцати Тамара Сорокина. Летом 58-го молодой тренер заметил, как на соревнованиях загородных пионерских лагерей она делала умные ходы, бесцеремонно расправлялась за доской не только с девочками, но и с мальчиками.

Оказалось, что Тамара – воспитанница детского дома № 6. Павел пригласил её во Дворец, уговорил серьёзно заняться шахматами. Но когда начался учебный год, она в кружке не появилась. Вот как описал эту ситуацию прокопьевский журналист Владимир Маракулин в публикации «На одном дыхании» (газета «Кузбасс», 3 августа 2016):

«Зорин – к директору детдома с вопросом: «В чём причина?» Тот объяснил, что боится отпускать девочку одну. Ведь до Дворца надо было идти пешком несколько километров. Зорин уговорил директора отпускать воспитанницу на занятия, приставив к ней сопровождающих старшеклассников.

Уже через год девочка играла за сборную Прокопьевска, в 1960-м стала чемпионкой области среди девушек, на первенстве РСФСР взяла бронзу, а следом – в финале республиканского турнира команд Дворцов пионеров – выиграла у соперниц все партии!

Речь идёт о Тамаре Сорокиной – ныне доценте СибГИУ, международном мастере, многократном призёре чемпионата Европы, участнице первенств мира среди сеньорит. Сегодня она работает доцентом кафедры физического воспитания и спорта в Сибирском государственном индустриальном университете. Тренирует сборную университета. И в том, что сборная вуза в 2007 году на чемпионате России среди студентов заняла третье место – её прямая заслуга. Тамара Николаевна до сих пор благодарна случаю, который свёл её с Павлом Николаевичем, с шахматами, ставшими для неё неотъемлемой частью жизни».

Такова судьба одной из тысяч учеников Зорина, что воспитал он за десятилетия подвижнической преподавательской деятельности.

Прошло совсем немного времени, и Дворец пионеров благодаря энергии Зорина стал настоящим центром шахматной жизни города. Его повзрослевшие ученики впоследствии удивлялись, как Павел Николаевич мог управляться с десятками ребятишек в небольшом помещении кружка?! А ведь при этом он уделял внимание каждому ученику. В этой же комнате он проводил не только занятия, но и турниры.

Международный мастер Людмила Цифанская так отзывалась о своём первом учителе: «Добрый, внимательный. Любимый всеми. И в то же время строгий, но справедливый. Занятия были настолько интересными, что не хотелось уходить домой. Казалось, что все мы были его детьми».

А Павел Зорин с особым усердием поощрял ежегодные летние турниры команд пионерских лагерей, отыскивая на них новые таланты. Соревнования среди школьников младших классов он придумал назвать «Шоколадными турнирами» – его победители, да и остальные участники награждались сладкими подарками. Впрочем, многие турниры ветеранов шахматного движения – тоже его затея.

При этом Павел Николаевич находил время для учёбы в Новокузнецком государственном педагогическом институте, который успешно окончил.

Участники вспоминают организованный им первый в Советском Союзе шахматный командный турнир Дворцов пионеров – «Кубок дружбы» – в Прокопьевске в 1966 году. Вскоре это первенство выросло до размеров Всесоюзного турнира. А за тридцать лет, что турнир проводился в Прокопьевске, его участниками стали юные таланты из десятков городов страны. Вот откуда среди любителей древней игры СССР пошла молва, что Прокопьевск – это не только уголь, но и шахматы!

В 1968 году усилиями Павла Николаевича и редакции газеты «Шахтёрская правда» стала выходить первая в Кузбассе шахматная страница «Ладья». Забегая вперёд, скажу, что к началу XXI века в газете вышло около трёх сотен выпусков «Ладьи».

Сам я не раз слушал выступления Павла Николаевича в летние сезоны в пионерском лагере «Турист» шахты «Коксовая», куда меня отправляли на отдых родители. Рассказывал он о шахматах так интересно – мы с пацанами заслушивались. Повзрослев, я ходил в разные кружки прокопьевского Дворца пионеров и там нет-нет да слышал увлекательные шахматные рассказы этого порывистого, всегда чуточку взлохмаченного человека. Довелось мне принять участие и в выпусках «Ладьи», когда 1985-1987 годах работал редактором «Шахтёрки». Помню, как общались в редакторском кабинете с Зориным, который

приносил «свежие» материалы в «Ладью». Ему, энергичному, напористому, уверенному в своей правоте, ни в чём невозможно было отказать.

А что тут скажешь?! Зорин всего себя отдаёт своему увлечению, свято поклоняется древним фигурам на чёрно-белой доске. Ведь шахматы – это была великая настольная игра в СССР: моду, как уверяют знатоки, задал сам В. И. Ленин, в них играли и во время войны, и даже в космосе...

В 1973-м по решению Министерства просвещения РСФСР в Прокопьевске открылась первая за Уралом шахматно-шашечная детско-юношеская спортивная школа. Директором этой ДЮСШ № 2 стал сорокасемилетний Павел Николаевич Зорин. Показательно, что первой кузбасской чемпионкой России среди девушек стала ученица ДЮСШ Ольга Трофимова. Она же трижды представляла страну в первенствах Европы. Среди воспитанников шахматного кружка Дворца пионеров и выпускников ДЮСШ – международные мастера Владимир Исупов, Дмитрий Ситников, Ольга Трофимова, Вадим Янкин, гроссмейстер Андрей Харлов. А кандидатов в мастера спорта и перворазрядников – общим числом около 200. Один из них – бывший редактор областных газет «Кузбасс», «Кузнецкий край», городской газеты «Кемерово» Александр Васильевич Трутнев. Он тоже из Прокопьевска. «Подával надежды не только в журналистике, но и шахматах, – считает Павел Николаевич. – И всё же журналистика перевесила. Но навыки добротного игрока сохранил до конца жизни...».

Как лучший спортивный педагог Кузбасса Павел Зорин был избран в 1978 году делегатом III Всесоюзного съезда учителей. А на спортивном поприще в 1979-м он выполнил норму кандидата в мастера спорта СССР и стал судьёй всесоюзной категории. Был делегатом одного из съездов шахматистов СССР.

Ко всему, П. Н. Зорин – первый в Кемеровской области международный арбитр. Так, в октябре 1999 года на Конгрессе ФИДЕ ему присвоено звание международного арбитра по шахматной композиции: даётся арбитрам, судившим не менее шести раз международные соревнования по составлению задач и этюдов (конкурсы, турниры ФИДЕ, альбомы ФИДЕ и т. п.). Среди почти трёхсот шахматистов из 26 стран, которым присвоено звание международного арбитра, более сорока – из СССР и РФ.

– Для меня шахматы – это вера, – признаётся Павел Николаевич в одном из интервью. – Им я отдал столько жизненных сил и времени! Но не жалею. Старался через шахматы воспитывать у молодёжи гражданское начало. Всю сознательную жизнь работал на совесть, не ради славы, почти 40 лет без выходных. Не боялся искать свой путь, своё место, чтобы наполнить жизнь смыслом – любимым делом и светом. Шахматы подарили встречи с замечательными людьми, принесли много радости...

На протяжении «шахматной» жизни Зорину не раз приходилось пересекаться со многими великими шахматистами планеты, чемпионами мира разных лет: М. Эйве, М. Ботвинником, В. Смысловым, А. Карповым, В. Крамником. Великие всегда уважительно относились к прокопчанину. Вот как он рассказывает об этом в статье «Жизнь в клеточку» (журнал «Кузбасс спортивный», июль-август 2021):

«Не скрываю, что я «карпист». В 2021 году Анатолию Евгеньевичу Карпову исполнилось 70 лет. И я сердечно поздравил его с юбилеем. Я очень хорошо знал первого наставника Карпова Леонида Ароновича Гратвола, он занимался с Анатолием в начале его шахматной карьеры. Но при этом определяющим в его спортивной карьере было многолетнее сотрудничество с наставником из Северной столицы Семёном Абрамовичем Фурмановым. Карпов переехал из Тулы в Ленинград. Там они очень сильно подружились друг с другом, плодотворно сотрудничали».

– Вторая встреча с Анатолием Карповым у меня состоялась в Москве через семь лет, – с гордостью произносит Зорин. – Анатолий стал победителем чемпионата СССР. В честь этого события я подарил ему шахтёрский фонарь, сказав: «Пусть он освещает вам путь на пьедестал». А ещё через год в столице страны мы встретились вновь. Тогда в Центральном шахматном клубе СССР чествовали журналистов, которые активно пропагандируют древнюю игру. Среди лауреатов, единственным от Кемеровской области, оказался и я. И теперь уже Анатолий чествовал меня, подарил мне свою книгу «Девятая вертикаль» с автографом.

Была и ещё одна – четвёртая – встреча с А. Карповым – в Новокузнецке в 2008 году. В южной столице Кузбасса проходил студенческий чемпионат мира:

– Пять дней, что шёл чемпионат, я с ним постоянно пересекался. Он давал свои комментарии по итогам дня для областной газеты «Кузбасс», которую я представлял.

– А незабвенный Ботвинник – первый советский чемпион мира! С ним познакомился в 1981 году во Владимире, где был арбитром первенства Россовета ДСО «Спартак» среди юношей. Несколько минут общения с ним, – говорит Зорин, – и понимаешь, что напротив тебя человек не от мира сего, с другой планеты. Михаил Моисеевич уже в то время говорил о шахматных программах для компьютера. Плоды своих размышлений он выразил в книге «От шахматиста – к машине»... Он подарил её мне, написав: «Сибирскому другу шахмат в достижении цели и постижении компьютера!»

Но вернёмся к прокопьевской ДЮСШ № 2. Она вставала на ноги в непростых условиях. В 1970-80-х годах росли численность и мастерство её учащихся, они привозили в Прокопьевск призы с соревнований высокого уровня. Её воспитанников приглашали в школу гроссмейстеров. Главная шахматная жизнь города переместилась в кабинеты и классы ДЮСШ, её посетили и оценили высокий уровень местных игроков чемпионы мира М. Н. Таль, Т. В. Петросян, гроссмейстеры М. Е. Тайманов, Ю. Л. Авербах, В. В. Цешковский.

Однако прошло время, и судьба, по словам Павла Николаевича, «сыграла чёрными», вынудив его расстаться со своим детищем. Случилось это в 1984-м. Настроение у шахматного корифея Прокопьевска упало почти до нуля. Только, на счастье Зорина, генеральный директор производственного объединения «Прокопьевскуголь» Михаил Иванович Найдов оказался страстным любителем древней игры. И вот с подачи Найдова вторым рождением Зорина в шахматной истории города стало открытие детского (подросткового) клуба «Пешечка», где 21 июля 1989 года Павла Николаевича назначили руководителем. Создавался клуб

непросто. Пришлось всё начинать с нуля. Найдов помог изыскать средства, выделил людей, материалы. Нашли помещение, сделали перепланировку.

Павел Зорин снова воспрянул духом, с удвоенной энергией взялся за дело. И теперь уже этот клуб превратился в шахматный центр не только города, но и области. Здесь начали проводить крупные областные и даже всероссийские соревнования. К примеру, дважды – в 1990 и 1991 годах – Павел Николаевич организовывал международный мастерский турнир под названием «Жемчужина Кузбасса». Это были соревнования среди юношей и девушек, в которых приняли участие более 200 юных спортсменов от Перми до Камчатки. За что клуб и его директор получили благодарности от Всероссийской шахматной федерации.

А тут ещё активного, пробивного прокопчанина земляки несколько созывов подряд избирали депутатом Прокопьевского городского Совета народных депутатов.

Вообще, Зорин всегда с особым чувством вспоминает почётного президента областной шахматной федерации, Героя Кузбасса, почётного гражданина Кемеровской области Михаила Ивановича Найдова, который, можно утверждать, спас отчаявшегося и разуверившегося было в людях Павла Николаевича, вернул его к активной творческой жизни.

С января 1993 года, когда клуб перешёл в муниципальную собственность на баланс гороно, началась его новая история. «Пешечка» стала учреждением дополнительного образования, со всеми вытекающими последствиями: отчётность, количество учебных групп, плановая нагрузка тренеров-преподавателей, ведение журналов, учебных программ и так далее. И с этой нагрузкой Зорин справлялся.

Прошло ещё почти пять лет, в течение которых клуб выращивал новые таланты, проводил различные первенства. Но всё же жизнь, как и шахматное поле, идёт вперемежку – то белая полоса, то чёрная. В 1999 году «Пешечка» потеряла самостоятельный статус, а Зорин снова остался без любимой работы – его «ушли» на пенсию.

Он растерялся, сильно переживал произошедшее. Подумывал даже уехать из родного города, где оказался вдруг ненужным, – позвали на ПМЖ в один из южных городов. Но он нашёл в себе силы и остался в Прокопьевске. Не отчаялся. Не отложил чёрно-белую доску с фигурами в дальний угол. И снова вернулся к любимому занятию, став теперь народным учителем древней игры. За эти уроки Павел Николаевич не требовал денег. Зато благодаря ему в прокопьевском Дворце культуры имени Артёма появился... новый шахматный клуб – «Каисса».

– После рокового дня 1999 года, когда я был отправлен в «отпуск без содержания», крепко задумался. Неужели десятилетия упорного труда коту под хвост? – вздыхал, вспоминая нелёгкие дни в одном из интервью, Павел Николаевич. – Чуть было не уехал из города. Но не скис, оказавшись ненужным специалистом. В случившемся не снимаю вины и с себя – за вредный характер. По народной пословице знаю, что «на Руси не все караси, есть и ерши». Я оказался никому не нужным «ершом». И только мой спортивный характер, не привыкший сдаваться, спас меня от депрессии.

К счастью, Зорин в те времена оказался востребованным в других территориях области. Руководители шахматных федераций других городов Кузбасса, зная, что

Павел Николаевич имеет бесценный опыт в преподавании древней игры, стали приглашать его к себе. Он передавал свои знания талантливым детям не только нашего региона, но и Алтайского и Красноярского краёв, Новосибирской области. И хотя разовые «инъекции» не создавали полного благополучия, он стоически перенёс безденежье, источником к существованию были и гонорары, когда «пописывал» в газеты. Недаром же в 1984-м его приняли в Союз журналистов СССР. В прокопьевской «Шахтёрке», в областной газете «Кузбасс» много лет вёл рубрику «Шахматные уроки». И в этом находил утешение и нужность.

Незаметно Зорин пришёл к мысли «писать воспоминания о былом ради будущего». Первой его книгой стало хроникально-историческое, многостраничное, иллюстрированное издание «Поклонники Каиссы Прокопьевска» (2010), выпущенное очень ограниченным тиражом. Однако у всех, кто читал книгу, она вызвала настоящее восхищение. В ней автор познавательное, интересно и талантливо рассказал историю развития шахмат конкретного города. Следом за этой книгой появилась другая – «Жизнь в клеточку». «Это литературный опус, – признаётся Павел Николаевич, – в котором моя жизнь, представленная из мгновений, была описана на одном дыхании...».

Третье повествование он назвал в соответствии с возрастом «На склоне лет». И уж точно ошеломляющий успех выпал на его четвёртый выпуск – «Шахматы без границ». После выхода этой книги из печати Павлу Николаевичу пришлось изрядно поволноваться: неожиданно в адрес автора пришла поздравительная телеграмма от самого губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева. «Горжусь высокой оценкой губернатора моего скромного труда», – признался Павел Николаевич.

Наконец, по совету почётного гражданина Прокопьевска и Кемеровской области В. А. Мелера был издан сборник, в который вошли самые заметные, ключевые публикации всех изданий Зорина. Логично, ведь позади столько лет творческих мук, колоссальной работы прокопьевского учителя и популяризатора шахмат.

Его творческая работа, педагогический талант высоко оценены. В 1999 году ему присвоено почётное звание заслуженного работника физической культуры РСФСР. П. Н. Зорин награждён знаком «Отличник народного просвещения» (1986); знаком «За развитие спорта в России» (1996); почётным знаком Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса «За заслуги перед Кузбассом» (2021).

В его копилке наград имеются грамоты ЦК ВЛКСМ, ЦС «Спартак», знак ЦК ВЛКСМ «Отличному организатору детского спорта», почётные грамоты Федерации шахмат России, администраций Кемеровской области и города Прокопьевска.

Проникновенно выразился о нём заслуженный работник культуры РСФСР, бывший ответственный секретарь газеты «Кузбасс» Юрий Дьяконов: «Любые добрые слова о Павле Николаевиче Зорине будут не преувеличением, а характеристикой. Мне представляется, что шахматное мессианство, данное ему Всевышним, он пронёс через многие лета в качестве организатора, вдохновителя и Учителя. У него всё получалось, потому что он такой человек».

Зорин не оставляет шахматы и сегодня. Обучает древней игре детей. До сих пор его приглашают в качестве судьи на шахматные соревнования не только городского, но и областного уровня, на ветеранские турниры.

Александр Карин: от Прокопьевска до Парижа

«Итак, кино! Волшебный мир и интернациональный табор. Оставлю сразу всякую попытку описать этот феномен из четырёх букв и уверен, что кто-нибудь из великих режиссёров или всезнающих киноведов когда-нибудь объяснит явление «кино» как нечто разумное, базирующееся на технических знаниях, плюс художественная позиция, плюс... и так далее, и тому подобное...

Я же как человек, занимавшийся предметом неразумным и алогичным для нормальных людей, то есть кинотрюками, позволю себе воспоминания и эмоции. Дай Бог, если за этим дымом вдруг всё же проявится абрис Кинематографа, если же нет, то меня вполне устроят составные части оногo, как-то: руки – люди, душа – фантазия...»

Эти строки написал актёр, каскадёр, писатель, сценарист Александр Александрович Карин в своей книге «Господа каскадёры». Для меня же ближе всего и милей тот факт, что родом он из Прокопьевска – места и моего рождения, детства, отрочества и юности, где я познал первую любовь и азы журналистики в городской газете «Шахтёрская правда». И не беда, что я теперь проживаю в иных весях, а он – в Париже, Прокопу из сердца не вырвешь.

«...Фантазия! Конечно же, это главное, – рассуждает автор далее. – Её не убили разочарования, рабочие конфликты, тяжкий труд или безработица. Она выживала всегда! Обижаясь на Кино, как на близкого человека, я в итоге всё ему прощал, и вновь сказка и любовь к эфемерному заполняли моё сердце. Люди!.. Ставлю тире

– друзья. Трюковые мои братья, что обняли за плечи и горели, и убивались за «спасибо» десять с лишним лет!.. Сто фильмов посчастливилось отработать вместе с ними по всем регионам СССР...».

1.

Итак, Александр Карин родился в Прокопьевске 28 апреля 1952 года. Не случайно его книга «Господа каскадёры» начинается именно с автобиографического повествования «Страна Трюкания», рассказывающего о жизненном пути автора.

«На мой взгляд, – подчеркнул однажды секретарь Союза писателей России Николай Переяслов, – эта повесть является лучшей вещью сборника – необычайно сочная, правдивая, полная живых и беззлобных воспоминаний о вернувшемся из многолетнего тюремного заключения отце, рисующая картины жизни автора в глухой шахтёрской провинции, какой был в пятидесятые годы кузбасский город Прокопьевск, а позже – среди режиссёров, актёров, каскадёров и других людей искусства Москвы и Парижа...».

«Городок», «глухая провинция»... Мне, родившемуся в Прокопьевске в тех же 1950-х, правда, на четыре года позднее, такие сравнения не совсем по душе. Мои родители – коренные прокопчане, шахтёры с дважды ордена Ленина шахты «Коксовая» – называли родной город «Угольной жемчужиной Кузбасса».

Да, в городе было полтора десятка шахт. Да, каждая вторая семья почти трёхсоттысячного в те времена Прокопьевска имела отношение к угольной промышленности. Да, провинция. Но называть её «глухой» язык не поворачивается. Город с кино- и театрами, дворцами культуры, спорткомплексами, стадионами, трамваями, аэропортом Спиченково, откуда ежедневно в те годы вылетал в Москву самолёт ИЛ-18, в каждом рейсе на борту которого, как минимум, половина пассажиров – были шахтёры, летавшие на выходные в столицу «за тряпками» или возвращающиеся из отпусков с морей и из лучших санаториев страны.

И даже резонные сравнения с Парижем у Прокопьевска были. Малая родина, сплошь состоящая из рабочих посёлков, сгруппировавшихся вокруг шахт и заводов, и широко разбросанных друг от друга, по площади, слышал об этом не раз, равна прекрасной французской столице... Хотя, чего греха таить, где шахты, там и угольная чернота.

Александр Карин рассказывает о своём детстве и отрочестве в таких своих произведениях, как «Прогулка с папой», «Пока ручьи звенят», «Будня», «Псы».

«Мой путь в Трюканию начался в небольшом сибирском городе Прокопьевске, – повествует в книге «Страна Трюкания» Александр. – Снег там тёмен от пыли, небо серо от терриконов шахт, тротуары деревянные и асфальтовые, сугробы до крыш. Среди шахтёров много репрессированного люда... Горняки – сердечный, добрый народ, любят песни, домино и отдых на природе. ...В самом конце XX века Прокопьевск активно опровергал взгляды правящего класса и слыл самым революционным городом Кузбасса».

Хотя... в одном из видеоинтервью он говорит, что с детства мечтал вырваться в другой мир.

Как известно, родителей не выбирают. Тут уж, как говорится, кому как повезёт. Мама нашего героя Елена – урождённая сибирячка. Отец Александр Васильевич – кубанский казак. Дед Александра Карина – высоченный бородач Василий, «огромный, будто медведь» – приехал с сыном с Кубани в глубинку Сибири, в Прокопьевск. Видно, 1930-е годы для казаков были безрадостны, если не сказать трагичны, считает внук. Дед служил сотником в белой гвардии, вспоминает Александр, поэтому после «дед так «зашифровался», что до конца дней своих служил только сторожем на разных предприятиях города».

В рассказе «Игра в ножички, казаче...» (2013) Александр Карин напишет: «Корни их рода уходили аж к казакам атамана Ермака, искупавшим свои грехи пред батюшкой царём покорением Сибири. Однако, пойдя попробуй сказать чирским или донским (казакам), что ты свой, – забьют гордецы!»

Александр уверяет, что его любимую бабушку Акулину за рождение четырнадцати ребятишек наградили орденом «Мать-героиня». Бабушка жила «в бревенчатом бараке по улице Революции». Насколько помню, – этот посёлок в районе шахты имени Ворошилова называется Берёзовой рощей.

Любимой песней детства Александр называет песню «Бродяга» из одноименного индийского фильма с популярным актёром Ранбиром Радж Капуром. Карин-актёр, который из-за многочисленных киносъёмок вёл кочевой образ жизни, уверен, что «в ряду фатальных совпадений и обстоятельств моей жизни она (песня) занимает далеко не последнее место».

Первым кинофильмом, оставшимся в памяти Карина-мальчишки, была франко-итальянская лента 1961 года «Три мушкетёра». Он смотрел её много раз и мечтал «о волшебной Франции, куда непременно уеду, вступлю в полк де Тревиля и уйду на пенсию маршалом, как д'Артаньян. Меня совсем не удивляет, что ныне я живу в Париже, пенсионер, правда, до маршала не дотянул – «сломался» на Фестивале каскадёров Мира в Тулузе...».

Отец мальчишки дважды отбывал срок по уголовной статье. Когда он вернулся домой из мест заключения, оказалось, что стал инвалидом – потерял ногу на рудниках Магадана, «впитал своей лирической душой всю романтику уголовщины, ...знал «феню», придерживался «кодекса чести» и был татуирован от плеч до пят».

При этом у отца были золотые руки. Он работал по дереву, шил валенки, имел права водителя 1-го класса и массу других профессий. Александр на всю жизнь запомнил «картинку» строительства родительского дома под руководством отца. «Сруб казался мне огромным, а родитель грозным, так как громко командовал строителями на пока непонятном матерщинном наречии и топал деревянной ногой, за которую я, собственно, и держался». Ещё отец обожал читать книги, его любимым произведением был исторический роман итальянского писателя Рафаэлло Джованьоли «Спартак».

Отец Александра любил и выпить. В нетрезвом виде заставлял сына выполнять различные «чудеса»: мог налить ему спиртного или в непогоду выставить на улицу, – для закалки мальчишеского характера. Впервые на лошадь Александра посадил тоже отец. Вот как сын вспоминает об этом:

«...Отец сыскал как-то у магазина возчика, напоминающего внешне Щукаря, напоил его «городскими напитками» и прикатил к дому. ...Новая установка предполагала путешествие с сыном в ночь, проскоки по близлежащим оврагам и, возможно, возвращение с рассветом верхом! Надо сказать, всё так и было: где-то мы галопировали в полной темноте, где-то опрокинулись и потеряли дедушку, а затем с третьей попытки взгромоздились на уставшую клячу и гордым шагом (король всех аллюров) прибыли в родовое имение».

Как многих прокопьевских детей тех лет, Сашу отправили в детский сад, правда, ненадолго – был там всего полдня. Когда его привели в садик, «дети собирали кремль из деревянных колец, а девочка необычайной красоты собиралась завершить строение красной деревянной звездой, но тут первое чувство любви толкнуло меня к ней, я поцеловал её, получил удар в лоб деревяшкой и через окно комнаты нянечки убежал навсегда домой». И больше всего полюбил вольницу прокопьевских улиц: «Улица навсегда открыла мне свои объятия. Кто позволит разжечь костёр и прыгать сквозь пламя? Кто разрешит взять трёх собак сразу и охотиться за воронами? Улица, больше никому!»

Не обходилось и без смелых мальчишеских схваток. Бывало, там же на улице он покрывался боевыми синяками от колен до локтей. Наш герой даже участвовал в детской, но самой настоящей дуэли, в ходе которой стрелялся с обидчиком из самодельной «поджиги». Поджиги делали из прочных металлических трубок, закреплённых на деревянном или карболитовом контуре пистолета. Ствол начинали серой от спичек и даже кое-чем пострашнее. Та дуэль едва не закончилась трагедией...

Наверняка, уличная вольница тоже стала одним из определяющих факторов в выборе профессии каскадёра. Александр признаётся, что нередкие уличные бои без правил, в которых закалялся мужской характер, «вполне органично перешли в сценическое движение актёрского вуза, а затем и на экран... На сцене или в Кино надо было сочинять не правдивый, но красочный бой».

Отец Александра часто впадал в запой, и мама, не выдержав, ушла от него, уехала вместе с сыном сначала на Дон к сестре, потом в Волгоград.

Рассказы Александра Карина во многом автобиографичны. В одном из них он повествует как мать увезла двенадцатилетнего мальчишку в казацкую станицу Чирскую, к сестре. Хорошо там показалось сибиряку – тепло, хотя и хлопотно, – уж очень задиристы были его сверстники... «Казаковать станичные ребята начинали сизмальства. Слушали brave рассказы дедов, заливчатские песни в цветущих яблоневых садах, за хлебосольными столами, и рано, ох как рано просыпалась в них любовь к оружию. Уж и пороты бывали в кровь за игры с настоящими, припрятанными по чуланам шашками. На учёт в милицию поставлены поголовно – за постоянное ношение ножичков в карманах, но победить казацкую генетику, видно, не дано было никакой власти!»

Что ж, мы тоже помним о казацкой крови в организме нашего героя. Никакая Сибирь не смогла её извести. Забегая вперёд, скажу, что о смерти отца Александр узнал в 1974-м через Мосгорсправку...

Школьные годы и комсомольскую юность Александр Карин не очень любит вспоминать. В своей повести он отвёл им всего несколько строк, охарактеризовав, «как нечто бесформенное, серое, недостойное воспоминаний и попыток письменного изложения». Между тем, в тот период он выучился играть на гитаре и с удовольствием пел в компаниях.

В 1970 году его призвали на срочную службу в Советскую Армию. Сержантскую «учебку» проходил на востоке Демократической Республики Германии – в Котбусе – городе на реке Шпрее, втором по величине в земле Бранденбург. Если сравнивать его с Прокопьевском, то по населению – около 100 тысяч человек – город был втрое меньше. Впрочем, на этом сравнения заканчиваются.

Учебная часть размещалась в тех же казармах, где в 40-е годы располагались подразделения гитлеровских дивизий СС, и это накладывало особый отпечаток на службу, вспоминает Александр. Кто служил в учебной части в советское время, знает, как воспитывалась там солдатская воля, тренировалась выдержка, закалялась физическая крепость: «Сержанты гоняли нас каждое утро на трёхкилометровую пробежку вдоль автобанов. Было забавно наблюдать за лицами пассажиров в пролетающих мимо «мерседесах» и «фольксвагенах» – они скукоживались при виде бегущей советской роты в чёрных трусах и сапогах под белым весенним снегом. Немцы, очевидно, вновь задумывались о непобедимости русских...».

Готовили советских воинов серьёзно. Будущего сержанта-штурмовика учили всему: бегать, прыгать, стрелять в падении, прыгать ночью с вышки, выбивать противника из окопов всеми имеющимися подручными средствами.

Строптивый солдат Александр Карин часто получал наряды вне очереди: «Я очистил не одну тонну картошки, – рассказывает он, – мыл ночами посуду, коридоры, туалеты и т. п.». Но и армейскому делу обучался: ездил на стрельбище, овладевал разными видами оружия, чтобы поражать врага ночью и днём, научился водить бронетранспортёр.

После «учебки» Александру присвоили звание сержанта и направили для прохождения дальнейшей службы в одну из действующих частей группировки советских войск, дислоцировавшейся в ГДР (ГСВГ). Между прочим, ГСВГ считалась одной из наиболее боеспособных в Советской Армии, была оснащена самой совершенной и современной боевой техникой и оружием. При этом ГСВГ имела собственные заводы, объекты инфраструктуры, подсобные хозяйства, школы для офицерских детей, пионерские лагеря, санатории, торговую сеть, дома офицеров, телевизионные центры, комбинаты бытового обслуживания – в каждом гарнизоне, клубы с военными ансамблями песни и пляски – в каждой воинской части.

Карина назначили командиром отделения: «Мне пришлось ходить в караул разводящим, помощником, затем, где-то через месяц, начальником караула».

У рядовых Александр Карин пользовался уважением. Не допускал в своём отделении дедовщины. Справлялся с «дедами», например, принародным вызовом побоксировать с кем-нибудь из них вечером. Проиграть не боялся, ведь «с

отличием» прошёл школу прокопьевских улиц: «Через пару ударов они, обычно, «молодели» лежа в нокауте – спасибо боксу».

Впрочем, в целом воспоминания Карина об армейской службе печальны: два этих года (в запас он был уволен в 1972-м) Александр считает потерянным временем жизни...

2.

Чем можно заняться на «гражданке»? Выбор был широким, а впереди – целая жизнь. Но к нему давно пришло понимание, что должен связать свою жизнь с профессией артиста. «Никогда не думал я стать милиционером, космонавтом или пожарником, – уверяет он во второй части «Господ каскадёров». – Класа с четвёртого, а может, чуть раньше решил я быть актёром, и задуманному не изменял вплоть до годичного пребывания в Московском театре комедии Росконцерта».

Сразу после демобилизации он поехал поступать в Театральное училище имени М. С. Щепкина – на отделение актёрского искусства, где обучали актёров и режиссёров театра.

Поступить сюда было очень сложно: конкурс составлял 150 человек на место! «Готовился я довольно тщательно, – вспоминает Александр, – но в первый же заход мне объяснили, что я имею зубы вруна (редкие) и шепелявлю на все согласные сразу. «Приговор» ...как говорится, «обжалованию не подлежит». Пришлось вернуться в Волгоград. В первую же неделю я сточил четыре передних зуба и поставил пластмассовый частокор. Мама пришла в ужас! Успокоил её лишь тем, что дикция стала лучше. Несколько месяцев занятий у логопеда явно увеличили мои шансы, к тому же я решил познать театр изнутри и устроился осветителем в местной драме...».

Проработал он здесь недолго – уволили. Также немного потрудился постановщиком декораций в местном театре кукол. Потом в Волгограде наступила весна, в течение которой Александр не только гулял с друзьями, но учил стихи и басни, монологи и сцены из различных произведений. Словом, готовился к повторному поступлению в театральное.

Летом 1973-го он вернулся в Москву и прошёлся по всем театральным вузам... «Должен пояснить, что бороться можно было всюду, но до третьего тура. Затем необходимо решиться, выбрать училище и сдать в учебную часть документы. Пишу об этом необычайно легко, хотя на деле исстрадался напрочь! Дважды менял программу, много репетировал с братом Геннадием, дрожал после каждой читки, – месяц провёл в абсолютно горячем состоянии! Итак, приоритет принадлежит Щепкинскому. Написаны: диктант, заявление, биография и пройдены все проверки «на голос», на танец и прочее... Я – студент!»

Щепкинское училище – старейшее престижнейшее высшее театральное учебное заведение (институт) было создано ещё в 1809 году в Москве как Московская театральная школа при Государственном академическом Малом театре. Обучение здесь, конечно же, намного интереснее армейской «учебки». Педагоги «Щепки» (так училище называют в театральных кругах) в своём большинстве – маститые актёры и режиссёры Малого театра.

Кафедрой мастерства актёра руководил народный артист СССР, профессор, член худсовета Малого театра и учёного совета Училища Н. А. Анненков, сыгравший сотни ролей на театральной сцене и десятки образов в кино. Николай Александрович считал, что учить актёров можно только на первоклассном литературном материале. Важным разделом профессиональной подготовки студентов кафедра полагала практику на сцене Малого театра. Среди учеников Н. А. Анненкова были такие выдающиеся артисты, как Никита Подгорный, Олег Даль, Виктор Павлов, Виталий Соломин и многие другие.

Начался первый семестр. Студенческая жизнь в «Щепке»: пары по три часа, актёрское мастерство, уроки танцев, этюды, песни под аккомпанемент, штудирование родной культуры, – малая толика того, чем занимаются здесь. Начинающие актёры, включая Александра Карина, выкладывались по полной программе, обучаясь каждый день с утра до вечера.

Предметы Александр делил на любимые и «не очень». Первые касались специализации: мастерство актёра, сценическая речь, сценическое движение, танец, музыкальные занятия. А те, что «не очень» – общеобразовательные предметы – всеобщая история, история зарубежного театра, история советского театра и так далее. Но куда же без них?! Добавьте к дисциплинам, которые преподаются на кафедре мастерства актёра, ещё и грим, а также факультативы: фортепиано, гитара, баян, – и получится практически полная картина занятий.

«Необычайно радостное и восторженное состояние не покидало меня полгода, – делится Карин. – Шли каждодневные упражнения на внимание, реакцию, чувство сценического времени и многие другие, присущие актёрскому ремеслу. Особенно полюбил я этюды. Вся моя нереализованная прежде фантазия пошла в дело: гонки на автомобилях, жуткие средневековые трагедии, любовь с первого взгляда, мушкетерские дуэли! Думалось и игралось необыкновенно...».

Но вскоре у него возник конфликт с художественным руководителем курса В. Б. Монаховым. По словам Александра, преподаватель его невзлюбил: «Будучи прекрасным пародистом, он так передразнивал неудачи и промахи студентов, что они надолго утрачивали способность быть органичными и приобретали чудовищный «сценический зажим». Такой «зажим» произошёл и с Кариным. И в студенте поселился страх отчисления, «страх изгнания из школы, ужас потери искусства!»

Однако, когда закончился первый курс, страх отступил – не выгнали! А во время летних каникул случилась беда: он получил в Волгограде удар ножом в живот. Горячий, порой, запальчивый, остро переживающий несправедливость, парень не мог пройти мимо хулиганов, которые ударили в ресторане девушку. Он потребовал выйти и разобраться по-мужски, по законам прокопьевских улиц. Обидчиками девушки оказались отсидевшие «блатари», которые отмечали чей-то «выход» с зоны...

25 дней жизнь Карина была под вопросом. Позднее он напишет: «Я выжил благодаря Богу, хирургу, маме, следователю, проникшейся ко мне симпатией –

очень уж оказался похожим на её сына!» Карин даже вовремя – к началу сентября – успел приступить к новому учебному году.

На втором курсе программа обучения стала гораздо интересней: «Столь любимые мною этюды закончились, на смену пришли драматические сцены, то есть роль, работа над ней и работа над собой».

В экзаменационном спектакле Александр должен был играть роль злодея – дона Саллюстия де Базана из «Рюи Блаза» – романтической драмы, написанной двенадцатисложным александрийским стихом французским писателем, поэтом и драматургом Виктором Гюго. («Это произведение я читал в театре Волгограда, когда был застигнут начальником цеха осветителей и изгнан»).

В костюмерной училища Карин нашёл для образа чёрный бархатный колет и панталоны. Присовокупил к этому огромную шпагу, массивный кинжал и «вечно тяжёлый «злодейский взор» на всех окружающих». На репетициях всё было хорошо. И вот экзамен. Педагоги и актёры Малого театра заполнили аудиторию. С середины сцены Александр «обнаружил себя в паузе... Дальнейший текст выпал из памяти! Мой партнёр от ужаса замер с гуммозной улыбкой на лице. Так и сидели: он – чему-то улыбаясь, я – от чего-то в свирепом молчании...»

Спас сцену посторонний звук: кто-то громко чихнул. Все зашевелились, неодобрительно глянули на нарушившего очарование паузы, а Карин очнулся, отошёл к окну и озвучил-таки коварную интригу. Его партнёр убрал с лица улыбку и рассвирепел. Сидевший в зале народный артист Михаил Иванович Царёв одобрительно хмыкнул – ему нравилось...

Им аплодировали! Актёры хоть чудом, но сыграли вполне достойно. Но после спектакля Александр подвергся потрясающей пародии руководителя курса и хохотал больше всех: «Мне со скрипом натянули «четвёрку», и из сердца навсегда пропал страх перед сценой... и перспективой быть выгнанным из института».

Через пару недель был экзамен по сценической речи. И тут он заспорил с педагогами, так как посчитал, что ему предлагают серые или избитые монологи, никак не соответствующие ни его индивидуальности, ни душевному состоянию: «Я вспылил и заявил, что сам выберу и подготовлю достойную прозу, сняв с них всю ответственность...» И с ним согласились: выбирай себе монологи сам.

Стало быть, второкурснику Карину предстоял, быть может, самый главный бой. Впереди уже маячил третий курс, а это – работа над пьесами и шанс получить хорошую роль на четвёртом курсе, где без пяти минут выпускники «Щепки» будут играть спектакли на настоящей театральной сцене не просто для публики, но также – для режиссёров московских театров.

К экзамену по сценической речи Александр выбрал финальную сцену из любимого романа «Идиот» Ф. М. Достоевского и замечательный рассказ Василия Шукшина «Миль пардон, мадам»! То есть ему предстояло вначале исполнить сложнейшую трагичную сцену из «Идиота», где и Мышкин и Рогожин впадают в безумие, а после быстро перевоплотиться и читать комедийный рассказ!

«Спасло замечательное подспорье, – признаётся он, – мы уже давно работали с другом Игорем Арсеньевым над некой композицией по сцене из «Идиота»... А

рассказ Шукшина я видел в фильме, где охотника и вруна Пупкова играл всеми любимый и народный актёр Лебедев. Ну чем не пособие и помощь?!»

В результате экзамен сдал на пятёрку, рыдая и хохоча вместе со своими героями и, наконец, «содрал с себя ярлык жигана, хулигана и т. п.».

Потом завершился и третий курс. На четвёртом начали репетировать пьесу «Верные друзья» для подмостков филиала Малого театра. Пьесу студенты готовили с замечательным педагогом, заслуженным деятелем искусств РФ, профессором кафедры актёрского мастерства Риммой Гавриловной Солнцевой.

«О чудо! – восклицает Александр. – Она даёт мне роль и полную творческую свободу в пьесе «Верные друзья»! Пусть это вполне рядовое советское «творение», но с темой войны, а это меняет всё».

Через полгода репетиций четверокурсники начинают играть спектакль в филиале Малого театра. Постановка имела тёплый зрительский приём и всегда аншлаг: «Работа над ролью с таким режиссёром как Римма Гавриловна оказала на меня положительное, почти медицинское воздействие – я поуспокоился сердцем и душой».

Дальше – больше! Художественный руководитель курса Владимир Багратович Монахов репетирует со своими студентами «Тартюфа». Карину здесь достаётся роль Клеанта. Он так профессионально и задорно отплясывал в финале общий танец в масках Тартюфа, что педагог по танцу исправил ему тройку за танцы на четвёрку: «Вот радость-то! Ведь я был таким увальнем, что и «удовлетворительно» звучало подарком, а тут... Благодарил милейшего Виктора Тэйдера, запинаясь и краснея. Он же без тени улыбки объявил: «Заслужил...».

Студенту А. Карину начали предлагать роли и в других спектаклях, которые ставили силами вуза. Например, педагог С. В. Харченко включил его в актёрский состав для постановки «Егора Булычёва». И вскоре Александр с воодушевлением играл роль лесника Доната: «В вязаных носках и с бородой имею успех у студентов вуза, а главное, у приехавшей на сдачу спектакля мамы. А что ещё надо?!»

Вскоре другой педагог курса Н. А. Верещенко предлагает Карину роль в американской пьесе «12 рассерженных мужчин». Жизнь на сцене его персонажа вроде бы коротка, но очень важна для фабулы постановки: его персонаж через полтора часа заседания присяжных должен эффектно спасти подсудимого от высшей меры. Как сыграть эту роль, чтобы зритель поверил? У Александра Карина множество вопросов к режиссёру. А тот отмахивается:

– Не до тебя, Карин!

Однокурсники сами растеряны... Карин запаниковал. Что делать? И начинающий актёр Александр Карин начал сам искать пути к образу своего героя. Вооружился авторучкой, записной книжкой, делал пометки, внимательно выслушивал всех и, особенно, главных героев пьесы, размышлял, прикидывал: «О, чудо! ...Я пробился сквозь «джунгли» пьесы, мою «тончайшую игру» оценили. Я победил! Но кого?.. Себя, конечно, и, как мне кажется, стал, наконец, актёром».

Учёба в «Щепке» подошла к концу. Остаётся добавить, что Александр также успешно завершил курс фехтования и сценического движения профессора А. Б. Немировского. Кроме того, освоил французский язык. И – получил диплом о высшем актёрском образовании.

Прибавим к этому, что вместе с Александром на курсе учились те, кто впоследствии тоже сделал хорошую артистическую карьеру. Среди них народная артистка России Наталья Кутасова, окончившая Театральное училище, как и Карин, в 1977 году. Затем прошла хорошую школу в Челябинском театре драмы, в Санкт-Петербургском Академическом театре имени Ленсовета. Сейчас работает в Театре на Васильевском (Санкт-Петербург). Известна также по фильмам и сериалам «Агентство НЛС», «Тайны следствия», «Секретные поручения», «Лиговка», «Время Синдбада», «Поиски улики», «С небес на землю». Этот список можно продолжать.

Вместе с Кариним диплом «Щепки» получал Валерий Хромушкин, к сожалению, рано ушедший из жизни. Был актёром Московского Театра юного зрителя. Сыграл более 30 ролей в кино: в фильмах «Вечный зов», «Овраги», «Анна Петровна», «Вот такая история», «Без вины виноватые», «В круге первом»...

«...С удовольствием «убегаю» на профессиональную сцену Театра Комедии, ибо сразу за ним начинается любимый табор кино с бесчисленными приятелями и трюковыми братьями в новой и самой любимой профессии – каскадёр», – так заканчивается ещё одна из глав книги «Господа каскадёры».

3.

В 1977 году выпускника «Щепки» Александра Карина приняли в Театр Комедии (Московский гастрольный театр комедии), который работал по договорам «Росконцерта». Главным режиссёром театра в те времена был Я. М. Кракопольский.

Яков Миронович предложил выпускнику главную роль Бродяги в малоизвестной пьесе румынского драматурга: «Главреж... тихо спал на репетициях, а я семнадцать дней бродил по сцене, направляемый актёрами, так как спектакль шёл давно, и они прекрасно знали и мизансцены, и выгодные моменты роли, не раз проверенные на зрителе. Должен сказать, что такая доброжелательная и свободная режиссура меня вполне устраивала. ...Я с удовольствием и азартом ввёлся в спектакль».

Подкрепил успех начинающего Бродяги и педагог курса Владимир Багратович Монахов – принёс за кулисы Карину букет гвоздик и комплимент: «Не ожидал!»

Труппа театра мало чем отличалась от других «богемных» коллективов конца 70-х годов. Многие актёры часто отдавали должное «зелёному змию». Почти не было интриг из-за ролей. Процветала неудержимая страсть к импровизациям. За кулисами часто возникали непредвиденные конфликты: «Пожилые забывали слова, а молодёжь выдумывала столько новых, что подчас мы не знали, как закончить спектакль!»

Работа в этом театре была интересна тем, что он постоянно гастролировал по разным городам СССР, всегда находился в движении. Александр вспоминает, что благодаря гастролям он с Театром Комедии попал в родной Прокопьевск:

«Нет слов! – Порадовал всех родственников. Особенно памятным был торжественный приход на спектакль моего дядюшки Ивана, он же «Король» и вдохновитель всех моих фантазий детства. ...Одет он был строго, в чёрный костюм и белую рубашку без галстука. Высоко поднятая голова, побелевшие кудри и, явно нафабренные усики над губой, должны были, очевидно, прояснить окружающим, что приглашён он был не просто племянником, а лучшим артистом всей Москвы, к чему лично он приложил невероятные усилия! ...Играл я в этот вечер необычайно легко, часто срывал аплодисменты, хохот, так как это была комедия».

После нескольких сыгранных спектаклей Александр повидал всю прокопьевскую родню, прошёлся по улочкам и улицам родного города. «Больше уж мне не удалось вернуться в сказочную Сибирь никогда, а жаль до слёз!»

В Театре Комедии Александр Карин отработал два года. В этом коллективе у него состоялась ещё одна главная роль – в пьесе «Дикарь». Но каких-либо подробностей об этом образе не удалось отыскать. В 1979 году он ушёл из театра. Одна из причин заключалась в том, что его позвали сниматься в настоящем кино, которое стало несомненной удачей всей его последующей жизни.

Режиссёры Станислав Ростоцкий и Никита Хубов набирали артистов для съёмок военно-приключенческого, историко-биографического художественного фильма «Эскадрон гусар летучих» – о событиях Отечественной войны 1812 года, её влиянии на мировоззрение, жизнь и творчество знаменитого гусара и поэта, генерал-лейтенанта Дениса Давыдова. Лента рассказывала о партизанском отряде гусар, ставшем образцом мужества и храбрости в боях с коварным захватчиком.

Александр предложили сыграть роль Михаила Григорьевича Бедряги – героя той войны, командовавшего эскадроном гусар. Он просто горел этой работой. Съёмки происходили в окрестностях города Истра – в селе Пионерское, доме отдыха имени А. П. Чехова, Ново-Иерусалимском монастыре, на берегах реки Малая Истра. Были захватывающие скачки на лошадях, серьёзные и весёлые эпизоды, неподражаемая игра партнёров по площадке. А имена коллег – как на подбор. Дениса Давыдова играл Андрей Ростоцкий, Евгений Лебедев – Кутузова, Николай Ерёменко – князя Болховского. В ролях также были заняты Иван Краско, Виктор Шульгин, Борис Клюев...

Критики называли фильм «темпераментным, зрелищным, озорным». После выхода на экран лента стала одним из лидеров проката: её посмотрело больше 23 миллионов зрителей. А у Карина состоялся первый настоящий контакт с профессией каскадёра.

В следующем же году Александр стал участником съёмочной группы художественного фильма «Ярослав Мудрый» – картины режиссёра Григория Кохана о жизни русского князя Ярослава, ставшего великим князем Киевской Руси Ярославом Мудрым. Ленту совместно делали Киевская киностудия имени Александра Довженко и «Мосфильм».

Карин сыграл роль Рубача. В других ролях были: Юрий Муравицкий – Ярослав Мудрый, Пётр Вельяминов – великий князь Киевский, отец Ярослава, Людмила Смородина – Ингигерда, жена Ярослава, Леонид Филатов – Твердислав, воевода...

И эта картина стала успешной. «Ярослав» вышел на большие экраны в 1981-м и был очень хорошо принят зрителями. А в 1982-м на XV Всесоюзном кинофестивале в Таллине фильм удостоился приза и диплома жюри.

Однако окончательный выбор: театр или кино, – Александр тогда вновь не сделал. Поэтому ещё одним театром в актёрской судьбе Карина стал «Сатирикон».

Прародителем «Сатирикона» является основанный в 1939 году Ленинградский театр эстрады и миниатюр, получивший известность как театр Райкина. В 1982 году театр переехал в Москву, став Государственным театром миниатюр. В его коллектив влилась большая группа молодежи. Рядом с Аркадием Райкиным в нём появился другой лидер – Константин Райкин.

«Несмотря на то, что я уже отработал в кино два огромных фильма, ...1981 год был самым безденежным, если не сказать, голодным... – поясняет Карин. – На этом фоне, коли этот оборот речи здесь уместен, мне передал друг Александр Ожигин, что обо мне спрашивает Константин Райкин. Ранее я показывался ему в студии О. Табакова на роль Шерхана в столь нашумевшем и талантливым спектакле «Маугли», ...но меня тогда не взяли».

Александр с радостью пошёл собеседовать. Кстати, они с Константином были знакомы ещё и по общежитию «Современника», где жил тот самый Ожигин, то справляя Новый год, то вечеринку.

Константин Райкин встретил его очень приветливо, расспросил о занятости и предложил «показаться» снова: «Я с радостью согласился. Если пройду, думалось мне, то вполне смогу выживать на актёрские 130 рублей в месяц и продолжать работать в Кино».

На показе в зале оказались и актёры театра Аркадия Райкина, и он сам. Это необычайно воодушевило Карина, ведь эту фамилию впервые в жизни он услышал в далёком детстве:

«Мне было около шести. Мама пришла с работы и, смеясь, стала рассказывать отцу, что Райкин так опять насмешил, такую сатиру выдал!.. Тут я вмешался, вставив:

– Опять дядя Федя напился?! – это вызвало дружный смех родителей.

Мама пояснила, что есть такой человек, который помогает людям жить веселей и это, якобы, его работа и призвание. Так и услышал я первую артистическую фамилию в моей жизни».

Показ прошёл очень удачно. За кулисами Александра и его партнёра поздравили актёры и сказали, что даже шеф смеялся. Его приняли в труппу, и он стал участвовать в рабочем репертуаре театра. «К сожалению, мне не пришлось и минуты партнёрствовать с первым в моей жизни актёром, – сетует Александр. – Но быть на сцене соучастником его действия случалось не раз».

Ставили спектакль «Лица» по нескольким чеховским пьесам, где хорошо раскрыты судьбы и характеры людей из провинции. Режиссёром-постановщиком был Валерий Фокин. Ранее Александр видел на малой сцене «Современника» его композицию по произведениям Ф. М. Достоевского и был в восторге: «Именно

такого подхода к профессии, такой работы с актёром мне не хватало в вузе имени Щепкина! Недаром моим «Первым Учителем» был Марлон Брандо: только у него я брал уроки полной веры в обстоятельства, скупость и точность оценки фраз, событий, невидимой подготовки к эмоциональному взрыву – всему».

Наступил день, когда спектакль «Лица» был завершён, сдан комиссии, и труппа поехала гастролировать с ним по стране. Месяцы изнурительных репетиций прошли для артистов недаром. Кроме всего, они ежедневно занимались и танцами. Все актёры «сильно схуднули и окрепли». Для Карина же это была дополнительная нагрузка к утренним пробежкам и необходимым для каскадёра упражнениям.

Гастроли получились очень интересными: Ленинград, Ялта, снова Ленинград – всюду полные залы и радушный приём публики. Константин Райкин работал с необычайной отдачей и, конечно же, требовал максимума от актёров. Многие со временем не выдержали темпа, нагрузок и покинули спектакль. Некоторые ушли из театра. Александр во время гастролей в Волгограде тоже уволился и – уже навсегда – вернулся в Кино.

«От души благодарю Константина Райкина – он регулярно отпускал меня на съёмки в 1982 году, хотя это была пора невезений: перелом кистей, травма плеча, колена, обгоревшие руки, лицо, голова. Представьте – еду в Питер и в поезде прошу заглянуть его в моё купе... Он, удивлённый просьбой, входит, видит мой бритый череп, ахает, затем, помолчав, с восторгом произносит:

– Саша, это очень хорошо для роли!

Редкий режиссёр прощал актёрам подобную экстравагантность в купе с гипсовыми накладками... Прощай мой второй и последний театр. Было весело, обрёл друзей и новый подход к профессии», – откровенничает Карин.

4.

Всё-таки он выбрал кино.

В своей книге «Господа каскадёры» он старается писать обо всём этом подробно и серьёзно. Уверен, что база окончательного решения была заложена на первом фильме «Эскадрон гусар летучих» благодаря большому профессионализму «тренера» и, конечно же, высокому индивидуальному уровню многих участников съёмок.

Думаю, надо ещё раз вернуться к этой первой его работе на большом экране. Напомню, в картину его пригласил преподаватель сценического движения и сценического боя в ГИТИСе, постановщик и участник «боев» в кинофильмах Николай Васильевич Карпов: позвал фехтовать в батальных сценах и эпизодах. И Карин был «безмерно счастлив».

Он вспоминает, как режиссёр Никита Хубов подтрунивал над мужской доблестью исполнителей и вынуждал биться в кадре почти по-настоящему, язвительно улыбался, когда кто-либо выпадал нечаянно из седла или неточно выполнял поставленную задачу!

«Я ему очень благодарен! ...Ибо он – первый режиссёр, кто научил думать о работе, забывая в этот момент о безопасности собственной жизни. Актёры фильма

были подобраны Хубовым необычайно тщательно и удачно. ...Что же касается меня, приход на фильм Станислава Ростоцкого тоже был везением, так как этот человек многое прояснил в лабиринтах Кинематографа и даже преподавал урок личного мужества. Однажды Станислав неожиданно предложил мне прогулку по заснеженному лесу. Он галопировал на коне, имея вместо ноги протез! А когда мы вернулись, – водитель, нечаянно газанувший за рулем грузовика, отнял у всадника ещё и почку. Лошадь встала «на свечку», Ростоцкий выпал наземь и травмировал орган».

Ростоцкого удачно прооперировали, он быстро восстановился и продолжил съёмки. «Кстати, думаю, – продолжает Александр, – что его предложение прогуляться верхом было, скорее всего, неким пардоном за пару замечаний в мегафон:

– Карин, будешь скакать впереди моего сына, когда тебя будут снимать героем картины!

Или:

– Саша, не маши так шустро саблей – Андрей не успевает.

Не скажу, что меня это очень обижало – он прав! Увлечённость и лихость не повод забывать о субординации...».

Помимо Хубова и Станислава Ростоцкого, был ещё один человек, который повлиял на отношение Александра к кино и подарил ему встречу с самым любимым существом на Земле – лошадью! Звали его Валерий Сергеевич Филатов. Сын чемпиона мира по выездке и сам прекрасный специалист конного дела, он был постановщиком трюков и тренером актёров, занятых в батальных сценах картины. Филатов запомнился ему как очень принципиальный, резкий, внимательный тренер, не позволяющий шутить с четвероногими братьями. А тем – делать что-либо против воли всадника. Соответственно, всадник нёс серьёзнейшую ответственность как за здоровье коня, так и за становление его характера.

Карин говорит, что «Валерий был добрейшим человеком и скоро стал для большинства из нас другом. На занятиях Филатова мы репетировали, помимо всего прочего, сцены баталий, приучали лошадей к сабельному бою и сами овладевали этим интересным и очень специфическим делом. Подобный бой подразумевал почти автоматическое управление конём».

Позже добавился ещё один элемент – учились выбирать талантливых и пригодных для подобных упражнений лошадей. Они должны быть и храбрыми, и гибкими телом.

Что же, Карин активно осваивает профессию каскадёра кино. Хочу особо подчеркнуть – это одна из самых сложных и рискованных профессий в кинематографе. Каскадёр – исполнитель сложных и опасных трюков. Наименование профессии определилось от заимствования из французского языка «cascadeur», что означает: «каскадный актёр, актриса; трюковый артист, трюкач»; любитель риска».

Зачастую каскадёры дублируют, то есть, подменяют актёров в кадре на время выполнения трюков, если актёры не могут сами выполнить сложную задачу режиссёра. В случае «подмены» или дублирования актёра каскадёром для съёмок подбирается каскадёр (дублёр), похожий по телосложению на актёра. Каскадёра гримируют под актёра и во время выполнения трюка его не снимают крупно анфас – так для зрителя подмена актёра каскадёром остаётся незаметной.

В СССР дублёры актёров впервые были использованы в 1934-м при съёмках комедии «Весёлые ребята», чтобы максимально реалистично снять сцену драки оркестрантов... А в фильме «Смелые люди» (в 1948 году) впервые в советском кино известный наездник Алибек Кантемиров разработал и выполнил технику подсечки – падения с лошадью. Подсечка станет, впоследствии, классическим конным трюком, а правила Кантемирова – основой техники нескольких поколений конных каскадёров.

Однако многие годы в советском кинематографе профессия каскадёра не была узаконена. У советских каскадёров не было единой тренировочной базы с залами для репетиций, им приходилось самим изобретать сёдла, упряжь, сложные приспособления для рискованных трюков. Нет и постоянной зарплаты, следовательно, не идёт непрерывный стаж работы. В общем, многое держалось на сплошном энтузиазме и любви к своему ремеслу. На неких временных частных школах или группах по обучению трюкачей под конкретные кинофильмы.

Лишь к середине 1980-х каскадёры сами стали создавать различные профессиональные объединения. Возросла и роль каскадёра-постановщика. Однако, в трудовых книжках представители каскадёрского цеха по-прежнему значились дворниками, малярами, сторожами или, в лучшем случае, спортивными тренерами.

В целом в советской киноиндустрии «трюкачей» было немного. Наверное, поэтому они ощущали себя настоящей кастой, войти в которую людям со стороны было крайне сложно. Как пишет на сайте «Энциклопедия кино» известный российский киновед и архивист Пётр Багров, всю работу делили между собой примерно 120 человек (на «Мосфильме» трудилось около 80): «Максимальная стоимость трюка не превышала 56 рублей. Чтобы получить больше, нужно было договариваться с оператором: он «браковал» первый, а то и второй дубль (по распоряжению Госкино их должно было быть не более двух), а за повторное исполнение трюка каскадёру полагалась надбавка в 50 процентов от утверждённой ставки...».

Особое поколение «трюканцев» на пути Александра Карина в каскадёры – конники-спортсмены, работавшие в кинематографе и не имевшие постоянного коллектива. «Не скрою, – отмечает Александр, – контингент слыл сильно пьющим, что не мешало делать хороший каскад с минимальным для дела снаряжением. Обычно оно ограничивалось кожаной лонжей (арканом, верёвкой) для подсечки лошадей и парой эластичных бинтов. Не много...».

Трюковая бригада кинофильма «Эскадрон гусар летучих» состояла из двух казаков с Дона – Богородского и Стагнеева, и троих москвичей из спорткомплекса «Спартак». Позднее к ним присоединились прибалты...

Рабочее расписание бригады вызывало у киногоруппы удивление и постоянное раздражение. Оставалось тайной, когда каскадёры ели, спали, где брали деньги, почему они до утра шумели по коридорам, а потом режиссёр, актёры и другие работники ждали их по полчаса в автобусах. Утро трюкачам «давалось» с трудом. Выходили парни с мятыми лицами, прибаутками и уверенностью, что без них «кина не будет». Фильм-то «конный», каскад необходим каждый день, и кинематографисты с кислой улыбкой терпели их буйства и капризы.

«Первый, кто повстречался на моём «трюковом пути», – делится Карин, – и остался впоследствии членом нашей самой конфликтной и опальной группы, был Евгений Богородский. ...Казак по рождению и конник по призванию, он многое не принял в столице и кинематографе. ...Никогда не проходила его тоска по вольному Дону. Постоянно мечтал он вернуться на коне домой, кликнуть батьку и порадовать старика успехами в делах и боевой казачьей славой».

По колориту и по немыслимым «коленцам», которые выплясывал в кино Евгений, он в группе был первым. Неубиваемая цивилизацией индивидуальность, богатая поговорками речь, странные обиды на всё и вся после лишнего стаканчика, безумная любовь к лошадям делали его фигуру всегда заметной в работе и компаниях: «Закрою глаза и тут же вижу Богородского, вылетающего на киноплощадку эдаким Пугачёвым: глаза горят, конёк в сборе, посадка атаманская, усы закручены! Кто в советском кино не знает Женьку? Нет таких».

Ещё одним верным другом Карина по ремеслу стал каскадёр Александр Андреев: «Закрою глаза и вижу подаренную матерью покойного друга фотографию: ему лет семь, он стоит на тротуаре и его маленькая фигурка отражается в послегрозовой луже, причём, смотрит он в небо, и вода ясно дублирует его позу... Есть у меня кадры с его падением на горящем автомобиле в воду с высоты восемнадцати метров, есть и другие, но именно эта нечаянная композиция «детства и неба» – первое, что возникает в воображении...».

Встреча Карина с Андреевым состоялась также на съёмках «Эскадрона». Потом были годы совместной работы – трюки, падения, травмы. Напомню, после фильма «Эскадрон гусар летучих» у Александра почти год не было рабочих предложений. В этот период жилось очень нелегко, приходилось даже занимать деньги у приятелей.

В ту пору он «мелькнул» в нескольких небольших телефильмах, в постановке фехтования в бенефисе Татьяны Дорониной, и только к осени 1980-го пришло интересное предложение от организаторов кинокартины «Ярослав Мудрый». На этом историческом материале он вновь встретился с Андреевым и Богородским, и в дальнейшем они трудились «вместе, объединившись к тому же с тремя выходцами из Киргизии: Усеном Кудайбергеновым и братьями Саттаром и Султаном Дикамбаевыми...

Но прежде – несколько слов о бенефисе Татьяны Дорониной, мастерство которой «зацепило» Карина за душу.

Режиссёром-постановщиком кинодействия стал Евгений Гинзбург, задачей которого было раскрыть все грани актёрского таланта Татьяны Васильевны. Она играла в

классике и современной драме, танцевала и пела в мюзикле, представала в образах королевы Елизаветы и Марии Стюарт, Аркадиной, Альдонсы, Прекрасной Елены, Шахерезады, Снежной королевы и Герды, Золушки.

В работе над лентой участвовали звёздные актёры Н. Караченцов, А. Джигарханян, Э. Виторган, А. Балтер, Н. Крачковская, Е. Стеблов. А также – артисты балета Московского театра оперетты, Московского ансамбля пантомимы и Московского театра пантомимы, инструментальный ансамбль «Мелодия» Всесоюзного радио и Центрального телевидения.

В такой престижной компании очень даже здорово показала себя группа каскадёров под управлением Александра Карина, которого Е. Гинзбург пригласил «на постановку сцен фехтования и небольшой трючок». Пролетая на канате над альковым, где нежились персонажи Т. Дорониной и Э. Виторгана, он должен был разрушить его ногами и упасть на пол. Выполнить это получилось «очень натурально, но больно». Александр с удовольствием рассказывает:

«Описываю этот трючок в противовес оригинальной работе Татьяны Васильевны. Она должна была пройти через коридор шпажистов, отразив их атаку тройкой ответных защит и молниеносным выпадом. Но! Вместо этого Доронина смела моих партнеров градом ударов, после чего подошла ко мне и шепнула:

– Саш-ша, кто-то задел мне лезвием причёску!

Я успокоил:

– Накажу, бывает...

А про себя подумал: о, женщина, вам нельзя давать оружие, это может кончиться гибелью нас, усаых слабых существ... Однако пришлось сделать ещё пару дублей, и на все мои вежливые советы обходиться лишь тройкой предложенных ударов шпагой, она вновь разметала напавших, и пришлось похвалить:

– Татьяна Васильевна, великолепно исполнено!

Режиссёру тоже понравилось, хотя он понял, что это была лихая импровизация, а не точное исполнение постановки боя. Н-да... Ну и темперамент, прелестная Татьяна! На этом возгласе, с величайшим сожалением закончу описание краткой встречи с любимой актрисой. С Евгением Гинсбургом мне ещё посчастливится потрудиться на весёлом фильме «Золотое руно, или Путешествие будет опасным». А вот с Татьяной Дорониной больше свидеться не удалось...».

Большой красочный фильм «Ярослав Мудрый» предоставил Карину не только возможность частично вернуть долги, но и по-настоящему раскрыть свой талант. Позволил ему поставить несколько отличных эпизодов драк на холодном оружии, сыграть небольшую роль и, главное, – начать делать вполне серьёзные трюки.

Ему многое удалось в этой ленте, прежде всего, потому что в съёмках участвовали лучшие друзья – трюкачи Андреев и Богородский. Правда, они уехали через неделю, на другой фильм, но это уже другая история...

Не обходилось на съёмочной площадке и без травм: «Сашка (Андреев) всё это время страдал. При подсечке лошадь чуть не размозжила ему грудь седлом, и по

ночам он пил то таблетки, то водку. Легкая травма сердечного клапана дала о себе знать только два года спустя».

Без мнимых трюкачей тоже не обходилось. На «Ярославе Мудром» объявился «постановщик каскада» некто Потокин. Александр видел его ещё на съёмках «Эскадрона», но «там он зажёл пороховую дорожку против ветра, обгорел лицом и исчез». Очевидно позже, лёгкие шрамы на коже позволили убедить режиссёра Григория Кохана, что он «крутой» и может сделать всё.

И вот он начал...

Дождь. Молодой князь прощается с простолюдинкой Любовью во дворе дома её отца, охрана на конях у ворот, режиссёр, оператор, гримёры хлопочут вокруг героев сцены, а Потокин, ломая кусты, влетает эдаким «гонцом из Пизы» и поздновато тормознув, заваливается перед всей трудовой кампанией вместе с лошадью – люди и камера заляпаны грязью. Второй дубль отложили на завтра.

Отличился парень и в другом эпизоде – свадьбе Ярослава с половецкой княгиней. В разгар веселья вспыхивала драка, каскадёры слаженно отработали общий план, а Потокину достался сольный номер. Он должен был получить удар мечом в живот и, «раскусив презерватив с «кровью» и пустив жуткую струйку, упасть вниз с высоты трёх метров. Однако «вояка» не смог прокусить изделие советской медицины и, шлепнувшись о спецмат, почти проглотил презерватив! Понадобилось немало усилий киногруппы, чтобы спасти незадачливого каскадёра.

«Я мог бы ещё долго рассказывать подобные случаи, – поясняет Александр, – но продолжу о лучших представителях профессии...».

5.

Актёр, каскадёр и постановщик трюков Александр Александрович Карин был очень востребован при создании многих советских кинофильмов. С 1978-го по 1989 годы он принял участие в производстве более 100 кинолент. Среди них, кроме уже названных, он сам выделяет такие, как «Русь изначальная», «Россия молодая», «Пётр Великий» (исторический сериал советско-американского производства), «Объездчик», «Отряд», «Кармелюк», «Война». Можно ещё добавить «Вам и не снилось...» «Предчувствие любви», «ТАСС уполномочен заявить...» и многие другие.

Однажды он признался, кто стал для него образцом актёрской вершины, на чей талант, опыт и знания он ориентировался и старался быть похожим:

«Простите за нескромность, но будучи и физически схожим, я отождествлял с Брандо не себя, а себя-актёра. (Марлон Брандо американский актёр; родился 3 апреля 1924 года, умер 1 июля 2004 года). Пожалуй, только в фильме режиссёра Александра Бибарцева «Объездчик» и в возрасте 34-х лет я лишь чуть-чуть приблизился к школе моего Учителя, и то со слов других. ...С величайшим удовольствием добавлю и о воздействии русских актёров на моё понимание профессии. Конечно же, в ряду первых стояли Сергей Бондарчук (фильмы «Судьба человека», «Война и Мир»), Евгений Матвеев (Макар Нагульнов в фильме «Поднятая целина»), Олег Стриженов («Сорок первый», «Путешествие за три моря»), уникальный Ролан Быков, забытый всеми Владимир Дорофеев

(гениальный дед Щукарь в «Поднятой целине»), Николай Симонов («Пётр Великий»), а далее... Далее список явно гениальных актёров пополнился бы ещё десятком фамилий – дар XX века!»

Карин не мог стоять на месте – постоянно работал над собой, развивая и углубляя свой талант, свои профессиональные навыки и умения. Именно с этой целью он в 1987 году поступил на двухгодичные Высшие курсы режиссёров и сценаристов Госкино СССР, в мастерскую известного актёра, режиссёра, сценариста, педагога, народного артиста СССР Ролана Быкова.

Эти курсы были созданы в начале 1970-х как творческие мастерские, тяготевшие к индивидуальным формам обучения, тесному контакту мастеров с учениками. Набирали маленькие учебные группы – от 4 до 8 человек, а в дальнейшем даже по 2-3 человека. Мастер помогал учащимся на всех этапах работы над учебными заданиями и на съёмках фильмов. А те, в свою очередь, помогали ему: как правило, во время обучения мастер сам снимал фильмы, – учились у него прямо на съёмочной площадке. Каждая мастерская занималась по собственному плану, составленному её руководителем.

Курсы долго не имели своего помещения. До 1979 года располагались в двух небольших комнатах в здании московского Театра киноактёра на улице Воровского. В 1979-м получили часть первого и цокольного этажей в жилом доме по Большому Тишинскому переулку, 12.

Во все времена существования курсы славились своими просмотрами в рамках учебных программ, в которые входили лучшие фильмы мирового кино из коллекции Госфильмофонда СССР. На курсах Ролан Быков руководил производственной практикой, читал лекции по кинорежиссуре, был шефом мастерской режиссёров игрового кино.

Об этом отрезке жизни Александра Карина так же известно не много. Сам он в своих мемуарах уделил учёбе на курсах совсем мало внимания. Можно лишь догадываться о конечной цели его обучения: Карин всерьёз намеревался попробовать себя в ипостаси режиссёра кино... И, между прочим, в 1989-м, как режиссёр-постановщик, снял фильм «Страна Трюкландия», преисполненный сатиры и юмора, о жизни и работе каскадёров.

Удалось найти небольшую заметку, из которой вытекает, что Александр Александрович на курсах Ролана Быкова работал над фильмом с названием «Война».

Он пишет, что однажды в Киеве познакомился с уникальным человеком Женей Очертяным. Тот оказался заведующим авиапарком киностудии имени А. Довженко:

«Меня это очень заинтересовало:

– Ты можешь пригнать ко мне на съёмку курсовой работы (мастерская Ролана Быкова) «Мессершмитт»?

– Конечно! Но надо купить запчасти к мотору, и я из двух соберу один.

Я удивился:

– Серьёзно?

Он, в тон, ответил:

– Я ж казак, Саня!

Мы сговорились на том, что пришлю из Москвы 450 рублей, столько же найдёт он, и как только двигатель будет готов, позвонит. Казак сдержал слово. Мне было всё равно, где снимать эпизод, и Женя предложил недалеко от Винницы... Теперь пару слов об эпизоде, а, конкретнее, трюке. Дело в том, что будущий голливудский актёр Витька Иванов напрочь отказался сниматься в «Стране Трюкландии». Тогда я, в присутствии каскадёров, предложил ему сущую ерунду – прыгнуть с колес «Мессера» в подушку из коробок. Он ужаснулся, но отказаться не смог – трюковой закон суров! Я же был абсолютно спокоен – самолёт пойдёт на бреющем, подушка 3 метра высотой и 25 метров длиной – промахнуться сложно.

Итак, я позвонил Жене и уточнил дату съёмки. Он сказал, что вылетит на «Мессере» из Киева ночью и тут-же сообщит, куда нам приезжать. Фантастика, не правда ли?! – Но было. Однако за Киевом в хвост «Мессеру» пристроились два военных истребителя и под угрозой уничтожения заставили его сесть на каком-то аэродроме.

Тут же на киностудию Довженко пришла такая «телега», что дирекция, с трудом вытаскала и самолёт, и казака обратно. Храбрец потерял на время работу, я устал объясняться с военными и студией, но в итоге, дело «замяли». Почти погибший Иванов воспрянул духом, но я предложил ему исполнить падение с вертолётки – первый дубль за мной, а второй сделает он. Мы подгадали под праздник авиации на аэродроме Планерный и исполнили. Маленькая деталь – вертолётчик был с такого перепою, что мы только чудом остались в живых».

Чего тут было больше: бесшабашности или авантюризма, – сказать трудно. Но совершенно очевидно, что каскадёры – смелые парни, которые делают для кино опасные трюки: спады, волочения, подсечки, горения, падения, невероятные прыжки. А главное, Карин обожал своё опасное ремесло. «Моя любимая профессия позволила объездить СССР вдоль и поперёк, – подчёркивал он. – А города Вильнюс, Киев, Тбилиси, Ташкент стали близкими и любимыми».

Так, вероятно, и есть. Потому что без любви заниматься этим делом непросто: реальные доходы людей этой рискованной профессии всегда оставляли желать лучшего. Сам Александр вместе с друзьями – этими «рыцарями без страха и упрека» – не раз предпринимал самые разнообразные попытки, чтобы «добиться, наконец, материального уровня достойного советского каскадёра». Увы...

Зато травмы постоянно преследуют каскадёров. Хорошего в этом мало, однако спустя время Александр вспоминает об этом с иронией:

«Новый фильм назывался «Юность гения, или Авиценна». (Съёмки шли в 1981 году). Снимал его талантливый и интеллигентный режиссёр Ильёр Ишмухамедов. Картина нуждалась во многих конных трюках и небольших баталиях. Сами понимаете, нас это очень радовало! Голодная зима миновала, мы подписали контракты и вновь обрели некий официалитет.

...Хороши восточные лошадки! Обученные хозяином бить и кусать любого, кто приближался на опасное расстояние, они доставили каскадёрам массу хлопот.

Чтобы въехать в кадр, каждый из нас просил владельца предварительно накинуть на голову коня халат, прыгал в седло и затем на виду у смеющейся киногоруппы демонстрировал эпизоды родео. Надо сказать, занятие интересное, но не тогда, когда стоит камера, одеты актёры и т. п.

...Изготовились камеры, люди, лошади, и по команде: «Мотор!», – пошёл заезд. «...Авиценна спасался от погони. Его конь вылетел на обрыв, замер на мгновение и ринулся вниз!» (Почти цитирую сценарий). Всё так примерно и вышло. Конечно, «слуги эмира», то есть, мы, долго загоняли коня гения медицины короткими арапниками на обрыв и очень переживали, что он не хотел прыгать, но трюк в итоге получился! Как мы и предполагали, каскадёр Усен сидел в седле до конца. Причём, сначала вынырнул жеребец, а уж потом он.

– Коня спасите! – завопил директор фильма.

– Меня, – выдохнул отбитыми лёгкими Усен.

Каскадёры попрыгали в реку. Горная, мутная от дождей и необычайно сильная, она с радостью подхватила всех и понесла к далёкому бетонному мосту. В такое половодье выжить между его опор было сложно... Как нас ни вертело, ситуация просчиталась сразу. Султан отбуксировал Усена, а Андреев, Саттар, Богородский и я пустились в догонялки с лошадейю...

Вопрос:

– А почему не предусмотрена страховка?

Ответ:

– На это нужны средства, а жизнь советского каскадёра дешевле!»

Или вот ещё откровения:

«Травмы заживали в моём изрядно побитом теле феноменально быстро. Очевидно, тело понимало, что надо снова много падать, чтоб зарабатывать и хоть как-то поддерживать трюковую легенду об обеспеченных и беспечных каскадёрах. Неожиданно позвонили с таджикской студии и предложили... явиться в Душанбе и форсировать горную реку. Услышав согласие, ассистент удивился: «А как плечо?» Что я мог ответить? – «Новое выросло!» Может, без особого юмора (прямо скажем), но впечатление складывалось именно такое: то руки поднять не мог, а то плавать начал, как перед соревнованиями!

...Вода в реке была такая, что хотелось кричать, как в бане от веника! «Плюс пять градусов» обжигали тело огнём. По кинотрадиции рвались верёвки переправы, не срабатывала камера и т. п., – накупались до хрипоты и лёгкой температуры. Трое суток в горной водичке высоко над уровнем моря – это на любителя! Андреев нашёл потрясающее (древнее, разумеется) средство: немножко киргизского мумиё плюс очень много русской водки, – и пьющие вылечились!

...Пришла телеграмма из Одессы. Предлагалось быть через день, постановщик трюков – Николай Карпов (первый, кто пригласил меня в кино). На завтра, по прихоти «Аэрофлота» или ввиду нашей настойчивости и обязательности, Сашка и я позавтракали в Душанбе, пообедали в Москве и вкусно поужинали в уютном ресторанчике на знаменитой Дерибасовской.

Карпов поставил несложные задачи: стрельба по бандитам, затем по чекистам, драки, пробеги по крышам. Потом Андреев выдавил спиной огромное окно дворца графа Румянцева, а я, дублируя другого героя, прыгнул в яму депо под идущий трамвай и сломал обе кисти. Сердобольная старушка-вагоновожатая никак не могла «переехать» каскадёра в установленном месте, а посему пришлось рухнуть в ремонтную яму чуть раньше. Соответственно, там меня не ждали, – пол был залит маслом и ноги разъехались моментально, обрушив на руки всю инерцию падения. Пошла, как говорится, «невезуха»! Старушка плакала от жалости, а я от ярости – снова простой и безденежье!»

Да уж... Как говорится, знал бы, где упасть – соломки бы подстелил. Но в жизни возможно ли прожить без ошибок? Или не может быть всё гладко и хорошо? А если бы так было, наверное, жизнь каскадёра была бы слишком пресной и скучной...

К сожалению, трагедии среди каскадёров – не редкость. Близкий друг Александра Карина – Александр Андреев не прожил и тридцати лет. В мир кино Андреев попал на 21-м году жизни, когда позади были школа-десятилетка, завод, занятия спортом, служба в десантных войсках. Любил читать Пушкина, Марка Аврелия, Бальзака, Омара Хайяма, Ахматову, Хемингуэя, Сирано де Бержерака.

Он не хотел быть простым трюкачом, случайным дублёром в кино – он становится опытным постановщиком трюков, актёром-каскадёром. В киноиндустрии его хорошо знают, в его работе нуждаются. Учитывая его опыт и авторитет, американская кинокомпания «ПТГ Продакшнз ЛТД» приглашает его на съёмки фильма «Пётр Великий». И на десятки других лент (общим числом 76 за годы его работы каскадёром) режиссёры тоже приглашали его с удовольствием.

За уникальный трюк в зрелищном фильме «Капкан для шакалов» Андреев получил специальный диплом «За мастерство исполнения трюков» Всесоюзного кинофестиваля в Алма-Ате. Этот трюк считается самым опасным автомобильным трюком в истории советского кино, и его хочется выделить особо. Выполнил его Александр Андреев. В одной из сцен он летит на горящей «Волге» с обрыва в реку, на ходу выпрыгивая из автомобиля. И – никакой вам компьютерной графики и спецэффектов, только – безграничное мастерство бесстрашного мастера.

Андреев в «киношном» кругу считался Профессионалом с большой буквы. Но так было не всегда.

В 1985 году приказом № 220 (от 27.06.1985) Госкино определило организацию трюковых съёмок в кинематографе. Ввели удостоверение «Исполнителя трюковых съёмок» (слово «каскадёр» Госкино не приняло) и Положение об оплате труда.

К сожалению, по оценкам экспертов, данный документ имел скорее негативные последствия. Согласно его положениям, к исполнению трюков допускались лишь имеющие звание мастера спорта... Это поощряло дилетантский подход к делу: получалось, что профессиональное обучение каскадёру не нужно, достаточно быть спортсменом со званием.

По мнению многих профессиональных каскадёров, именно этот приказ дал «зелёный свет» кустарному способу производства трюков. А проводниками этой линии стали новоиспечённые «организаторы трюковых съёмок», введённые в

штатные расписания «Мосфильма», «Ленфильма», студии имени А. Довженко, Рижской киностудии. В аттестационных комиссиях по отбору исполнителей трюков практически не стало известных и опытных мастеров. При этом статус каскадёров по-прежнему оставался неопределённым. О защите профессиональных и социальных прав речь не шла.

У Александра Андреева звания мастера спорта не было. По этой причине аттестационная комиссия, составленная, как считают многие представители каскадёрского сообщества, из ловкачей и бюрократов, отказала ему в выдаче официального удостоверения. Весь смысл жизни опытного, сильного духом и телом каскадёра от Бога рухнул, произошёл трагический слом. Он пишет отчаянные письма на V съезд кинематографистов СССР, на «Мосфильм». Тщетно... «Без этого мне не жить!» – повторяет он своим друзьям, которые ещё не подозревают о приближающейся трагедии.

21 октября 1986 года Александр Андреев ушёл из жизни... Это случилось в Ленинграде. Карина потрясла гибель друга. Вместе с другими друзьями-каскадёрами он участвовал в его погребении: «На крышку гроба я прибил длинный двуручный меч. Мы сказали последние слова, и наш Сашка исчез под землёй...».

Сам же Александр Карин сумел добиться официального каскадёрского статуса. Снимался и как трюкач, и как актёр в целом ряде фильмов, среди которых уже отмеченный «Эскадрон гусар летучих» (роль Бедряги), «После войны – мир» (1988 год, А. Карин в роли Ивана Платонова), «Хлеб – имя существительное» (1988, роль Митьки Кручинина), «Мать» (1989, роль Андрея Находки)...

В 1989 году у Александра, только что окончившего двухгодичные Высшие курсы режиссёров и сценаристов, большие амбиции и обширные планы. Если бы человек умел заглянуть в Книгу Судеб, которую на Востоке именуют Книгой Мактуб...

6.

Многим каскадёрам, кто удержался в профессии, далеко не всегда удаётся надолго сохранить здоровье, а то и саму жизнь. Примеров этому – не счесть. Не удалось избежать этой участи и Александру Карину.

Летом 1989 года он получил приглашение принять участие в Первом международном фестивале каскадёров мира, который организовали во французском городе Тулузе. Александр Карин и его коллеги: Антон Смекалкин, Влад Барковский, Костя Кищук, Александр Андреев-Второй в составе команды под руководством Виктора Иванова представляли там Россию.

По сценарию праздника им предстояло на глазах у публики совершить парный прыжок с многометровой вышки. Приземлиться смельчакам предстояло на «приход» – специальную подушку высотой 2,5 метра, сложенную из пустых картонных коробок и поролоновых матов. Надо было, прыгнув вперёд головой, перевернуться в воздухе и опуститься на спину. Карин на мгновение не успел «довернуть»...

В десятках различных публикаций нашлось немало описаний этой трагедии, круто изменившей жизнь нашего героя. «Александр Карин начал падать лицом вперёд, не успел перевернуться при приземлении на спину», – говорит один автор. «Надо

было падать с высоты... На видеоматериале отчетливо видно: Александр летел вниз не спиной, а головой – буквально пронзил страховку...», – рассуждает другой. Или вот ещё: «Рассказывают, когда он поднимался на вышку, к нему подбежал директор фестиваля и заставил подписать страховку. За рубежом без страховки нельзя выполнять трюки. В итоге Саша стал инвалидом и получил эту страховку», – сообщается в одной из заметок о том несчастном дне, который, чем дальше – тем больше, обрастает легендами и суевериями.

Сам Александр сказал об этой трагедии так: «...При неудачном падении с тридцати метров сломал позвоночник, живу теперь в красивом, радушно принявшем нас с женой Париже...». Это написано им спустя время после злосчастного случая, когда многое уже пережито и осталось позади, в воспоминаниях и навязчивых снах.

Травма оказалась тяжёлой. За ней последовали долгие месяцы лечения в лучших клиниках. Александр боролся за себя сам, ему помогали выжить и выстоять врачи, близкие, друзья и просто знакомые – почитатели его таланта.

Ему писали письма со всех уголков страны – желали здоровья, веры в свои силы. Вот одно из писем: «Александр, восхищаюсь Вами! Мой друг Андрей лежал с Вами в Институте нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко... Я видела всех великолепных актёров, которые приходили к Вам – Терехову, Скоробогатова и прочих. Видела Вашу очаровательную юную подругу, которой Вы обещали венчаться в Соборе Парижской Богоматери...».

Виталий Тарасенко, режиссёр документальных телефильмов творческого объединения «ЭКРАН» Гостелерадио СССР, вспоминает:

«Есть мой документальный фильм с Александром Кариным, где он пребывал на самых первых этапах (можно сказать смело, спасения) лечения в московской клинике спинно-мозговых травм (Всесоюзного центра спинномозговой нейрохирургии и электростимуляции органов), которой руководил профессор А. В. Лифшиц. Там его буквально вытаскивали из небытия. Рядом были мама, друзья, коллеги-каскадеры и ...Ангел-Хранитель! Саня оживал на глазах и соседям по палатам своим оптимизмом внушал веру в жизнь. Таков сильный дух у этого красивого, талантливого человека!

Александр, дорогой, очень часто вспоминаю тебя, наши съёмки в больнице у Лифшица. Какие с тобой происходили метаморфозы преобразования, твой мощный дух, вера, сила воли поднимали тебя из небытия! И мама, великая твоя мама! Её любовь и доброта окрыляли тебя, заставляли заниматься, поднимать штангу, улыбаться, смешить друзей! И невеста, и Рита Терехова, и Любочка Соколова, и врачи с медсестрами, и мы – съёмочная группа, все, кто любили тебя и любят, помнят – знали, что ты вернёшься в Париж и ещё многое сделаешь интересного в искусстве!»

Фильм Виталия Тарасенко, кстати, называется «Сотвори добро ближнему». Есть и ещё одно, более известное документальное кино про Александра Карина «Очень вредное производство на фабрике грёз» (режиссёр Центральной студии документальных фильмов Татьяна Юрина). В нём я узрел последний полёт

Александра. Здесь это отчётливо видно. Из фильма же я узнал про его друзей, про сложности и метаморфозы жизни и профессии трюкачей.

Французская сторона сразу же выплатила травмированному Александру Карину 500 тысяч франков страховки. Этих денег хватило на месяц в реанимационной палате, на спецборт до Москвы, чтобы попасть в московскую клинику 17, где он лечился и упорно пытался снова начать ходить, на возвращение в Париж, где его тоже ждала больничная палата...

В 1990 году он окончательно стал парижанином. Там ему назначили пенсию, выделили квартиру в Париже, недалеко от Булонского леса. Вернуться в профессию уже, к сожалению, было невозможно.

Между тем, и в нашей стране в начале 1990-х начали «поворачиваться лицом» к решению профессиональных проблем российских каскадёров. Так, профессия «каскадёр» впервые получила официальную регистрацию в Министерстве труда России. Появилась Ассоциация «Каскадёры России» (АКР), объединившая около 150 исполнителей трюков в кино из стран бывшего СССР. АКР начала добиваться достойной оплаты труда каскадёров, обеспечивать их юридическую и материальную поддержку.

АКР взяла на себя социальную защиту ушедших на пенсию каскадёров и отчасти – функции кадрового агентства. Ассоциацией, в частности, были утверждены пенсии двум каскадёрам: Александру Карину и его коллеге и инвалиду Олегу Савосину, работавшему на производстве картин «Неуловимые мстители», «Место встречи изменить нельзя» и в других фильмах...

Но вернёмся в Париж, к семье Кариных. О своей личной жизни они почти ничего не рассказывают. Александр Александрович какое-то время пытается найти себя, придумать себе занятие, чтобы не впасть в хандру, известно, чем она заканчивается у многих русских...

Да, передвигаться теперь приходится на коляске либо на машине, но в конце концов Александр Карин – актёр, каскадёр и постановщик трюков – выбирает писательскую стезю. Человеку с его биографией и жизненным опытом, действительно, есть о чём поведать людям. К его удостоверению члена Союза кинематографистов прибавилось членство в Союзе писателей России.

Александр написал и издал автобиографический роман «Страна Трюкания», книгу «Господа каскадёры», которые стоят в особом ряду его творчества. В последующем они прошли через переиздания. Есть у него сборник рассказов «С атомом в сердце» (2011), книга фантастики «Путешествие Синдбада на Русь» (2018), «Ма Бэль» (2018), «Сага о разведчиках» (2018) и многие другие произведения.

Книги Александра Карина воспевают настоящую дружбу, мужское братство, героическую работу, честь. Кстати, многие его аудио- и электронные книги доступны желающим познакомиться с его творчеством.

«Его проза насколько поэтична, настолько же и реалистична, и читая её, веришь автору так же, как его падающим с десятого этажа или выпрыгивающим из горящей машины героям. А вера – это одна из главных составляющих в искусстве», –

отмечали выступающие на состоявшейся в Центральном доме литераторов в Москве презентации книги Александра Карина «Господа каскадёры», вышедшей в московском издательстве «Наш дом» с предисловием французского актёра и драматурга Жерара Барре.

В короткой рецензии (статья «Песня о соколе», «Независимая газета», 24.05.2007) отмечается, что «главная часть книги «Страна Трюкания» – это воспоминания Карина о друзьях-каскадёрах, о многочисленных съёмках, о том, как некоторые дорогие ему люди погибли.

Но у автора этот текст не похож на некролог, посвящённый прошлому: Карин в разных местах намекает, что если вдруг случится чудо и он выздоровеет, то непременно вернётся на съёмочную площадку. «О, если б в небо хоть раз подняться!..» – Карин грезит о трюках, о профессии, которой посвятил жизнь...

А короткое вступление к «Господам каскадёрам» знаменитого французского актёра Жерара Барре, того самого, который играл д'Артаньяна во франко-итальянском двухсерийном фильме «Три мушкетёра» (1961), которое начинается словами: «Представляю вам друга!», – заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«...Где ты берёшь эти сюжеты? Кто тебя вдохновляет? Гении сюрреализма Бунюэль и Дали с их «Андалузским псом»? Бретон, Шагал, Магритт? Саша смеётся: «Возможно, Жерар, но не исключаю, что и многочисленные падения на голову за мою краткую трюковую биографию определили мой взгляд на жизнь».

Он таков, мой русский друг Александр Карин, чувство юмора всегда при нём. Я перебираю страницы его новелл: «Абсолютно новая жизнь», «Плач дрели», «New Look», «Смерть ножниц», «Золотая лошадь Мара» – цыганская сказка, вошедшая в «Антологию европейской поэзии и прозы», и, конечно же, поразительный сценарий «Сын Кремля, или Челюсти Гитлера».

Забавна и трагична судьба их автора...

Впервые он позвонил мне в апреле 2002 года. Голос в трубке негромок, глубок... Как мне кажется, мы говорили обо всём сразу: и о кино (первый фильм, потрясший его не меньше, чем полёт Гагарина: «Три мушкетёра», в котором я исполнял роль д'Артаньяна), и о моём влиянии на выбор его профессий (актёр, каскадёр, режиссёр), о наших детях и моих внуках, о лошадях... В общем, беседа, его характеризующая – казалось бы просто, бытово, в то же время хаотично, но с точно расставленными акцентами.

С тех пор мы дружим. Не помню, кто позвонил вторым, – какая разница? Если пару недель он молчит – звоню я. Он же находит меня и в Тулузе, где мы часто бываем с женой Терезой у моего друга юности. В моём родном городе, где он разбился. «Рядовой прыжок, – говорит Саша. – Очевидно о чём-то задумался».

Однажды я послал ему свою пьесу «Герой любви» (воспоминания сына о сбежавшем в далёком детстве папе, неверной возлюбленной, оперной певице маме, которую тот, обезумев, душит в объятиях). Это, скорее, моноспектакль, который я сыграл пару раз, опубликовал тысячным тиражом, раздарил, оставив десяток книг на полке. Моя проба пера впечатлила Александра: «Как трагично, как

неожиданно! Ты необыкновенно талантливый драматург». Он никогда не скупится на комплименты, но я чувствую – они от души.

Десятки раз друг может вспоминать мои фильмы «Три мушкетёра», «Капитан Фракасс», «Скарамуш» – и всегда с восторгом. О своей популярности в СССР до встречи с Сашей я и не догадывался... Не знал, что мои фильмы и теперь показывают в России. Саша познакомил меня с русским кино, прислав мне фильмы Тарковского, Панфилова, Михалкова... Я ему – свои, те, что не были в российском прокате. Недавно получил от него факс – фото любимой автомарки «Бугатти». Господин Каскадёр посетил автомобильный салон. Каскадёр духа. Каскадёр мысли.

Знакомьтесь!

Жерар Барре».

Верить или не верить рецензентам – дело читателя. Как говорится, откройте книги современного русского писателя А. Карина, прочтите и оцените сами. Одно бесспорно: «Актёр должен играть, а каскадёр – прыгать и драться, потому что это люди, которые и в огне не тонут, и в воде не горят. Ну разве что изредка» – вот формула того, что хочет донести до нас автор, и ему веришь, прочитав уже первую страницу.

Пишет Александр сказки и новеллы, повести и рассказы, киносценарии и пьесы. Есть даже сны. В его сказках, например, исследователи замечают подражание Г. Х. Андерсену: та же форма, похожие персонажи и грусть:

«В старой парижской коробке доживали свой последний час ножницы. Это был превосходный экземпляр уходящего железного поколения: на стенах в простых, но прекрасно подобранных рамах висели вещи, перекусанные и, несомненно, мастерски порезанные на протяжении долгой жизни г-на Пика. ...Ранее, в начале карьеры, некто определил возможности резцов ножниц так: «И пикнуть не успел!» – в смысле скорости и мастерства раскройки материала...».

Его печатают в журналах и альманахах «Киносценарии», «Литературная учёба», «Октябрь», «Почтальон» (Чехия), «Парижский курьер» (Франция), в «Антологии европейской поэзии и литературы», издательствах ГИТИСа, «Молодая гвардия».

Во многих произведениях писатель Александр Карин пишет о Париже – месте, где теперь постоянно живёт. Но я уверен, что он вспоминает – хоть иногда – своё детство. А, значит, и Прокопьевск, который давно перестал быть большим и знаменитым угольным городом – сегодня там нет ни одной действующей шахты – и, действительно, превратился в обычную российскую провинцию, сибирскую глубинку, которая нет-нет да и рождает замечательные яркие таланты.

Страницы многих его произведений трогают душу, задевают самые сокровенные струны восприятия окружающей действительности. Он сумел снова обрести смысл жизни, снова стать настоящим мастером. На этот раз – в литературе. Но его каскадёрское прошлое неудержимо, а порой и неуловимо присутствует в его произведениях, отчего они становятся подлинными документами, свидетельствующими о минувшем, без которого не состоялся бы настоящий человек.

Не поленитесь, прочтите и прочувствуйте хотя бы этот небольшой отрывок:

«...У старого двадцатидвухлетнего жеребца отказали в воздухе ноги. Мы захлёбывались глиняными струями, тащили его к берегу и негодовали, что он совсем не сопротивлялся течению и не хотел жить! Возле самого моста нам удалось вырвать лентя из потока и вытащить на берег. Казак ярился, бил его под живот, заставляя встать, а конь не мог...

Чуть позже пришёл ветеринар, констатировал паралич и всадил жеребцу длинный штык в сердце – чтоб не мучался.

Достойный конец – прыгать всю жизнь через препятствия, а потом – головой вниз... Штык в сердце! Я видел подобное несколько раз. В принципе с каскадёрами всё ясно: «Сам умри, а кадр доделай!», а вот с лошадьми...

Однажды я ехал по Подмоскovie и увидел на обочине грузовик. В кузове понуро стоял серый конёк, и что-то заставило меня остановиться... Господи! Это же мой первый четвероногий партнёр из школы Филатова.

– Грифель!

Жеребец вяло повернул голову.

– Куда его везёте, парень?

Водитель отшвырнул сигарету:

– На мясо...

Слёзы хлынули из глаз! Я полез в кузов. Кино выбило из Грифеля всё: кожа провисла, хребет в шрамах, ноги опухли, ухо отрезано...

Водитель поразился реакции постороннего и даже помог мне, так как одна нога у меня было загипсована по колено, а на щеке пузырился ожёг. Парень не задавал вопросов. Он завис на подножке и молча наблюдал, как крупный усатый человек обнимал «мясо» за шею, рылся в карманах и просил прощения за кинематограф, за отсутствие сахара, за невозможность выкупить его жизнь...

Сколько же раз я видел свою собственную судьбу как в зеркале! Лошадь Усена с парализованными конечностями, Грифель с отбитым, будто бифштекс, телом, мёртвый друг Сашка с затоптанным советским паспортом в углу ванной – ничто не надоумило бросить романтическое, преступное занятие и начать жизнь сначала... А как?!

Грузовик уехал. Я дал таксисту десятку, и он сигнализировал пару минут, будто на похоронах».

Однажды кто-то заметил: хочешь понять истинную сущность человека, узнай его отношение к животным, особенно к лошадям. Мы хорошо относимся к другим людям нередко из-за того, что нам это выгодно, ждём взаимную отдачу от тех, с кем дружим. К животным же человек всегда относится искренне. Именно по взаимосвязи людей и животных можно узнать человеческую сущность. Древние мудрецы считали даже эти отношения зеркалом души....

Лошади всегда преданны своим хозяевам. Уверен, каскадёрам известны случаи, когда верный конь спасал своего владельца от неминуемой гибели. Таких случаев

история знает немало. Именно поэтому, например, полководец Александр Македонский воздвиг город на месте смерти своего любимого коня Буцефала! У Александра Карина эту тему можно найти в киноповести «Македонский. Охота на львов».

Меня же «зацепил» вот этот фрагмент из очерка А. Карина, посвящённого съёмкам фильма «Объездчик» (режиссёр А. Бибарцев, 1983):

«...Ещё при прочтении сценария я порадовался всей душой, что весь фильм одиночество Игната скрашивала любовь к лошадям, в частности, к серому в яблоках жеребцу, на котором он охранял степь.

Конечно же, когда наступил момент выбора коня на курском ипподроме, мною овладел настоящий цыганский азарт. Но! Тренер выводил лошадей, и мы осмотрели голов двадцать – подходящего не было... Что делать? И тут ветеринар посоветовал взглянуть на племенного Карагёза, который вроде бы походил по описанию на персонажную лошадь. Как в сказке! Из дальней конюшни привели грязного, нечесаного и беспокойного рысака.

– Орловский?

– Орловский!

Тренер гордо выпрямился, а я отчаялся. Где же искать... По колхозам?

Ветеринар заметил мою расстроенность и распорядился привести жеребца в порядок – помыть, убрать годичный «маникюр» с копыт, оседлать.

Через час во двор влетел серый в яблоках красавец, следом – хохочущий кузнец: «Ей-богу, он хочет у вас сниматься!»

Я залюбовался. Карагёз галопировал вокруг нас, и действительно создавалось впечатление, что конёк понял, зачем мы явились, и старался показать себя повыгоднее. Но ведь рысак, ведь полгода не ходил под седлом, а до этого бегал несколько лет в коляске! Как быть? Попробовать?

– Попробуй! — попросил Бибарцев.

Перебинтовав туго ногу, я сел в седло. Конники замерли – они ждали родео и заранее веселились, предвидя падение артиста!

Честно говоря, я тоже опасался «весёлой езды», к тому же нога едва держалась в стремях, и любое движение Карагёза вызывало боль. Мы все ошиблись! Жеребец, конечно же, поносил меня по двору, но был управляем. Легко поднимался в галоп, и было ясно, что ранее он находился в хороших руках и прекрасно выезджен. Ура!

Несколько дней (до и после съёмок) мы с ним плодотворно трудились, конёк всё вспомнил и даже удивил готовностью прыгать через небольшие барьеры. Мне не удалось только научить его «завалу» (это, как и прыжок через изгородь, предполагалось сюжетом). Возможно, Карагёз неудачно падал во время своей спортивной карьеры, быть может, испытал шок, но при любой попытке дрессуры оказывал сопротивление, граничащее с паникой. Я отказался от затеи. Не помогли ни купания с приготовленным песочком (обычно лошади с удовольствием валяются), ни сахарок, ни, тем более, попытки завалить коня силой при помощи сыромятной петли на ногу.

К счастью, «завал» органично выпал из сценария, и моё трюковое самолюбие не пострадало...».

Кстати, читать сочинения Карина можно на сайтах Проза.ру (<https://proza.ru/avtor/vnu4ok&s=150>) и Стихи.ру (<https://stihi.ru/avtor/akarin>).

Отношение каскадёров – настоящих мастеров, не кустарей – к лошадям впечатляет особо. Однако по-настоящему понять это мне помог Александр Карин.

Сегодня Александр Александрович бодр духом, ведёт активный образ жизни. Уже 30 лет сам водит автомобиль. Где только не побывал за эти годы: дважды – в Италии, три раза – в Бельгии. За рулём проехал Испанию – от Мадрида и обратно. Всех маршрутов и не упомнишь. «Может, ещё напишу что-нибудь», – скромно говорит он о своих ближайших планах. И верится, что он полон творческих задумок...

Максим Кутрунов: «Всё лучшее, что у меня было и есть, связано с журналистикой»

Своим первым настоящим проектом журналист прокопьевской городской телекомпании «27 плюс» Максим Кутрунов считает программу «Инструкция по применению». Программа была хороша тем, что давала возможность попробовать себя в качестве сценариста, режиссёра, даже оператора и монтажёра. Российская телекомпания ТНТ (расшифровывается как «Твоё Новое Телевидение») предлагала этот сетевой продукт всем региональным партнёрам, однако брались внедрять его далеко не везде.

Напомню, что федеральный канал ТНТ был у прокопьевской редакции в сетевых партнёрах. ТНТэшники делали передачу «Москва: Инструкция по применению», это была авторская ежедневная информационно-развлекательная телепрограмма, посвящённая жизни в большом городе. Её вёл известный Владимир Тишко. В программе было шесть рубрик: «Узнай», «Расслабься», «Берегись», «Не болей», «Заработай и потрать», «Погоду знай!» Интересно, что москвичи разрешили своим партнёрам на местах выпускать региональные версии «Инструкции по применению».

В «27 плюс» делали «Инструкцию» своими силами. Делать серию тематических сюжетов о городе, более подробных, чем в новостях, в «Инструкцию по применению» поручили недавно пришедшему в телекомпанию Максиму. Каждый

выпуск должен был непременно содержать «изюминку». И Кутрунов хорошо справился с поставленной задачей. Так, рассказывая о том, почему на гербе Прокопьевска изображена лошадь, вспомнил деда-фронтовика. Тот работал на конюшне, куда отправляли лошадей из шахты. Ослепших трудяг поднимали на-гора, где они доживали век, умирая своей смертью. В сюжет о резиновой обуви удачно вставил историю о соревнованиях по метанию шахтёрского сапога где-то в Скандинавии...

– Это не плагиат, а как если бы старший брат, ТНТ, дал младшему, «27 каналу», поносить свою куртку, – объясняет Максим в интервью «В кадре и за кадром» (газета «Диалог», вып. № 46 от 16.11.2011). – Мы надевали внешнее содержание на своё внутреннее наполнение. Часть сюжетов шла на правах рекламы, часть находили сами. Вот в последних мы и отрывались, искали что-то необычное, интересное. Либо когда рекламодатель давал карт-бланш: я вам доверяю, делайте. В «Инструкции» в отличие от новостей меньше формализма, больше игры. И зрителям она нравилась.

Для Кутрунова это был первый самостоятельный проект, который, думается, помог ему полюбить телевидение по-настоящему. И как бы в продолжение – отвечая на вопросы редакционной анкеты, на вопрос: что на работе важнее всего? – он сказал: «Наличие интересного задания и возможности его выполнить. Чувство, когда коллектив ощущается единым организмом. Понимание тактики и стратегии развития предприятия». Трудно сформулировать более ёмко.

Сам Максим – коренной прокопчанин. После учёбы в школе № 10 поступил в Прокопьевский электромашиностроительный техникум, который окончил в 1994 году. Получил специальность монтажника и наладчика электрооборудования гражданских и военных объектов. Только поработать по специальности не получилось, так как призвали на срочную армейскую службу. А уже в 1996-м, после демобилизации, уехал Екатеринбург, где начал осваивать новую профессию на отделении «Менеджмент, маркетинг и реклама в СМИ» факультета журналистики Уральского государственного университета. Параллельно работал в отделе снабжения строительной фирмы «Прокопьевскшахтострой». Затем организовал и возглавил собственное предприятие. По ряду причин обучение на журфаке пришлось прервать. В тот момент и не жалел о таком развитии событий:

– Если совсем честно, поступая в УрГУ, я – ошибся! – признаётся Максим. – Я-то подал документы на «Менеджмент, маркетинг и реклама» и даже не понял, что значит приписка «в СМИ». Заподозрил неладное, только когда начали знакомиться с жанрами журналистики...

Он откровенно говорит:

– Никогда не мечтал быть журналистом, тем более, телевизионным. Не посещал молодёжные редакции. Не рассматривал эту профессию, как одну из возможных и, более того, даже не задумывался о том, что на неё где-то учат! Люди из «ящика» для меня были инопланетянами!

Однако, в конце концов, журналистику он продолжил осваивать, но уже на практике. С 2005 года начал работать в ТРК «27 плюс» города Прокопьевска. В 2012 году,

когда всё-таки получил диплом журналиста, правда, в другом университете – Тюменском, ТюмГУ, («Чтобы восстановиться в ТюмГУ, мне пришлось сдать 52 экзамена и зачета!») – он уже работал руководителем прокопьевского телеканала «Про жизнь». Свой бизнес он продал.

Вспоминает, что в ТРК оказался по принципу: «Упал. Очнулся. Телевидение!» Говорит, что долго и довольно нервно обсуждал с родными вопрос: «Куда пойти работать?» Однажды в разгар дискуссии увидел на телеэкране объявление о том, что в отдел новостей телерадиокомпании требуются корреспонденты.

– Туда и пойду! – заявил домочадцам. Те посмеялись над ним. А он упрямыства ради написал резюме, выслал его в редакцию по факсу и... начал готовиться к отъезду на солёные озера в соседний регион. Но уехать не успел. Получил приглашение прийти на собеседование. После беседы с директором компании Светланой Алексеевной Щепиной его тут же отправили в новости. Свой первый материал хорошо помнит:

– Пришлось разбираться с жалобой жильцов одного из многоподъездных жилых домов, который в народе, проживающем на Тыргане, называют «китайской стеной» – там не работали лифты. Волновался жутко, больше, чем жалобщики, у которых брал интервью. Снимали, как старушки пешком поднимались на девятый этаж, как жильцы велосипед по лестнице тащили. Вернулся в редакцию, написал и начитал, и сюжет тут же пошёл в эфир...

Вот ведь чудо телевидения: р-р-раз, – и ты в эфире! Смотришь на себя со стороны и удивляешься, как так сумел?! Работа оказалась увлекательной, но очень непростой. Первые две недели были особенно трудными. «Никогда не думал, что так сложно скрипеть мозгами, думать, как слово к слову прилепить, – рассуждает он в интервью газете «Диалог». – Но по своей природной упёртости решил, что «перескриплю», прорвусь, все сложности переломлю». Теперь голова не болит, даже если три сюжета в день делать приходится или над проектом работать. В стремлении освоить новую профессию досконально окончил журфак Тюменского госуниверситета».

С тех пор в Прокопьевске его знают очень хорошо. Телевизионщик Максим Кутрунов – и спортивный обозреватель, и автор, и ведущий популярных проектов «Фитнес-прорыв», «Прокопьевск – территория спорта», программ по авто- и велоспорту, создатель передач и фильмов о прокопьевских тайбоксёрах. Словом, много чего перепробовал. Работа на телевидении не стала для него рутиной, превратилась в любимое дело.

– Говорят, в жизни нет ничего случайного! – считает Максим. – Подтверждаю! Доказано и проверено – лично! Именно «27 канал» был моей школой. Местом, где я встретил очень много хороший людей и откуда очень тяжело впоследствии ушёл.

В 2016 году Максима Кутрунова пригласили на областной телеканал ГТРК «Кузбасс». Здесь его уже хорошо знали, потому что его сюжеты из Прокопьевска не раз показывали в новостной программе «Вести – Кузбасс» и в других передачах области. С тех пор он работает собственным корреспондентом областного государственного телевидения.

С того момента он стал настоящим тележурналистом-универсалом, когда сам и режиссёр, и журналист, и оператор, «и даже на монтаже, если очень повезёт».

Теперь Максим делился опытом с начинающими коллегами из «Школы молодых журналистов». Одно из заседаний школы с участием Кутрунова проходило в городской библиотеке. Об этом повествует Ольга Сытник в своём блоге в «Живом журнале»:

«Максим – автор документальных фильмов, победитель многих и многих профессиональных конкурсов и фестивалей. Вот его «Славянское дерби», к примеру. Или смачный «Трофи-рейд». Рассказывал ребятам о том, каково это – быть солдатом-универсалом.

Работа автора, который работает один, имеет плюсы и минусы. Плюсы в том, что ты сам снимаешь ту картинку, которую подсказывает тебе твоя химия в голове: «Потому что у оператора своя химия, – делится с ребятами Кутрунов. – И вот такие вы два химика встречаетесь, работаете вместе. Может и сдетонировать...».

В плюсах также мобильность: легче сорваться в командировку. Минусы – понятно: до некоторой степени страдает качество, с монтажом приходится самому возиться. «Ну и камеру, палатку и спальный мешок в одно лицо тащишь, когда едешь работать без компаньона».

Потом он ещё показывал ребятам забавные стендапы. А потом прямо тут же, в библиотеке, записали парочку.

– Оля, ты будешь читать стендап, – Максим всучил девушке микрофон с цифрой «27».

– О, тёзка! Значит, будешь оператором, – Кутрунов отдал парню по имени Максим видеокамеру.

– Три, два, один, пишем!..

«Я пропустила момент, сама ли студентка себе текст придумала, или лектор ей что-то подсказал, но отчитала она бойко, – пишет Ольга Сытник. «Строго говоря, – отметил Максим, – то, что выше, – это не стендап, а появление в кадре. А вот Ира на заднем плане начитывает настоящий чистожанровый стендап». Камера в стороне. Я сижу на месте Максима, изображаю лектора, потому что сам лектор универсально превратился в оператора...» (<https://l-a-m-p-a.livejournal.com/398005.html>).

Обязательно надо сказать об одной серьёзной страсти Максима Кутрунова, которая помогает ему и в основном деле. Это – спорт, которым он всерьёз увлечён. Спортивная тематика для него давно стала своеобразной специализацией.

Известно, что сам журналист хорошо катается на горных лыжах, на горном велосипеде, плавает, играет в волейбол. Увлёкся ездой по бездорожью на джипах, полноприводных автомобилях высокой проходимости. Но главное увлечение – тайский бокс.

Бои тайбоксёров, которые устраивают в Прокопьевске, освещает и комментирует именно Кутрунов. Спортсмены давно оценили качество работы и оригинальный подход журналиста. Когда зашла речь о IV неолимпийских играх народов мира

«Спорт для всех» (26 сентября по 2 октября 2008 года в Пусане, Южная Корея), Максим сообщил директору ТРК, что хотел бы сделать фильм об этом нерядовом событии. И Светлана Щепина предложила президенту федерации тайского бокса Кузбасса взять Кутрунова в Корею. Его командировка оказалась очень результативной. За границей он был и журналистом, и видеооператором. А также – режиссёром, ведущим, сценаристом, монтажёром:

– Пришлось попотеть, чтобы везде успеть: и к рингу пропихнуться, и нужный ракурс найти, и интервью взять. В таких поездках было бы легче с оператором, возможно, и «картинка» была бы лучше. Но и в разы сложнее. Потому что сам лучше знаешь, что тебе надо, свет видишь, ракурс. Сам за всё в ответе...

Эта работа Максима получила высокую оценку профессионалов. Недаром Максим стал единственным из кузбасских журналистов, кому доверили освещать Всемирные игры боевых искусств в Китае в 2010-м. А на основе документального фильма «Пекинский драйв» Федерация тайского бокса России подготовила презентацию чемпионата мира по тайскому боксу, который состоялся в сентябре 2012 года в Санкт-Петербурге.

– В спорте ведь тоже присутствует монотонность: участники, судьи, дистанции, матчи, – поясняет Кутрунов. – А зрителю интереснее смотреть не формальный отчёт об игре: Петров передал пас Сидорову, тот отдал мяч Иванову, – важно почувствовать эмоции, которые идут от комментатора или журналиста. Именно поэтому у меня появилось желание каждый раз находить для болельщиков что-то необычное, преподносить по-новому, играть словами, продумывать постановку... То есть вносить в показ спортивного события личностный момент.

У него есть награды области: медали «За служение Кузбассу» и «За веру и добро»; почётные грамоты администрации городов Прокопьевска и Белово, Прокопьевского и Беловского районов, Федерации тайского бокса Кузбасса, общероссийского общественного объединения «Поисковое движение России». Отмечен и общественной наградой – медалью «За укрепление государства Российского» Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка. М. Кутрунов удостоен звания «Человек года города Прокопьевска – 2016».

Но сильнее всего он гордится большой копилкой профессиональных достижений. Так, Максим Кутрунов победитель и лауреат открытого телевизионного конкурса «Всекузбасская премия «ТВ-Престиж» (в номинациях «Лучшая программа о молодёжи», «Лучшая авторская программа», «Лучший телерепортёр»), победитель областного конкурса «Медиапрестиж» (в номинациях «Лучший медиапроект», «Неформат», «Лучший режиссёр»). Неоднократный победитель областного конкурса «Спортивный журналист года», победитель всероссийского конкурса «Война. Народ. Победа». Победитель межрегионального фестиваля «С рекламой по жизни» (в номинации «Лучший видеосюжет»).

Особое место в достижениях Максима занимают и награды, полученные на ежегодном межрегиональном конкурсе журналистского мастерства «СибирьПРО», который проводится при поддержке полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе.

В 2015 году документальный фильм Максима Кутрунова «Посмертный батальон» был признан лучшим среди 560 работ, присланных на этот конкурс, получил наивысшую награду (в номинации Сибирская гвардия»), достойную настоящего профессионала своего дела. И в сентябре 2019 года специальный корреспондент «Вести – Кузбасс» М. Кутрунов с материалом о шахтёрском труде признан победителем на «СибирьПРО»...

Быть первым для Максима – правило жизни. «Всё лучшее, что у меня было и есть, связано с журналистикой, – особо отмечает он. – Все приключения и путешествия. Все радости и печали. Все знания и умения».

Михаил Попрядухин ушёл на фронт в самые первые дни войны

Когда началась Великая Отечественная, прокопьевскому журналисту Михаилу Попрядухину не было и тридцати лет. По призыву Прокопьевского горвоенкомата на фронт он ушёл в самые первые дни войны – 26 июня 1941 года – в звании младшего лейтенанта. Местом службы стал 894-й стрелковый полк, куда его назначили политруком пулемётной роты, входил в состав 211-й стрелковой дивизии 43-й армии Резервного фронта РККА, дислоцируемого в Московском военном округе.

Летом 1941 года 211-я дивизия квартировала в городе Загорске (ныне Сергиев Посад Московской области). Её сформировали из мобилизованных призывников Запорожской, Ростовской, Новосибирской, Ивановской, Ярославской областей и Ставропольского края, офицеры-запасники были преимущественно из Москвы. Командовал дивизией полковник Фурсин, 894-м полком – майор Устименко.

Враг рвался к Москве. А потому бойцов ускоренно учили воевать, чтобы в предстоящих боях грамотно противостоять фашистам. В короткие часы отдыха от занятий, когда политрук Попрядухин завершал свои политбеседы с подчинёнными, сам он уходил в воспоминания о своих близких, оставшихся в далёкой Сибири, коллегах по работе в городской газете Прокопьевска, писал им короткие письма...

Михаил Степанович Попрядухин родился в 1912 году в селе Прокопьевское (так называлось тогда поселение, ставшее впоследствии городом Прокопьевском), в

семье шахтёра. Окончил прокопьевскую школу горнопромышленного ученичества № 1. Отслужил в армии, успел повоевать на фронтах Советско-финской войны (1939-1940 годов). Ушёл в запас в звании младшего лейтенанта.

Поступил в Сибирский металлургический институт в Сталинске (ныне Новокузнецк), хотел стать инженером. Но студентом пробыл недолгое время. Вскоре после того, как он начал учиться в вузе, умер отец. И старшему сыну надо было заботиться о семье, помочь младшему брату окончить школу, встать на ноги. Поэтому после недолгих раздумий и советов недавний студент пошёл работать в редакцию прокопьевской городской газеты «Ударник Кузбасса» (ныне «Шахтёрская правда»). Первое время преодолевал робость, не особенно надеясь на то, что профессия журналиста будет ему по плечу. Но очень быстро втянулся в стремительные репортёрские будни. А вскоре расторопного, общительного литсотрудника назначили заведующим промышленным отделом редакции.

Ветеран журналистики Екатерина Митрофановна Белокопытова вспоминала о совместной работе с М. С. Попрядухиным:

«Я работала вместе с Михаилом всего два месяца – май и июнь 1941 года. Но и такого короткого срока хватило, чтобы увидеть, как много сочеталось в нём хороших качеств, необходимых журналисту. Ему, младшему лейтенанту запаса, прошедшему дорогами финской войны, шёл всего 29-й год. И потому, наверно, никому не приходило в голову называть его по имени-отчеству, для всех он был просто Миша. Да и к его натуре, ко всему его облику это подходило как нельзя лучше. Он весь светился радостью и весельем, любил шутку, извечный в редакции розыгрыш, никогда не жаловался на усталость.

– Как это можно устать, – говорил он, – если работа в удовольствие.

Тут Попрядухин не шутил. Он действительно искренне был предан своей профессии. Работа ему понравилась, увлекла, что для такого человека, как Попрядухин, общительного, способного видеть широко вокруг, строго спрашивать с себя, и есть главное в жизни. Его часто хвалили за оперативность, за живость изложения материалов, а главное – за их действенность». («До последнего патрона», книга «Овеянные славой дороги в сорок пятый», Кемерово, 2010. С. 176-177).

Нелегко поспевать за быстротечными событиями, ещё сложнее добиваться нужной отдачи от того, что ты написал. Но Михаилу помогали его неистощимая энергия, его умение работать с людьми. Трудно назвать такой рабочий коллектив в городе, в котором бы его не знали. На шахте «Центральной», именовавшейся тогда № 3-3-бис, его считали своим собственным корреспондентом. На шахтах имени Ворошилова, имени Калинина называли: «Наш Миша».

Он не любил засиживаться в кабинете: это претило его характеру, противоречило его понятию о журналистской деятельности. Постоянно бывал в трудовых коллективах, особенно в отстающих, там, где не справлялись с планом, где не решались как следует какие-то важные вопросы производства.

И если уж в газете появлялся его материал, то был он глубоко обоснованным, бил в нужную точку и помогал улучшить дело. Работал Михаил Попрядухин всегда

увлечённо, с большим удовольствием, казалось, что именно для этой работы он и рождён, что никогда ни о какой другой не мечтал и не думал.

Часто в редакцию к Попрядухину приходили шахтёры, строители, специалисты горного дела. Человек очень коммуникабельный, он поразительно быстро сходилась с рядовыми рабочими и с теми, кто возглавлял их коллективы, кто имел техническое образование. Ему то и дело звонили с шахт, ему приносили заметки, статьи, обращались за советом, за помощью. Обращались не официально, а просто как к близкому и понимающему человеку, которому можно всё без утайки рассказать и доверить.

«Это были, как говорил Михаил Степанович, его ребята, то есть выращенные им рабочие корреспонденты, – рассказывала Е. М. Белокопытова. – Попрядухин был семейным человеком, воспитывал двух дочек. Но дома на него не обижались за то, что задерживался в редакции».

– У Миши было много благодарностей за хорошую работу, – вспоминала и жена Попрядухина Муза Владимировна. – Но и мы ему всегда и бесконечно благодарны. Он очень заботился о семье. В каждом письме с фронта просил меня: береги дочек, береги себя. А через три месяца от него уже не было ни одного письма...

Скучая по любимой работе, он написал коллегам в одной из весточек с фронта: «Когда пригласили в редакцию, не думал, что задержусь здесь. А взялся за газетную работу, и сам не заметил, как отдал ей руку и сердце».

С трудом удалось проследить военный путь без вести пропавшего прокопчанина Михаила Сергеевича Попрядухина. В военных документах отмечается, что личный состав 211-й стрелковой дивизии не имел боевого опыта. Тем не менее, уже 4 августа 1941 года дивизия прибыла на фронт – в Смоленскую область, в район современного Десногорска, Рославля, Ельни – на восточный берег реки Десна. В одном из стрелковых батальонов дивизии был и политрук пулемётной роты М. С. Попрядухин.

25 августа в штаб Резервного фронта пришла директива Ставки, предписывающая 43-й армии перейти в наступление, разгромить Ельнинскую группировку противника, освободить Ельню, развить наступление на Починок и Рославль, и к 8 сентября выйти в район Хиславичи-Петровичи.

30 августа, после артиллерийской подготовки, войска 24-й и 43-й армий перешли в наступление на Ельню. На передовой был и наш герой, подбадривал бойцов, увлекал их личным примером. Пулемётчики всегда были на переднем крае атаки. В первый день наступления наши прорвали оборону немцев, продвинулись вперед на 12 километров на Запад. Но дальше развить успех не удалось. Утром 31 августа враг нанёс сильный контрудар. 1 сентября наши войска были вынуждены отойти к Десне. Весь сентябрь шли тяжёлые, затяжные бои.

Положение 43-й армии обеспокоило штаб Резервного фронта. 1 сентября на командный пункт 211 дивизии прибыл командующий фронтом Г. К. Жуков и сам руководил боями до 9 сентября. В начале сентября удалось отбросить гитлеровцев к реке Стряне (в Смоленской области). После чего противник предпринял ряд

контратак при поддержке артиллерии и авиации. Продвижение вперёд опять затормозилось.

12 сентября противник предпринял ряд контратак против 211-й дивизии под деревнями Амшара и Шмаково. 13 сентября немцам удалось оттеснить советские войска за Стряну и занять западный берег реки. С боями, вместе с 894-м стрелковым полком отступал и политрук пулемётной роты Михаил Попрядухин. Настроение у солдат было подавленное, и ему требовались немалые усилия, чтобы ободрить бойцов.

Потери были очень большими. Вот каким оказалось боевое состояние 211-й дивизии на конец сентября: по штату положено 14500 человек, фактически – 9673 человека. Немецкие войска превосходили войска 43-й армии в людях в 3,2 раза, в орудиях и минометах в 7 раз, в танках в 8,5 раза.

2 октября 1941 года на участок фронта длиной 60 километров, который удерживала 43-я армия, фашисты превосходящими силами перешли в наступление. Из Боевого приказа по Резервной армии от 3.10.1941 года:

«211 сд с 145 тбр оборонять рубеж Ивановка, Заболотье, отм. 236,0, Горачёвка, Роганы, Андреевское, отм. 210.7, Колодези, Новосёлки, Павловка. Не допустить дальнейшего прорыва противника в направлении Заболотье, Малиново, Воробьёвка, собрать и привести в порядок отошедшие разрозненные группы и мелкие подразделения».

Однако сдержать противника не получалось. Части 43-й армии отходили в направлении населённых пунктов Спас-Деменск, Юхнов, Медынь, Угра, Малоярославец, Износки, Мятлево, Шаховский.

43-я армия (и 211-я стрелковая дивизия в её составе) в октябре 1941-го не смогла выполнить поставленную перед ней задачу: остановить наступление немецких войск на Десне. Но её бойцы и командиры в жестокой обороне на Деснянском рубеже до конца выполнили свой долг, и ценой многих своих жизней задержали продвижение врага на дальних подступах к Москве. Тем самым дали возможность подходящим из тыловых районов страны частям Красной Армии организовать оборону под Можайском и Малоярославцем.

Где-то в этих ожесточённых боях, выходя из окружения в октябре 1941 года, пропал без вести младший лейтенант, наш земляк, прокопьевский журналист Михаил Попрядухин.

Вот что известно из воспоминаний журналиста Андрея Петровича Ханова, который вместе с Михаилом Степановичем работал в редакции прокопьевской городской газеты и вместе с ним начинал боевой путь: «Политрук пулемётной роты Михаил Попрядухин мужественно преодолел всё страшное и ужасное, что было на фронте, был смелым и решительным в бою, как родных братьев, берёт солдат, в критические моменты сам поднимал их в атаку на врага. Погиб отважный политрук, наш товарищ по перу, коммунист Попрядухин в тот момент, когда у бойцов и командиров, удерживавших рубеж, кончились все патроны».

К сожалению, предать земле погибшего прокопчанина не удалось из-за неразберихи при отступлении. Он был объявлен без вести пропавшим. Но его

гибель, как и гибель тысяч солдат Великой Отечественной, не была напрасной. Именно с этих рубежей 5 декабря 1941 года войска Западного фронта начали разгром немецко-фашистских захватчиков под Москвой. Отсюда начиналась наша великая Победа.

– У Попрядухина научиться можно было многому, и прежде всего, умению работать с людьми, находить нужные контакты, источники самой свежей информации, – говорила Е. М. Белокопытова. – Я всегда представляю Мишу Попрядухина только молодым, полным сил и неистощимой энергии, каким впервые увидела его, когда он заведовал промышленным отделом редакции, а я была всего-навсего практиканткой, которой надо было учиться да учиться у старших...

Алексей Равилов: «Жизнь удалась...»

22 февраля 2024 года не стало Алексея Равилова – удивительно жизнелюбивого человека, Фотокорреспондента с большой буквы, известного не только в профессиональной среде репортёров Кузбасса, но и практически во многих семьях Прокопьевска, потому что его многочисленные снимки земляков несколько десятилетий публиковались в городской газете «Шахтёрская правда», где он трудился с большим удовольствием и высоким профессионализмом.

Его фотографии регулярно появлялись на фотовыставках, их охотно печатали многочисленные газеты и журналы Кемеровской области, страны и даже зарубежья. Все, кто знал его, видел, что он практически не расставался с фотоаппаратом, который был как бы продолжением его руки, его взгляда на окружающий мир, на людей, друзей, которых он по-настоящему любил и уважал. И родные, и друзья ему платили взаимностью.

Обычно его называли Алексеем, Лёшей. Он настолько сросся с этим псевдонимом, ставшим, по сути, его первым именем, хотя по паспорту Лёшу Равилова звали Галляутдин Саляхтдинович. Впрочем, он с удовольствием откликался и на это настоящее имя, которым нарекла его родная матушка.

Родился Лёша-Галляутдин 25 ноября 1938 года в Новосибирске. Но уже в 1939 году его родные переехали в Прокопьевск, став шахтёрской семьёй. Наверное, это сыграло свою роль при выборе Алексеем профессии. В Прокопьевске он учился в

обычной школе. Потом окончил фабрично-заводскую школу, служил в армии. Служил Алексей в городе Глазове Удмуртской АССР в войсках МВД.

– В армии я участвовал в солдатской самодеятельности, даже был солистом хора, – рассказывал он однажды в интервью «Остановил прекрасное мгновение» нынешнему редактору «Шахтёрской правды» Гульсире Вахитовне Игнатовой.

После этого поступил в Прокопьевский горный техникум на отделение подземной разработки месторождений полезных ископаемых.

20 лет отдал Алексей Равилов работе на прокопьевской шахте имени Ф. Дзержинского. Был подземным электрослесарем, трудился и на других шахтовых работах. Так что с опасными горняцкими специальностями был знаком не понаслышке. Он гордился своей шахтёрской профессией, гордился горняками и городом Прокопьевском, который в 1960-1980 годах иначе, как «Жемчужиной Кузбасса», и не называли.

Именно поэтому страницы «Шахтёрской правды» времён работы в редакции фотокора Равилова пестрят замечательными фотографиями шахтёров, прославляющими трудное и опасное подземное ремесло. В его снимках всегда присутствовали и нелёгкие будни, и трудовые подвиги тех, кто добывает чёрное золото. Фотохудожник Равилов передаёт их многогранно, ярко, часто – с юмором, всегда – с позитивом.

Кстати, свой первый снимок Алексей сделал, ещё когда проходил службу в армии. Впервые взял в руки фотоаппарат «Зоркий» по просьбе армейского товарища:

– Моему другу (он был ротным фотографом) поручили сделать серию снимков солдат на отдыхе, – вспоминал Равилов. – Приятель взмолился: «Выручай! Невеста ждёт в городе. Сделай фотки!» Но для меня фотография была – как китайская грамота. За что браться, куда нажимать? Друг всё объяснил: как зарядить фотоаппарат, куда нажимать, какую делать диафрагму и так далее. Вроде, я всё понял.

Пошёл на реку Чепцу, где солдаты купались. Заснял всё, что можно и что нельзя: солдатские сапоги и портянки, очередь за газировкой и пирожками, плавающих у одного берега – солдат, а поросят – у противоположного, и много чего забавного. Чтобы мои друзья меня не видели, прятался под машиной, за деревьями. Отснял две плёнки, отнёс приятелю. Тот их проявил, напечатал мои шедевры и прибежал ко мне: «Лёха, да ты прирождённый репортёр!»

Потом он устроил своеобразную выставку этих фотоснимков: наклеил их на ватман и повесил на стену клуба, мимо которого солдаты ходили в столовую.

– Выставка имела ошеломительный успех. Так я «заразился» фотографией. И начал активно участвовать в создании армейской стенгазеты. Сослуживцам нравились его снимки, чему он был очень рад.

Тогда же и влюбился в новое хобби, ставшее поначалу отдушиной для души, а затем и делом всей жизни, которому он остался верным до самых последних дней своих. После демобилизации вернулся в Прокопьевск и решил серьёзно изучать секреты фотомастерства. Однажды познакомился с фотокором «Шахтёрской правды» Виктором Грызыхиным.

С тех пор фотоаппараты Равилова меняли названия, но всегда оставались верными спутниками мастера, радуя и своего обладателя, и тех, кто попал в его объектив, и тех, кто видел готовый снимок.

У него были и другие таланты, которых он тоже не скрывал. На шахте имени Э. Дзержинского вместе с редактором местной многотиражки Антониной Васильевной Фоменко увлечённо участвовал в создании шахтового музея, признанном впоследствии лучшим музеем угольного предприятия города. Когда работал во Дворце культуры имени Артёма, был солистом знаменитого хора русской песни ДК. И своим вдохновенным исполнением тешил зрителей-слушателей. Ещё он был книгоманом. У него в домашней библиотеке более тысячи томов. Некоторые книги даже с автографами авторов. Среди любимых писателей и поэтов Пикуль, Гамзатов, Высоцкий, Дементьев.

Но на первом месте в его творчестве, конечно же, была фотография.

Когда В. Грызыхина пригласили на работу в газету «Кузбасс», тот порекомендовал Алексея редактору прокопьевской газеты Владимиру Лаврентьевичу Баринову. У Равилова уже был приличный опыт фотокора в шахтовой многотиражке. Да и в «Шахтёрской правде» его снимки уже не раз публиковали.

Равилов сразу принял предложение стать штатным фотокорреспондентом городской газеты. В 1970 году его зачислили в редакцию «Шахтёрки», где он отработал фотокорреспондентом десять лет. В ту пору фамилия Равилова ежедневно присутствовала на страницах издания.

График работы сотрудников «Шахтёрской правды» в 1970-80 годы был очень жёстким. Газета выходила пять раз в неделю, рабочий день корреспондентов был расписан по часам.

Утром Равилов спешил на предприятие города, с которым договорился накануне о съёмках. Фотографировал работяг, иногда – известных людей. Чаще всего это были его любимые горняки.

Редактор В. Л. Баринов внедрил железное правило: «Раз мы называемся «Шахтёрской правдой», без шахтёрского снимка чтобы газета не выходила!» Шахт тогда в Прокопьевске было 17, да ещё разрез «Прокопьевский».

– Вот я и ходил-ездил по шахтам, – делился А. Равилов опытом с нынешним редактором «Шахтёрки» Г. Мажитовой. – На «Центральную» и «Коксовую» – пешком, на «Калининку», «Ворошиловку» и «Прокопьевскую» – на трамвае. На удалённые угольные предприятия: «Тырганскую», «Зиминку», «Зенковскую», «Красный Углекоп» и «Дзержинку» добирался на редакционной машине или на попутках. И тут уж держитесь, шахтёры! Снимал на полную катушку, фотографировал за раз по пять-шесть бригад, пока не кончался заряд фотоаппарата или запас плёнок. Чтобы этих снимков хватило на несколько номеров газеты...

Днём он печатал фото в темноте редакционной фотолаборатории, сдавал их в секретариат. Нередко вечером торопился на съёмку хоккейного матча или звёзд эстрады, на вернисаж, стараясь успеть распечатать вечерние фото к началу нового рабочего дня. И так изо дня в день. Но Алексей любил эту неуёмную редакционную сутолоку. Коллеги, пожалуй, не припомнят случая, чтобы он по собственной причине

сорвал съёмку. При этом хорошее настроение практически не покидало мастера. Он умел поднять рабочий настрой и во всём коллективе «Шахтёрки».

Свидетелем каких только необычных казусов не приходилось бывать фоторепортёру. Вот как он рассказывает об одном из них:

«Тогда я по роду службы часто ходил на концерты в ДК имени Артёма. Кто к нам только не приезжал! Однажды приехал дуэт – Иосиф Кобзон и Виктор Кохно. Перед выступлением Кохно, у которого 44-й размер ноги, почистил свои ботинки – модные, коричневого цвета – и оставил их на подоконнике в гримёрке. Скоро выходить на сцену, а башмаки как будто испарились. Понятно, кому-то позарез понадобились столичные штиблеты. Начало концерта отодвигается уже на полчаса, публика в недоумении, все волнуются. Подхожу к директору филармонии Саре Михайловне, узнаю, в чём дело, и говорю: «Да вы пройдите по рядам. Неужели никто не выручит ботинками на время выступления?» И действительно, нашли парня с туфлями 44-го размера. Тот согласился помочь. Концерт состоялся, а парень весь вечер просидел в носках за кулисами...».

Или вот был с ним случай:

«На Тыргане открылся новый роддом, и заведующий горздравом Николай Семёнович Зиневский по заданию области попросил меня: «Лёша, сними весь процесс родов». Сам договорился с руководством лечебного учреждения, чтобы мне не чинили препоны. Я, экипированный как при пандемии коронавируса, фотографирую роды – роженице делали кесарево сечение. Акушерка ругается: «Уходите, вы мне мешаете». Я в ответ: «Вы делайте своё дело, я – своё». И вот я снимаю на фотоаппарат таинство рождения ребенка: он ещё с неразрезанной пуповиной, в капельках крови... Такое дорогого стоит!»

По сути, фотокор газеты много лет был непосредственным участником всех знаковых событий в городе. Поэтому в его багаже невероятное количество фотоснимков – настоящая фотолетопись Прокопьевска, немалую часть которой он передал в городской краеведческий музей.

Всего за десятилетия на газетных полосах «Шахтёрки» вышла не одна тысяча его снимков. Также он активно сотрудничал с другими средствами массовой информации: газетами «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Собеседник», «Труд», «Социальная индустрия», журналом «Советский шахтёр». Многие другие периодические издания и даже книги с удовольствием размещали его фотопортреты, зарисовки из забоя, снимки горняков на отдыхе. Его фотографии вошли в новое издание книги «Прокопьевск – Родина моя».

В 1973 году его приняли в члены Союза журналистов. За годы фотокорреспондентства он много раз участвовал в фотовыставках разного уровня – городских, областных, республиканских. Не пропускал ежегодную апрельскую фотовыставку «Юмор» кемеровского фотоклуба «Томь», участвовал в таких выставках, как «Я – гражданин России», «Современный Кузбасс в фотографиях», «Прокопьевск в объективе», к годовщинам Победы в Великой Отечественной войне.

Ему было нелегко выбрать выставочные фото, потому что хороших снимков среди них было всегда немало, поэтому отбирал самые любимые. Как подчёркивают коллеги, один его снимок мог сказать больше, чем несколько абзацев газетного текста.

Коллеги и многочисленные посетители фотовернисажей Равилова отмечали, что экспозиции его выставок в целом и многие фотоработы в отдельности раскрывают отношение автора к Кузбассу индустриальному, дарящему жителям страны свои богатства, подчёркивают любовь автора к землякам-горнякам с их трудовыми победами, оставившими яркий след на страницах истории угольного региона.

В его фотографиях сквозит гордость за родной город, которая перерастает во влюблённость в край родной: в его бесконечно красивую природу, в горы, тайгу, золото осени, и, конечно же, в сибиряков, открытый, искренний характер которых виден в репортажных и художественных фотографиях автора.

В его снимках – эмоции различных людей. Здесь можно найти и «кусочек жизни», случайно схваченный объективом Равилова, который сумел вовремя оказаться в нужном месте, и прочувствовать отношение репортёра к важнейшим для Прокопьевска событиям. А чего стоят его художественные фотографии тайги, рек и гор! Алексей любил на выставках соединять чёрно-белые снимки с цветными, словно бы объединять старые и новые времена.

Цветные и чёрно-белые фотографии, как старое и новое, дополняя друг друга, вместе создавали единый мир фотохудожника Равилова. И со временем его снимки, запечатлевшие известных людей, важные события и достопримечательности города, приобретают всё большую ценность.

Бывший ответственный секретарь «Шахтёрской правды» Галина Александровна Щербакова рассказывала:

– Алексея Равилова знала несколько десятилетий. Во-первых, Алексей – человек широкой души. Он был любимцем всего коллектива редакции. Мог выполнить любую просьбу сотрудника, иногда весьма проблемную даже для редактора газеты. К тому же умел организовать для нас настоящий праздник. Однажды, во время семинара журналистов из разных городов, привёз откуда-то большой бочонок солёной рыбы. И, конечно, атмосфера юмора и веселья долго не покидала участников семинара! Особенно ему удаются фотографии детей и шахтёров. Лёша в их лицах тонко чувствует красоту души, её доброту и теплоту. И всё это талантливо передает.

Работы Равилова давно превратились в настоящую фотолетопись, которая хранит важнейшие даты и фрагменты социально-политической, экономической жизни родного Прокопьевска. И их ещё предстоит оценить по-настоящему...

Его последняя персональная, юбилейная, кстати, выставка «Жизнь в фотографиях» открылась 26 января 2024 года в залах прокопьевского культурно-выставочного центра «Вернисаж». Он тщательно готовился к ней, был энергичен, сам занимался оформлением экспозиции.

Алексей, как всегда, тщательно отобрал для неё свои лучшие работы. В основе экспозиции он представил десятки цветных и чёрно-белых снимков о жизни Прокопьевска и прокопчан в разные периоды непростой биографии города. Всего около 100 фотографий.

На открытии радушно встречал гостей, среди которых были и первые руководители города, коллеги, молодые прокопчане. Сам провёл первую экскурсию, шутил, давая оценки фотоработам, рассказывал о своих задумках, секретах мастерства, о работе народного самодеятельного коллектива «Прокопьевский клуб художников имени И.

Е. Селиванова», активным членом которого он был. Напомнил, что его выставка будет принимать гостей до 29 февраля...

На открытии выставки глава города Прокопьевска Максим Шкарабейников поздравил юбиляра:

– Я рад присутствовать на фотовыставке человека, которого могу назвать человек-эпоха. Столько социально значимых событий в жизни нашего города он запечатлел на фотоплёнку. Это и судьбы наших прокопчан, и приезд звёзд российского и общесоюзного масштаба. Думаю, что эта выставка – только начало. Ведь сколько ещё неизданных работ лежит в закромах этого фотокорреспондента. Их должны увидеть прокопчане! Это настоящее достояние нашего города. Предлагаю к Дню города, к Дню шахтёра организовать очередную выставку работ фотокорреспондента Равилова. Я горжусь дружбой с этим человеком!

На открытии выставки Алексей Равилов дал интервью молодому журналисту «Шахтёрской правды» Игорю Семёнову. Оно стало его последним интервью. На вопрос: какие качества должны быть у фотокорреспондента? – ответил:

– Нужно любить свою работу. А самое главное – любить людей, с которыми встречаешься по работе. Ведь не каждый откроет тебе душу. Сумеешь к нему, как говорится, ключик подобрать, получится снимок. А нет – значит, нет. А ещё нужно иметь железное здоровье. По работе, если ты фотокорреспондент, придётся облазить весь город. Снизу доверху. Я побывал в забоях всех семнадцати шахт Прокопьевска. Лазил по чердакам, чтобы найти сверху хороший ракурс. Так что фотокорреспондент не должен бояться ни высоты, ни глубины подземной. И, само собой, часами быть на ногах. Кстати, помогало и то, что у меня был первый разряд по стрельбе. Выступал даже на соревнованиях по стрельбе от своей армейской части. А снимок – это как при выстреле: увидеть цель, навести, затаить дыхание и нажать...

Шахтёров мне всегда проще было снимать. Я ведь в прошлом шахтёр, двадцать лет отработал на «Дзержинке». Я им анекдоты на съёмках травил, крепкие, матерщинные, чтобы они в объектив поулыбались. Ну, а знаменитости сами умеют позировать, улыбаться. Кто-то из знаменитостей был с требованиями, а некоторые вполне скромные, приятные в общении. Например, Лановой, Лещенко... В Прокопьевске я фотографировал Магомаева, ансамбль «Песняры», хор Пятницкого, Зыкину, Пугачёву, Кобзона. Но, если честно, мне с шахтёрами проще. Они мне ближе.

– Алексей Савельевич, 85 лет жизни позади. Скажите, жизнь удалась?

– Конечно, удалась...

В ноябре 2023 года он отметил своё 85-летие. К глубокому сожалению, увидеть завершение этой выставки Алексею уже не довелось...

За добросовестную, творческую работу Галляутдина Саляхтдиновича Равилова не раз отмечали наградами. Среди них – звание «Ветеран труда СССР» (1988), медаль Кемеровской области «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2006), почётный знак «300 лет Российской журналистики» (2003), медаль города Прокопьевска «Борис Волынов» (2018) и другие награды.

Виль Равилов, у которого в голове новые проекты

Необычный фотопроjekt уже несколько лет подряд реализуется в Прокопьевске. Называется он «Фотосушка». А его организатором стал молодой местный фотограф Виль Равилов. Вот и в 2023 году, в августе, в Молодёжном парке города состоялась уже пятая по счёту «Фотосушка». Мероприятие, как обычно, прошло в формате интерактивной уличной выставки, участниками которой мог стать любой желающий: как начинающие фотографы, любители со стажем, так и именитые профессионалы своего дела.

Устроительницей очередной «Фотосушки» выступила команда фотографов под руководством Вилия Равилова – документального и репортажного фотографа, члена Союза фотохудожников России с 2020 года. Сотни фотографий развешали для просмотра прямо в аллеях парка: заранее распечатанные снимки закрепили на веревках с помощью бельевых прищепок. Участники и зрители интерактивной выставки смогли пообщаться, поделиться своими наработками, достижениями, взглядами на фотоискусство, узнать мнение о своих фотографиях от коллег по цеху. По традиции все развешанные на верёвках снимки автоматически участвовали в конкурсе на лучшую фотографию. В конце мероприятия авторы снимков, набравших наибольшее число голосов, получили памятные призы. Таким образом, «Фотосушка» – это не просто выставка, а конкурс, где лучший снимок выбирается всеобщим голосованием. Зрители же смогли взять на память понравившиеся

фотографии. По традиции на обратной стороне фотографий авторы оставили свои контакты и пожелания новому владельцу.

– Место для «Фотосушки» было удачное. Во-первых, здесь всегда проходит много людей, а значит многие горожане смогли полюбоваться выставкой; во-вторых, есть деревья, на которых мы крепили верёвки для снимков. Наша выставка снова показала, что прокопчане интересуются фотографией, – комментировал итоги события Виль Равилов.

Кто же этот человек, придумавший такое замечательное событие, которое вот уже целую пятилетку привлекает внимание сотен жителей города?

Виль Равилов родился в Прокопьевске 6 сентября 1987 года в семье горняков. Здесь же в 2004-м окончил среднюю школу. Затем учился в Кузбасской государственной педагогической академии в Новокузнецке. Служил в армии.

После демобилизации, пожалуй, начинаются его поиски самого себя и главных ценностей в жизни. Четыре года будущий фотограф провёл на Балканах, в Черногории, работал в частных русскоязычных школах, где преподавал английский язык. Собственно, там Виль впервые много и осознанно фотографирует, а в длинные и скучные месяцы межсезонья мечтает о чём-то большем. Эти мечты спустя какое-то время приводят его в Санкт-Петербург, на Фотофакультет имени Ю. А. Гальперина, который он успешно окончил. Потом окончил и Санкт-Петербургскую Школу современной фотографии «Докдокдок». «Обе школы мне дали большой толчок в творческом развитии», – считает он.

Виль любит путешествия. За свои неполные 35 лет побывал в Черногории, Сербии, Грузии, Боснии, Турции, на Кубе и в других странах. Посетил разные уголки России. Итогом любой поездки становится масса снимков, которые он тщательно архивирует:

– Когда жил на Балканах, снимал в основном пейзажи – горы, море. Потом мне всё это надоело, насытился. Поехал в Питер учиться фотожурналистике и документалистике. Почему опять в Прокопьевске оказался? Учебный процесс предполагал создание серии фотографий, и мой куратор Станислав Марченко предложил поехать в мой родной город, чтобы поснимать жизнь Прокопьевска. Это до сих пор меня увлекает. Думаю, пока я здесь, должен снимать Прокопьевск, – поведал Виль корреспонденту «Московского комсомольца» в Кузбассе» (<https://www.mk-kuzbass.ruculture/2019/08/14/>).

Так он снова приехал в родные пенаты, где не устаёт фотографировать окружающую действительность:

– Документировать свой родной край – для меня это равно запомнить его таким какой он есть, где хорошее и плохое, светлое и тёмное переплетены друг с другом. Запомнить это время, сложить его в архив, чтобы потомки смогли моими глазами увидеть то, что видел я.

– В Москве и Питере высокая конкуренция и перенасыщенность, свою тему найти проще в регионах, особенно там, где ты вырос, – добавляет он. – Не ограничиваю себя Прокопьевском. У меня в Новокузнецке друзья, в Междуреченске родственники. Могу поехать в другой город и там поснимать. У нас в Кузбассе есть

темы, которые никто из фотографов не разрабатывал или, во всяком случае, не разрабатывал очень давно.

Именно эти фотографии приносят ему определённую известность, а главное осознание того, что сейчас он делает то, ради чего вообще стоит тратить годы собственной жизни.

Виль Ильдусович относил себя к так называемому направлению «стрит-фотографов». Уличных съёмщиков, то есть. Уличная фотография (англ. street photography) – вид документальной фотографии без явной социальной направленности, обычно изображающая людей в обычных ситуациях в общественных местах: на улицах, в парках, на пляжах и тому подобное. Между тем, отмечают специалисты, зародившееся в Европе за счёт французского изобретателя Жозефа Нисефора Ньепса искусство фотографирования в 2026 году будет отмечать ни много ни мало, а двухсотлетие.

А в конце XIX века на улицы крупных городов Америки и Европы из своих студий вышли сразу несколько фотографов, положив тем самым начало стрит-фотографии. Они снимали то, что они видели, не стремясь никак приукрасить реальность или сгустить краски – реальность и так была достаточно красочна. В Америке первым стрит-фотографом был эмигрант из Дании Джейкоб (Якоб) Риис, отснявший в 1880-е годы в трущобах Нью-Йорка выдающееся, как по социальному звучанию, так и по фотографической красоте, фото-эссе «Как живёт другая половина».

Французские фотографы Эжен Атже (он же папаша Атже), Брассай и Робер Дуано и, конечно, венгерский Анри Картье-Брессон, – все они были известными стрит-фотографами начала прошлого века. У них было много последователей, в том числе и в России. Так что Равилю было у кого поучиться...

Оглядевшись в родном городе в первые недели возвращения, наш герой ясно осознал, что эпоха Прокопьевска-углеграда ушла в прошлое:

– Жизнь Прокопьевска я начал снимать по-настоящему в 2017 году и в какой-то момент понял, что некоторые здания шахт, дома, деревни уже можно увидеть только на фотографиях. Буквально за четыре года поменялись не только сам город и люди, но и ландшафт.

Ему стало интересно представить в своих работах то, как продолжается существование города после эпохи шахт:

– Вернувшись после долгого отсутствия, почувствовал, как всё изменилось. Хотя на праздниках чиновники по инерции говорят о Прокопьевске как о шахтовом городе, чёрной жемчужине Кузбасса. Наверное, пора перестать это говорить...

Виль хотел для своей курсовой работы в питерской фотошколе сделать из прокопьевских фотографий видеоряд с аудиозаписью рассказа какого-нибудь шахтёра. Получился бы озвученный видеоролик:

– Все эти истории про богатых шахтёров, которые в советские годы могли в выходные слетать в Москву, чтобы просто посидеть в ресторане или в баре – любимая байка старшего поколения, много раз слышал.

Но он не сумел разговорить никого из знакомых бывших горняков – у шахтёров чувствовалась какая-то потерянности:

– Люди ностальгировали по прежней жизни, но, если раньше у прокопчан ещё была надежда, что всё вернётся, что будет, как прежде, теперь всем ясно – возврата уже не будет. Начался отток людей из Прокопьевска. Не знаю, как эти настроения охарактеризовать. Наверное, потеря силы...

Он сообщил об этом питерскому куратору, который и подсказал, что тему нынешней судьбы бывшего угледобывающего центра можно сделать основной в работе фотографа. И тогда он начал снимать на прокопьевских улицах.

Коллегам запомнились многие его оригинальные фотографии. На одной из них, например, ветхое административное здание закрывшейся шахты, а мимо пролетает красивая красная машина. Мчится так быстро, что на фото видно лишь почти размытое яркое пятно.

– Я её снимал спонтанно, – поясняет он. – Снимал то, что вижу. Мы потом вместе с куратором и другими студентами делали выборку из многих фотографий... Это даже не тема депрессии в прямом смысле. Это грусть, скорее всего. Шахты закрылись. Власти обещают, что откроется что-то взамен. Но, не знаю... Люди уезжают. У нас в районе Прокопьевска много частного сектора рядом с разрезами. Тоже проблема. И это уж точно не снимешь, как весёлую историю...

Виль считает, что за последние годы процесс фотографирования и сама фотография сильно изменились, что сейчас снимки делают все, кому не лень и, не стесняясь низкого качества, выкладывают их в «сеть» на всеобщее обозрение.

– Бывает, я просто устаю от интернета. Ведь те снимки, которые пачками в соцсетях выкладывают – свои поездки и так далее, – их ведь искусством не назовёшь: «Давай селфи сделаем!» Это не фотография. Конечно, фотографическая рамка, какие-то другие лекала – всем надоели, и люди ищут новые подходы к фотографии.

Многие свои работы он не называет художественной фотографией:

– Художественная фотография – это когда важна техническая часть: высокое разрешение, где какой свет из листочков деревьев вылез. Я же занимаюсь документальной фотографией, фоторепортажами и стрит-фотографией. Самое простое определение стрит-фото, по-моему, – случайные снимки на улице. Хотя стрит-фото – это иногда и снимки, сделанные в помещении, даже в квартире. Но стрит-фотография – это игра с формой, цветом и тенью, а документальная фотография подразумевает концепцию. Стрит-фотограф, как правило, мыслит отдельными карточками, а документальный фотограф – сериями снимков.

Чтобы сделать стрит-фотографию, надо выйти на улицу, приблизиться к тем, кого хочешь снять; двигаться, ловить момент. «В документальной же съёмке, – поясняет Виль Равилов, – важнее серьёзно подготовиться, продумать, что ты будешь снимать, посмотреть, как эту тему решали другие фотографы. Найти общий язык с героями, чтобы они пустили тебя в свой мир».

Надо добавить, что документальную фотографию, как правило, сопровождает пояснительный текст. Появилась и так называемая постдокументальная

фотография – это как бы сохранённый документ о тем или иным образом «пережитой» проблеме или трагедии. Для примера можно вспомнить проект петербурженки Марии Гельман, посвящённый домашнему насилию. Это серия портретов, которые автор сняла не в момент избиения, а после произошедшего. Но в её портретах «читается» история этих женщин.

Виль говорит, что из отечественных мастеров на него сильнее всех повлияли Сергей Максимишин (один из самых известных российских фотожурналистов, призёр и победитель большого количества международных и национальных конкурсов и фестивалей, сотрудничает с ведущими мировыми СМИ, преподаватель фотодела) и Александр Петросян (российский фотограф и фотохудожник, работает в жанрах репортаж, стрит-фото). А из классиков Виль отдаёт предпочтение родоначальнику стрит-фотографии Анри Картье-Брессону.

– Наши новокузнецкие из группы ТРИВА (Владимир Соколаев, Владимир Воробьёв и Александр Трофимов), конечно, тоже повлияли, – добавляет он. – Настолько, что тяжело было мышление перестраивать и снимать по-другому. Я, когда начал серьёзно снимать, про ТРИВА вообще не знал. Потом кто-то сказал про мои снимки: «Очень похоже на Соколаева, только гораздо слабее». Заинтересовался, нашёл сайт, где архив их фотографий. У них прослеживается какая-то «сибирскость»: работяги, тяжёлые условия нашей жизни, долгая зима. Но понял: от того, что они делали, надо отходить, двигаться в других направлениях. Иначе прекратишь развиваться.

Вероятно, потому он придумал и запустил проект «Фотосушка»:

– Когда приехал в Прокопьевск, стало скучно. На Балканах жил – там тоже ничего не происходит. Русские начинают либо очень много пить, либо устраивать праздники еды. Переехал в Питер – там можно каждый день ходить на бесплатные мероприятия, а вернулся в Прокопю – здесь в культурном плане всё очень слабо...

И Виль решил создать среду, в которой самому было бы интересно. Надумал создать что-то вроде фотоклуба, чтобы общаться с коллегами: «Кого-то я заинтересовал, кто-то начал на плёнку снимать».

Первая прокопьевская «Фотосушка» в 2018-м была, по его оценке, просто тусовкой ради тусовки: «Результат мне был не важен. Знаю, что, скорее всего, девяносто девять процентов фотографий, которые в любом городе принесут на «Сушку», – это неинтересные снимки, ну, потому что это – массовая движуха. Но после мероприятия, был уверен я, один-два человека обязательно заинтересуются, начнут снимать на фотоплёнку».

В результате за пять лет, прошедших с первой «Сушки», появились люди, которым стало интересно фотографировать. Кому-то любопытен сам технический процесс. Кто-то стрит-фотографией начинает увлекаться. Например, появился фотограф, которому интересен «стрит» в чистом виде – Михаил Храмцов – он профессионально очень вырос. Ещё один талантливый фотограф, возникший благодаря «Фотосушке», – Сергей Акимов. Работал музыкантом, был строителем. Выйдя на пенсию, всерьёз занялся фотографией: «Он с такой «насмотренностью»,

с такими знаниями, которые редко встретишь. Прислушивается к моим советам, хотя в два раза старше меня», – радуется за коллегу Равилов.

Виль – давно уже состоявшийся фотограф со своей философией, с особым взглядом на мир. Его работы привлекают внимание и рядовых зрителей, и специалистов. Фотографии Равилова часто экспонируются на солидных российских и зарубежных выставках. В их числе выставки уличной фотографии «Stradablog. StreetPhoto», а также выставки Makers of Siberia Photo Prize (2019, 2021, Омск), Молодые фотографы России (2020, Калуга), международная выставка «Я здесь живу» (Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2021, 2022), Зеркало искусств (2021, Москва) «Двойная экспозиция жизни» на фестивале «Контрольные отпечатки» (Новосибирск, 2022) и другие.

В апреле 2024 года он участвовал в выставке художественного фото, которая работала в новокузнецком музее-заповеднике «Кузнецкая крепость». Новокузнецкие специалисты отметили, что «при создании ярких и запоминающихся произведений мастер умело сочетает художественный вымысел и достоверную информацию. Современные технологии позволили прокопьевскому фотографу создать яркие и красочные произведения искусства».

Виль Равилов участвует и в знаковых конкурсах фотографов. Так, его фотоработы выходили в финал таких конкурсов мастерства как Всероссийский конкурс уличной фотографии и конкурс репортажной фотографии «Сибирьфотофест – Тобол, имени А. Ефремова» (2020), Best of streetphotorussia (где он занял 2-е место, 2021) и Фотосоюз. Единство (в номинации «Стоп кадр», 2021).

– В 2019 году, – прибавляет он, – мой проект стал финалистом конкурса «Makers of Siberia Photo Prize». В 2020 году я вошёл в финал конкурса «Молодые фотографы». В 2021 году мой проект принял участие в коллективной выставке «Я живу в России», который проходил в Главном штабе Государственного Эрмитажа.

Он активно сотрудничает с разными изданиями, в числе которых «Дела», «Lenta», «Коммерсантъ», Милосердие.ру. Взаимодействует и с местной городской газетой, берётся за коммерческие съёмки.

Виль Равилов на этом не успокаивается, не хочет стоять на месте. В голове у него новые проекты, которые включают в себя и новые фотокниги, в которых Прокопьевск был бы показан «не таким, как его привыкли видеть»:

– У меня есть желание сделать для своего родного города нечто важное, отдать ему дань, так сказать. Сказать спасибо за то, что я здесь родился, вырос и состоялся.

Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас»

В одном из интервью, рассказывая историю передачи «Шаг за горизонт», Юрий Светлаков поделился:

«Если докапываться до истоков, то мой прадед обладал удивительной силой – взглядом распрягал лошадей, а дед Иван знал толк в травах, но знания свои никому не передал. Кто знает, может быть, какие-то гены предков у меня и есть, жаль только, я этого не замечая.

Любознательство и стремление понять, что и как происходит, явилось одной из причин создания цикла передач «Шаг за горизонт». Тайна привлекает. Мало узнать – важно понять, как это происходит в рамках тех знаний и тех ощущений, которые отпущены нам в этом мире.

Что происходит? Как по фотографии можно определить, жив человек или нет? Что такое душа? Как открыть «третий глаз»? Где обитает мысль? Как управлять своим организмом? Как открыть второе зрение? Как научиться телекинезу? Как овладеть левитацией? И так далее.

Вопросов много, но нет готовых ответов...».

Мастер пытался найти для нас эти ответы...

1.

Юрий Яковлевич всегда был современным человеком. И в молодости, и в свои 60, 70 и 80 лет был на «ты» с любой технической новинкой, касающейся кино или телевидения, телевизионных съёмок, видеомонтажа. Ему «по зубам» была нынешняя компьютерная техника и цифровые технологии. Он активно общался в социальных сетях, вёл свой большой интересный IT-портал.

Вот что он писал о себе на своём персональном сайте <http://svetlakov.kuztpp.ru/>:

«Я, Светлаков Юрий Яковлевич, по образованию кинооператор (или как он сам себя называл – съёмщик). Почти полвека – с 7 сентября 1961 года по 7 сентября 2006 года – отпахал – как пахарь одиночка – на Кемеровской студии телевидении.

Последние лет 20 был автором и ведущим популярной программы «Шаг за горизонт». В эфир вышло около 700 передач...»

Это был выдающийся телевизионный рекорд автора, по праву вошедший в «Книгу рекордов Кузбасса»!

Родился Юрий 16 июля 1938 года в шахтёрском городе Киселёвске Кемеровской области. Военные и послевоенные годы детства провёл в Прокопьевске. Чтобы понять истоки творческого мастерства человека, надо окунуться в его малолетство: где жил, чем дышал, какими были его родовые корни.

Исследовать жизнь Юрия Яковлевича и просто, и сложно. Просто – потому что он оставил огромное количество книг, статей, телепередач, киноочерков, в которых изложены все подробности его биографии; сложно – потому что в этой массе материалов, фактов, фото и видеоизложений легко упустить что-нибудь важное, сыгравшее в его судьбе решающую роль.

Юра рос очень любопытным ребёнком. Вспоминая детство, рассказывал:

«К примеру, я в детстве был очень любопытным. Во всё, что попадалось мне на глаза, день-два поиграю, а на третий день – разбираю, режу, ломаю. Однажды мама привезла мне из Новосибирска, мне было года три, коня-качалку – классная вещь по тем временам! Я два дня покачался, на третий день вспорол коню брюхо. Хотелось посмотреть, что ж там находится внутри. Там оказались опилки! Мне пришлось тайком этого коня закопать в огороде. Матери на вопрос, где конь, отвечал: «Не знаю, ускакал куда-то».

Его родной отец, Михаил Иванович Катунин, родом с Алтая, из небольшого села Ново-Троицкое. Окончил четырёхлетнюю трудовую школу 1-й ступени. Году в 1937-м приехал в город Киселёвск учиться на бухгалтера. Там и познакомился с Юриной мамой Глафирой Ивановной Титовой. Говорят, он был очень гостеприимный. А умер от воспаления лёгких, когда сыну было всего несколько месяцев:

«Уходя из жизни, мой отец Михаил Катунин попросил своего друга Якова помогать нам, – написал в книге «Вспомнить детство и забыть» Юрий Яковлевич. – Он не только «помог», но и усыновил меня. Так я стал Светлаковым».

Его отчим Яков Иванович Светлаков был родом из деревни Ижморка Кемеровской области, здесь же жили родители отчима – добрая баба Таля и суровый дед Ваня. В годы войны мальчишку на всё лето отвозили к ним. Отчим же ушёл на войну, но

мальчику почему-то никогда не говорили, где он служил, и как, и с кем воевал, – всё было покрыто какой-то тайной.

Его мать Глафира Ивановна Светлакова родилась в селе Тогул Алтайского края, в большой крестьянской семье. Она была самой младшей. И получила четыре класса образования.

«...Я, мальчишка, жил в годы войны в шахтёрском городе Прокопьевске и, кажется, был счастлив, – читая эти строки, вижу, как автор этих строк по-доброму улыбается. – А счастлив был потому, что был свободен А свободен был потому, что мама с утра до позднего вечера была на работе. Я же, за редким исключением, оставался один дома. Только сейчас понял, что свобода у меня была почти по Гегелю: «Осознанная необходимость – есть свобода».

Его воспоминания о детстве – это память о далёком счастливом прошлом. Он вспоминает эти нелёгкие, казалось бы, дни и годы, как что-то очень отдалённое по времени, но навсегда впечатавшееся в память:

«Я, например, детально помню миг в вагоне поезда, когда меня в первые дни войны на лето увозили к бабе Тале в Ижморку. Ночь, монотонный говор, запах противных яиц, боковая верхняя полка, я засыпаю... и вдруг! Яркий свет, громкий стук колёс проходящего мимо поезда, чей-то крик!»

И ещё штрих из малолетства, яркий, как фотовспышка: «В моём детстве не было телевидения. Вероятно, я мечтал о кино. Мама мне рассказывала, что когда я был маленьким, то вставал на стул, показывал картинки в книжке и говорил: «Это кино», – хотя кино никогда в жизни не видел».

Однажды они с мамой поехали в гости в посёлок Спиченково, что в пригороде Прокопьевска, к какой-то «голимой» родне, у которой был волшебный фонарь – фильмоскоп! Взрослые сидели за столом, пили, ели, пели бесконечно длинные песни, типа «Сронила колечко со правой руки»... А ребятишек посадили в коридоре на пол, поставили на стол табуретку, а на табуретку фильмоскоп.

Высоко над дверью загорелся экран, появилась надпись, кто-то из взрослых прочитал «Лисичка-сестричка и серый волк». Юрий Яковлевич уверял:

«Помню запах накалённой лампы фильмоскопа, волшебную плёнку с дырочками по бокам. Этот первый диафильм, вероятно, стал первой информационной записью в мой «файл» для того, чтобы потом разбудить во мне желание быть кинооператором...»

О войне он знал понаслышке, и всё-таки... Запомнил плач соседей, получивших похоронку, помнил, что в те годы женщин везде было больше, чем мужчин, остался в памяти День Победы 9 мая 45-го, когда на главной площади Прокопьевска радостно шумела большая масса людей.

В Прокопьевск мама с сыном перебрались ещё во время войны. Осенью 1945 года мальчик пошёл в школу. В это время семья жила на улице Калинина – практически в центре города. Война ещё долго не отпускала своими воспоминаниями:

«Примерно через неделю после начала занятий в класс привели ребят из блокадного Ленинграда. Держались они стайкой, с нами в наши игры не играли. Я

тогда впервые увидел глаза, полные тоски, глаза, которые смотрели не в мир, как у всех, а в себя. Раз в неделю учительница приносила в класс картонный ящик с конфетами. Конфеты были двухслойные, сверху беленькие, внизу коричневые. Сейчас их называют «школьные». Каждому на парту она раздавала по две конфетки. И вот, никто нам это не подсказывал, никто нас не учил, мы, не сговариваясь, на переменке по одной конфетке отдавали этим ребятам из Ленинграда».

Первой песней, которую Юра знал наизусть, была «На позиции девушка провожала бойца...». А когда оставался один дома, во всё горло орал:

– Я по свету немало хаживал,

Жил в землянках, в окопах, в тайге...

И припев:

– Дорогая моя столица,

Золотая моя Москва!

И начал грезить кино: «Это, наверное, знак свыше. Человек приходит на землю, чтобы выполнить определённую жизненную программу. Но, как и где её найти – вот в чём вопрос?»

Пацаны той поры страстно любили ходить в кинотеатр. Юре и тут повезло: он жил совсем рядом с лучшим киношным заведением города, а то и области, которое называлось «Кинотеатр имени Николая Островского».

«Мой любимый кинотеатр находился рядом с моей школой № 11. На любой фильм я всякий раз летел с замирающим от радости сердцем как на встречу с таинственным чудом!»

Детский билет тогда стоил 10 копеек на дневной сеанс художественного фильма с документальным кино в придачу. Никаких денег на кино, понятно, у парнишки не имелось. Он иногда клянчил их у матери, а, бывало, брал без спроса и мчался в кинотеатр. Покупал билет, и контролёр впускал его в волшебный мир. Вначале зрители собирались в фойе, потом переходили в небольшой зал, где на сцене перед сеансом обязательно играл оркестр и непременно выходили конферансье и певица в красивом платье.

Звонков о начале сеанса не было. Моргали лампочками освещения: «Раз! Два! Три!» В зале медленно гас свет, и начиналось чарующее представление под названием КИНО.

Из наших советских фильмов в его в памяти остались незабываемый «Чапаев», суровый «Мы из Кронштадта», хулиганский «Путёвка в жизнь», смешные «Насреддин в Бухаре» и «Весёлые ребята», военные «Два бойца», «Иван Никулин – русский матрос», «Малахов курган», «Секретарь райкома», «Жила-была девочка» и много, много других.

«Признаюсь, – всегда подчёркивал он, – я не очень любил фильмы, снятые в павильоне, если это не экранизация оперы или спектакля... А однажды я где-то услышал гениальную фразу, что память – это тот единственный рай, из которого

нас невозможно изгнать. Вот этот-то кинотеатр Островского окончательно и «сгубил» меня...».

В детстве у него была открытка – кадр из фильма «Кардинал Ришелье» с субтитром «Добивайся намеченной цели»: «Эти слова стали моим девизом. Но этого мало, нужна ещё цель-программа, которая формируется опять-таки в раннем детстве...». Наконец, когда Юрий жил и учился в Прокопьевске, они с пацанами придумали игру «Угадай профессию». Замечали на улице или в трамвае человека и по лицу, по рукам, по одежде, походке старались определить, чем человек занимается. Потом следили за ним и в конце концов научились почти безошибочно определять не только профессию, но и характер человека.

Он с детства учился определять профессии людей, и свою специальность тоже выбрал в ранние годы. Мальчишка разгадал тайну фотосъёмки: не даром же говорят, что при желании фотографировать можно и при помощи обычного ведра. И начал изобретать и мастерить фотоаппараты. И у него получалось. Вспоминал: «Первый фотоаппарат у меня был самодельным, назывался «ЮС-1». Сделал я его в виде коробки из досок от ящика: с одной стороны – объектив, с другой – кассета с пластинкой или плёнкой 9х12».

Вместе с другом Борей Бычковым, который жил в маленьком домике в районе шахты «Чёрная гора», записался в фотокружок в Доме пионеров. Руководил фотокружком Ростислав Теодорович Маслов, который увлёк ребят фотографией. На этот раз фотокамера у Юры была не самодельная: фотоаппарат «Любитель». С него можно было печатать снимки 6×6 сантиметров без увеличения. Потом мама купила ему зеркальный «Зенит».

Однажды они с Борей сделали по диафильму, которые показывали через фильмоскоп. Юрий показывал это своё «первое кино» пацанам с улицы. Закрывал ставни, вешал белую простынку на стенку и с выражением читал стих Тараса Шевченко:

Воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонился в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает...

Но ему страстно хотелось, чтобы его «кино» тоже двигалось на экране, как настоящее. Однажды в газете «Пионерская правда» Юра прочитал заметку «Как самому снять и показать кинофильм». Публикация запала мальчишке в голову.

Спустя время он случайно нашёл на дороге небольшой, метра полтора, кусочек 16-миллиметровой плёнки, с изображением большого застолья. Как узнал потом, это были финальные кадры из фильма «Кавалер Золотой Звезды», снимал который кинооператор Сергей Урусевский.

Чтобы увидеть кадры на экране, Юре удалось смастерить деревянную камеру – и для съёмок, и для показа отснятых плёнок. Он иронично назвал её «Драндулет-1». На самом деле камера была из дерева, только кадровое окно и обтюратор

(устройство для перекрывания потока света в киносъёмочной и кинопроекционной аппаратуре) сделал из консервной банки, а грейфер (механизм для перемещения киноплёнки на шаг кадра) – из какой-то железяки. Зубчатые барабаны вырезал из катушки от ниток. Иногда работал над деталями прямо в школе во время урока, за что его выгоняли из класса, приговаривая: «С такими грязными руками тебе не место в классе».

«Первая киносъёмка на «Драндулете-1» проходила недалеко от терриконика прокопьевской шахты имени Калинина, на краю обвала, – поделился воспоминаниями Юрий Яковлевич в своей книге «ВГИК. Заветная звезда», вышедшей в 2020 году. – Мы с моим другом Германом устроили показную драку. Ручку камеры крутил мой брат Алька. Самое интересное было потом, когда надо было проявлять плёнку. Плёнка была обратимая 16-миллиметровая, чёрно-белая. Никаких приспособлений для проявки не было – пришлось весь процесс: проявки, засветки, чернения, снова проявки, фиксации и промывки делать в большом ведре руками без резиновых перчаток».

К большой досаде «съёмщика», половина плёнки ушла в брак. То, что осталось, он высушил на бельевой верёвке. Потом на стену прикрепил лист ватмана, зарядил аппарат, позвал соседских пацанов. И четверо его первых зрителей увидели 30-секундный фильм.

На этом история юного «Самоделкина» не закончилась. Позже головастый и рукастый, как говорили о нём друзья, Юра придумал и смастерил другой киноаппарат... Впрочем, мы ещё вернёмся к этой истории.

2.

Однако после окончания средней школы Юрий по совету матери поступил на маркшейдерское отделение Прокопьевского горного техникума. После защиты диплома три года работал геодезистом в Управлении главного архитектора города Прокопьевска.

О том, чем он здесь занимался, известно немного. Геодезист – это специалист по составлению карт местности, проведению расчётов, необходимых для описания рельефа. В строительстве эта профессия незаменима. А в Прокопьевске того периода строили немало: шахты, заводы, жильё, социальные и культурные объекты. Геодезист сопровождал строительные работы с момента определения участка под застройку и до самого ввода объекта в эксплуатацию.

Думаю, эта профессия тоже наложила свой отпечаток на характер героя нашего рассказа.

«После учёбы я, как положено, три года тянул лямку геодезиста, – признаётся он. – Полевые работы, ещё куда ни шло. Геодезические приборы чем-то напоминали съёмочную технику – такой же штатив, такая же оптика. А вот работа в кабинете: крутить ручку арифмометра, считать теодолитные хода, – скука несусветная! В обеденное время от камеральных работ сбегал в кино. Купишь, бывало, два пирожка с повидлом и стаканчик мороженого – вот и весь обед в зрительном зале. Смотрел всё подряд – лишь бы кино было. Это были и первые тупые китайские

фильмы, как «Стальной солдат» или «Седая девушка». Много смотрел заморских фильмов».

Попадалась ему и классика мирового кино: «Тупик», «Три мушкетёра», «Королевские пираты»; и наши фильмы: «Сельская учительница», «Падение Берлина», «Молодая гвардия». И ещё много-много игровых и документальных лент. Многие из них шли под шапкой «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских войск под Берлином».

Специально ездил в Сталинск посмотреть «Белоснежку и семь гномов» в каком-то деревянном клубе. В кинотеатре «Коммунар» смотрел «Бесприданницу», «Путёвку в жизнь» и другие. Записывал во время сеанса в записную книжку имена кинооператоров. Всё чаще стал задавать себе вопрос, а можно ли научиться снимать так же, как они?

Кроме работы оставалось ещё и свободное время. Кто-то проводил его так, что потом нечего вспомнить, Юрий Светлаков – не из таких. Он не любил потерянных даром часов. Кстати, в школьные годы он посещал не только фотокружок, но ещё и танцевальный. В его памяти отложился смешной эпизод, который часто вспоминался:

«Однажды во время очередной школьной олимпиады плясали танец «Лявониха», припевая песню: «Ой, Лявониха, Лявониха моя!» Я, как бескрылый петух, скакал по сцене и махал руками, которые были у меня не на поясе, а под мышками. Зал просто ржал! ...Больше в танцевальный кружок не ходил. Зато записался во Дворце пионеров в балетный. Научился работать у станка, выучил всякие позиции, но на сцену не выходил. Преподавала у нас Галина Николаевна, фамилию забыл. Она всякий раз приезжала из Сталинска на занятия в Прокопьевск. Как позднее узнал – среди её учеников был известный танцор Владимир Шубарин».

В горном техникуме был свой эстрадный оркестр, где студент Светлаков играл на аккордеоне. Он ведь и нотную грамоту освоил в школьные годы, вполне сносно умел играть кое-какие мелодии.

Музыкальную науку ему преподавал осевший на постоянное жительство в Прокопьевске бывший пленный немец Адольф Карлович. Первым музыкальным инструментом Юрия стало соседское пианино. А когда он выучился играть гаммы, сольфеджио и простенькие мелодии типа: «Степь да степь кругом...», «Собачий вальс», «На крылечке твоём», «Элизе», – мама купила ему аккордеон.

Узнав, что парень играет на аккордеоне, его пригласили в эстрадный оркестр техникума. «В его составе я даже один раз выступил на сцене и страшно опозорился, – смеётся Светлаков. – Играли «Выходной марш Дунаевского». Начал хорошо, но потом сбился и делал вид, что играю – изо всех сил давил на кнопку выхода воздуха из аккордеона, почти не нажимая на клавиши, чтобы звук не было слышно. Как бы играю, а звука нет...».

Удивительно, как много порой надо познать и выучить человеку, чтобы потом всю жизнь заниматься любимым делом! В молодые годы Юрий Светлаков осваивал ещё и театральную сцену. А что? – актёрские навыки очень дажегодились ему в работе над образом телеведущего.

При горном техникуме был ещё и драмкружок. Руководил им Григорий Минеевич Аврутин. Юра предложил ему своё участие в постановках. И получил согласие. Ведь театральные задатки у него проявились ещё в школе.

В седьмом классе он ходил в школьный драмкружок, где ко Дню Победы ставили сцены из «Молодой гвардии». Роли молодогвардейцев тогда достались отличникам, а Юрий выступал в роли немецкого захватчика.

В 1954 году, когда отмечали 300-летие воссоединения Украины с Россией, в прокопьевском ДК шахты имени Ворошилова проходила олимпиада, посвящённая этому событию. В ней участвовала школа, где учился Светлаков, подающий надежды на актёрские задатки. В торжественном представлении он сыграл роль посла. Должен был выйти на сцену, поклониться и сказать: «Я от русского народа вам поклон передаю!» Перед этим долго заучивал, как правильно делать русский поклон, и вместе с мамой придумывал посольский наряд: в ход пошли её старая шуба и шапка, также была расшитая рубаха – косоворотка. За эту роль ему дали грамоту...

Когда Юрий пришёл в техникумовский студтеатр, там ставили пьесу Николая Погодина «Человек с ружьём», припоминал Юрий Яковлевич: «Вначале режиссёр показал нам фильм. Мне досталась роль матроса. Помните, Шадрин, после встречи с Лениным подходит к матросу и спрашивает: «Уважаемый, а кто это был?» Матрос отвечает: «Как кто?! Ленин!» У Шадрина из рук выпадает котелок...».

Так что театр отнимал немало времени у молодого Светлакова. А расстался он со сценой внезапно, в результате смехотворного казуса. После окончания техникума уже работал геодезистом в управлении главного архитектора Прокопьевска и однажды в ДК Артёма повстречал того самого режиссёра из студтеатра. «Поговорили о том о сём, – рассказывает Юрий. – И он пригласил принять участие в пьесе, кажется, «Калиновая роща». Надо было сыграть роль тракториста. Я согласился и стал ездить на репетиции в ДК железнодорожников, что недалёко от вокзала. Всё шло хорошо. Но во время генерального прогона режиссёр предложил мне поцеловаться с героиней. Мы так не договаривались! Как это принародно целоваться? Ладно было бы, если какие-нибудь чувства были! Я наотрез отказался и навсегда завязал с актёрской профессией...».

Ещё он много фотографировал. В Прокопьевске, кажется, не оставалось уголка, в котором бы не побывал юный Юра со своим фотоаппаратом. Дома у начинающего мастера была «темнушка» с ванночками, увеличителем и всеми другими необходимыми причиндалами, где он проявлял плёнки и печатал карточки на фотобумаге. Снимков было много, и он не спешил с ними расставаться, даже с теми, которые не совсем удались. У многих его фотографий той поры своя история. Вот, например, одна из них:

«В день 12 апреля 1961 года в моём родном Прокопьевске никто никого не звал на главную площадь города. Напротив драмтеатра собрались люди на митинг по поводу первого полёта Юрия Гагарина в космос. Своим стареньким фотоаппаратом «Зенит» я снял у трибуны несколько крупных планов взволнованных лиц. Но это же полёт в космос! Недолго думая, решил снять событие сверху.

Рядом был высотный дом («дом под шпилем», как называют его прокопчане). Вбежал в подъезд – тогда они не закрывались – взлетел на верхний этаж, но люк на крышу оказался на замке. Вернулся. По хлипкой пожарной лестнице всё же взобрался на крышу и снял несколько кадров сверху. Вечером проявил плёнку и напечатал большие, как мне казалось, карточки 13 на 18 сантиметров. Наклеил фотографии на три листа ватмана и утром следующего дня вывесил их в коридоре Управления главного архитектора города. Это была моя первая фотовыставка! Провисела она дня два, на третий день её кто-то спёр...».

Но больше всего ему хотелось снимать кино. Юрий придумал и смастерил широкоэкранную камеру «Кадр 35-235» для съёмок широкоэкранного кино. Эта камера, по мнению знающих людей, была сделана до того как в Прокопьевске, да и в стране, появилось широкоэкранное кино. Это произошло в 1955 году, когда парню едва исполнилось 17 лет.

Его друг Борис Бычков – он, кстати, как и Светлаков, затем выучился во ВГИКе – после окончания школы устроился работать в КузНИУИ. Это в Прокопьевске институт угля. В институтской лаборатории ему было дозволено бесплатно печатать снимки. Там у него было много всяких химикатов для фотографии, а Юрий покупал метол, гидрохинон, сульфит в магазинах. Для тех, кто увлекался фото и киноделом, траты были не такие уж малые.

«Я как-то у Борьки попросил: «Дай мне хоть горсточку сульфита», – рассказывал Юрий Яковлевич. – Он не дал. Но, самое главное, когда я его спрашивал: «В каком проявителе ты проявляешь?» Он мне сказал: «Шарупить надо!» Вот с той поры я шаруплю сам, и никогда ни к кому не обращаюсь с просьбой рассказать или показать, как это всё делается».

У Юры от рождения было чувство красоты окружающего мира, и он учился передавать её на фотобумаге и киноплёнке. Это дано далеко не каждому. Он умел увидеть прекрасное там, где другие не замечали. Однажды Юра Светлаков сфотографировал лужу. Казалось бы, ничего особенного: обыкновенная лужа, в которой плавают осенние листочки. Напечатал карточку, показал друзьям.

«Где ты увидел такую красоту?! – воскликнули они. – Мы же были рядом с тобой и не видели». Чтобы выглядеть умным, он напомнил им известную китайскую поговорку «Один видит в луже грязь, другой – солнце».

Он часто стал задумываться, почему иной фильм смотришь с восторгом, а вот этот кажется заунывно-нудным. Начал посещать научно-популярные лекции о живописи в прокопьевском Дворце культуры имени Артёма, но не нашёл у лекторов ответа. Книг по этой тематике и дома, и в библиотеке было мало. А «вирус кино» уже стал для Светлакова хроническим.

«Где и как научиться ВИДЕТЬ, не смотреть, а видеть?» – мучился он вопросом. Знатоки утверждали, что этому обучают во ВГИКе.

И тогда он из Прокопьевска отправился в Москву – поступать в этот самый Всесоюзный государственный институт кинематографии. И конечно же провалился! Через год снова поехал туда – результат тот же...

«После очередной неудачной попытки поступления, – делился Юрий Яковлевич, – подошёл ко мне преподаватель Роман Николаевич Ильин и сказал: «Ты никогда не поступишь во ВГИК, пока не сменишь место работы. Как ты будешь с помощью теодолита и нивелира снимать кино? А где ты будешь проявлять плёнку, курсовые работы делать?»

Эти слова dokonали нашего 23-летнего героя. И Светлаков всерьёз приступил-таки к реализации детской мечты: устроился ассистентом кинооператора на Кемеровскую студию телевидения (КСТ). Это случилось в 1961-м. Вчитаемся в строки его книги «Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях», выпущенной в 2007 году:

«7 сентября 1963 года я утром, примерно в полдесятого, зашёл с заявлением об увольнении к главному архитектору города Прокопьевска Григорию Александровичу Глову. Говорю: «Извините, я, как положено, отработал у вас геодезистом трёхгодичный срок после техникума, поеду устраиваться на студию телевидения с прицелом потом поступать во ВГИК».

В тот же день, 7 сентября 1961 года, ярко светило послеобеденное солнце, золотилась листва, было тепло и даже жарко. Пахло полынью. Куда ни кинь взор – кругом поля, только вдали стояли телевизионная вышка и два строения: одно из них – сама студия, другое – жилой дом. Я в кирзовых сапогах, с фотографиями под мышкой шёл на окраину города Кемерово устраиваться на работу.

На втором этаже студии в кабинет директора вела длинная ковровая дорожка. ...До сего дня осталось ощущение, что топчу их чистые ковры своими сапогами. В приёмной встретила улыбчивая секретарша Люся Дурасова (потом стала Поляковой). В кабинете директор Дмитрий Иванович Култаев вызвал по телефону оператора, чтобы оценить мои фотокарточки. Через минуту в кабинет, как ветер, ворвался, как я потом узнал, кинооператор Виктор Фотин. Со скоростью 24 кадра в секунду просмотрел фотографии и улетел, на ходу бросив: «Берём!» Так я был принят на работу ассистентом оператора, с окладом 300 рублей...».

А ведь геодезистом он получал 1300 рублей в месяц. Это как же надо желать нового дела, чтобы согласиться на четырёхкратное снижение личного дохода?! Юрий Яковлевич признавался потом, что деньги в его жизни никогда не занимали главного места. Важней было как можно скорее освоить операторскую специальность:

«Не в деньгах счастье», – это правило было для меня основным. В конце дня тот же Виктор Фотин посадил меня на свой мотороллер, который через каждые 100 метров чихал и останавливался, так что пришлось мне его толкать до Южного посёлка, где Фотин устроил мне ночлег в кладовке у своей первой жены. Там я жил, пока не устроился в общежитие в студийном доме. На следующий день с оператором Анатолием Кандинским – «Кандеем» поехал на съёмки в Белово на цинковый завод. Там под лестницей, в пыли и грязи, в мешке перезаряжал кассеты от «Пентафлекса».

Это была довольно новая – по тем временам – 16-миллиметровая кинокамера, которую КСТ получила не так давно. В 1961 году на телестудию пришла и первая

проявочная машина для обработки 16-миллиметровой киноплёнки. Техника казалась тогда просто фантастической. Новоиспечённый ассистент оператора принялся скрупулёзно вникать во всякие тонкости, чтобы снимать не хуже Фотина или Кандинского.

Вечером того же дня они «отметили» первую для Светлакова съёмку, да так, что с той поры Юрий решил вообще не пить спиртного. Он, впрочем, и до этого-то не пил. К сожалению, немало операторов-коллег Юрия Яковлевича печально завершили карьеру из-за чрезмерного пристрастия к «зелёному змию». У Светлакова же на жизнь были другие планы...

Вскоре Юрий перебрался в телевизионную общагу. Она была на первом этаже студийного дома. В одной комнате, – вспоминал новый сотрудник КСТ, – жил инженер телецентра Шая Гершкович Гандельман со своей семьёй. По ночам слышно было, как он ходил по коридору, убаюкивая плачущего ребёнка. В другой маленькой комнатке жили две девчонки. В большой проходной комнате, куда поселили Юрия Светлакова, стояли четыре кровати с тумбочками. На одной из них он и ютился. Но бытовые проблемы мало волновали нашего героя, потому что он по-настоящему влюбился в телевидение, в свою работу. А всё остальное в молодые годы лишь усиливало его любовь.

Кстати, к этому времени на КСТ сложился хороший творческий коллектив: местные телепередачи уже выходили в эфир несколько лет. Ведь областное телевидение в Кузбассе стартовало в 1958 году. Если самое начало вещательной истории Кемеровской студии изложить коротко, это выглядит примерно так:

22 апреля 1958-го в 20:00 с объявления диктора Татьяны Андрюшиной (Болотниковой) в Кемеровской области началось первое пробное телевещание. В первый раз показали мультик, затем транслировали художественный фильм «Семья Ульяновых». Закрала программу этого дня диктор Галина Шевелёва (Скударнова).

1 и 2 мая пробные передачи были продолжены. 31 мая этого года вышли в эфир первые теленовости – еженедельная программа под названием «Неделя Кузбасса». 24 сентября в прямом эфире КСТ из малой студии был показан первый телеспектакль «Молодой человек», над которым работали старший режиссёр КСТ Леонид Швидко, телеоператоры Юрий Командиров и Вадим Литвинов.

До 28 декабря передачи выходили на КСТ три дня в неделю. А с 28 декабря 1958-го постоянные передачи начались пять дней в неделю. Если вещи называть своими именами: пять программ в неделю для работников ТВ – просто потогонная система. Работы было, как говорится, выше крыши. Вот в такую рабочую атмосферу и окунулся Юрий.

Самыми близкими людьми для него стали коллеги-кинооператоры первого призыва. Их было не так уж много: Вадим Литвинов, Виктор Воронов, Анатолий Кандинский, Владимир Каменев, Эдуард Благодаров, Виктор Фотин, Анатолий Пилипенко. У каждого из них была разная, не всегда «ровная» творческая судьба. Однако каждого из них Юрий Яковлевич всегда вспоминал с уважением.

Анатолий Еварестович Кандинский стал для начинающего Светлакова наставником – учил, советовал, показывал, как надо. Анатолий был родом с Сахалина, на восемь лет старше Юрия, и до КСТ уже успел поработать на Новосибирской студии кинохроники, где принимал участие в съёмках кинофильмов, делал сюжеты для киножурнала «Сибирь на экране».

«Первый наставник мой, Кандей, бывало, встанет как вкопанный и снимает, снимает, снимает...» – подшучивал ученик над учителем.

Тем не менее, именно Анатолий Кандинский после одной из командировок подарил ему книжку «Сергей Эйзенштейн. Избранное» со словами: «Вот у кого учиться надо!» И это – очень важный момент. Надо было думать, как снимаешь, что снимаешь.

Начали появляться и первые радости – из ранних самостоятельных кадров Юрия режиссёры монтировали сюжеты, репортажи, досъёмки-видеовставки в телепередачи. Имя оператора называли в телеэфире, а он в ответ старался делать ещё больше, ещё лучше.

3.

За два первых года работы на КСТ Юрий Светлаков научился многому. Умел не только держать кинокамеру, мог набросать текстовку к сюжету, и, если надо, садился за монтажный стол.

Но желание производить настоящее, профессиональное кино его не отпускало. И летом 1963 года он в третий раз отправился в Москву, чтобы вновь попытаться счастье в институте кинематографии. Друзья и коллеги понимали и поддерживали его стремление. А вот родные, не скрывая, осуждали, вспоминал он с иронией:

«Обычно моей матери говорили: «Вот закончит твой сын какую-то ГИКу, кем работать будет? В лучшем случае – киномехаником в Островском!» А киномеханик для них был хуже сапожника, ибо, если во время показа фильма рвалась плёнка, и в кинозале внезапно включался свет, то зрители вскакивали с мест и орали: «Сапожник!»

Но парня уже было не остановить. В Москве абитуриента Светлакова поселили не во ВГИКовское общежитие, как бывало раньше, а в четырёхместный номер гостиницы «Турист». И здесь приключилась настоящая беда: буквально в первый же день соседи по номеру украли у него деньги.

Кража была обставлена до банальности просто. Утром он пошёл умываться, а когда вернулся, в номере – никого. На стуле около кровати лежит его паспорт и обратный билет в Кемерово, который он купил. «Добрые» воры оставили ему несколько рублей. Все остальные деньги из пиджака исчезли. Милиция в поиске не помогла.

Сначала Юрий был на грани нервного срыва, так как впереди месяц жизни в столице. Как его пережить без финансов, да ещё и экзамены надо сдавать?! Но этим-то и отличался советский социализм от российского капитализма: жили небогато, но с голоду никому умереть не давали.

Было такое постановление руководства СССР: чтобы во всех столовых лежал бесплатный белый и чёрный хлеб. В столовой гостиницы «Турист» порция манной каши стоила 10 копеек, чай – 3 копейки. И тарелки дарового хлеба на столиках стояли всегда. Юрий всё посчитал, учёл и решил, что это испытание осилит: «Я не сдамся, как-нибудь выживу!» И полуголодным держал вступительные экзамены...

Общеобразовательные предметы Светлаков сдал очень хорошо. А вот сочинение написал на тройку. Но, чтобы оказаться в отряде ВГИКовцев, нужно сдать обязательный экзамен по фотографии. Тут крылась особая сложность для абитуриентов.

«Во-первых, надо представить комиссии фотографии, снятые дома, – рассказывает Юрий Яковлевич в своей книге, посвящённой 100-летию ВГИКа. – Во-вторых, тебе выдают две новые фотоплёнки, подписанные и пронумерованные. На эти плёнки ты должен снять два момента: один – в павильоне в течение четырёх часов. Должен снять «гипс», «портрет» и «натюрморт». А потом бежать на ВДНХ (обычно все там снимали) и там снять натурный репортаж из пяти фотографий. После этого надо сразу вернуться во институт и проявить плёнки».

Всё – не так просто, как кажется! Представьте себе конкурс: на одно место на операторском факультете претендуют 40 абитуриентов! И вот тут-то происходят разные «фокусы», вспоминал наш кандидат в студенты, имея за плечами уже две неудачных попытки. Для обработки фотоплёнок всем претендентам выдают уже готовый, разведённый проявитель и фиксаж в бутылках. Могут случайно «перепутать» бачки и засветить плёнку? А почему нет, чтобы вышибить лишних из конкурса. Или, например, во время зарядки плёнки в фотобачок кто-нибудь «нечаянно» включит свет. И всё – плёнка засвечена, другой плёнки нет – вылетел. Ещё один кандидат вылетает. Так что, будь предельно внимателен, Светлаков! – приказывал он себе.

Его «домашние» фотографии приняли на экзамене хорошо: «Фотографии, снятые дома, и те, что были сняты мною в ходе экзамена, я показал экзаменатору – какому-то дедушке, – делился Юрий Яковлевич. – Меня никто до этого никогда особо не хвалил, но когда он посмотрел мои карточки, увидел мою малину с молоком и корочкой хлеба, портреты Вовки, Наденьки и другие фотографии, он стал с восторгом говорить: «Ой, какая вкусная малина! А мальчишка-то весь в грязи! Здорово!»

И дедушка поставил ему «отлично».

Лишь потом Юрий узнал, что дедушка этот на самом деле «отец русской операторской школы» – как написано в «Кинословаре» – Александр Андреевич Левицкий. В своё время он снимал Ленина и Маяковского, снимал фильм «Приключения мистера Веста в стране большевиков» и много чего ещё. И долгие годы работал преподавателем во ВГИКе.

Однако и это было ещё не всё. Самый страшный экзамен – собеседование. Комиссия никогда заранее не сообщала, на какую тему будут задавать вопросы претенденту на студенческое место. Поэтому среди абитуриентов бытовало

поверье: как ни готовься, всё равно не ответишь. Но Светлаков рискнул, и на комиссии вышел примерно такой диалог:

«Меня тогда, когда поступал третий раз, спросили:

– Ты художников знаешь?

Я говорю:

– Знаю!

– Ну, назови!

– Венецианов.

– Картину назови.

– «На пашне».

– Что там изображено?

– Какая-то девушка.

– Во что девушка одета?

– В сарафан.

– Какого цвета сарафан?

– А я чёрно-белую репродукцию видел...

– А сколько там лошадей?

– Я помню двух.

А там оказалось ещё две лошади. И всё время ассистент повторял: «А что ж ты ничего не знаешь?» По правде говоря, я в то время почти ничего не знал. Не помогло ни хождение по всяким лекториям по изобразительному искусству, ни чтение толстых книг, включая известного искусствоведа Михаила Алпатова».

Вспоминая этот эпизод, Юрий Яковлевич привёл пример уже из своей преподавательской практики в Кемеровском институте культуры:

– Спрашиваю на экзамене студентку кафедры фотовидеотворчества: «Назови любого оператора, и какой фильм он снял?» Молчит. «Ну, хотя бы ты Ленина знаешь?» – «Знаю!» – «Кто это?» – «Памятник на площади»...

В общем, собеседование он всё-таки прошёл. И по итогам вступительных экзаменов набрал нужное количество баллов – ровно столько, сколько надо. Когда же в день зачисления в вывешенных в фойе института списках поступивших своей фамилии не нашёл, его снова охватило отчаянье. Но, длилось оно ровно минуту. Быстро набрался храбрости и помчался к ректору ВГИКа Александру Николаевичу Грошеву. Не раз слышал, что тот, как никто другой, помогал студентам в сложных ситуациях. Юрий сумел пробиться в ректорский кабинет и рассказать ему и про детские увлечения, и про телестудию, и про то, что без денег прожил весь месяц:

«Ректор спросил: «А ты что, очень хочешь учиться?» Я дрожащим голосом тихо произнёс: «Очень!» Было такое состояние, будто я на «Титанике», когда тот шёл ко дну. Александр Николаевич, недолго думая, сказал: «Ну, иди, учись!» Я выскочил из кабинета ректора... Не зная, куда идти, не ведая с кем поделиться радостью!»

Так Юрий Светлаков стал студентом-заочником ВГИКа.

Учиться без отрыва от производства не так-то просто. Кто проходил это, знает. Помнится, я и сам учился заочно, получая второе высшее образование. Между сессиями не всякий сможет делать «на удалёнке» вечерами, в кругу семьи, «домашние задания» высшей школы. Вырвешься, бывало, из непрерывного трудового процесса на месяц на сессию в другой город: а там надо и кучу лекций выслушать, и переварить материал, и письменные работы подготовить, и экзамены сдать. Тяжелейшая задача, которую решаешь в течение нескольких лет...

На операторском факультете преподавали легендарные личности: Александр Андреевич Левицкий, Анатолий Дмитриевич Головня, Паола Дмитриевна Волкова, Виктор Борисович Шкловский. Было у кого поучиться.

«На первой лекции заведующий кафедрой Головня, – делился Юрий Яковлевич, – сказал нам такую фразу: «Дэточки, в Советском Союзе есть три великих оператора – Андрей Москвин, Эдуард Тиссэ и Анатолий Головня. Поэтому их работы надо видеть и знать». В другой раз сказал: «Снимать надо резко». На следующей лекции, через день-два, мы его спросили: «Анатолий Дмитриевич, а что самое главное в операторском деле?» Он ответил: «Композиция».

Фильм А. Д. Головни «Потомок Чингисхана» Юрий смотрел, как и «Чапаева», много раз. Самым незабываемым был первый просмотр этой ленты – в Прокопьевске, в ДК шахты имени Ворошилова, что на Берёзовой роще. Юрий сидел на балконе, отчего у него возникало «ощущение полётности»: «Я тогда не знал, что такое чудо сотворил со мной кинооператор, и что когда-то я буду сидеть на лекциях у кинооператора этого фильма. Увижу почти все его фильмы. Услышу много его советов о том, как самому снять фильм».

Потом был экзамен по операторскому искусству, который считается на факультете одним из самых сложных. В Москве в этот день стояла солнечная, морозная погода, а в аудитории было тепло. Но очередных студентов знобило на нервной почве: несколько человек получили «неуды». Юрий заглянул в билет соседа по парте: у того оказался вопрос «Работа оператора в экспедиционных условиях», – и предложил ему поменяться билетами. Тот отказался, пошёл отвечать и тоже «завалился». Настала очередь Светлакова:

«Я нормально ответил на первый вопрос. Когда отвечал на второй, Анатолия Дмитриевича Головню куда-то вызвали. Но вскоре он вернулся. Я начал что-то мямлить, но меня выручил руководитель нашей мастерской документального кино и телевидения Павел Алексеевич Ногин, сказав на ухо Головне, что «этот парень придумал и создал аппарат для съёмки и показа широкоэкранный кино». Мне поставили «четыре». Я увидел, как солнечные зайчики на полу запрыгали!»

Студентам операторского факультета преподавал и Александр Григорьевич Симонов. На лекциях он часто показывал слайды с кадрами из фильмов. Автор многих статей об известных кинооператорах, он был вторым оператором на съёмках фильма о целине «Первый эшелон», который снимал С. П. Урусовский.

На факультете читал лекции Роман Николаевич Ильин, автор известного в профессиональной среде учебного пособия «Мастерство оператора кино и телевидения» и других книг. А когда студенты слушали выступления

преподавателя Паолы Дмитриевны Волковой, удивлялись бывало: зачем она рассказывает такие вещи, которые не совмещаются с тем, чему учили в школе?!

Борис Николаевич Симолин, в отличие от других преподавателей, никогда не приносил на лекции никаких репродукций картин. Их содержание он воспроизводил в аудитории жестами. Бывало, Борис Николаевич встает в позу богини, маленький, в нечищенных ботинках, в брюках с пузырями на коленках, поднимает руки, словно крылья... Это была первая часть знакомства с картинами известных мастеров. Вторая часть проходила в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Симолин на подлинниках показывал и объяснял манеру письма Ван Гога и Гогена, лучезарную живопись импрессионистов Моне и Мане.

Автор книги «История зарубежного кино» Сергей Васильевич Комаров читал курс истории и теории зарубежного киноискусства...

Появление в институте Виктора Борисовича Шкловского, остроумного писателя и кинокритика – это всегда событие. Его рваная, полная афоризмов речь была просто неподражаема. Незабываемыми были встречи с фронтовым кинооператором, режиссёром документального кино, сценаристом и публицистом Владиславом Владиславовичем Микошей и другими.

Заочник Светлаков любил учить уроки в метро. На кольцевой линии садился в угол вагона и зубрил конспект или учебник. В памяти откладывались названия остановок, которые объявляли по вагонному радио, например, «Проспект Мира». Потом на экзамене вспоминал, на какой остановке читал об этом, – и всплывал нужный ответ на вопрос.

Спектр специальных предметов, которые постигали будущие кинооператоры во время учёбы во ВГИКе, весьма разнообразен: «Введение в кинотехнику», «Киносъёмочная аппаратура», «Кинофотопроцессы и материалы», «Киносъёмочная оптика», «Киносветотехника и экспонометрия», «Цветоведение и цветовоспроизведение», «Фотокомпозиция», «Специальные виды съёмок», «Комбинированные киносъёмки», «Техника и технология видеосъёмок». Все они служили основой для главного курса – «Кинооператорское мастерство», задача которого – сформировать оператора как художника, способного применить полученные знания для создания фильма.

Юрий учился «без хвостов», проявлял упорство и усидчивость в работе над рефератами и курсовыми, успешно изучал и сдавал предмет за предметом. Хотя были и свои проблемы, и казусы. Впрочем, у кого из студентов их не бывало?!

В своих книгах он приводит такой пример:

«В задание по курсу «Комбинированные киносъёмки» входило следующее: съёмка макета, перспективное совмещение, многократное экспонирование, съёмка на фоне экрана и применение разнообразных оптических насадок. И после всей съёмки мне в проявочной в буквальном смысле сварили негатив. Во время сушки остановилась проявочная машина и негатив «потёк». Изображение при просмотре «качалось», как при землетрясении. Что делать? Переснимать – не было времени. Отпечатали копию. При защите сказал, что так специально задумано. Преподаватель курса, известный специалист по комбинированным съёмкам Борис

Фёдорович Плужников отметил новизну решения и сказал: «Никто никогда, даже в профессиональном кино такого не делал». Так я защитил загубленную съёмку».

В атмосфере многих ограничений 1960-х годов ВГИК продолжал оставаться неким островком свободы, где преподаватели по-прежнему учили своих студентов независимо мыслить, искать себя и находить свой путь в жизни и в искусстве. С каждым пройденным курсом Юрий всё глубже проникал в тайны профессии съёмщика.

«Главное, чему нас учили, – видеть мир по-своему, – уверен Юрий Яковлевич. – Учили зрительной культуре. Учили тому, что если люди теряют визуальную культуру при восприятии действительности, то они теряют свою индивидуальность, теряют способность к самопознанию».

Наконец, зимой 1969 года состоялась защита его дипломной работы. Это был небольшой фильм с простеньким названием «В лесу родилась елочка». Сначала его показали на экране в актовом зале, а потом комиссия перешла в аудиторию для обсуждения. Юрий волновался как никогда. Хотя, ему, уже не раз участвовавшему в работе над документальным кино на Кемеровской студии, многое было по плечу. Однако это же диплом во ВГИКе!

Тему фильма ему задал руководитель диплома Олег Александрович Родионов, который поставил задачу: «Юра, снимай красиво, красиво и ещё раз красиво». Сюжет кино был прост, как в известной песне «В лесу росла ёлочка»: её под Новый год срубили, принесли домой, нарядили, повеселились и... выбросили.

Тем не менее, на защите нашего героя, что называется, захлёстывали эмоции. С волнением помог справиться профессор кафедры операторского мастерства ВГИКа, лауреат Ленинской премии Сергей Евгеньевич Медынский.

«Это было 31 декабря 1969 года, – подчёркивал Юрий Яковлевич, – в вечер под Новый год. Медынский подсел ко мне и давай рассказывать про свою дочку, про то, как он её водит в детский сад. Я даже сердиться начал: чего он мне это рассказывает? Мне же сейчас выходить, защищаться!

Однако нервная дрожь прошла! Мне поставили хорошую оценку за фильм: там я придумал всякие финтифлюшки – три экрана, фильтры разные на камеру приспособливал, тот же калейдоскоп, использовал дымовые шашки...

Выступила рецензент с «Мосфильма», похвалила съёмочные придумки. Потом я что-то пролепетал в ответ на вопрос члена комиссии: «Стоит ли рубить ёлки под Новый год?» На том защита закончилась. Ко мне уже в дверях подошёл Анатолий Дмитриевич Головня, похлопал по плечу и сказал: «Дэточка, коль ты начал всё делать сам, то и дальше будешь делать всё сам!»

Спустя время пророческие слова великого мастера сбылись...

Ещё Юрий Яковлевич в этот день запомнил, что в коридоре ему передали телеграмму из Кемерова, в которой директор Кемеровской студии телевидения, он же заместитель председателя областного Комитета по ТВ Юлиан Аронович Вишневский поздравил своего сотрудника с успешной защитой. Добрая весточка из дома добавила хорошего настроения.

Впрочем, самокритичный выпускник был недоволен своей дипломной работой и в этот же день, ровно в 00 часов, под бой Кремлёвских курантов, утопил копию своего фильма в проруби Москвы-реки... Вроде как бы подвёл черту под завершением учёбы:

«Когда я окончил ВГИК, во многом освободился от груза ненужных понятий. Главное, чему меня научили во ВГИКе, – быть самим собой и самостоятельно мыслить. Теперь мне навсегда стало важно самому разбираться в любых вопросах, заниматься тем, к чему душа лежит.

При этом, работать в коллективе, «в колхозе» я так и не полюбил, а после ВГИКа – и подавно».

4.

А на КСТ его по-прежнему ждала операторская работа. Да он её и не прерывал – учился-то заочно. Поэтому и в годы учёбы вместе со всеми операторами КСТ снимал сюжеты для ежедневных теленовостей, делал подсъёмки для больших «цикловых», как их называют специалисты, передач, которые вели редакторы Владимир Цукров, Владимир Аренский, Нэлли Ермакова или Зоя Естамонова, дикторы Галина Скударнова или Татьяна Болотникова. Из режиссёров Юрию хорошо работалось с главрежем КСТ Виктором Яковлевичем Руденским, Верой Владимировной Снегирёвой, которую на студии называли Бабой Верой, Фёдором Мефодьевичем Ягуновым, Геннадием Михайловичем Митякиным.

Бывало, выпускника нет-нет да ехидно «подкалывали», типа: «Мы ВГИКов не кончали». Или: «Дворник должен быть дворником, а оператор – оператором». Звучало обидно, но старался не подавать вида или отшучивался. Всё же за годы учёбы придали мудрости горячему прокопьевскому парню.

Телевидение – дело коллективное. Однако Юрий Светлаков всё больше любил действовать самостоятельно. А из всех прочих жанров отдавал предпочтение документальному фильму и киноочерку.

«До того, как я вышел на тропу ведущего передач «Киолетопись Кузбасса», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом» и других, был просто кинооператором, или иначе – съёмщиком, а ещё точнее, «режопером» (режиссёром-оператором), – делится он в своих мемуарах. – Снимал фильмы, очерки, сюжеты. Одна из первых моих самостоятельных съёмок была в Горной Шории. Ничего нет лучше гор! Поэтому и в дальнейшем чаще всего снимал или в Горной Шории, или в Горном Алтае».

И дело не столько в самих горах, ему нравилось снимать людей, которые там живут, их характеры. В районе Поднебесных Зубьев он снимал туристов из Междуреченска для фильма «Март. Горная Шория». Одним из первых на КСТ он начал снимать на кинокамеру концертные ролики на натуре.

Одной из его самых известных операторских работ середины 1960-х годов – времени его заочного обучения в институте кинематографии, – отмеченной и зрителями, и специалистами, стал единственный на КСТ детский игровой художественный фильм «Граница на замке», вышедший на экран в 1966-м. Светлаков стал главным оператором этой ленты. Идею фильма придумал журналист Илья Ляхов и вместе с писательницей Любовью Скорик создал сценарий

этого кино и стал его режиссёром. Главные роли исполнили кемеровские школьники. Там были и приключения, и диверсанты, и смелые пионеры.

Среди множества документальных фильмов и киноочерков оператора Светлакова начала 1970-х выделяю киноочерк «В небе Владимир Мартемьянов» (автор сценария и текста Геннадий Митякин). Юрий несколько раз переделывал эту работу – ему хотелось по-настоящему раскрыть перед зрителем жизнь и судьбу бесстрашного лётчика-спортсмена, чемпиона мира и СССР по высшему пилотажу. В октябре 1970 года в Кемерове состоялась творческая конференция кинематографистов Западной Сибири, где Кемеровская студия продемонстрировала участникам форума эту работу, заслужившую самую высокую оценку профессионалов.

– Владимира Мартемьянова я впервые увидел осенью 1963 года на огороде – он копал картошку, – повествовал Юрий коллегам непростую историю создания ленты.

– Спросил у соседей: «Кто такой?» Мне сказали, что он лётчик и летает на спортивных самолётах. Узнав, когда у него тренировки, поехал на старый аэродром просто посмотреть. Впечатление было чарующее. Он летал как птица, даже лучше птицы. Я как будто слышал музыку полёта.

Это был первый толчок к замыслу будущего фильма. На следующий день Юрий пришёл к директору студии с просьбой разрешить снять очерк о Мартемьянове. В пылу доказательств уверял: «Вот увидите, он станет чемпионом страны по высшему пилотажу!» На что директор ответил: «Вот когда станет чемпионом, тогда и разрешим».

По существующему порядку, чтобы снять кино, надо было написать подробный сценарий, утвердить его на худсовете КСТ. Иначе ни метра плёнки на съёмку не дадут. Прошёл год. Мартемьянов завоевал звание абсолютного чемпиона СССР по самолётному спорту.

– Я снова к директору: «Вот увидите, он будет чемпионом мира». Директор сказал: «Вот когда станет чемпионом мира, тогда посмотрим, снимать или не снимать». Не стал я ждать чемпионата мира, без спроса снял несколько кадров тренировок на клочках плёнки. Чтобы не мешать лётчикам, снимал их издалека с помощью длиннофокусной оптики.

Прошёл ещё год. Мартемьянов в испанском городе Бильбао завоевал звание абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу. В Кемерове на стадионе «Химик» ему устроили торжественную встречу, где Юрий снял ещё несколько кадров. И написал ещё одну безуспешную заявку...

– А 13 апреля 1970 года, возвращаясь из командировки, мне говорят: «Твой Мартемьянов погиб». Во время тренировочного полёта под Пятигорском у самолёта оторвало крыло. Директор приказал: «Снимай!», – и даже дал командировку в Москву, в киноархив, чтобы найти кадры Мартемьянова, отснятые другими операторами. Их оказалось до обидного мало. Что делать? Снял о нём рассказы: матери, лётчиков, брата Анатолия, художника Владимира Сотникова, поэта Игоря Киселёва. Снял несколько фотографий и из этого смонтировал два фильма. Один продолжительностью 10 минут, другой 30. До сих пор жалко, что снял

так мало. Первый 10-минутный фильм не раз показывали и по телевидению, и в кемеровском кинотеатре «Юбилейный». Другой, 30-минутный, почти никто не видел.

Благодаря работе Светлакова, для нас лётчик Мартемьянов остался на экране непобеждённым чемпионом мира по высшему пилотажу, заслуженным мастером спорта, неоднократным чемпионом СССР, элегантным пилотом планеты.

– Мне хотелось рассказать о нём, как о человеке удивительно скромном и интересном, горячо влюблённом в небо. Удалось ли это – судить зрителю, – считал Юрий.

Могу заверить однозначно: удалось!

У Светлакова в те годы вышла целая серия современных, крепко скроенных, интересных документальных фильмов. Давайте вспомним хотя бы некоторые.

«Шахтёрский огонёк» (об известном кузбасском танцевальном коллективе из ДК Шахтёров города Кемерово, 1971), «Сегодня и много лет назад» (о легендарном шахтёре Алексее Стаханове, соревновании угольных бассейнов Кузбасса и Донбасса, 1971), «Свободнаяковка» (о Герое Социалистического Труда кузнеце Ф. К. Покровском, 1972; фильм получил первую премию областного конкурса Союза журналистов), «Половодье» (об Объединённом диспетчерском управлении энергосистемы Сибири, 1973), «Три смены» (о бригаде проходчиков Ивана Калюги с шахты «Краснокаменная» города Киселёвска, 1977), «Если не мы, то кто же» (о молодых строителях, которые возводят новую музыкальную школу, 1979), «Вечный двигатель инженера Грибанова» (о таланте энергичного и равнодушного изобретателя, 1980), «Все ушли на фронт» (о судьбах людей в годы Великой Отечественной войны, 1983)...

Список документальных теле- и кинофильмов, снятых Юрием Яковлевичем в 1960-1980-е, можно ещё продолжать: «Преодолеть себя» – о цирковой студии посёлка Инской; «Хор» – о детском певческом коллективе города Прокопьевска; «Микрофон для всех» – о самодельных композиторах Кузбасса...

И это далеко не полный перечень. Он делал своё кино о людях и для людей, потому что был уверен: главным действующим лицом на телевидении был и остаётся зритель: «Зритель никак не влияет на показ передач и фильмов. Бесправный зритель прощает нам многое, но только не ложь. Ну, не нравится ему передача – просто выключает телевизор».

Главная тема фильмов Юрия Светлакова 60-80-х годов – талантливый, простой человек с его жизнью и судьбой. Сегодня, к сожалению, эта тема «прочно» вышла из телемоды. Сейчас об этом уже не снимают фильмов и не показывают передач. Тогда – иное дело!

«Порой мы знаем больше о Достоевском, который прожил в Кузнецке несколько дней, чем о тех, кто прожил в Кузбассе всю жизнь и оставил заметный след в его истории, – особо отметит однажды Юрий Яковлевич, вспоминая о людях Земли Кузнецкой, которые повстречались на его кинооператорском пути, о ком снимал телевизионные фильмы, кто попадал, по его разумению, под категорию немодного сегодня понятия «энтузиаст».

«В то время, когда я снимал эти очерки, не думал, не гадал, что они могут стать историческим документом. Просто мне нравились эти люди своей искренностью, своим обаянием, своим энтузиазмом. Для меня слово энтузиаст несмотря на то, что оно иностранное, – глубоко русское. Была на Руси такая категория людей, сохранивших генную память предков. В былые времена их называли ведами – ведающими, с некоторой условностью – энтузиастами. ...Их характерные черты без расшифровки: стремление к большой идее, бескорыстное служение своему делу, благородство, целеустремлённость, одержимость, жизнь по совести. По теперешним меркам – они просто придурки. Как это жить, не стремясь к материальным благам?!»

Елена Юрьевна Светлакова, дочь Юрия Яковлевича, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой фотовидеотворчества Кемеровского государственного института культуры, проанализировала в одной из публикаций прошлый интерес к документальному кино:

«...За годы «оттепели» на Кемеровской студии телевидения было снято около ста очерков, из них почти каждый третий – портрет».

Документальное кино тех лет, которым на КСТ целенаправленно занимался Юрий Яковлевич, по мнению специалиста, отличается особым вниманием автора к эмоциональным переживаниям героев, преодолевающим трудности. В фильмах превалирует активное авторское начало оператора, который с помощью своей камеры «проживает» жизнь вместе с героем, даже присутствует в кадре, ведёт с героем непринуждённый разговор, таким образом раскрывая не только его характер, но и себя как автора.

А героя данного очерка эти годы напряжённого труда снова и снова укрепляют в мысли о том, что он в «своём кино» всё должен и уметь, и делать сам.

Он признаётся: «На студии для меня основным правилом окончательно стало: «Делай всё сам». С той поры и «шарупил», как говорил мне друг детства, всё сам: снимал, монтировал, озвучивал, и так далее».

Развитию его таланта помогало и то, что техника и технология производства на телестудии не стояли на месте. Светлаков с удовольствием постигал и осваивал всё новое, не забывая вздыхать об уходящем:

«Раньше, едешь на съёмку – справа аккумулятор, слева магнитофон. В одной руке микрофон, в другой – камера под шестнадцать килограммов. Как новогодняя ёлочка! Сейчас, конечно, легче, но мы утратили какой-то контроль над собой. Сейчас можно «поливать и поливать», снимая километры видеоматериала. Потом выбирать и выбирать из него то, что нужно. А в то время, прежде чем нажать на кнопку, надо было соображать, что снять и как снять. Дали тебе 30 метров плёнки – из них 28 должны быть полезными. Это очень важный момент...».

5.

Кинооператор, затем оператор-режиссёр. Карьера Юрия Светлакова на КСТ складывалась удачно. Постепенно он «дорос» и до того, чтобы стать ведущим телепередач областного телевидения.

По-другому, наверное, и быть не могло. Во-первых, он – человек с творческими амбициями. Во-вторых, накопил немалый опыт работы на ТВ и знания жизни, которыми хотелось делиться с людьми. В-третьих, и об этом уже не раз говорилось, хотел всё на телевидении делать сам. И работа в кадре в качестве ведущего стала очередным шагом к этому.

Список аргументов можно продолжать: в-четвёртых, Юрий постоянно учился мастерству у коллег. Например, у легендарного, очень популярного диктора и ведущей программ КСТ Галины Сергеевны Скударновой, которую он чрезвычайно уважал и... боялся.

У неё было чему поучиться: «Это была Диктор! В то время о телевидении судили по диктору, а потом уже по передачам. Тогда, я, честно говоря, боялся Галину Сергеевну с её правильной речью, как строгую учительницу русского языка», – признавался он с улыбкой.

И в самых первых передачах, где Юрий Светлаков выступает в роли ведущего, как бы «просвечивает» то самое неуловимое скударновское: обаяние, смысловая точность формулировок, доброе, трепетное отношение к персонажам своих программ.

Цикл авторских телепрограмм, который он задумал вести на КСТ, назывался «Кинолетопись Кузбасса». Первая передача вышла в эфир 17 марта 1976 года. С неё и начался новый этап в работе Светлакова.

Он давно замышлял делать для зрителей нечто подобное: рассказывать истории о том, где, что и как снимали о Кузбассе на киноплёнку хроникёры 1920-х – 1940-х годов. Идея родилась, когда в 1967 году по Центральному телевидению показали 50-серийный фильм «Летопись полувека», и он увидел, как в одной из серий промелькнуло несколько кадров о Кузнецком угольном бассейне:

«У меня возникла мысль: по возможности собрать сохранившиеся кинокадры о городах, шахтах и заводах нашей области. И не просто собрать, а исследовать, где, кем и когда это снято, и рассказать об этом зрителям».

В те годы киносъёмки нашего региона центральными киноорганизациями носили случайный характер. Ощущалось отсутствие собственного кинопроизводства в Сибири. В начале 30-х годов сибирская кинохроника была лишь отделом московской фабрики «Союзкино». Лишь затем была выделена в самостоятельную единицу. Снятые в Сибири фильмы и документы Юрий «откапывал» в архивах и музеях Москвы и Ленинграда, Новосибирска и Томска, Красноярска и Кемерово. Встречался с кинооператорами и участниками съёмок.

«Я вёл поиск кинодокументов далеко не регулярно. Надо было выполнять основную работу кинооператора телевидения. Но иногда выпадали счастливые минуты просмотра кинохроники на экране... Работа оказалась долгой и кропотливой. В конце концов, находки дали большой материал для размышления и работы над передачей».

Задачи, которые автор ставил перед «Кинолетописью», были благородными: «Через многие годы день, запечатлённый в кадрах киноплёнки, снова оживёт на

экране, и притихнет зритель, смолкнут дети. Киноленты памяти помогут им лучше узнать прошлое, понять настоящее и увидеть горизонты будущего».

Конечно же, Юрий Яковлевич понимал, что главной темой, привлекавшей в Кузбасс первых кинохроникёров, были уголь, шахты, их строительство, труд горняков. В этом направлении и вёл розыск. Часто натывался на небольшие фрагменты, случайные «куски» в лентах больших фильмов. И от души радовался этим находкам.

Иногда его поиски плёнок о Кузбассе напоминали настоящий детектив. Вот пример его разысканий кинокадров 1930-х годов о строительстве прокопьевских шахт. В краеведческом музее Прокопьевска он увидел фотографию с надписью: «Лучшая ударная бригада на руднике в 1934-1936 гг. Бригадир Нефёдов Л. Р. Шахта 5-6». Но не бригада привлекла его внимание, а киносъёмочный аппарат на фото, осветительные приборы и люди явно не горняцкой профессии. Кто они? Как попала эта фотография в музей? Михаил Георгиевич Елькин, в то время директор музея, сказал, что этот снимок нашёл среди бумаг отца, который был проформом в бригаде Нефёдова.

— А кто эти люди с кинокамерой? — спросил Юрий у директора музея.

— Как рассказывал отец, приезжала из Москвы специальная съёмочная группа, которая делала фильмы о бригаде. Точно отец не помнит, кто это был, но он называл фамилию Роома, который и подарил ему на память эту фотографию.

В «Кинословаре» Юрий прочитал: «Роом Абрам Матвеевич...» Там же напечатан и его фотопортрет. Похож на человека с музейной фотографии? Похож. Написано: «В 1930 г. Роом поставил первый экспериментальный советский звуковой фильм «План великих работ», широко показанный по всей стране». Теперь остаётся найти этот фильм, посмотреть, есть ли там кадры прокопьевской бригады Нефёдова, и можно считать поиск законченным.

Но вот тут-то — неудача. В фильмографии напротив названия «План великих работ» надпись: «Фильм не сохранился». Светлаков начал проверять, писать запросы. В Красногорском архиве фильма нет. В Госфильмофонде — нет! В архиве ВГИКа — нет! В архиве Центральной студии документальных фильмов — тоже нет! Нет и монтажных листов, по которым можно узнать, были ли в фильме «План великих работ» кадры о Прокопьевске. Где искать?

В библиотеке и архиве ВГИКа он раскопал кое-какие публикации, связанные со съёмками «Плана великих работ». Так, в журнале «Пролетарское кино» № 5-6 за 1931 год в информации «Звуковая продукция советской кинопромышленности» сообщалось: «Первая полнометражная звуковая фильма «Пятилетка» была сделана режиссёром А. Роомом на Ленинградской фабрике «Союзкино». Фильм содержит пять частей (2000 метров). Стоимость 40 — 45 тысяч рублей».

В журнале «Пролетарское кино» № 10-11 за 1931 год в статье «Первый рейд звуковой передвижки» написано, что фильм был показан по Сибири, в частности, на Кузнецкстрое, в Прокопьевском и Анжеро-Судженском рудниках. Но о том, где проходили съёмки, ни строчки. Но Светлаков не сдавался.

Нашёл другого участника этих киносъёмок 1931 года. Им оказался инженер, комсомолец Антон Савич Кузмич, работал рядом в подмосковных Люберцах, в Институте горного дела имени А. А. Скочинского. В 1931 году, после окончания Московского горного института, его распределили в Кузбасс, в Прокопьевск. Работал на проходке ствола, был начальником закладочного цеха, помощником главного инженера шахты. Затем стал управляющим шахты «Коксовая», а после – главным инженером комбината «Кузбассуголь». Работал и в Донбассе, и в Подмосковном бассейне. С 1945 года решением ЦК ВКП(б) был назначен заместителем наркома угольной промышленности Восточных районов СССР. Потом стал заместителем министра угольной промышленности СССР, затем – министром угольной промышленности Украины. Доктор технических наук, профессор А. С. Кузмич в последнее время трудился заместителем директора по научной части Института горного дела. Там Юрий его и встретил. Антон Савич очень удивился, когда увидел фотографию из прокопьевского музея: она, действительно, оказалась кадром из киножурнала, снятого в 1931 году...

Упорство и настойчивость поисковика постепенно приносили свои плоды. Понемногу собирался материал об угольщиках нашего региона. Обнаружилась, к примеру, кинохроника 1925 года о строительстве предприятий на Анжерских и Судженских коях. Отыскивались отличные кадры о Кузбассе в киножурнале «Сибирь на экране» № 12 за 1931 год. Удалось найти довольно много киноматериала о знаменитой прокопьевской шахте-гиганте «Коксовой» – детище первых пятилеток. Он разыскал некоторых людей, снятых на этих кадрах, и пригласил их в студию.

Отыскивались и другие удивительные и неожиданные по историчности и тематике архивные кинокадры.

Программу Светлакова заметили зрители, начали присылать на студию письма с предложениями и пожеланиями. О работе Светлакова-ведущего стали писать в газетах. Посмотрев в одном из выпусков «Кинологии Кузбасса» видовой фильм 1938 года о Прокопьевске, известный кемеровский писатель Виль Рудин откликнулся заметкой в областной газете «Кузбасс»:

«Наверное, это свойственно каждому человеку: испытать волнение, увидев город своей юности. Для меня таким городом является Прокопьевск, куда я попал осенью 1941 года как курсант артшколы. И вот на экране Прокопьевск тех давних лет... Эта небольшая лента, отснятая оператором С. В. Хмельным в 1938 году, не только вернула в далёкое довоенное прошлое, она дала возможность ощутить, как же далеко мы шагнули вперёд за последние четыре десятилетия, как отстроили и благоустроили город».

Хорошие оценки давали автору и коллеги, Светлакова хвалили на планёрках и на худсовете. Сам главный режиссёр КСТ Виктор Яковлевич Руденский поддерживал его усилия. Всё это окрыляло автора, который старался сделать каждую передачу лучше предыдущей.

А с 9 марта 1978 года, к 20-летию Кемеровской студии телевидения, в программе «Кинология Кузбасса» Юрий Светлаков начал показ лучших киноочерков КСТ,

включая и свои собственные работы. Они стали украшением областного телеэкрана.

«Кинолетопись» выходила в эфир до 1982 года включительно и успешно справилась с целями и задачами, которые ставил перед ней автор. Однако на этом цикл программ о Кемеровской области и его людях не закончился. Светлаков продолжал эту тему в передачах под общим названием «Рассказы о Кузбассе», выходивших на КСТ в 1982-1984 годы. Видоизменял эту же тематику и снова перенастраивал её в цикле программ «Страницы истории Кузбасса» (1985). Развивал эту тему в своих передачах «Люди земли Кузнецкой» (1986-1989). Об этом же были и его телепрограммы цикла «Семейный альбом» (1999-2006).

«Сила забвения велика, – считал Юрий. – Жаль, что известный человек, проживший долгую жизнь, остаётся за бортом истории. Вот почему моя задача была проста – зафиксировать рассказы людей в их собственном исполнении. Ибо полагаю, что такая история более достоверная, более объективная в отличие от выдуманной. Рассказывая о себе, о своём детстве, о юности, о своих родных и знакомых мои герои сохраняют крупницы прошлого для будущего».

Героями его авторских передач становились рядовые шахтёры и инженеры, руководители предприятий и бригадиры, писатели и поэты, актёры и художники. Он считал своим долгом преодоление людского забвения.

Выбрать героя передачи всегда непросто: надо найти интересного человека и «раскрыть» его перед телезрителем. В книге «Шахтёры Кузбасса на экране» Юрий Яковлевич размышляет об этом в разговоре с режиссёром фильма «Егор Иванович» Игорем Беляевым:

«Как я выбираю своего героя? Знаете, как друзей выбирают? Надо влюбиться, иначе ничего не выйдет. Надо, чтобы человек, с которым ты общаешься перед камерой, был интересен для тебя и без всякой камеры. Надо, чтобы была потребность во взаимном общении. Если я понимаю его, он понимает меня, я болею его заботами, если у нас общие мысли, мы можем вместе сложить картину. Картину делает не только оператор, не только режиссёр... Картину делает человек, которого мы снимаем. ...Есть правило: человек с тобой откровенен, если ты с ним откровенен, если он тебе доверяет, если ты не обманешь его. Мои герои – это мои друзья. Хотя есть оговорочка – это мои друзья и, может быть, даже мои враги...»

К началу 1990-х годов героем кузбасского телеэкрана стал уже и сам Юрий Светлаков. Люди узнавали его на улицах, в магазине, в общественном транспорте. Незнакомые граждане подходили, здоровались, задавали ведущему разные вопросы. Он не раздражался, ему это даже нравилось: «Благодаря телевидению меня стали узнавать, чего обычно с кинооператорами не бывает».

Подводя итог 30-летию своей работы на Кемеровском областном телевидении, Юрий Яковлевич отмечал: «Оглядываясь назад, чтобы понять настоящее и увидеть будущее, я всё больше и больше убеждаюсь в том, что первые тридцать лет работы на студии были для меня и, смею надеяться, для моих соратников, годами радостного, несмотря ни на что, творчества. Когда мы, по словам К. С.

Станиславского, учились «трудное сделать привычным, привычное – лёгким, а лёгкое – прекрасным».

6.

Первая передача с названием «Шаг за горизонт» вышла в эфир 7 сентября 1986 года. Её героем стал «контактёр» А. И. Чувылко из Гурьевска. Специально заглянул в интернет-энциклопедию, чтобы растолковать этот термин: «Контактёры – люди, которые утверждают, что вступали в контакт с инопланетянами. Как правило, контактёры утверждают, что внеземные существа передали им свою мудрость или важные послания для человечества. Контактёры описывают свои встречи с ними как регулярные или единичные». Пусть каждый из читателей этого очерка оценит данное определение так, как посчитает нужным...

«Однажды я снимал в Гурьевске какие-то сюжеты для «Новостей», – пишет Юрий Яковлевич в своей книге «Запрещённый «Шаг за горизонт». – Проезжая по переулку Промышленный, обратил внимание на дом необычной формы с какой-то непонятной антенной на крыше. Кто смастерил такие хоромы? Если бы я ещё знал, что дом построен по указанию каких-то внеземных сил по принципу термоса: летом прохладно, зимой тепло! Постучал в калитку. Вышел хозяин. Поздоровался и спросил его, как звать и где работает. Он ответил, что звать его Александр Иванович Чувылко, работает слесарем Гурьевского рудоуправления. И пригласил меня в дом. Спрашиваю:

– Дом долго строили?

– Лет десять. Квартиры у нас не было, и мы с женой решили строить свой дом. Строили буквально из ничего. Участок нам выделили на склоне горы. Стройматериалов не было, так мы камень долбили и из него начинали строить.

– Проект был?

– Наброски в школьной тетрадке из другого мира...».

Со слов домовладельца оказалось, что дом построен по указанию внеземных сил (!) по принципу термоса. Зимой в нём тепло, летом прохладно, хотя всего одна печка на все этажи.

Вот с этого и начался телевизионный проект Юрия Светлакова. Проект на областном телевидении продержался 20 лет. Верить или нет в эти контакты? – пусть каждый решает для себя сам.

Однажды на студию в адрес передачи «Шаг за горизонт» пришло письмо из Новокузнецка от Елены Шевелёвой. Она написала, что у неё был контакт с пришельцами и они дали ей какую-то формулу идеального топлива. Вскоре Ирина тоже стала героем очередной передачи Юрия.

Или вот ещё выдержки из передачи, где «контактёр» Владимир Акулов сообщал телезрителям «Шага»:

«Это произошло в ноябре 1989 года. Спать я лёг после 12 часов ночи. Вдруг показалась светящаяся точка, она медленно увеличивалась. Какой-то голос сказал:

– Здравствуйте.

Я спросил:

– А кто вы такие?

– Это не имеет значения, кто мы такие.

Я спрашиваю:

– Вы, наверное, инопланетяне какие-нибудь?

– Это ваше дело, как хотите, так и думайте, но полетите с нами».

Всё же Юрий Яковлевич приглашал в эфир не только контактёров. Его интересовали любые аномальные события, в которых он пытался разобраться сам или с помощью специалистов. К нему в студию приходили чудаки-инженеры с попытками создать вечный двигатель, люди, обладающие незаурядными способностями, выдумщики и фантазёры. Словом – чудаки, как определил кто-то однажды. Они размышляли о Космосе, о жизни на Земле, о вечности и многом другом.

В числе героев «Шага» был Владимир Вылегжанин из Прокопьевска, который спроектировал «летающую тарелку». Другой – физик Виктор Николаев из Новокузнецка изобрёл генератор преобразования энергии пустоты в любую другую. Третий – Лев Голяховский из Кедровки доказывал, что в таблице Менделеева должно быть в десятки раз больше элементов. Четвёртый – Александр Редин, занимаясь письмом двумя руками, открыл алфавиты атлантов, титанов, марсиан. Пятый – Пётр Сафонов из Кемерово, изучая Библию, пришёл к выводу, что Иоанн, любимый ученик Христа, это его жена. Шестой – Альберт Боковиков открыл кремниевую цивилизацию и общается с ней. И так далее.

В комментаторы Юрий Яковлевич нередко брал известных учёных, докторов наук, опытных исследователей, известных на всю страну.

Были в его программах и такие, как голландский художник, основатель направления «Шизореализм» Электрон Грунденталер (Олег Ермолаев). Дело в том, что он родился в Новокузнецке и раза два в год – иногда с выставкой, а иногда просто так – приезжает в родной город. Родился он в 1958 году в Сталинске. Детство провёл в Абашево. Учился в Новосибирском государственном университете. Играл в КВН. Это ему принадлежит известная фраза: «Партия, дай порулить!» Переехал в Голландию, где и живёт до сего времени. А его необычные, прямо скажем, картины находятся во многих зарубежных и российских галереях...

«Познание начинается с удивления, – был уверен автор «Шага». – Как любит говорить мой друг, маг и волшебник Владимир Переводчиков: «Без удивления нет и познания. А без познания не было бы ничего: ни круга, ни плуга, ни письменности, ни дома, ни корабля».

К этим передачам Светлакова относились по-разному. Как правило, выпуски «Шага» собирали у телевизоров большие аудитории. Для любителей необычного передача со временем стала культовой. Что же касается коллег, руководства ТВ и некоторых специалистов, – тут отношение не было однозначным. Кого-то популярность ведущего и его программ и непонятная тематика раздражали, кто-то шутил и ёрничал. Были и такие, и немалым числом, кто одобрял, понимая, что общие рейтинги телеканала держатся и за счёт таких вот Светлаковых.

Ведь есть же подобные передачи и на других федеральных и областных каналах, где пытаются привлечь внимание зрителей к непознанному, загадочному, необъяснимому. К примеру, создатели многолетнего цикла передач «Таинственная Россия» на НТВ не только исследуют тайны и мифы, но и детально изучают исторические места, аномальные зоны и удивительные природные явления.

Поразительно, но в последние дни марта 1991 года Юрию Яковлевичу удалось организовать и провести областную конференцию «Контактёров Кузбасса». Скептики полагали что придёт в лучшем случае человек двадцать. Однако под крышей областной филармонии собрались более 300 участников! Конечно, это можно объяснить и тягой к познанию непознанного, и «эффектом Кашпировского», на гипноспиритические сеансы которого у телеэкранов собиралась вся страна. Тем не менее... Уместно напомнить, что программа конференции была составлена по письмам зрителей.

«То, что было рассказано участниками конференции «Контактёры Кузбасса», казалось бы, выходило за пределы здравого смысла, – с удовлетворением констатировал Юрий Яковлевич в интервью журналу «Кузбасс XXI век». – Надо было просто отбросить своё материалистическое сомнение и всё бы встало на место. Случается же такое, когда один человек оказывается прав, а мы, идущие в едином строю, не правы».

Специалистами телевидения давно замечено, что почти у всех передач-долгожителей нелёгкая судьба. Их со временем или закрывают, или передвигают по сетке вещания на «менее смотрибельные» часы, или переводят на другие каналы. «Шаг за горизонт» – не исключение. Так как, кроме всего прочего, на областном государственном телевидении не только передачи, но и руководители тоже меняются время от времени. И каждый новый ТВ-шеф начинает устанавливать свои правила, переделывать эфир под свои взгляды на телеиндустрию.

Что для одного хорошо, для другого плохо, усмехался Юрий Яковлевич. У всех разное воспитание, разные знания, разные ценности. Каждый со временем вырабатывает свою модель познания мира, где переплетаются особенности собственного характера, увлечений со знаниями тех людей, у кого учился, какие книги читал, какие фильмы смотрел, с кем дружил, кого ненавидел и так далее.

Тележурналист КСТ – ГТРК «Кузбасс» Светлаков «пережил» немало руководителей областного ТВ. Они, начальники, бывали всякими. Вспоминая о каждом, он то с добрым юмором, то с сарказмом рассказывал, что, в результате прихода некоторых, доводилось едва ли ни всё начинать с начала. Может, кому-то из его бывших руководителей интересно было бы узнать, что думал о них подчинённый:

«Первый директор КСТ принял меня на работу. Второй дал возможность выучиться во ВГИКе. Третий – отлучал от эфира. Четвёртый – уволил со студии. Пятый – вернул. А шестой... Шестой сделал то, что третий и четвёртый вместе взятые. Первый «мой» директор телевидения Дмитрий Иванович Култаев на самом деле был вторым по счёту телена начальником. Первого – Павла Даниловича Лазько

(самый первый директор КСТ, работал в этой должности с марта 1958-го по март 1959 года) я видел всего два раза и не могу судить, что это был за человек. А Дмитрий Иванович Култаев был строгий, но справедливый.

...Не удержусь и напишу два слова о других начальниках. Одного прислали из Тисуля к нам руководить ГТРК. Первым делом он поставил в дверях вертушку, вероятно, по старой памяти, чтобы коровы не проходили. Благо, на третий день вертушка сломалась. Дальше – больше. Установил строгий режим рабочего времени: «Где ты был с 10 до 11? Почему не сидел на рабочем месте?! Пиши объяснительную!» По поводу программы «Шаг за горизонт» он сказал: «Я ещё в школе учил, что аномальных явлений не бывает», – и запретил программу. Тогда я написал заявление: «Прошу уволить по Вашему желанию». «Кто так пишет?! – возмутился он. – Писать надо «по собственному желанию». Я написал: «Прошу уволить по Вашему собственному желанию».

Чтобы сохранить программу «Шаг за горизонт», Светлаков на время ушёл в кемеровскую городскую телекомпанию NTSC. Через год, с приходом на ГТРК нового директора, снова вернулся на родную студию. Дальше был период, когда с очередной сменой руководства его программу перевели с канала КСТ (ГТРК «Кузбасс») на губернский телеканал «СТС-Кузбасс», который тогда тоже находился под общей с ГТРК «Кузбасс» «крышей».

Потом наступило время запретов показа отдельных готовых передач «Шага»: одни передачи – разрешали, другие – снимали с эфира. Часто, подчёркивал он, без особого объяснения причин.

Порывшись в интернете, я нашёл и другие оценки. Вот слова из правительственной телеграммы, полученной Юрием Яковлевичем в начале сентября 2006 года: «Примите мои сердечные поздравления с 20-летием передачи «Шаг за горизонт». Немногие передачи отечественного и мирового телевидения могут гордиться таким долгожительством. Ваша программа имеет постоянную и преданную зрительскую аудиторию. Считаю это закономерным, ведь передачу отличает Ваш высочайший профессионализм, искренний интерес к собеседнику, доброжелательность, ответственность за каждое слово. Кузбассовцы знают Вас также как автора серии передач и книг о наших земляках, об истории киносъёмки в Сибири. Студенты высоко ценят Вашу эрудицию, строгость и несомненный педагогический талант. Желаю Вам неиссякаемой жизненной энергии, реализации всех творческих замыслов, благодарных и одарённых учеников, любви зрительской аудитории. С уважением, Губернатор Кемеровской области Аман Тулеев».

Между тем, наступил день, когда программу «Шаг за горизонт» закрыли окончательно. Это случилось в сентябре 2006 года. «Вечером 7 сентября 2006-го моросил мелкий дождь, – рассказывал Юрий Яковлевич. – Было прохладно. Пахло выхлопными газами от автомобилей. Я шёл на студию, в последний раз, чтобы провести прямой эфир...».

В дождливый осенний день 7 сентября 2006 года его уволили со студии, где он отработал ровно 45 лет! Кто-то вздохнул с облегчением: наконец-то избавились от

непослушного и «неправильного» автора. Кто-то ему сочувствовал: «Держись, старик! Надо это пережить!»

Сам Юрий Светлаков в финале последнего выпуска «Шаг за горизонт» поблагодарил преданных зрителей за долготерпение, за поздравления в связи с двадцатилетием программы и сказал: «Программа «Шаг за горизонт» закрывается. И не потому, что для неё нет тем – их-то превеликое множество. Просто я устал бороться с «ветряными мельницами».

Жестокий факт: почти все выпуски «Шага» оказались уничтоженными, а их, напомним, за 20 лет вышло около 700. Многие передачи на студии стирали сразу после эфира, объясняя тем, что не хватает кассет для других передач. Светлакову удалось сохранить или восстановить считанные единицы своих «Шагов». Некоторые из них до сих пор гуляют по необъятным просторам интернета.

В книге «Запрещённый «Шаг за горизонт», увидевшей свет в 2018 году, Юрий Светлаков написал:

«...Я задаю себе вопрос – стоило ли мне потратить двадцать лет на передачу «Шаг за горизонт», зная, что почти невозможно перешагнуть линию горизонта? Чем быстрее к ней приближаешься, тем дальше она от тебя отдаляется... Ради чего тогда всё это упрямство? Я хотел рассказать и показать, что мир прекрасен и не ограничен заборами, что там, за горизонтом, много интересного и, к сожалению, пока запретного! Но не всё ещё потеряно!»

Нетрудно представить себе состояние художника, у которого отобрали краски. Понять его тяжелейшие душевные переживания можно, наверное, лишь тому, кто сам проходил через это...

Друг Юрия Яковлевича поэт Леонид Гержидович написал ему созвучные настроению строчки:

Не уйти.
Никуда мне не деться,
Плоть моя
Отстоялась, как соль,
Подступили
Под самое сердце
Неизбывные совесть и боль.

Немало помаялся тогда Светлаков. Но нашёл в себе силы пережить это и шагнуть дальше. Решил полностью переключиться на общение с другой аудиторией – со студенческой.

7.

Вообще-то преподаванием он начал заниматься с 1974 года. По совместительству. Однажды он, согласившись на предложение только что созданной кафедры фотовидеотворчества Кемеровского государственного института культуры, в свободное от работы время провёл спецкурс по операторскому мастерству. Дальше – больше. Постепенно ему стало очень интересно общаться с молодыми людьми – студентами, особенно с теми, у кого чувствовались творческие амбиции.

Наверное, в ком-то из них он узнавал себя в их возрасте, наполненного желаниями и мечтами.

Не без участия Светлакова в 1974 году при институте культуры открылось отделение руководителей самодеятельных кино-фотостудий – одно из трёх в СССР и единственное в Сибири.

В 2006 году, уйдя с телевидения, Юрий Яковлевич окончательно «переехал» на преподавательскую стезю – поступил работать на кафедру фотовидеотворчества КемГИК.

Методика его преподавания была интересной, наглядной, выверенной. Свой лекционный курс он любил называть беседами. Почему беседы, а не лекции? Беседы предполагают свободную форму общения, которую он предпочитал.

Его ученики рассказывают, как в этих беседах он открывал студентам секреты операторского искусства, обязательно ориентируясь на заданные ребятами вопросы. Занятия старался начинать с коллективного просмотра фильмов известных мастеров.

Его собеседование – не поток бессознательного сознания. У преподавателя Светлакова всегда есть план, где расставлены нужные акценты. Как правило, его беседы идут по такому сценарию: «Вначале я спрашиваю студентов: «Есть ли вопросы к докладчику?», – делится он секретами в своей книге «Свет мерцающих звёзд. Беседы о кинооператорском мастерстве». – Я жду вопросов, как рыбак поклёвки. Введение в беседу – это как сыграть увертюру, а потом уже вырливать на тему».

Ход беседы Юрий Яковлевич придумывал заранее. И, безусловно, всякий раз старался незаметно, но твёрдо придерживаться своего сценария. Но... студенты есть студенты, с ними возникали всякие проблемы:

«Бывало, захожу в аудиторию... Вижу – сидят скучные, мрачные. Зачем, спрашивается, припёрлись? На обдумывание не остаётся времени и, иногда неожиданно для себя, обращаюсь к ним: «А не рассказать ли вам анекдот?». Рассказываю. Далее сообщаю, какой фильм будем смотреть, и даю несколько указаний, на что обратить внимание. Но не детализирую! Дело в том, что во время просмотра студент волей-неволей ждёт в фильме того момента, на который я рекомендую взглянуть особо, пропуская мимо ушей и глаз многое другое.

После просмотра начинается самое интересное и самое сложное – обсуждение увиденного и услышанного. Как вовлечь студентов в беседу? Было бы просто рассказать подробности биографии оператора, как установлен свет, какая композиция кадра. Надо осветить ключевые моменты в творчестве оператора. Его почерк, манеру, основываясь на первоисточниках – воспоминаниях, плюс свои впечатления от увиденного и прочитанного. Подчеркну, важны первоисточники, а не пересказы искусствоведов.

Затем переходим к анализу фильма. Анализ – слово-то какое противное – медицинское. Если сказать: разбор, – ещё хуже. Лучше спросить: «Как сделано?» Труднее всего вовлечь студента в самостоятельное суждение о просмотренном

материале. Какой свет, ракурс, композиция – всё то, что составляет основу операторской профессии.

Память выбирает то, что когда-то удивило и поразило. То, что эмоционально не задело, память стирает или прячет в тёмные закоулки кладовых мозга. Бывало, подготовишься, как урокодатель, а результата никакого – глазки у студентов не горят».

Опытный преподаватель, сам – хороший оператор с большим стажем, он скрупулёзно и подробно объяснял и простые, и сложные приёмы, которые нужны профессионалу этого дела. Причём, конкретные секреты съёмки демонстрировал на конкретных фильмах больших мастеров.

Например, деление на планы: общий, средний, крупный, деталь, а также понятие ракурса, – разбирали на примере кинолент оператора Андрея Александровича Левицкого. Вначале Юрий Яковлевич увлекательно описывал студентам свои давние впечатления о встрече с ним:

«Когда я поступал во ВГИК, то экзамен по фотографии сдавал какому-то «дедушке», который впоследствии оказался легендарным Левицким, только в дореволюционные годы снявшим около 100 фильмов. Среди них – большие экранизации русской классической литературы: «1812 год», «Анна Каренина», «Дворянское гнездо», «Крейцера соната», «Война и мир», «Отцы и дети». После Октябрьской революции он снимал хронику Гражданской войны, агитфильмы. Ему принадлежат уникальные кадры съёмок Ленина. Участвовал в создании первых советских художественных фильмов – «Восстание», «Мать», «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков». В годы Великой Отечественной работал на киностудии «Воентехфильм».

И когда учитель Светлаков видел, что глаза у студентов загорелись неподдельным интересом, он включал фильм. А после следовал детальный разбор ленты в рамках темы урока.

А такие темы, как панорама, движение камеры, трансфокация доцент Светлаков, бывало, демонстрировал на примере работ оператора Эдуарда Казимировича Тиссэ.

– Начну, как обычно, с краткой информации об операторе, – объявлял он. – Затем продолжим более подробный разговор о Тиссэ. Или сразу будем смотреть его фильм «Броненосец «Потёмкин»?

– Мы его видели! – обязательно реагировал кто-нибудь в аудитории.

– Тогда ответьте на вопрос: почему сегодня «лучший фильм всех времён и народов» не волнует ваши души? Сегодня мы посмотрим фильм не просто так, но, изучая почерк Мастера, исследуем, как снято, как скомпонован кадр и так далее. Итак, Тиссэ...

Если тема занятия касалась оптики, композиции кадра или света, Юрий Яковлевич обращался к работам своего любимого преподавателя ВГИКа Анатолия Дмитриевича Головни.

– К моему большому удовольствию, – обязательно подчёркивал он, – мы посмотрим фильм моего детства «Потомок Чингис-хана» и поразмышляем о творчестве оператора. Не ведаю, как вы сегодня воспримете фильм, ведь ему уже столько лет. А я смотрел «Потомка Чингис-хана», как и «Чапаева», раз двадцать!

Вообще Анатолий Головня начинал ассистентом у Левицкого на фильме «Луч смерти» – в 1925-м. Первая его самостоятельная работа – это фильм «Кирпичики» в том же 1925 году. Высшее проявление операторского мастерства Головни в немой кинотрилогии «Мать» – в 1926-м, «Конец Санкт-Петербурга» – в 1927-м, «Потомок Чингис-хана» – в 1928-м. Ещё его замечательные ленты: «Живой труп» – в 1929 году, «Минин и Пожарский» – в 1939 году, «Суворов» – в 1941-м, «Адмирал Нахимов» – в 1947-м...

Светлаков не уставал повторять студентам слова известного кинооператора С. П. Урусевского: «Когда волнуюсь я во время съёмки – волнуется потом зритель. Когда равнодушен я – равнодушен потом и зритель».

Полной мерой отведав нелёгкого «операторского хлебушка», Юрий Яковлевич предупреждал своих студентов, что рассчитывать на большие лавры и заслуги в этой профессии не приходится. Обычно фильм связывают с именем режиссёра, реже с актёром. Оператор, как всегда, остаётся за кадром, откровенно подчёркивал он. В лучшем случае напишут его имя в титрах. «Я не раз испытывал на себе косой взгляд режиссёра и редактора. Для многих из них оператор лишь привод к камере», – уведомлял учеников профессор кафедры кинофотомастерства (впоследствии стала кафедрой экранных искусств) КемГИК Юрий Яковлевич Светлаков, готовя их ко всем перипетиям профессии.

В институте культуры он работал до 2018 года. На протяжении почти 45 лет преподавая курс операторского мастерства, воспитал не одно поколение кинооператоров и режиссёров. Его студенты принимали активное участие во всероссийских смотрах и конкурсах кинематографии. Немало выпускников Светлакова стали прекрасными специалистами. Многие из них работали и работают на телевидении, в кино, их адреса, как говорится, «разбросаны» от Калининграда до Сахалина.

Не сомневаюсь, что они с любовью и благодарностью вспоминают учителя.

«Юрий Яковлевич Светлаков – мой первый и самый главный преподаватель операторского мастерства, – писал, например, кинорежиссёр, путешественник Виктор Трофимов из Магнитогорска, окончивший КемГУКИ в 1985 году. – Под его деликатным и вдохновенным наставничеством я начал свой путь в кинематографе. Юрия Яковлевича мы «вытребовали» себе в группу у кафедры кинофотомастерства на втором курсе. Кино нам снимать очень хотелось. А мне – аж до дрожи!

Юрий Яковлевич умело направлял нас в неведомый мир киносъёмочного процесса. Мы ему верили безусловно. Да что там говорить, мы любили его, как отца! Мне повезло вместе с Учителем даже вести телепередачу на Кемеровском областном телевидении. Она называлась «Пятёрка за диплом»... Это мой первый опыт работы в кадре. Я счастлив, что в моей жизни есть Мужик, которого я уважаю!»

8.

«Меня постоянно преследует недосказанность...», – проговорится Юрий Светлаков в одно прекрасное время. Он не может сидеть дома, быть на покое или, как говорят, на заслуженном отдыхе. Все последние годы он активно занимается любимыми делами. Одно из них – фотография.

Юрий Яковлевич организует и проводит выставки своих фото. Вспомним некоторые из них. Он дружен с Кемеровской областной научной библиотекой имени В. Д. Фёдорова. Его часто приглашают сюда на разные мероприятия, для общения с читателями. Поэтому здесь проходят и его выставки.

Так, в сентябре 2011 года в областной библиотеке открылась персональная выставка Юрия Светлакова «Жизнь врасплох», где он представил на суд посетителей более 70 фотографий разных лет: городские и природные пейзажи, снимки выдающихся людей Кузбасса.

– Фотография – это мгновение, это жизнь врасплох, это кадры, которые потом никогда больше не повторятся, – убеждён автор.

В апреле 2015 года в областной библиотеке прошла ещё одна фотовыставка известного журналиста и телеведущего «Моё документальное кино». В эту экспозицию Юрий Яковлевич включил около 50 фотографий из своей новой одноимённой книги. На снимках были запечатлены персонажи, сопровождающие автора в процессе съёмок телепередач и документальных лент: артисты, поэты, писатели, художники, шахтёры и другие известные в регионе и России люди.

Ещё одна персональная фотовыставка Юрия Светлакова прошла в Мариинске в Литературно-мемориальном Доме-музее В. А. Чивилихина. Она называлась «Всё, что было...». Её презентация состоялась 29 июня 2017 года. Автор подготовил фотоотчёт о встречах с интересными людьми, о чём свидетельствуют фотографии «Алексей Леонов в студии телевидения», «Поэт Леонид Гержидович», «ГТРК Кузбасс». О его многочисленных поездках по стране и миру рассказывали снимки «Под крылом самолёта», «Туристы на Телецком озере», «Купите свежие креветки» и многие другие.

Он тщательно сохраняет и популяризирует историю Кузбасса в виде документальных кадров своих фильмов, фотографий и книг. Ему хотелось возродить интерес к авторскому фильму. Во многом для этого Юрий Светлаков, почётный читатель главной библиотеки области, в январе 2008 года создал при этой библиотеке Клуб любителей документального кино «Свет». Юрий Яковлевич был его бессменным руководителем и спикером. Членом клуба мог быть любой читатель библиотеки. На открытые заседания клуба, которые проходили раз в месяц, в каждую третью субботу, собирались десятки любителей серьёзной кинодокументалистики. Работники храма Книги подсчитали, что за годы деятельности клуба проведено 80 заседаний. Здесь смотрели фильмы, обсуждали их, устраивали презентации книг и чествования писателей.

Он и в клубе документального кино не забывал о воспитательной функции кинематографа. Наблюдал за тем, как происходил «процесс перестройки» восприятия фильма, отмечал: «Вначале у зрителя срабатывала привычка

«развлечения» – пришёл, посмотрел и ушёл. «Убил» время. Затем люди стали постепенно следить за тем, как снято. И, наконец, иногда во время просмотра я замечал, как у зрителей на глаза навёртывались слёзы. Это и есть, наверно, аристотелевское понятие «катарсиса».

На официальном сайте «Фёдоровки» я обнаружил такую запись: «Мы гордимся, что в стенах библиотеки творил известный земляк, настоящий профессионал, талантливый кинооператор Юрий Яковлевич Светлаков, чьи фильмы и телепрограммы всегда узнаваемы, с самобытным авторским почерком и высоким художественным вкусом».

Однажды летом 2011 года у него раздался звонок телефона. Главный редактор местного телеканала «Мой город» пригласила его для разговора. В назначенное время на втором этаже бывшего кемеровского клуба ГРЭС, пробираясь через декорации (оказывается это была студия для прямого эфира), спотыкаясь о провода и какие-то ящики, он вошёл в длинную комнату:

«Ба! Знакомые всё лица – в основном бывшие труженики с ГТРК «Кузбасс» и мои студенты. В дальнем углу за столом сидела главный редактор, оказывается, я её видел в программе «Включайся» на губернском телеканале «СТС «Кузбасс». Зван я был для того, чтобы предложить мне вести по утрам программу «Утро в нашем городе...»

Это же надо вставать в 5 утра, что для него почти нереально! Пришлось отказаться. Тогда предложили вести программу наподобие «Семейного альбома». Он решил согласиться, хотя помнил, что нельзя дважды входить в одну и ту же реку. Подписал, не глядя, договор. На первый случай составил список лиц, с кем бы хотелось поговорить в телеэфире «за жизнь».

Программу называли «Штрихи к портрету». И в один прекрасный день Светлаков выехал в посёлок Кедровка – на первую съёмку к известному фотомастеру Юрию Сергееву. Он волновался, ведь почти на пятилетку был отлучён от эфира. Только зря переживал. Отзывы о его новых передачах и на редакционных летучках, и в прессе, и при встрече со зрителями были хорошими.

Особое восхищение вызвали его эфиры с актёром Олегом Кухаревым, поэтом Борисом Бурмистровым, гармонистом Николаем Сидихменовым, музыкантом Владимиром Фуксманом, доктором Валентиной Понутриевой. Как шутливо написала газета «Московский Комсомолец» в Кузбассе: Светлаков задавал глупые вопросы, а получал умные ответы. Как говорится, если талант есть – его не пропёшь.

«Штрихами к портрету» он умело раскрывал телезрителям интересного собеседника, вёл с ним проникновенный разговор по душам. Это были не просто пересуды на телеэкране, это были исповеди его героев.

Однако через какое-то время он ушёл с телеканала. Причин, вспоминал он, было несколько. Во-первых, он всегда любил работать над темой один, а здесь его постоянно опекали многочисленные молодые помощники, досаждали своими советами. Ему не нравилась заставка к передаче, однако, как ни просил, переделывать её не стали. Не нравилось, что в его короткую – 20 минут – передачу,

вставляли рекламу. Ещё он приходил в уныние от невысокой культуры операторской работы.

– Я на эти передачи тратил уйму времени, – пояснял Юрий Яковлевич. – Надо было договориться с человеком, собрать о нём сведения, подготовить вопросы. Потом съёмка, расшифровка материала и монтаж. Готовый материал я относил на телеканал. Первое время ждал выход передачи в эфире. Потом даже не смотрел. Почему? Чаще всего, передачи были перемонтированы по непонятно каким соображениям.

Я привык всё делать сам и отвечать за содеянное сам. Чтобы не было «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», решил покинуть студию.

Но без работы ему не сиделось. Упрямый, неужёбный оператор-режиссёр, он продолжает снимать своё кино. Он же не может не говорить со зрителем языком света и тени, возможностями кинокадра, посредством видеохроники:

– Продолжаю снимать, – признаётся он на своей страничке в соцсети, – как говорят, в стол. Иногда свои фильмы показываю в клубе документального кино «Свет». Выставляю фильмы ВКонтакте.

Как-то раз – году этак в 2011-м – актёр Кемеровского драматического театра, давний друг Юрия Яковлевича Олег Кухарев позвонил и попросил Светлакова найти оператора, с которым можно было бы снять фильм о профессии актёра на примере артистов драмтеатра.

– Давай, я сам попробую! – обрадовал тот. – Но сразу скажу, что снимать кино о профессии актёра дело пустое, это почти то же самое, что ответить на вопрос: что такое любовь?

И они вместе: Светлаков и Кухарев, – с увлечением взялись за работу. В это время московский режиссёр Дмитрий Петрунь ставил в драмтеатре спектакль «Боинг-Боинг». И друзья решили «вплести» эту пьесу в ткань фильма. Название для ленты «пришло» из спектакля «Принцесса Турандот», сыгранного в московском театре имени Вахтангова. Там в самом начале представления один из героев восклицает: «Сегодня мы играем так...» Кемеровский фильм так и назвали. Кстати, в 2019 году Юрий Светлаков выпустил книгу с таким же названием, где подробно описал историю совместной с Олегом Кухаревым работы над тем самым кино:

«После съёмок и монтажа получился трёхчастёвый фильм, по 45 минут каждая часть. Я показал его соавтору Олегу Кухареву. Ему кино не понравилось. Мне тоже показалось затянутым и было немного занудным. Я сократил до двух частей, переписал на диск. Отдал диск Олегу и на том, подумал, что дело закончилось.

Прошло время... Как-то решил показать своим студентам «Сегодня мы играем так...» не в качестве примера, как надо снимать, а, наоборот, как не надо. И попросил их конкретно показать пальцем, где хорошо, а где плохо. Лучше бы я этого не делал. Почти никто не смотрел на экран, уткнулись носами в свои смартфоны. Мне же самому кино стало нравиться. Через пелену равнодушия я вдруг по-другому стал воспринимать содеянное».

А вот слова Олега Кухарева:

«Через месяц показали материал в клубе документального кино «Свет». К сожалению, о фильме не вспомнили даже в юбилейные дни театра. А лучше-то никто не снимал!»

Юрий Светлаков по привычке выложил фильм в интернете и, можно сказать, забыл про него. Прошло ещё время, и эта история обрела счастливый финал.

И вот преподаватель колледжа культуры и искусств Артём Лугачёв пригласил Юрия Яковлевича провести беседу со студентами кафедры режиссуры и актёрского мастерства с показом фильма «Сегодня мы играем так...».

«Где он это кино увидел? – удивлялся Светлаков. – Вероятно, ВКонтакте. Вот где я получил истинное удовольствие от просмотра. Молодые девчонки и мальчишки смеялись там, где надо, хлопали там, где надо и не надо. После просмотра было сказано много добрых слов в адрес фильма. Главное, один из них сказал: «Лучшего учебника по актёрскому мастерству и театральной режиссуре я не встречал!»

Эти слова стали наградой за эту работу. Мастер и не мог сделать иначе...

9.

Были в жизни Юрия Яковлевича и другие награды. В том числе – награды государства Российского, звания и награды Кемеровской области, а также ведомственные, общественные и творческие отличия.

В их числе медаль СССР «За трудовую доблесть» (1971), знак Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию «Отличник телевидения и радио» (1972); среди областных наград орден «Доблесть Кузбасса» (2013), медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2002), «60 лет Кемеровской области» (2003), «65 лет Кемеровской области» (2008). В 2014 году ему присвоено звание «Почётный гражданин Кемеровской области».

За исследование истории кино Сибири и Кемеровской области Юрия Яковлевича в 1997-м приняли в члены межрегиональной общественной организации «Петровская академия наук и искусств» (г. Санкт-Петербург). Ю. Я. Светлаков был победителем в номинации «Лучший ведущий авторской программы-2000» в I-ом областном телевизионном конкурсе «ТВ-Престиж» – за очерк «Остров».

Член Союза журналистов и Союза писателей Кузбасса Юрий Светлаков – автор большой серии книг и учебных пособий об операторском мастерстве, киноискусстве Кузбасса, телевидении Кемеровской области. Некоторые из них я уже назвал. Но, думаю, стоит ещё раз упомянуть их и также назвать другие его книги.

Это – «Киноленты памяти», «Съёмщик», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом», «Путь непослушания, или Неправильные люди», «Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях», «Автор-оператор», «Сибиряки-добровольцы на экране», «Свет мерцающих звёзд». «Штрихи к портрету», «Слово о полку Игореве», «Моё документальное кино», «Вспомнить детство и забыть», «Все ушли на фронт», «Время, назад!», «Таинственная Сибирь», «Шахтёры Кузбасса на экране», «Житель Марса Иван Егорович Селиванов», «Сегодня мы играем так...», «ВГИК. Заветная звезда» и другие.

7 августа 2022 года Юрия Яковлевича с нами не стало. Он ушёл на 85-м году жизни. Известный кинооператор, ведущий, автор культовых программ, легенда кузбасского телевидения, преподаватель, доцент кафедры экранных искусств КемГИКа считал, что самое главное в жизни – это свобода, и к этой свободе он проложил свой путь!

Он полагал, что «человек преуспел в создании разных технических средств, но почти ничего не достиг в познании самого себя и тем более Вселенной. Призыв древних «познать самого себя» так и остался тайной».

Он пытался донести до нас ускользающее понимание того, как научиться чувствовать самого себя, соблюдая при этом законы Природы. Пытался добраться до той самой истины, когда мы осознаем, что есть ещё что-то «разумное, доброе, вечное», снимем с себя забетонированный покров сомнения и неверия, открывающий забытые знания о нас самих.

Он хотел найти ответы на вечные вопросы: кто ты? Зачем ты здесь? Что такое жизнь? Что такое любовь? Что такое разум? Он предлагал «прислушаться к той внутренней информации, которая проходит через тебя». Убеждал: «Старайтесь каждый день хоть на один шаг продвинуться вперёд к горизонту в поисках самого себя».

Операторское мастерство – это светописное искусство, – был уверен Мастер: «В одной книжке написано: «Бог есть Свет, и нет в нём никакой тьмы». Стало быть, операторское дело богоугодное. Да будет Свет! Главный вывод: если люди теряют визуальную культуру при восприятии действительности, они теряют свою индивидуальность, теряют способность к самопознанию...».

И ещё Юрий Яковлевич Светлаков призывал: «Проживайте каждый день в радости и творчестве и не задавайте себе ненужных вопросов. Смысл жизни – в жизни! Волшебники Света, идите и снимайте своё кино. Зажигайте свои звёзды на операторском небосклоне. Наблюдайте за деяниями Мастеров. Смело открывайте дверь в неизведанное. Пусть дух открытий не покинет вас. Искренне стройте свой мир по совести. Старайтесь не походить на других!»

Владимир Снегирёв: «Я всегда поднимаю тост за удачу...»

Известный российский журналист-международник, военкор, писатель, кандидат исторических наук Владимир Снегирёв начинал карьеру в газете «Шахтёрская правда» города Прокопьевска.

Владимир Николаевич родился 3 июня 1947 в городе Колпашево Томской области. Начинал учиться в одной из школ Томска, затем окончил Оренбургское Суворовское военное училище. Однако, чтобы получить аттестат о среднем образовании, ему пришлось доучиваться в школе рабочей молодёжи в Прокопьевске.

Параллельно в 1964 году Владимир начал трудовую деятельность: устроился корреспондентом в городскую газету Прокопьевска «Шахтёрская правда». Ему тогда исполнилось всего 17 лет.

Напомню, что в этом же году решением бюро Кемеровского обкома КПСС редактором «Шахтёрки» назначили Владимира Лаврентьевича Барина. Опытный газетчик, участник Великой Отечественной войны, он многое сделал, чтобы земляки полюбили свою газету, ждали каждого её номера.

Владимир Лаврентьевич воспитал целую плеяду известных журналистов. В ней при Бариневе в разные годы начинали работать Юрий Дьяконов и Валерий Гужвенко –

руководившие затем областной газетой «Кузбасс», известный московский фотокорреспондент Дмитрий Коробейников и другие. Не случайно прокопьевскую газету называли настоящей кузницей кадров для средств массовой информации Кузбасса и страны.

В. Л. Баринов сыграл не последнюю роль и в судьбе Володи Снегирёва. Именно у этого редактора Владимир получил первые практические навыки репортёра. Окончив среднюю школу, парень твёрдо решил всерьёз учиться профессии журналиста – поступил на журфак Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

Производственную практику студент Снегирёв дважды проходил в центральной газете «Известия». Преддипломную практику бывший прокопчанин тоже прошёл там. И вот когда практика заканчивалась, Борис Дмитриевич Панкин – главный редактор «Комсомолки» – обратился в «Известия»: нет ли у них на примете молодого, хорошего парня? Вот так оканчивающего университет, настойчивого и энергичного сибиряка сразу взяли в штат главной молодёжной газеты страны.

Сам он уверен, что это было невероятное везение.

– Это был 1969 год, – рассказывает он в одном из интервью. – Всё происходило очень быстро. Когда я оказался в «Комсомольской правде», думал, будто что-то умею! Но очень скоро выяснилось, что нет. Я бы сказал, что оказался тогда в очень тяжёлой, просто пограничной ситуации. Ну, представьте себе: человек 22 лет от роду формально поставлен в один строй с корифеями журналистики, столпами словесности.

В одной комнате со мной сидел Юрий Рост, он уже тогда был классик. За стенкой были Ярослав Голованов и Василий Песков. По коридору бродил Геннадий Бочаров. Для меня это был шок, меня заклинило, я не мог ничего писать, потому что считал: как Рост всё равно не напишу, а хуже – стыдно, нельзя.

Тем не менее, он справился с волнением. И с тех пор верит в журналистскую удачу: «Первое, за что я всегда поднимаю тост, – за удачу. Без везения, без «козырной карты», без фарта трудно в нашей профессии».

Но, удача, как правило, помогает тем, кто сильный, профессиональный, кто фанатично относится к своей работе. Если это есть, то и удача будет. А если этого нет, то – и удачи никогда не видать.

С 1969-го по 1983-й годы Снегирёв работал в «Комсомолке» как корреспондент, заведующий отделом. Затем стал членом редколлегии этой газеты, заместителем главного редактора «Комсомолки».

Некоторые известные проекты «молодёжки», можно сказать, целиком лежали на его плечах. Например, Владимир долгое время был организатором и участником полярных экспедиций «Комсомольской правды». В 1979 году экспедиция газеты впервые в истории совершила лыжный переход к Северному полюсу. Через несколько лет редакционная экспедиция впервые соединила лыжнёй Евразию и Северную Америку через Северный полюс. Репортажи В. Снегирёва об этих событиях зачитывались «до дыр».

В 1981-1982 годах он освоил новую специализацию, которой оказался верен долгие годы, – стал военным корреспондентом «Комсомольской правды» в Афганистане. Много километров прошагал по горным тропам и проехал по этой стране с военными ограниченного контингента советских войск. Объективно и правдиво описывал события той сложной войны. Но многое не пропускала в печать военная цензура.

Спустя почти 35 лет он вспоминал о своей первой афганской командировке на страницах «КП»:

– В 1980 году в «Комсомолке» я возглавлял отдел спорта. Сразу после окончания Московской Олимпиады в газету из ЦК КПСС пришла разнарядка: направить в Афганистан советника по делам печати, поднять там молодёжную прессу. Типа «Комсомольскую правду», афганский вариант. Причём, нужно было направить человека именно в ранге члена редколлегии, не меньше. И Геннадий Селезнёв, тогдашний главный редактор, огласил эту директиву и спросил, есть ли желающие. Желающих не нашлось. Все как-то уткнулись глазами вниз. Проходит день. Опять заседание редколлегии, опять Селезнёв говорит: «Друзья, мы должны дать ответ инстанции, кто поедет из нашего дружного коллектива в Афганистан представлять «Комсомольскую правду» и помогать афганской революции». Моя рука как-то самопроизвольно поднялась. И все с облегчением вздохнули. Началось оформление, через два месяца я уехал. Это было 21 марта 1981 года...

За два месяца подготовки редакция оплатила ему занятия языком дари. Словарный запас поднакопил, какие-то фразы выучил. И книжки почитал, какие мог. Что там происходило, он и понятия не имел. Начал работать как советник, через некоторое время понял, что надо быть и корреспондентом.

В командировках в Афганистане он провёл в общей сложности почти три года. Подчёркивает, что благодарен Афганистану:

– Если бы его не было, я бы остался таким же самоуверенным, полублагополучным или даже благополучным московским хлыщом. Афганистан перевернул многое в моей душе, заставил на многие вещи смотреть по-другому. И во всём сомневаться. Война, она всё-таки очень сильная школа. И в человеческом плане, и в профессиональном, и в плане дружбы с разными людьми. Аушев, Громов, Востротин, какие-то простые ребята, солдаты, с которыми мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения. Потому что война, кровью повязаны, что называется. Этого нет ни у кого или почти ни у кого. У меня это есть. И я этим очень дорожу...

Впоследствии освещал боевые действия на Северном Кавказе и в Закавказье, военные конфликты в ряде стран Ближнего Востока. Каждая из поездок оставила свой неизгладимый след в творчестве и в душе журналиста. Подчас военкору приходилось проходить через такие испытания, которых он не пожелал бы никому:

– Бывало очень страшно. Но когда ты начинаешь работать, когда ты попадаешь в экстремальную ситуацию, когда понимаешь, что тебе выпала козырная карта, и ты видишь то, что другие не видят, забываешь о страхе, потому что внутри включается профессиональный азарт: увидеть, сфотографировать, передать в редакцию

эксклюзив – вот счастье-то! Так, например, было в Каире, когда я случайно (а может, и не случайно) оказался в самой гуще схватки между «братьями-мусульманами» и их противниками. Чудом, просто чудом, уцелел, но зато какой это был кайф! Мой переводчик-араб потом с изумлением спрашивал: «Вы что – сумасшедший? Почему, когда все бросились от того места, где стреляют, вы побежали именно туда»? Нет, я не сумасшедший. Просто профессия у меня такая – бежать туда, где стреляют.

Правда, молодой смене Владимир Николаевич не желает такой отчаянной профессиональной жизни.

– Я, когда встречаюсь со студентами или молодыми коллегами, то всегда их заклинаю: не дай вам Бог заняться фронтовой журналистикой, – искренне заявляет Владимир Снегирёв. – Это очень тяжёлая, очень опасная и очень неблагодарная стезя. Когда ты не просто издали наблюдаешь войну, революцию, бунт, страдания, кровь, а находишься внутри этих страстей, это способно сломать даже очень крепкую душу. Это отражается на твоей психике, на твоём отношении к жизни. По большому счёту ничего хорошего в этом нет. Безусловно, надо быть сильным, иначе элементарно сойдёшь с ума...

– И восстановиться после командировки на войну совсем непросто, – говорит он откровенно. – У всех это происходит по-разному: и ломка, и восстановление. По молодости всё было проще. Помню, когда лет 30 назад из Афганистана возвращался, тоже накрывало с головой, но всё же больше было эйфории, радости – от того, что вернулся, что кругом мирная жизнь, что ты можешь ходить по зелёной траве и не бояться ступить на мину. Что ты можешь видеть женщин, не укрытых паранджой. Это сильно грело душу...

При всей этой суетной и опасной работе он продолжал учиться. Так, в 1985-ом окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. После защиты диссертации ему присвоили учёную степень кандидата исторических наук.

После этого Владимира Николаевича назначили главным редактором популярного еженедельника «Собеседник», который выпускался как полноценное развлекательное приложение к газете «Комсомольская правда». И пользовался ажиотажным спросом у читателей. Издание печаталось в Москве тиражом в сотни тысяч экземпляров, а также – в Риге, Минске, Ереване, Тель-Авиве.

В этой должности В. Н. Снегирёв трудился до 1988 года. По неписаной табели о рангах главный редактор «Собеседника» считался тогда «генералом», «номенклатурой» – с персональным водителем, телефоном-«вертушкой», по которому можно связаться напрямую и с Кремлём, и с любым членом правительства, была и госдача в Серебряном Бору. Однако это не испортило отношения нашего героя к людям и к любимому делу. Об этом периоде он всегда вспоминает с особой теплотой. Не забывает при этом называть имена тех, с кем работал:

«Я сменил на посту редактора «Собеседника» Тимофея Васильевича Кузнецова. Период старта газеты уже был позади, следовало выводить её на новые орбиты. Своими замами пригласил Юру Ковешникова (ему поручались все хлопоты по

хозяйственным делам редакции, финансы, связь с типографией и прочее) и недавнего собкора «КП» по Дальнему Востоку Сашу Куприянова, которого хотел видеть мотором в наших мозговых штурмах. Ответсекретарём стала Валя Пономарева, с которой работал в «Комсомолке».

Резвились, конечно, как могли, вернее, так, чтобы пройти по лезвию. Когда дело у нас пошло, многие сильные журналисты «КП» стали проситься в «Собеседник» – Оля Дмитриева (затем собкор «Российской газеты» в Лондоне), Андрей Максимов (ныне известный писатель, драматург и телеведущий), Рустам Арифджанов (впоследствии главный редактор множества изданий), Валера Бадов, Саша Теплюк, Гриша Пашков, Саша Лопухин...

Молодёжь с разных сторон потянулась: Игорь Мартынов (шеф-редактор журнала «Русский пионер»), Костя Михайлов (до недавнего времени главный редактор «Политического журнала»), Игорь Черняк (редактор «толстушки» в «РГ»), Володя Яковлев (основатель «Коммерсанта»), Игорь Свинаренко (главный редактор журнала «Медведь»), Дима Быков (ныне известный писатель и телеведущий), Катя Добрынина (заместитель главного редактора «Литгазеты»)... А ещё тогда у нас работали Андрей Васильев (много лет возглавлявший «Коммерсант»), Миша Сердюков, Юра Макарцев (заместитель главного редактора «РГ»)... Простите те, кого не упомянул...».

Но жизнь не стояла на месте. Владимиру Николаевичу минуло сорок лет. За плечами – большой опыт репортёрской и редакторской работы. Его профессиональный багаж был востребован в самых главных газетах страны того периода.

«Прошёл через всю советскую периодику», – иногда шутит он, вспоминая основные вехи своей биографии. С 1988 года В. Н. Снегирёв – редактор отдела информации и член редколлегии ведущей партийной газеты СССР – газеты «Правда». Затем стал политическим обозревателем газеты «Труд».

Через некоторое время его назначили главным редактором и генеральным директором журналов «Вояж», «Вояж и отдых», «Экспресс-газеты», «Национального банковского журнала». Поработал даже главным редактором ежедневной газеты «Метро», которая начала выходить в Москве с 1 сентября 1997 года – в канун празднования 850-летия города.

В обновляющейся России в 1990-е годы и в начале 2000-х многим, успешным при Советском Союзе, печатным СМИ приходится трудно, они вынужденно закрываются или сокращают свои тиражи. Не всем журналистам удаётся адаптироваться к новым условиям жизни и работы. Владимиру Снегирёву и здесь везёт – он по-прежнему востребован.

Почти на десять лет он становится международным обозревателем «Российской газеты». Его глубокие, аналитические материалы на зарубежные темы пользуются спросом и у читателей, и у специалистов.

А в 2014-2016 годах Владимир Николаевич работал специальным корреспондентом по странам Центральной и Восточной Европы газеты «Вечерняя Москва». Его корреспондентский пункт дислоцировался в Праге. Но в апреле 2016 года из-за

обострившихся отношений с Россией МИД Чехии отказал спецкору «Вечерней Москвы» Снегирёву в продлении аккредитации.

Как отмечали тогда в прессе: Прага «выступила в лучших советских традициях», отказав журналисту в аккредитации и засекретив причины такого решения. (Глава пресс-отдела МИД Чехии Михаэла Лагронова объяснила, что основания, по которым было принято решение, «квалифицируются как сугубо секретные сведения»).

И Владимир Николаевич вновь вернулся «под крышу» редакции «Российской газеты» – стал собственным корреспондентом «РГ» по странам Центральной и Восточной Европы. Кроме того, продолжил специализироваться на освещении событий в «горячих точках» (Афганистан, Ирак, Иран, Косово, Закавказье, Ливия, Египет). Много лет занимался поиском и освобождением советских военнопленных в Афганистане, выяснением судеб без вести пропавших там наших граждан.

Слава Богу, часто шутят теперь мои коллеги, ещё остался небольшой процент журналистов, работающих «в поле». Именно их и читают – их страстное слово, их волнение, их глубокое знание предмета, их честность передаётся читателю и заставляет сильнее биться читательское сердце.

Однако и время берёт своё – с каждым годом командировки в «горячие точки» даются Владимиру Снегирёву всё труднее. Вот как он рассуждает о причинах этого в журнале «Журналист» (№ 5, 2014):

«Сейчас всё даётся гораздо тяжелее. Каждая командировка, особенно связанная с риском, заканчивается одним и тем же. Ты возвращаешься, и тебя догоняет сильнейший стресс. Накрывает сложная гамма чувств, в которой есть и тоска смертная, и воспоминания тяжёлые, и понимание того, что ты опять вылез живым в который уже раз, а не бывает вечной жизни и рано или поздно пуля тебя достанет. Всё это таким камнем ложится на душу, что невольно замыкаешься, ведь не станешь кому-то рассказывать, что было, что испытал, что видел. Это и самому-то вспоминать не хочется – а рассказывать, тем более. Да и кто поймёт? Это настолько субъективное, настолько личное, настолько глубокое, настолько твоё, что ты и только ты один обязан это пережить. Впрочем, насколько я знаю по общению с коллегами, всех по-разному «догоняет» война».

В публикации «Позывной «Снегирь». Замечательному журналисту «Российской газеты» исполнилось 75» («РГ» от 03.06.2022), посвящённой юбилею Владимира Снегирёва, однокашник по журфаку УрГУ, коллега Владимира Николаевича Юрий Лепский пишет:

«Он блистательный фронтовой репортёр. Образец личного бесстрашия и отваги. Один из первых корреспондентов «Комсомолки» в воюющем Афганистане. Его по сей день знают и уважают наши «афганцы». К нему с уважением относились даже те, кто воевал с нами... Однажды полевой командир Ахмад Шах Масуд поставил его к стенке, но не расстрелял. Из уважения».

Но даже этот жуткий факт не смог заставить его оставить столь феноменально опасное занятие. Этот феномен Снегирёв сравнивает – ни больше, ни меньше – с пристрастием... к наркотикам.

– Если уж ты на это подсел, то на всю жизнь. Ты много раз даёшь себе слово, что всё, хватит, вот сейчас вернусь невредимым и больше не поеду. Но опять где-то что-то случается, опять труба зовёт, ты снова вынимаешь из кладовки свой походный чемоданчик и – в путь. Это тоже очень сокровенная вещь, это трудно объяснить... Это и понимание того, что ты такую работу сделаешь лучше других, понимание того, что ты должен её сделать... Это и ревность, потому что твои коллеги едут, а как же ты-то дома отсидишься? Это и ...желание ещё раз вкусить сей дьявольский наркотик. Ведь если ты хорошо сделаешь свою работу, то в итоге испытаешь огромное счастье, огромное удовлетворение...

Даже отдав журналистике более полувека, поработав и международным обозревателем, и спецкором, и руководителем СМИ различного уровня, в душе он всегда оставался репортёром, человеком, который работает «в поле». Потому что с юных лет – со времени работы в прокопьевской «Шахтёрской правде» – не мог себя заставить писать, «не увидев, не понюхав, не потрогав, не почувствовав событие, не поговорив с людьми, не вникнув в проблему глубоко и не прикоснувшись к ней руками, глазами»... Он категорически подчёркивает: «Работать «в поле» – самое важное, самое увлекательное занятие. Это моя принципиальная позиция».

Он никогда не сомневался, что журналистика – это не профессия, а образ жизни. Если человек готов к тому, что он «на работе» круглые сутки, без выходных и отпусков, тогда у него может получиться.

И ещё Владимир Николаевич благодарен журналистике за огромное счастье увидеть мир, попытаться понять его и обрести друзей в разных странах и самых разных сферах – художника Михаила Шемякина, кинорежиссёра Эмира Кустурицу, писателя Максима Кантора, писателя Юлиана Семёнова, первого президента Ингушетии Руслана Аушева, полярного исследователя Артура Чилингарова...

При этом очень важной деталью будущего материала он всегда считал и считает подготовку к командировке. Раньше для этого пользовался книгами, статьями, приходил к знающим тему людям, садился за телефон и обзванивал всех, кто может дать дельный совет, информацию или контакт. Потом, когда появился интернет, «доставал» из Всемирной паутины всё, что можно: «Ибо ты должен приехать не на пустое место, не открывать для себя Америку, а сразу с первого дня, лучше – с первого часа, начать работать. Встречаться с нужными людьми, собирать необходимую информацию, писать, снимать, отправлять материалы в редакцию...».

Сегодня Владимира Николаевича считают опытным и занятым интернет-блогером – он активен в социальных сетях. Ведёт свои аккаунты ярко и интересно. Однако при этом ветерана-газетчика Снегирёва волнует настоящее и будущее печатной журналистики в цифровом мире. Ведь примеров печальной судьбы больших и малых газет – не перечесть:

– Для меня это, конечно, личная трагедия, потому что я вырос в газете и прожил в газете целых полвека. Меня всегда волновал запах краски типографской, особенно в юные годы. А каким счастьем было увидеть свою фамилию даже под крошечной

заметкой. Но, похоже, этого уже не будет, всё уходит в виртуальную реальность. Видимо, это – неизбежность...

Человек очень деятельный и энергичный, он немало своей энергии отдал общественной работе. Владимир Николаевич с 1999 года – сопредседатель общероссийского движения «За равноправие и справедливость». Также он – основатель и первый президент Гильдии туристической прессы. Член Координационного совета Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете Глав правительств государств СНГ (со дня его основания в 1990 году).

Так же он – автор многих увлекательных книг, которые стали продолжением его газетных публикаций. Среди самых известных его книжек и сборников публицистики и документалистики «Вирус «А». Как мы заболели вторжением в Афганистан» (политическое расследование, написанное в соавторстве с полковником Валерием Самуниным), книги «Путь на север», «Рыжий», «Руслан: история жизни первого президента Ингушетии, рассказанная им самим и его друзьями», «Генерал невидимого фронта», «Как карта ляжет. От полюса холода до горячих точек», «Миссия невыполнима? Антиучебник журналистики» и других.

Он написал целый ряд сценариев для документальных фильмов: «На полюс» (Центрнаучфильм), «Багровая земля» (Узбекская студия документальных фильмов), «Полярный мост» (Центрнаучфильм), «Время «Ч» для страны «А».

Его книги переведены и изданы в США, Канаде, ФРГ, Чехословакии, Афганистане и других странах. А документальная повесть «Рыжий», посвящённая ирландскому другу-журналисту Рори Пеку, погибшему в Москве 3 октября 1993 года во время штурма телецентра «Останкино», получила премию Союза журналистов России как лучшее произведение года в жанре документальной прозы.

Среди высоких профессиональных наград Владимира Снегирёва – премии Союза журналистов СССР (1997), Союза журналистов России (1997, 2003), премия имени Юлиана Семёнова «За достижения в области экстремальной журналистики». И высшая награда в области журналистики в России – премия «Золотое перо России» (2017).

Его труд отмечен и государственными наградами России и других стран. Орден Дружбы В. Н. Снегирёв получил за активную общественную работу по социальной поддержке ветеранов и патриотическому воспитанию молодёжи (2009). Также он удостоен орденов Красной Звезды и «Знак Почёта». А 4 ноября 2022 года президент России присвоил Владимиру Николаевичу почётное звание заслуженного журналиста Российской Федерации – за большой вклад в развитие отечественной журналистики и многолетнюю плодотворную работу. Имеются в наградной коллекции героя нашей зарисовки и медали РФ, награды Республики Афганистан, государств СНГ.

Он считает, что настоящий журналист не может позволить себе соврать, сподличать, быть равнодушным. И уверен, что предназначение журналистики – бороться за человека, за его хорошую жизнь, за его достоинство, отстаивать этого человека, защищать его от чиновника, от бандита, от произвола, от всех несчастий.

«Когда я был главным редактором «Собеседника», – признавался Владимир Николаевич, – у меня висел на стене листочек со стихотворением, оно немножко, может быть, советское, но и сейчас актуально звучит:

«Всё испытал,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя».

Между прочим, это стихотворение, которое называется «Сердца» и написано в 1955 году, принадлежит перу большого русского поэта, тоже нашего земляка-кузбассовца Василия Фёдорова. Совпадение ли?

Юрий Совцов относит себя к «русофилам»

Звезда московской журналистики Юрий Совцов родился в трудном 1947 году, когда СССР ещё поднимался из военной разрухи. В биографических заметках он так говорит о своих родителях: отец Александр, а мать Мария. А сам он родился у них через два года после того, как закончилась Великая Отечественная война. Они были молоды и рады своему первенцу:

«Но в городе голодуха, молока для ребенка не достать – надо ехать в деревню. А между тем они счастливы. Папа прошёл всю войну без единой царапины. В Польше его назначали комендантом городка Ново-Томысль. (Много лет спустя я спросил польского президента Александра Квасьневского, вспоминают ли в Польше тех русских, кто освобождал страну? Он ответил, что, конечно, помнят, но... Я понимал, о чём он, а вот мой батя вряд ли бы его захотел понять).

Мама провоевала три года, всё время рядом с передовой вместе с госпиталем. Однажды они разговаривали с главным врачом, в это время в воздухе раздался свист. Там, где стоял главврач, зияла небольшая дымящаяся воронка, у мамы на спине остался огромный шрам...

Папу война догнала потом, он всю жизнь промаялся сердцем, умер в 59 лет. Мама дожила до старости, понянчила внуков, но, думаю, война была самым главным, самым памятным событием в их жизни. Ничего «более весёлого» это поколение так и не увидело. Они часто снятся мне – гвардии майор Совцов Александр

Михайлович и старший лейтенант медицинской службы Совцова Мария Макаровна».

Сам Юрий в конце 1960-х начал работать журналистом в Прокопьевске. Был корреспондентом городской газеты «Шахтёрская правда». Помотался по угольным предприятиям, заводам и фабрикам этого третьего по величине города Кемеровской области, получил хорошие репортёрские навыки в ежедневном в те времена печатном издании.

Затем поступил на журфак в Уральский госуниверситет. А после успешного окончания вуза его взяли в краевую газету «Алтайская правда». Здесь прошёл путь от литсотрудника до редактора отдела, члена редакционной коллегии.

В 1977 году перспективного сотрудника приглашают в Москву, в центральную газету «Комсомольская правда»: он становится редактором отдела рабочей молодёжи. Затем – редактором отдела политики, членом редколлегии.

С 1980-го по 1983-й работает собственным корреспондентом «Комсомолки» в Болгарии. По итогам 1982 года он признан лучшим зарубежным корреспондентом «Комсомольской правды», был награждён правительственной наградой Болгарии.

Многие его «болгарские» материалы были посвящены углублению дружбы между СССР и Болгарией. Интересы наших стран тогда совпадали почти на сто процентов. И наши болгарские друзья чтят память об освободительных усилиях русского народа, его вкладе в свободу и независимость Болгарии.

«Почему в Болгарии российского императора чтут сердечнее, чем на Родине? – задаётся вопросом журналист Юрий Совцов в публикации «Всадник на бульваре Царя-Освободителя» (журнал «Родина», апрель 2018). – Я другой такой страны не знаю! В Болгарии более 400 памятников, посвящённых подвигам русских воинов и полководцев в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Такова глубина благодарности одного славянского народа, над которым нависала реальная угроза истребления в ходе пяти веков ига, другому славянскому народу, пришедшему братьям на помощь.

А много ли столиц на свете, где увековечен русский император?

Памятник Александру II стоит в самом центре Софии, напротив здания парламента. И адрес у монумента подходящий: «бульвар Царя-Освободителя». И весь этот квартал туристы часто называют русским. Напротив памятника императору – грандиозный храм Святого Александра Невского – кафедральный патриарший собор Болгарской православной церкви (вмещающий более 5000 человек!), возведённый в 1912 году по проекту русского архитектора А. Померанцева в честь победы в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. По соседству – церковь святителя Николая Чудотворца (является подворьем Русской православной церкви). Чуть подальше – обелиск в знак победы русского оружия. Да и ближайшая улица квартала названа Московской...

Я много лет работал корреспондентом в Болгарии. И мне не очень приятно задавать этот вопрос: почему в современной России так несправедливы к памяти этого императора Александра?

Одна-единственная скульптура в Москве, возле храма Христа Спасителя, работы Александра Рукавишникова – откуда такая скупость на похвалу человеку, сделавшему неизмеримо много для нас, россиян? Понимаю, коммунистические идеологи вычеркнули из российской летописи много славных страниц. Но сегодня-то кто не велит вспомнить об Освободителе и Реформаторе и достойно увековечить нашу память о нём не только в столице?»

После возвращения в Москву Юрий Совцов трудится на посту ответственного секретаря «Комсомолки», работает заместителем главного редактора.

В 1988 году его назначили первым главным редактором ежемесячного журнала «Родина» и членом редколлегии газеты «Правда». Журнал считался печатным изданием этой газеты. Первый номер вышел 1 января 1989 года. Он продолжил традиции одноимённого дореволюционного издания, основанного ещё в 1879 году. За два года под руководством Юрия Александровича журнал набрал тираж 450 тысяч экземпляров и стал одним из самых популярных изданий общественно-политической направленности в стране. Его авторы – известные историки, этнографы, археологи, писатели, публицисты. Кажется, нет такого «уголка» истории, о котором не поведала бы за минувшие годы «Родина».

Однако из-за конфликта редакции с ЦК КПСС журнал был фактически расформирован (переведён в разряд научно-популярных исторических журналов). Но творческая судьба нашего коллеги на этом не прерывается. С 1990 года по 2008 год он – первый заместитель главного редактора газеты «Труд», шеф-редактор «Труд-7». Затем ещё несколько лет работает шеф-редактором зарубежных выпусков «Российской газеты».

Он продолжает много писать о любимой стране – о Болгарии. После развала СССР, после всех трудностей возрождения, Россия стала вновь выходить на мировую арену, как сильное, самостоятельное государство. Однако и окружающий западный мир переменялся. Изменились и изменили дружбе и недавние друзья.

«Странные дела творятся в Болгарии! – размышляет он об этом он в материале «Русофилы и русофобы» («Труд», 20 сентября 2019). – Началось с почти схоластического спора по поводу исторической даты, а закончилось... арестами.

Итак, посольство РФ пригласило желающих посетить выставку в Российском культурно-информационном центре, посвящённую Дню освобождения Болгарии от фашизма. До 9 сентября 1990 года этот день считался в стране официальным праздником, но потом торжества отменили, пояснив народу, что официальное мнение по поводу этой даты изменилось. (Напомню, что Болгария являлась союзником Германии во Второй мировой, но войну СССР так и не объявила и свои войска на Восточный фронт не отправляла).

Не все такой разворот приняли – идеологические споры о том, произошла ли 72 года назад в стране социалистическая революция или переворот, результатом которого стал отказ от демократии и частной собственности, ни шатко ни валко тянутся по сей день. Но тут в дело вмешался МИД Болгарии, решительно осудив инициативу нашего посольства. Да ещё менторским тоном: мол, спорить тут не о

чем, СССР, конечно, внёс вклад в победу над фашизмом, но при этом оккупировал ряд европейских государств, насадив репрессивные порядки...

Именно в день открытия в Софии скромной выставки под стражу были взяты руководитель болгарского общественного движения «Русофилы» Николай Малинов и его соратники Юрий Борисов и Милен Чакыров, обвинённые прокуратурой ни больше ни меньше как в шпионаже.

«Русофилы» – движение уникальное, ни о чём похожем в других странах я не слышал. Сейчас в его рядах более 20 тысяч членов – совсем немало для Болгарии. Движение, как записано в его уставе, вне политики, не примыкает ни к одной из партий. Его цель – крепить дружбу болгарского и российских народов. Они и крепят: устраивают фестивали и выставки, организуют встречи делегаций, следят за сохранностью памятников, посвящённых русским братьям, спасшим болгар от османского ига. А ещё ежегодно устраивают весёлый фестиваль на озере Копринка, возле легендарной Шипки...

Да, в Болгарии есть люди, которые не испытывают симпатии к России. Но, поработав в этой стране несколько лет корреспондентом, я твёрдо знаю: большинство болгар – русофилы, и этого не отменить никакими указаниями...».

Зарубежные командировки Юрия Совцова следовали одна за другой. А следом за ними выходили интересные публикации журналиста о прелестях и превратностях зарубежной жизни. Но мне больше других запомнилась одна поучительная история, рассказанная им.

Когда-то американские коллеги-журналисты предложили Юрию съездить на табачную американскую фабрику:

«Я, честно сказать, не запрыгал от восторга. Ну, фабрика, ну, табачная, я и без американцев повидал фабрик немало, но что делать, не огорчать же коллег! Поехали.

От Нью-Йорка до Вирджинии путь неблизкий, было время вспомнить, как я лет десять назад бросал курить. Да, это было не просто! Во-первых, от курева я пытался отказаться не раз и не два. Чего только не делал: дымил «Беломором» и махоркой, чтобы вызвать отвращение к табаку. Терпел без сигарет, скажем, неделю, и всё это время нестерпимо хотелось затянуться, по ночам снилось, что курю. Превращался в злого неврастеника, грубил близким и... снова закуривал.

А бросил сразу и очень легко. Когда родилась внучка, я подумал: а зачем ей такой дед, от которого постоянно несёт табаком? И всё, и забыл, надеюсь, навсегда эту проклятую привычку!..

Так вот, когда прибыли, я понял, что таких фабрик мне видеть не приходилось. Не цеха, а сады, не столовые, а настоящие рестораны, отлично оборудованные зоны отдыха, спортзал, короче, не фабрика, а курорт.

Сопровождавший меня менеджер пояснил: здесь всё сделано по предложению рабочих. Сначала наняли будущих тружеников, потом выслушали их предложения и только потом построили предприятие...

Что ещё мне запомнилось: почти все здешние работницы (коллектив фабрики в большинстве своём женский) курили. Не покуривали, а жадно дымили прямо у конвейера почти без перерыва...

И тут мне пришёл в голову простой вопрос: а для чего всё это промышленное великолепие? Отбросим в сторону немалую прибыль, социальные, культурные и спортивные программы, в которых участвуют производители сигарет. Что остаётся? Остаётся... смерть. А что же ещё?

Надеюсь, никто не будет оспаривать прямую связь курения и онкологии? Не секрет, кстати, что по итогам «работы» той самой фабрики один за другим скончались от рака легких четверо «ковбоев», участвовавших в рекламе знаменитых американских сигарет.

Всем ли курильщикам приходит в голову эта самая очевидная мысль? Увы! В России всё ещё «дымят» 26 процентов населения (пять лет назад эта цифра равнялась 40 процентам, и мы занимали первое место в мире по этому печальному показателю). Да, ряды курильщиков редуют, но ведь и дымящая четверть населения, согласитесь, тоже немало. Меня, москвича, огорчает и тот факт, что и в столице доля курильщиков ничуть не меньше...

Да, борьба с куревом развернулась нешуточная. Но и производители сигарет не собираются переходить на выпуск леденцов. Какие только соблазны не пускают они в ход.

Вот лишь несколько отрывков из рекламы курева. «Сигаретный дым не горчит и оставляет приятное, сладкое, долгоиграющее послевкусие, какого не встречается у конкурентов», «Черри с ромом. Этот вкус уникален», «Кофейный аромат и полное отсутствие соперников создают вокруг этих сигарет ауру загадочности»... Никто, конечно, не пишет в своих буклетах о том, какие именно добавки входят в состав табака. И уж, конечно, никаких намёков насчёт того, что табачный дым содержит более 3000 химических соединений, часть из которых – смертельные канцерогены.

Мой прошлый опыт заядлого курильщика говорит об одном: никто, кроме вас самих, ребята, не заставит вас отказаться от курева. Помочь – помогут, но самое важное решение за вами. Соберите волю в кулак, откажитесь от никотина, и взамен вы получите свободу. Оно того стоит!»

Сейчас Юрий Александрович – на заслуженном отдыхе. Однако продолжает сотрудничать с разными изданиями, занимается общественной деятельностью. Он – член Попечительского совета издательских программ Данилова монастыря и Патриаршего центра духовного развития детей и молодёжи.

Не забывает и о «Комсомольской правде», которой отдано столько лет жизни. В «Клубе ветеранов «Комсомолки» – есть и такая региональная общественная организация – ему доверено быть председателем правления.

Уверен, что свою малую родину он вспоминает добрым словом. Недавно я перелистал фотоальбом «Кузбасс» (Москва, издательство «Планета», 1986) – о Кемеровской области, одним из авторов которого является Юрий Совцов. Книга сделана красиво, тепло, со вкусом...

Антонина Фоменко: «Много человеческих судеб прошло через моё сердце!»

В Прокопьевск Антонина Фоменко приехала в 1942 году по направлению комсомола для пополнения кадров угольных предприятий. После окончания специальных курсов 17-летняя девчонка устроилась работать машинистом подъёма на шахту имени Л. Кагановича (позднее переименованную в шахту имени Э. Дзержинского).

Вскоре на предприятии заметили инициативную, трудолюбивую девушку и избрали секретарём комсомольской организации. Так началась «кузбасская» жизнь молодого специалиста, которая вскоре привела её в журналистику. А пока – шла война. И комсомольцы Прокопьевска, как могли, помогали приблизить Победу.

Антонина Васильевна хорошо помнит, как во время очередного посещения одного из городских госпиталей они обратили внимание, что у раненых бойцов нет тапочек. Обратились к директору шахты с просьбой из бывшей в употреблении шахтовой транспортёрной ленты сшить больничную обувь. В результате получилось хорошо. Такому подарку горняков в госпитале были рады.

Но в военные годы у комсомольцев не было важнее цели, чем давать стране уголь. И «дзержинцы» успешно справлялись с поставленной задачей, за что дважды были удостоены переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Обороны

СССР. Самоотверженно трудились горняки и в мирное время, устанавливая рекорды угледобычи.

Комсомольский секретарь шахты Антонина Фоменко всегда была в гуще событий. Довольно часто писала заметки о своих коллегах в шахтовую многотиражку. А после войны, когда освободилась должность редактора многотиражной газеты «Борьба за уголь» шахты имени Дзержинского, приняла предложение возглавить это издание. Просиживала над газетными материалами до полуночи. Главное, считала, газета должна быть интересной, а если надо и острой. И вскоре её многотиражку стали называть рупором трудовой славы горняков.

Трудолюбия, упрямства и усидчивости Антонине было не занимать. Эти качества в её сибирском характере были заложены с раннего детства.

Родилась она 6 марта 1925 года в старинном городе Ишиме, что был в Тобольской губернии, а ныне в Омской области. Основанный в 1687 году, городок явил стране немало добрых и умных людей – поэтов, писателей, учёных, художников, актёров. Особая аура этой благословенной территории оставила в душе Антонины неизгладимый след. Хотя её детство трудно назвать счастливым.

– Ещё не пошла в школу, как друг за другом умерли мои родители, с грустью вспоминала она. – Осталась круглой сиротой...

Правда, отыскался её родной дядя, который увёз девочку в свою семью, в Ораниенбаум (ныне город Ломоносов Ленинградской области). Антонина подросла и начала мечтать о профессии врача. После окончания восьмого класса поступила в фельдшерско-акушерскую школу, но успела окончить лишь один курс, как началась война. Девушка хотела попасть на фронт санитаркой.

– Нас, девчонок-первокурсниц, на фронт не взяли, оставили в тылу, – рассказывала Антонина Васильевна в одном из интервью. – Тогда я отучилась на курсах радистов-операторов и поработала на генераторно-аккумуляторной станции...

После этого по комсомольской путёвке её и направили в Кузбасс – в угольный Прокопьевск. Стране нужен был коксующийся уголь Кузнецкого бассейна. Антонина хорошо понимала, что уголь – это «хлеб промышленности», без него не выплывишь металл для фронта: «Работали не покладая рук: выдавали уголь на-гора, отправляли посылки на фронт. Тяжёлая была юность, но яркая! И я бы никогда не променяла ту жизнь на сытую и спокойную...».

А когда комсомольский вожак шахтёров Антонина Фоменко перешла в шахтовую газету, почувствовала, что нашла себя, будто своеобразно воплотив в жизнь свою детскую мечту: став журналистом, по-своему, на страницах многотиражки, врачевала человеческие души.

Многотиражную газету «Борьба за уголь» на «Дзержинке» она возглавляла в течение 15 лет. Больше всего любила писать о горняцких коллективах, о шахтёрских династиях, о проблемах предприятия и рекордах. Писала со знанием дела, ведь не на словах, а на деле знала о тяжёлом труде покорителей земных недр.

При этом Антонина Васильевна не считала себя кабинетным работником. Если надо, спускалась с шахтёрами под землю, чтобы разобраться в тонкостях успехов

или неудач горняков. Сидела на директорских планёрках или профсоюзных собраниях. На общественных началах организовала на шахте музей боевой и трудовой славы – с уникальными экспонатами, книгами, фотографиями и биографиями передовиков и руководителей производства.

Более десятка лет она по крупицам воссоздавала историю предприятия. На этот музей приезжали посмотреть с других угольных предприятий, чтобы и у себя создать такой же. Впоследствии шахтовый музей Фоменко перенесли отдельной экспозицией в стены Прокопьевского городского краеведческого музея.

В 1971 году по решению горкома партии Антонину Фоменко перевели в городскую газету «Шахтёрская правда».

В то время издание возглавлял редактор Владимир Лаврентьевич Баринов. Он был рад «опытному перу». Ведь она до этого активно сотрудничала с городской редакцией:

«Помню первую встречу с Владимиром Лаврентьевичем. Он посмотрел на меня внимательно и говорит: «Если ты пошёл в газетчики, навсегда позабудь о покое. Ты теперь за всё в ответе, за хорошее и за плохое». Это было его наставление».

С первых дней Антонина окунулась в новый водоворот журналистских будней. «Шахтёрка» в те времена выходила пять раз в неделю. Раскачиваться сотрудникам, как говорится, некогда. Трудилась в отделе писем: «Я занималась редакционной почтой, которая всегда была и остаётся средством прямой и обратной связи с читателями». Была уверена, что эта работа стала для неё настоящей школой жизни и профессионального роста.

Работы у журналистов газеты было невпроворот, однако выпадали паузы, когда весь редакционный коллектив собирался за чаем. О чаепитии в редакции она вспоминала особо: «Чего стоит, например, бариновское изречение: «Когда человек пьёт чай, его даже змея не кусает!». Во время чайных пауз обсуждали готовящийся номер, поздравляли именинников. Традиции, заложенные при Баринове, – всегда подчёркивала Антонина Васильевна, – свято поддерживались в редакции долгие годы.

Она вела в газете рубрику «Прокопчанка». Здесь публиковались письма, житейские истории, рассказы о жителях угольного города и их семьях.

– Много человеческих судеб прошло через моё сердце! Как могла, помогала своим землячкам советом и делом, – делилась Антонина Васильевна накануне своего 95-летнего юбилея в 2020 году с корреспондентом газеты Гульсирой Игнатовой. – Этот опыт пригодился мне и позднее, когда, выйдя на пенсию, дежурила в общественной приёмной «Шахтёрской правды», когда сотрудничала с общественной организацией Союз женщин города.

Более 20 лет она посвятила непростой журналистской профессии. Написала за это время не одну тысячу заметок, репортажей и статей. Из года в год своими многочисленными публикациями помогала тем прокопчанам, кому потребовались забота и внимание.

Затем ещё, в разные годы, она трудилась в училище № 2 помощником директора по культурно-воспитательной работе, работала художником-оформителем шахты имени Дзержинского. С этой должности в 1982 году вышла на заслуженный отдых. А ещё Антонина Васильевна состоялась как любящая и заботливая жена, мама, бабушка и прабабушка.

К сожалению, 6 июля 2021 года Антонины Васильевны Фоменко не стало. Ей было 96 лет.

Её труд был оценён по достоинству. Она награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», областными медалями «За служение Кузбассу», «За веру и добро». Удостоена званий труженика тыла в годы Великой Отечественной войны, ветерана труда.

Лариса Фролова: «Сейчас скажу, иначе передумаю»

Признаюсь честно, у меня не получилось написать ни очерка, ни даже небольшой зарисовки о журналистке Ларисе Николаевне Фроловой (Сеньковой). Хотя знаком с ней не понаслышке: работали вместе в редакции «Шахтёрской правды», я – заведующим отделом промышленности, она – заведомом партийной жизни. Писала очень интересные, глубокие материалы.

Редактор Анатолий Иванович Поздеев часто хвалил её на летучках, ставил в пример другим коллегам. Поддерживали мы дружеские отношения и потом, когда я перешёл в газету «Кузбасс», став её собкором. А когда я стал редактором «Шахтёрки», возлагал на Ларису особые надежды, и она не обманывала ожиданий, её острыми статьями зачитывался весь город.

Я знал, что она одна поднимает двух сыновей, что редакция выхлопотала ей квартиру на улице Комсомольской – практически рядом с работой. Наши пути разошлись, когда меня перевели на работу в Кемерово. Иногда справлялся о делах в редакции у возглавившего газету Валерия Гужвенко...

О Ларисе Николаевне мне напомнила в 2023 году бывший ответственный секретарь «Шахтёрки» Галина Александровна Щербакова. С её помощью на сайте словосочетание.рф удалось восстановить, пусть и кратко, биографию Л. Н. Фроловой. И ещё Галина Александровна переслала одну из поздних публикаций самой Ларисы,

в которой она пишет о себе, своих успехах и неудачах, своих переживаниях и отношениях с коллегами, о корпоративном единстве, которое мы теряем...

Её заметки обо всё этом называются «Сейчас скажу, иначе передумаю». Материал стал своеобразным творческим отчётом Ларисы Николаевны о своей репортёрской работе. Мне кажется, в этой публикации вся Лариса Фролова, которую я знал. Поэтому решил включить её статью-размышление в этот сборник очерков и зарисовок о моих талантливых земляках.

Но сначала – её краткая биография.

Лариса родилась 4 февраля 1951 года в посёлке Быстрый Исток Быстроистокского района Алтайского края.

В 1972 году окончила Бийский государственный педагогический институт, получив специальность преподавателя русского языка и литературы. Работала учителем в школе, секретарём в управлении совхоза «Тогульский» в селе Тогул Алтайского края.

В начале 1980-х вместе с двумя сыновьями переехала в Прокопьевск. В 1982 году начала работать корреспондентом городской газеты «Шахтёрская правда», потом – заведующим редакционным отделом партийной жизни.

По заданию редакции трижды была в командировках в Чечне во время военных действий в 1994-1996 годах и в 1999 году. Её злободневные материалы часто украшали страницы издания, пользовались популярностью у читателей.

В 1999 году Лариса Сенькова (Фролова) была признана победителем всероссийского журналистского конкурса «Вопреки-99». (Конкурс организован в память о Ларисе Юдиной из Элисты, которая трудилась главным редактором газеты «Советская Калмыкия сегодня», и была убита).

Затем Лариса Николаевна перешла в редакцию газеты «Шахтёрский край».

На международном конкурсе журналистов имени Ларисы Юдиной «Вопреки-2002» Л. Н. Сенькова (Фролова) вновь стала победителем. Награду ей вручили на торжественной церемонии в Мраморном зале Центрального Дома журналистов в Москве.

Лариса Николаевна ушла из жизни 23 октября 2004 года. Похоронена в городе Прокопьевске.

Далее идёт её статья, вышедшая в газете «Шахтёрский край» осенью 2002 года.

«Сейчас скажу, иначе передумаю»

Здравствуй, Москва слякотная! Честно говоря, большого восторга от встречи с тобой я не испытывала никогда, хоть ты и стольный город. Все мои поездки связаны исключительно с работой. Так и на этот раз. Я приехала на церемонию награждения победителей конкурса «Вопреки-2002» имени Ларисы Юдиной, редактора элистинской газеты «Советская Калмыкия сегодня».

С тех пор, как Лариса погибла от рук наёмных убийц, конкурс проводится уже в пятый раз. Два года назад бывший прокурор города Прокопьевска Николай Янкин

(сейчас ветеран прокуратуры Кемеровской области) показал мне газету с условиями этого конкурса и предложил принять участие.

Я отправила серию статей о том, как угольное начальство Прокопьевска за счёт обманутых инвалидов-шахтёров строит себе на морском берегу, в посёлке Волна, что на Таманском полуострове, коттеджи. Отправила – и прошло время. А за неделю до 22 октября, 2002 года (день рождения Ларисы) позвонил Дима Лелюх из газеты «Фронт» и поздравил первым – он узнал о моей победе из Internet.

А потом из Москвы позвонили...

В первый раз я победила в этом же конкурсе в 1999-м. Я тогда была несказанно рада. Рада была вся моя семья, мой муж, газета «Шахтёрская правда», в которой я к тому времени отработала 18 лет. Сейчас произошло немного по-другому. Я нисколько не удивилась, когда, вторично решив принять участие в конкурсе «Вопреки» и отправив туда статью «Вооружены и очень опасны», стала вновь победительницей.

Я это знала. Мой невинно убиенный муж, раб Божий Виктор, в ночь со 2-го на 3-е августа найденный в коматозном состоянии под окнами УВД Прокопьевска, уже после того, как через 17 дней умер не приходя в сознание, пришёл ко мне во сне и сказал: «Прошу тебя, не влазь в это дело, я знаю убийц и рассчитаюсь с ними – мёртвые умеют стоять за себя. А ты займись своим любимым делом, чтобы я гордился тобой».

Накануне того дня, когда мне позвонили из Москвы, чтобы сообщить, что я вторично признана победительницей, я уже это знала – он мне подал об этом весть. Может быть, кто-нибудь сейчас крутит у виска, имея ввиду меня, но тогда надо признать шизофрениками всех моих, кому я рассказала об этом до звонка из Москвы и до получения чуть позже письма по электронной почте.

Без особой радости восприняла я это известие. Потому что радость эту, как раньше бывало, не сможет он разделить со мной на этой земле. Однако на этот раз я решила использовать командировку и в личных (да и не только в личных) целях.

Генеральная прокуратура где находится? В Москве! А Фонд защиты гласности, которым руководит Алексей Симонов – сын Константина Симонова? Там же! Как раз им-то и ещё Генеральной прокуратуре о милицейском и прокурорском произволе, творящемся в Прокопьевске и Кемеровской области, о том, что простой народ здесь боится «правоохранителей» больше, чем бандитов, я и рассказала о начальнике Центрального ОВД Владимире Волкове и заместителе прокурора города Анатолии Митюнине и многих других.

Это пока моя последняя надежда на то, что Россия сможет остановить «правоохранительный» беспредел...

Нас было 27 победителей – 17 из России и 10 – из стран СНГ. Двоим премии были присуждены посмертно: в непонятной автокатастрофе погиб главный редактор газеты «Вечерний Нефтекамск» Фират Валеев и убита экономический обозреватель ростовской газеты «Наше время» Наталья Скрыль... То, о чём говорил Алексей Симонов, было ужасно. Он рассказал, что в сентябре в Пензе убили восемь журналистов, и он выехал туда вместе с комиссией.

– Что меня поразило, так это отсутствие журналистской солидарности – той, которая была всегда, – это его слова. – Все издания, где погибли журналисты, на их смертях поднимали свой политический вес. Над другими же изданиями, где тоже погибли корреспонденты, просто смеялись. А они должны были объединиться, чтобы провести журналистское расследование по всем восьми фактам.

Я его слушала, и мне было невыносимо больно от мысли, которая подспудно жила во мне уже много лет: а ведь прав Симонов! Дружбы не стало, осталась одна конкуренция, но не здоровая, а очень больная.

Помню, когда я работала в «Шахтёрской правде», я бежала после очередной статьи моей коллеги Нины Засадной про канализацию и жэк (что одно и то же) к автору: «Нинка, ну ты молодец!» А она после моей «ментовской»: «Лариска, ты даёшь!»

Если у кого-то сейчас возникает ассоциация с басней о Кукушке и Петухе, то совершенно напрасно. Нина, если кто-то её знает, честной всегда была и есть. Даже чересчур. Про меня, если кто-то меня знает, никто не скажет обратного.

Бывший ответсекретарь редакции Галина Щербакова, которая ушла из «Шахтёрки» по принципиальным мотивам, несмотря на конфликтную ситуацию, позвонила мне после статьи «Шахтёрские деньги накрылись «Волной» (1999 год) и поздравила, ещё не зная, что я стану победителем конкурса имени Ларисы Юдиной. Это была журналистская солидарность.

Когда я ушла из «Шахтёрской правды» и стала работать в «Шахтёрском крае» – новой областной газете, тогда и случилась моя большая беда. Откликнулись единицы журналистов («Шахтёрский край», естественно, в первую очередь), в том числе названные выше. «Шахтёрка», которой я отдала столько лет своей жизни, не подумала даже выделить несколько квадратных сантиметров газетной площади на последней странице, чтобы выразить своё соболезнование мне и моей семье, понёсшей такую жуткую утрату. Для меня это обида, но более страшно – разочарование. Что же тогда есть журналистская солидарность или просто человеческая?

Помню, много-много лет назад забастовала одна подмосковная газета из города Ногинска, не согласная с политикой своего горкома партии. Я тогда была секретарём первичной организации Союза журналистов СССР в Прокопьевске и Прокопьевском районе. Нас и было-то тогда – «Шахтёрская правда», «Сельская новь» и несколько многотиражек. Мы со своей зарплаты собрали кто сколько мог, и редактор «Шахтёрской правды» Валерий Гужвенко отправил меня в Ногинск с этой нищенской суммой, чтобы узнать на месте, что там есть.

Как рады были мне коллеги! И не столько деньгам, хотя ребятам в прямом смысле уже жрать было нечего (даже старушки несли им, кто рубль, кто горстку конфет, кто банку варенья), сколько тому, что их поддерживают. Они не сломались тогда, на берегу Клязьмы отремонтировали заброшенный барак, вытаскивая на носилках дерьмо в самом прямом смысле этого слова. Сама видела. Они создавали новую, независимую газету. Сейчас время от времени поддерживаю с ними связь.

На этот раз, правда, не удалось встретиться из-за террористического акта во время мюзикла «Норд-Ост» – я прибыла не вовремя: террористы не договорились со

мной. Но я всё равно напишу ногинским журналистам, даже отправлю им эту статью, потому что верю в их порядочность: если в то, трудное для них время, сумели друг друга поддержать, то и меня не оставят, и мою газету – тоже.

Да, это моя газета, мой «Шахтёрский край», моё детище, которое мы со своим очень маленьким коллективом стараемся отстоять. Как помогли нам журналисты Прокопьевска?

«Ничего у вас не получится», – «успокоила» меня Наталья Фомина, главный редактор газеты «Шахтёрская правда». Когда главный редактор «Шахтёрского края», окрылённый тем, что его сотрудник, то есть автор этих строк, стала победительницей, даже главной среди 27 победителей (единственная за эти годы дважды и единственная обладательница приза – цифрового фотоаппарата), на радостях разослал по электронной почте это сообщение во все СМИ Кузбасса, опубликовала его только одна газета, «Край» Евгения Богданова.

Пишу сумбурно, перескакивая с одного на другое, невзирая на Козьму Пруtkова. Но хочу вылить на страницах всё, что накопилось, иначе передумаю.

Как-то один из начальников УВД Прокопьевска (а пережила я их, слава Богу, четыре) сказал: «Вы почему-то не любите милицию». Я просто дар речи потеряла. Да как же я не люблю-то её? Ведь я же дочь мента. Только не «мента поганого». Я дочь честного милиционера, начальника милиции на Алтае, Бычкова Николая Евлампиевича, который умер в 56 лет от рака лёгких после засад в снежной Прокопьевско-Тогульской тайге, где он после ранения на фронте ловил банду дезертира Васьки Зорина.

Папа распределил обязанности в нашей семье – моя старшая сестра Галя, теперь отличник народного просвещения, была моим «участковым». Выдерга Наташка стала «участковым» другой сестры, Люды, которой уже нет... А последний, Серёга, был нашим общим.

Мы выросли в милицейском гарнизоне. Всегда – в ночь-полночь – была у нас боевая готовность. Звонок, значит, отцу надо на службу. Мы притихали, мама что-то шёпотом говорила ему, провожая, бабушка шелестела: «Отче наш, иже еси на Небесех...». Да как же я не люблю милицию, если в моей жизни был очень честный милиционер?! Ведь у меня есть с чем сравнивать!

Простите меня за это отступление, не очень лирическим оно получилось. Просто мой дорогой отец с самого начала нашей жизни всех нас пятерых научил честности. И вот теперь сижу и думаю: а чего я этим добилась?

Две командировки. Первая командировка. Дорога через перевал в Чечню в 1995 году, когда погиб наш милиционер, командир отряда Анатолий Лычак (второй в моей жизни честный милиционер) вместе со своими ребятами.

Вторая командировка – в Анапу. Посмотреть, как там отдыхают дети погибших шахтёров, репортаж написать. Чтобы не было так скучно, взяла с собой своих детей. Потом опять командировки – Чечня, вторая война, съезд шахтёров на самом краю нашей Родины. Мне вдогонку шлют письмо о том, что Аман Гумирович наказал меня за то, что тайком проникла на территорию военных действий. Губернатор, правда, прислал мне благодарственное письмо: «Он(а) награждён(а) медалью...».

Радости в «Шахтёрской правде» не было предела. Мне Нина Засадная так и сообщила:

– Лариса, у нас тоже событие!

Но в её голосе я не услышала ликования, хоть она и пыталась это изобразить. И я тогда подумала: а почему не Нинка? Почему не та, которая своей ногой ступала во все канализационные вонючие дыры? Почему не Николай Бабарицкий, фотокорреспондент, почти всю жизнь отдавший «Шахтёрке», чистюля, собирающий каждую соринку на своей одежде и, тем не менее следующий за Ниной в её отнюдь не благоухающую стихию?

Кстати, Нин, где наша не пропадала! Я помню, ты «из принципиальных соображений» подала заявление на увольнение из «Шахтёрской правды» и ушла, как я тебя ни уговаривала. Пошла мыть лестничные клетки, пыталась жильцов приучить к чистоте, писала всякие объявления. Не приучила! В отчаянии пошла на «мойку» – мыть машины «крутых». Тогда тебе и сказал некий Мартель (для меня эта фамилия ничего не значит): «А, ты подруга той самой Фроловой? Дура она натуральная!» Для меня это было как бальзам на душу, когда ты мне про это сказала.

Но об этом я узнала потом. А сначала меня Гужвенко поручил тебя назад позвать: хватит с неё экспериментов, пусть возвращается. А у меня как раз была диета. Я же любительница диет, ты, Нина, это знаешь. Был капустный день. Я тебя кое-как нашла. Ты ужасно обрадовалась, давай доставать всякие пузырьки с настойками. Я машу руками: у меня капустный день! Капуста, так капуста! Ты её выставляешь на стол и убеждаешь, что пузырьки диете не помешают.

В результате я приезжаю домой, радостная... Но моя шея в силу её почти полного отсутствия позволяет повернуть голову только на 90 градусов. А хотелось бы на 180 – даже за вычетом сорока... Мой муж сказал: «Шею не сломай, иди ешь картошку, я пожарил». Я гордо ответила: «У меня капустный день!» А он сказал: «Капустный будет завтра, я тебе его устрою. А пока иди спи».

Но ты же, Нина, завтра вернулась в редакцию! И пошла в своей дорогой шубе и немисливо дорогой шапке, которые заработала на этой мойке, где, как сама сказала, «бегала, как швабра грязная», по котельным и подвалам. Я так была тебе благодарна!

Я пишу это в самолёте. Скоро буду дома. Сумбур в душе и тягостные чувства. Уезжая в Домодедово, знала, что в «Норд-Осте» погибли 67 наших человек. После регистрации на самолёт, по телевизору, который находится в центре аэропорта, услышала, что уже 90... Господи, да что же это творится?!

Собирая в дорогу свои монетки, одновременно слушала и телевизор, и «Радио России». Александр Цекало, бывший Саша Лолиты, по совместительству продюсер мюзикла «Норд-Ост», на вопрос, собираются ли они продолжить постановку, ответил: «А хрен его знает! Но мы-то здесь хозяева!» А Иосиф Кобзон, который вывел из театрального центра троих детей с их матерью и вдогонку одного больного англичанина, на вопрос слушательницы: «И вы считаете себя героем?», – сказал, что отдавал себя в заложники вместо других. Не знаю, взяли бы его в заложники

или нет, но он спел «Аве Мария». Конечно, лучше бы это сделал юный Робертино Лоретти. Но вряд ли бы тот отдал себя в заложники ради российских граждан.

Ну, вот и всё! Прощай, Москва слякотная! И криминальная. Здорово, не менее слякотный и не менее криминальный Прокопьевск!

P.S. И еще: спасибо Николаю Янкину, что посоветовал участвовать в конкурсе!

Лариса Сенькова (Фролова),
газета «Шахтёрский край», ноябрь 2002 г.

Анатолий Цыряпкин – журналист-топонимист

Мне посчастливилось быть знакомым с этим человеком, работать с ним в одной редакции – прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда» – в начале 1980-х годов. Он был тогда заместителем главного редактора.

Но не просиживал в кабинете, хотя должность позволяла, а бывал в рабочих коллективах, на производстве, часто сам писал материалы, которые рассказывали о городе и его людях, готовил к печати статьи и заметки рабкоров нашей газеты.

Анатолий Семёнович Цыряпкин родился в 1937 году в Кузбассе, в посёлке Кузедеево Новокузнецкого района. Образование получил, не выезжая из области. В журналистику пришёл в 1961 году. Вот как он вспоминает первые годы журналистской работы и своих коллег по перу в статье «Полюбил берёзку мой лесной народ»:

«Сразу оговорюсь, что в заголовок этой публикации вынесены строки из стихотворения Степана Семёновича Торбокова «Белая берёза». Но прежде – некоторые подробности о самом Торбокове. Автор этих строк познакомился с ним в самом начале шестидесятых годов прошлого столетия, когда работал в газете «Звезда» бывшего Кузедеевского района.

Нередко к нам в редакцию приходил из посёлка Тайлеп Степан Семёнович. Причём, не с пустыми руками, а с целой пачкой своих рукописей со стихами. Большая часть из них потом помещалась на страницах «Звёздочки», как мы иногда называли свою

газету. Помнится, один из сотрудников редакции, Валентин Бармин, наш газетный поэт, особенно радовался приходам С. С. Торбокова. Ведь тот уже был известным поэтом всей Кемеровской области. Его стихи в переводе Г. Сысолятина и М. Небогатова постоянно появлялись на страницах многих изданий нашего региона и Красноярского края.

Что скрывать, для нас, начинающих журналистов районной газеты, Степан Семёнович был непререкаемым авторитетом. Что же касается Валентина, то он прямо-таки благоговел перед его именем, особенно, после того, как узнал, что готовятся к изданию два сборника его стихов «Белая берёза» и «Пихточка», которые увидели свет в 1960 году. Их выходу из печати Валентин посвятил специальную публикацию «Двери его поэзии распахнулись», которую поместил на страницах «Звёздочки».

Что же касается меня, то я с большим удовольствием читал и перечитывал стихи Степана Семёновича. Некоторые из них тогда настолько прочно вошли в мою память, что помнятся до сих пор. Особенно «Белая берёза», появление которой в наших краях поэт связывал с приходом в Горную Шорию русских. Именно они, якобы, изгнали порабитителей, джундаров, которые эксплуатировали местных шорцев. Вот как это выразил в своих стихах поэт:

Сгинули джундары
Под метельный вой...
Хороша берёза
Летом и зимой.
Хороша легенда
Про её приход.
Полюбил берёзу
Мой лесной народ.

Но не только стихами памяты для меня мои встречи с Торбоковым. Окончив в Красноярске учительские курсы, а затем и географический факультет Томского университета, Степан Семёнович многие годы учительствовал в Кузедеевском районе. Был учителем, завучем, директором школ в тех самых сёлах, дела жителей которых я, как журналист, должен был освещать на страницах своей газеты. И Степан Семёнович помогал мне деловыми советами и консультациями. Большое ему спасибо за то содействие. Сегодня его среди нас нет, но остались в памяти стихи, которые он писал в минуты вдохновения.

Вот несколько строк из одного из них:

Был у нас кайчи –
Певец народа.
Старые легенды говорят:
«Запоёт – и вторит вся природа,
Лес и горы подпевают в лад».
...Как хотел бы я,
Стихи слагая,
Походить на славного кайчи.

Думается, что это пожелание Степана Семёновича стало реальностью в полной мере. (Книга «Слово О Торбокове», Осинники, 2008).

Несколько лет Анатолий Семёнович трудился собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс», публиковал в ней свои интересные статьи и репортажи с юга Кемеровской области.

Однако известного уже в области журналиста тянуло на более крупные эпические, документальные произведения. И он активно занялся писательством. На творческом счету Анатолия Цыряпкина около десятка произведений, множество брошюр – все они, в основном, посвящены истории Кузбасса и его людям.

В 1995 году он издал книгу «Осинники». В ней излагается история возникновения двух городов южного Кузбасса – Осинников и Калтана, начиная с XVIII века и до наших дней, а также говорится об окружающих их посёлках. Автор с присущей ему документальной скрупулёзностью рассказывает о становлении промышленных предприятий, быте и труде горожан. Немало страниц книги он уделил трудностям, которые встречались на пути осинниковцев и калтанцев на всём протяжении двухсотлетней истории.

Другую книгу «Сибиряки идут в наступление» Анатолий Семёнович написал в 2005 году. В ней – подробный рассказ о боевом пути 237-й Пирятинской Краснознаменной орденов Суворова III степени и Богдана Хмельницкого II степени стрелковой дивизии, сформированной в посёлке Кузедеево, которую немцы называли «Сталинской дивизией сибирских медведей». Большое внимание Анатолий Цыряпкин уделил послевоенной жизни ветеранов, их регулярным встречам на родной земле.

В его родном Кузедеево в 2005 году – к 60-летию Великой Победы – состоялась конференция по книге «Сибиряки идут в наступление». В ней принял участие и сам автор. Много добрых слов услышал он в свой адрес от совета ветеранов Новокузнецкого района, членов городского совета ветеранов. С впечатлениями о прочитанной книге, о её героях выступили и учащиеся школ.

Все отмечали, что описание подвигов наших земляков, человеческая благодарность им несут в себе большой нравственный потенциал, способствуют укреплению преемственности поколений. Что старшее поколение, участники Великой Отечественной войны теперь уверены: имена воинов-победителей Второй мировой останутся в памяти народа и истории России. Что может быть для автора весомее высоких оценок его труда...

Наиболее интересной работой А. С. Цыряпкина считаю его публикации, посвящённые топонимике Кемеровской области, даже – не всего нашего региона, а именно – юга Кузбасса. Вот его заметка «Почему Кондому называли Кондомой?» (газета «Время и жизнь», г. Осинники, 5 марта 1998):

«Малиновка... название-то какое! Душистое, ласковое, малиновое. И в самом деле, летней порой здесь угощают отборной вкусной ягодой бордового цвета. Зимой же к чаю предложат из той же ягоды превосходное варенье. А самого кустарника вокруг столько, что и своё селение первопроходцы так и называли – Малиновка.

Итак, делает вывод наш автор, с названием «Малиновка» всё ясно. Но вокруг этого посёлка, кстати, одного из самых крупных в Кемеровской области, столько селений, рек и других географических объектов с прямо-таки экзотическими названиями, что возникает невольно вопрос: откуда они произошли?

Нелегко ответить на него: «Для начала скажем, что система географических названий на любой территории складывается многими веками; даже тысячелетиями, то есть практически с того момента, как человек приобрёл дар речи. Занимается изучением этого явления такая непростая наука, как топонимика.

Непросто приходится тем, кто изучает топонимику южного Кузбасса, отмечает Анатолий Семёнович. С незапамятных времен одни народы сменяли другие, и каждый из них оставлял свой след в географических названиях. И если с русскими названиями: Малиновка, Рябиновка или Николаевка, – всё ясно, то что значат такие имена деревень и посёлков, как Кузедеево, Сарбала, Сары-Чумыш или Аларда?

Автору пришлось проштудировать немало первоисточников, побеседовать со знающими людьми. Например, изучал топонимические словари Кузбасса «От Абы до Яи» А. А. Мытарева, «Тайны имён земли Кузнецкой» В. М. Шабалина, работы исследователя-топонимиста Иды Воробьевой: «Увы, в их трудах зачастую нет единого мнения, иногда даются взаимоисключающие друг друга толкования. Остаётся только догадываться, какое из них ближе к истине».

«А лично для меня, – пишет Цыряпкин, – топонимика началась с того, что я в прошлые годы как-то заинтересовался, почему Кондому называли Кондомой? Мой добрый знакомый, горно-шорский поэт и, кстати говоря, выпускник географического факультета Томского университета, С. С. Торбоков так объяснил происхождение названия этой реки:

– У его истоков стоит шорский глагол «конды» – ночевать, – рассказывал Степан Семёнович. – А возникло название так. Во время похода наши богатыри как-то остановились на ночлег на берегу реки – вот и дали название «конды».

Но Анатолий Семёнович перечит учителю, предлагая ещё один вариант. Он «раскопал», что в словаре «Тайны имен земли Кузнецкой» есть и другое толкование слова «Кондома»: топонимисты обратили внимание на тот факт, что задолго до прихода в бассейн Кондомы представителей тюркских племён здесь обитали южно-самодийские роды. Они-то, мол, и дали имя этой реке. По-южносамодийски она называлась Кундома (Кундоба), где Кундо означает длинная, а «ма» (ба) – река. Тогда Кондома – длинная река.

Подавляющее число названий географическим объектам дали древние народы, – вывел исследователь, – которые когда-то населяли или продолжают населять южный Кузбасс, например, шорцы. Впрочем, это характерно и для всей Кемеровской области. Кроме шорцев, свой отпечаток на появление названий наложили телеуты, киргизы, кеты. Содержание и смысл значительной части топонимов южного Кузбасса для современного человека зачастую представляется загадкой.

«Например, кто из нас может с уверенностью объяснить, почему Сарбалу нарекли Сарбалой? Топонимисты так говорят по этому поводу: название посёлка

образовано от двух слов: «сарыг» – жёлтый и «пала» – ребёнок. Получается – Жёлтый ребенок. Непонятно, почему он пожелтел. Здесь нельзя не отметить, что «сарыг (сары)» – известный общетюркский термин. От него, в частности, и название посёлка, что на границе Кемеровской области и Алтайского края, и одноименной речки – Сары-Чумыш».

Но тут же автор подбирается к небольшому селению Аларда. От него и шахта «Аларда», что в Малиновке. Одни утверждают, что оно от фамилии первопроходца, другие ищут истоки в шорском языке. Якобы, аборигены именуют так мелкий кустарник. Но у топонимического словаря «Тайны имен земли Кузнецкой» своё мнение: «Алларда» образовано от тюркских «ала» – «пёстрый» и «орда» – «стойбище». Таким образом, Алларда – Пёстрое стойбище.

«С двумя буквами «л» пишется Алларда и в словаре «От Абы до Яи», – удивляется он расхождению официального написания со словарным. Остаётся добавить: «алларда» или «аларда» имеет к растительному миру сомнительное отношение.

А вот что касается «колбы», или «черемши», то она дала своё имя целому ряду географических объектов – сёл, речек, – делает вывод автор. И на карте Кузбасса – одно из популярных. Например, в окрестностях Малиновки есть крохотное селенье Колбинушка, на севере области – в Юргинском районе – Колбиха, в Тисульском – ещё с середины прошлого века живёт и процветает посёлок Колба, расположенный на одноимённой речке:

«Вот так русские поселенцы отдают должное вкусовым и противоязвотным свойствам этому, на первый взгляд, неприхотливому растению, многократно закрепив его на карте области».

Точно так же, – уверен он, – флора, или совокупность растений какого-либо района, дала название самому крупному на юге области городу – Осинникам: «Они берут своё имя от шорского улуса Тах-тал-аал. При переводе с шорского «тахтал» означает осинник, и «ал» – селение. Русские перевели на свой лад – получилось Осиновка. А в 1938 году посёлок был преобразован в город Осинники...».

Шорский кузнец Кузедей, по Цыряпкину, стоит у истоков названия большого селения Кузедеево, в прошлом районного центра: «Есть данные, что прежде кузница Кузедей была в Кузнецке, потом в Осиновке, или Тах-тал-аале. Затем он перебрался в район нынешнего Кузедеево. Кстати, Кузедеевы – среди шорцев, как утверждают некоторые источники, одна из распространённых фамилий.

...Когда в XVI веке к освоению бассейнов рек Томь и Кондома приступили русские, им приходилось то и дело браться за оружие. Это должным образом отразилось на топонимике наших мест. Вот лишь отдельные из наименований: Кандаlep – Кровавый бой, Тайлеп – Ночной бой и т. д.

Впрочем, наш край осваивался не только воинами, но и мирными тружениками. Это также запечатлелось на карте Горной Шории. Так, неподалёку от Малиновки протекает речка Мигаш.

«Был и посёлок с таким названием, – напоминает Анатолий Семёнович. – А мигаши – это всего-навсего берёзовые ковши, в которые шорцы собирали кедровые орехи. Отсюда и географические названия».

«Как знать, заключает исследователь и журналист А. С. Цыряпкин, – не появятся ли у какого-нибудь топонимиста и третье, четвертое толкования какого-то? Так что вопрос, вынесенный в заголовок публикации, остаётся открытым...».

Олег Чернов: в поисках самого себя

1.

На этого героя-земляка меня «натолкнул» писатель Гарий Немченко – учитель и товарищ, с которым мы общаемся часто, но всё по телефону. Нередко в этих беседах перебираем разных знакомцев, земляков-кузбассовцев, которых у меня – много, а у Гария Леонтьевича – хоть пруд пруди.

– Вот ты, Серёжа, родился и вырос в Прокопьевске? – утвердительно переспрашивает он, хотя давно знает ответ. – А всех ли известных прокопчан знаешь?

Начинаем считать вместе. Мой счёт заканчивается довольно быстро, а Гарий извлекает из памяти всё новые, неожиданные для меня имена и фамилии. Например, называет писателя Олега Губенко:

– Как же ты не знаешь его?! Он же был заместителем командира казачьего батальона имени генерала Ермолова, в 1996-м участвовал в боевых действиях в Чечне, – выдаёт подробности Гарий Леонтьевич. – Лет с десятка был атаманом Минераловодского отдела Терского казачьего войска. Памятник герою Бородинской битвы, военному и государственному деятелю Алексею Ермолову он поставил в Минеральных Водах. Православный храм воздвиг. Написал несколько

книг о русском казачестве. Когда меня в Минводах завезли к нему в гости, он стол накрыл. Мы посидели, расслабились, разговорились. Я его спрашиваю: «Олег, а сам-то ты родом откуда?» «Из маленького шахтёрского городка, – отвечает, – в Сибири. Да ты и не слышал. Прокопьевском называется...» Тут я вскочил и кричу: «Прокопа! Как не знаю?! Знаю! Я же весь Кузбасс прошёл!» И мы с ним обнялись, как родные...

– Но не он один оттуда родом, – посмеявшись, продолжил Немченко. – Вот ты многосерийный фильм «Морские дьяволы» смотрел?

Кто же хоть раз хоть одну серию из этого нескончаемого сериала не видел?! Конечно, смотрел, – отвечаю.

– Помнишь, там одного из главных героев называют Батей?

– Помню. Высокий такой, фактурный. И что? Он тоже...

– Ну, да! – поражается Гарий моему плохому знанию земляков. – Из вашей Прокопы!

– А ты-то откуда его знаешь?! Неужто и с ним лично знаком? – удивляюсь я.

– Нет, – отвечает Гарий Леонтьевич, и я чувствую, как в трубке звучит это его сожаление. – Я его высмотрел в телепередаче Андрея Малахова «Песни от всей души». Смотрю, парень такой фактурный, лицо угловатое, мужественное. А голос! Он песню хорошую спел «На горе стоял казак – он Богу молился. За свободу, за народ низко поклонился». Про бабушку свою рассказал, оказывается, она родом с Кубани, из станицы Камышеватской Ейского района... А сам-то он, оказывается, из Прокопьевска! Этим запомнился. Вас, прокопьевских, разбросано по свету! Ты к нему присмотришь, актёр он хороший.

Вот я и решил присмотреться к артисту Олегу Чернову, малой родиной которого, как и моей тоже, стал Прокопьевск или Прокопа, как называют город местные...

2.

Родился Олег 23 июня 1965 года в Прокопьевске, в те годы – сплошь угольном. Ведь именно здесь тогда действовали почти два десятка шахт, где горняки добывали лучшие в мире марки коксующихся углей.

Сам актёр признавался, что у него было самое обычное детство: бегал с друзьями по дворам, лазал по крышам гаражей и сараев, играл в «войнушку» с самодельным оружием из веток или деревянных палок. В те годы маленький Олег и предположить не мог, что через много лет он с настоящим боевым пистолетом в руках «объявит» преступности настоящую войну, пусть даже всего лишь на экране.

В век информационных технологий в интернете при желании можно «откопать» всё что угодно. Нашлась на бескрайних просторах «всемирной паутины» и та телепередача, о которой говорил Гарий Немченко. Она вышла в эфир 5 июня 2022 года. В ней актёр уверяет, что об актёрской профессии в детстве, если и мечтал, то не вслух.

Родители Олега работали на шахте: его отец Николай спускался в забой угольной шахты, мама была работником администрации этого предприятия. Ранее отец проживал в Горьковской (ныне Нижегородской) области и приехал в Кузбасс на

заработки. А мама – из семьи казаков, родилась и выросла на Кубани. После войны её родителей, по словам Олега, репрессировали, и всю семью вместе с детьми сослали в Сибирь. У Олега есть ещё младшая сестра Наталья, которая тоже связала свою рабочую биографию с прокопьевской шахтой.

В 1972-м Олег пошёл в школу № 1 имени космонавта Бориса Воынова. Эта школа и сейчас считается одной из лучших в городе. Именно здесь когда-то учился будущий покоритель космоса. Помнится, в одном из классов стояла парта с табличкой об этом факте.

– Сложная была жизнь, – вспоминает детство Олег, – но я не могу сказать, что грустная. Было много интересного...

А я-то точно знаю, как настойчиво и умело в городе, в Кузбассе, да и во всей стране в советские годы героизировали шахтёрский труд! Сам занимался этим в редакции прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда», которую в тот период в городе выписывала буквально каждая семья. Даже глядя на моих родителей – шахтёров, я с раннего детства прекрасно понимал, что быть шахтёром – и почётно, и выгодно: уважение в глазах общественности, друзей и соседей, награды за добросовестную работу, хорошая зарплата, привилегии, включая ранний выход на пенсию, размер которой был вполне достойным. Словом, иди по стопам родителей – не ошибёшься...

Шахтёрский городок особого развлечения для молодёжи не имел, хотя власти старались не отставать от времени. Так, в микрорайоне Тырган стоял прекрасный ледовый Дворец спорта, где играла команда профессионалов «Шахтёр», выступавшая в первой лиге страны. Тысячи зрительских мест здесь часто заполнялись до отказа. Я тоже не раз бывал на матчах, болел за свою команду. Здесь же работали секции фигурного катания. Был в городе прекрасный, хорошо оборудованный для лёгкой атлетики и других видов спорта, стадион «Шахтёр». А прокопьевский Дворец спорта знали не только в Кемеровской области, но и за её пределами. Отсюда вышло немало чемпионов страны, Европы и мира. В старших классах я занимался здесь в секции тяжёлой атлетики, где уроки нам, пацанам, давал известный тренер, мастер спорта СССР Лев Петрович Сергеев.

Поэтому, если кто-то предпочитал в подростковом или юношеском возрасте хулиганить на улице, обычно имел дело с прокопьевской милицией. А многие всерьёз занимались спортом. Ко вторым относился и Олег, он в разные годы занимался плаванием, лыжами, боксом, баскетболом и даже пулевой стрельбой. Все условия для этого в городе были.

В будущем он не собирался становиться профессиональным спортсменом, хотя все данные для этого у парня были: высокий рост, крепкая фигура, сильные мышцы. Мечтал петь в школьном вокально-инструментальном ансамбле, благо, и голосом, и слухом природа его не обделила. А после школы собирался поступать в медицинский.

– Мне в школе хорошо давалась биология, – утверждает он. – Я её, наверное, как бы «чувствовал»...

Так как учился он неплохо, то сразу после окончания десятилетки решил исполнить свою мечту. Летом 1982-го приехал в Кемерово, жаждая попасть на стоматологический факультет Кемеровского мединститута. Только ждала его неудача: сдал все экзамены, но не прошёл по конкурсу – недобрал всего один балл.

Однако упрямый парень решил не отступать и через год добиться своего. Сам Олег признаётся: «Я поступил в этот вуз не с первого, а лишь со второго раза. А чтобы не сидеть пропущенный год на шее у родителей, работал на скорой помощи».

Через год он снова повторил попытку, и на этот раз всё сложилось удачно. Правда, его зачислили на санитарно-гигиенический факультет КГМИ. Но проучился Олег в меде всего года три, при этом даже брал годовой академический отпуск. И... понял, что ошибся с выбором жизненного пути. Тут сказала и его вольная студенческая, внеродительская, так сказать, жизнь, и разные соблазны. «Да и химия меня подкосила, – признавался бывший студент меда. – Она, видимо, отомстила мне за то, что я в школе так и не усвоил до конца, как же устроены атомы и как они взаимодействуют между собой...».

Кончилось тем, что он бросил институт и вернулся в Прокопьевск. Какой-либо определённой цели у парня не было. Сам он называет этот период «периодом непонятности», когда не разумеешь, что делать и чем заниматься.

Устроился разнорабочим на шахту, которая находилась за городом. Профессия тяжёлая, но крепкий Чернов с ней справлялся. Работал так называемыми вахтами: пять дней – шахта, пять – выходных. Горняцкий коллектив – сообщество непростое. Кое у кого за плечами были и тюремные сроки. Здесь, рассказывает Олег Чернов, он многое узнал о другой стороне бытия, здесь впервые попробовал, что такое чифир. Да и в свободное время не знал, куда себя деть, встречался с друзьями, вместе курили, выпивали.

Казалось, всё в его жизни могло бы пойти иначе...

В это же время пришедший к власти в СССР Михаил Сергеевич Горбачёв объявил в стране перестройку и ускорение. Вся держава с замиранием сердца слушала замечательные речи генсека, его призывы и обещания. Помнится, я и сам попал под обаяние этого человека. Я как раз в 1985-м стал главным редактором прокопьевской газеты «Шахтёрская правда». И всему нашему коллективу редакции после очередного выступления последнего генсека КПСС думалось, что мы сможем горы свернуть. Только свернуть получилось не горы – свернули шею советской экономике, и она пошла вразнос. Впрочем, сейчас не о том, что даже шахтёрам перестало хватать зарплаты...

На шахте Олег пробыл около года, а после нашёл себе другое занятие – стал ночным сторожем в городском краеведческом музее. И, между прочим, первое время с удовольствием добирался вечерами до прокопьевского городского рынка, именуемого в народе базаром. Здесь, у трамвайной остановки, весь первый этаж пятиэтажного кирпичного дома и занимает музей. Бывало, ночами Олег даже и представить не мог, что пройдёт не так уж и много времени, в музее – рядом с фотографиями выдающихся прокопчан – появится и его фото.

А пока, расставшись с музеем, он поработал санитаром в городской психиатрической лечебнице, поиграл в баскетбольной команде ТПУ. Так пролетел ещё целый год – год колебаний, разочарований и надежд.

Вскоре, отслужив срочную службу, из армии вернулся друг его детства Александр Костин. Они стали часто видаться, вздыхали о прошедших днях, болтали о том и о сём, делились планами на будущее. Александр со школы мечтал стать артистом. Олегу это тоже казалось заманчивым. Ведь однажды кто-то из авторитетных взрослых, посмотрев на него, заметил: фактурная внешность, такому бы на сцену... Засели эти слова парню в голову.

– Так чего же, Олег, гробить своё здоровье на шахте или ещё где? – резонно предполагал друг, – Можно, например, устроиться в городской драмтеатр монтировщиком сцены. Давай-ка, пойдём туда вместе!

И они решительно отправились в Прокопьевский драматический театр имени Ленинского комсомола, твёрдо решив стать работниками «закулисья». Этот шаг и стал поворотным в судьбе Чернова. На дворе стоял 1987 год.

3.

Специалисты утверждают, что, если хочешь досконально узнать театр изнутри, для начала стань рабочим сцены (он же монтировщик или техник-механик). Когда-то эта специальность была весьма популярна в театральных кругах. Рабочими сцены устраивались, например, те, кто провалил экзамены в театральное училище, и те, кто любил театральную жизнь. В советские времена трудно было найти актёра, который не подрабатывал бы в театре на полставки, таская и устанавливая декорации.

Олег Чернов никаких экзаменов в театральное училище не проваливал. Тем не менее, с энтузиазмом взялся за новое дело. Он быстро уяснил, что труд театрального рабочего не так-то прост. И уж точно – в театре незаменим. Бригада в прокопьевском драмтеатре была, что называется, комплексная: приходилось заниматься не только монтажом декораций, но и установкой света, звука, и другими задачами, которые выдвигал режиссёр.

Вместе с товарищем они сразу поняли, что самый сладкий сон монтировщика – спектакль, который проходит в единой планировке. Но это – большая редкость. Нередко к спектаклям прокопьевской труппы создавали сложные декорации, которые устанавливали иногда по восемь часов. И, кстати, оказалось, что монтаж декораций – далеко не безопасное дело.

Не зря же сегодня, чтобы стать профессиональным театральным рабочим, надо учиться в училище на менее четырёх лет. Почти как в институте. Правда, в советские времена было проще. Однако и тогда, и сейчас именно от монтировщиков зависела и зависит безопасность актёра на сцене – плохо установленные и незакреплённые декорации весом иногда в сотни килограммов могут при случае и покалечить...

Нашим монтировщикам приходилось запоминать и тексты пьес, чтобы знать, после какой реплики опустить занавес или, скажем, повернуть круг. Вообще в театральной среде принято считать, что самыми лучшими – преданными и профессиональными

– театральными рабочими становятся те, кто в душе всегда мечтал стать актёром. И наоборот...

– За это ещё и хорошо платили, – подчёркивает Олег.

Парни присутствовали на репетициях, тщательно присматривались к игре актёров, слушали наставления режиссёра-постановщика. Словом, можно считать, что, поработав в театре, Олег прошёл своеобразную начальную школу актёрского искусства. И «театральный вирус» окончательно проник парню в кровь: «Я приболел театром», – смеётся он.

4.

В прокопьевской драме друзья отработали год. Перезнакомились со всеми местными знаменитостями и с теми, кто прибывал сюда на гастроли. И приняли решение – попробовать свои силы в театральном вузе.

Чернов предложил Костину поступать в Новосибирск. Однако Александр переубедил: поедem в Красноярск, где студентам проще найти жильё, там выделяют общежитие.

Вот так Олег, которому к тому времени исполнилось 24 года, отправился в Красноярск. И с первой попытки – успешно пройдя все три творческих тура – стал студентом театрального факультета Красноярского государственного института искусств (сегодня Сибирский институт искусств имени Дмитрия Хворостовского).

К слову сказать, его другу и «искусителю» Александру, с раннего детства мечтавшему стать артистом, не удалось преодолеть творческий отбор...

КГИИ хорошо известен как крупный учебный, творческий, научный и методический центр в сфере музыкального, художественного, хореографического и театрального искусства. Из его стен вышли мировые и российские знаменитости – оперный певец Дмитрий Хворостовский, скульптор, художник-график, ювелир и дизайнер Даши Намдаков, актёр и режиссёр-постановщик Андрей Пашнин, композитор Ирина Белова и многие другие.

Олег выбрал здесь специальность актёра драматического театра и кино. Учился легко, с интересом. На курсе его уважали и любили студенты. Выделявшийся среди них и ростом, и независимым характером, он стал негласным лидером однокурсников, тем более что был старше многих лет на семь. При этом, руководство факультета настораживали лидерство и самостоятельность Чернова, смелость его суждений и взглядов на многие вещи и явления. Может, к этому прибавлялась и ревность педагогов или какие-то другие причины, но после второго года обучения Чернова отчисляют из вуза.

Впрочем, он сам дал повод: пропустил очень важную репетицию – контрольный прогон спектакля. Ему этого не простили...

Олег признаётся, что такое решение руководства факультета его сильно «тряхнуло». Он был растерян, но не раздавлен. Напомню, он был упрямым. Какое-то время после отчисления ходил по красноярским театрам, пытаясь найти работу. Встретился со своим, теперь уже бывшим, педагогом, чтобы выяснить отношения или, как говорится, расставить точки над «i».

– Мы поговорили с ним по-мужски, – откровенно выкладывает Олег. – Только переменить уже ничего было нельзя. Но он дал мне рекомендательное письмо во Владивостокский театральный институт. Меня, мол, там гарантированно зачислят переводом...

Чернов начал было собираться к переезду на «край земли». Однако, передумал, потому что в его судьбу снова вмешался Его величество случай...

5.

Как-то вечером он встретился с одним знакомым и довольно авторитетным артистом. Посидели, покумекали о жизни. Старший товарищ предложил Чернову такой вариант: отправиться в противоположную сторону – в небольшой старинный городок Вольск в Саратовской области, где есть свой драмтеатр. Там, уверял знакомый, можно и работать на сцене и одновременно учиться на театральном факультете в Саратовской консерватории имени Л. В. Собинова – на курсе, который вёл режиссёр этого же театра. «Даже подъёмные тебе выплатят за переезд», – этот аргумент, пожалуй, пересилил все остальные.

Олег сдал купленный до Владивостока билет и из Восточной Сибири двинулся в европейскую часть страны. В Вольске его уже поджидали. Ему выплатили подъёмные, предоставили жильё и зачислили в театр. «Вот такая «синица» оказалась в моей руке! – усмехается он. – Зато освоение театральной науки пришлось по разным причинам отложить...».

Места, конечно, там превосходные. Вольск расположен на правом берегу Волги. Красота окружающих меловых холмов, местами поросших лесом, видна практически из любой части города.

При этом добыча известняка, мела, глины, опока, песка для цементной промышленности ведётся прямо в черте города. Да и цемент производят тут же. Ведь Вольск, наряду с Новороссийском, являлся старым центром цементной промышленности России.

Драмтеатр в Вольске был основан ещё во второй половине 1930-х годов как колхозно-совхозный театр. Здесь в своё время работали известные режиссёры и актёры, сложились свои неизменные провинциальные театральные традиции. Например, малочисленность труппы восполнялась за счёт студии, организованной по типу драматических курсов. Студийцев использовали как статистов и рабочих сцены. Вскоре Олег Чернов начал играть здесь свои первые роли.

Между тем, городок был намного меньше не только Красноярска, но и Прокопьевска, который, кстати, по площади равен Парижу. Чтобы по-настоящему полюбить Вольск, наверное, надо было здесь родиться. Чернову очень скоро стало и скучно, и грустно от воспоминаний о бурной студенческой жизни в столице Восточной Сибири. Хотелось чего-нибудь подобного, но развернуться в провинциальном Вольске явно не удавалось. А тут ещё обещанная учёба в вузе всё откладывалась по разным причинам. А без диплома о высшем образовании, как известно, как без рук...

С этим надо что-то делать, иначе заплесневеешь, решил Олег. Он задумал съездить в Саратов, разузнать, что там и как. Выбрал свободное время, сел на

речное пассажирское судно с космическим названием «Ракета», добрался по Волге до Саратова и пришёл в Саратовскую консерваторию. Здесь его поразило буквально всё: архитектура старинных зданий, история учебного заведения, уходящая корнями в 70-е годы XIX века. Его так потянуло учиться в этом месте.

Первой, кого он там встретил, была Валентина Александровна Ермакова, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии. Она вела на театральном факультете мастерство актёра. Она согласилась послушать, как он читает отрывки из произведений, декламирует стихи. Чернов справился с этим уверенно и профессионально.

– Она послушала меня и сказала: «Если сможешь без скандала уволиться из театра, я тебя возьму в консерваторию», – восстанавливает Чернов в памяти подробности саратовского отрезка жизни.

Ему удалось уйти из Вольского театра и его зачислили на второй курс театрального факультета консерватории. Он уверен, что В. А. Ермакова сыграла в его творческой судьбе ключевую роль. Впрочем, и сам по себе театральный факультет Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова славится на всю страну. Его выпускники работают в учреждениях культуры и искусства России и зарубежья, Москвы и Санкт-Петербурга. Своими ролями покоряли зрителей на сценах разных театров народные артисты России Г. Цинман, И. Стецюр-Мова; заслуженные артисты России Э. Данилина, Р. Файзуллин, В. Мамонов, В. Назаров и многие другие. Саратовская театральная школа по праву считается одной из самых известных и перспективных театральных школ России.

Именно Валентина Александровна имела к этому самое непосредственное отношение. Ермакова вела мастерство актёра, являлась художественным руководителем факультета. Среди её учеников народный артист России Евгений Миронов, заслуженные артисты России Галина Тюнина, Игорь Баголей, Владимир Калисанов и многие другие актёры театров. Валентина Ермакова на протяжении всей жизни была активным общественным и театральным деятелем, неоднократно избиралась председателем Саратовского отделения Всероссийского театрального общества. (Последний выпуск Валентины Ермаковой состоялся в 2002 году. К сожалению, она уже ушла от нас).

Трёхлетнее пребывание в стенах консерватории интересно тем, что Олег набирался здесь актёрского ума-разума, вникал в профессиональные тонкости и секреты. Благо, было у кого. На курсе он по праву считался лучшим. С удовольствием репетировал роли в студенческих постановках.

Крупнейший по численности жителей город на Волге, Саратов был ему интересен своей древностью и культурой. Здесь, помимо консерватории, было куда сходить: театры оперы и балета, драмы, юного зрителя, цирк, филармония. Много музеев: Саратовский художественный музей имени Александра Радищева, музей Константина Федина, музей-усадьба Николая Чернышевского. В городе на Волге – большое количество памятников архитектуры конца XVII – начала XX веков. А консерваторию называют третьей консерваторией в России.

Иногда вечерами он звонил родителям в родной Прокопьевск, узнавал от них новости с малой родины, рассказывал об учёбе...

Прикидывал, куда направится после получения, наконец-то, вузовского диплома. Потому что в саратовскую драму его не особо звали, да он и сам не хотел. Чувствовал, что в той атмосфере, которая царила в коллективе местного драмтеатра, ему пришлось бы в лучшем случае выступать на вторых ролях. Но Олег уже не был начинающим театральным «мальчиком на побегушках», вполне мог играть и главных героев. Хотелось попробовать свои силы на полную катушку. И после окончания в 1994 году театрального отделения он оказался... в Омске.

6.

Как поясняет сам Олег, в столицу Западной Сибири он попал благодаря некоей театральной бирже, которая в то время организовалась в Курске при местном театре. Антрепренёры со всей России съезжались в Курск, чтобы лично пообщаться с желающими пополнить или сформировать свои труппы. Некоторые вузы присылали туда видео выпускных спектаклей, которые могли бы отсматривать работодатели из других театров и выбирать себе актёров, предлагая им работу.

В год выпуска Олега на эту биржу приехали директор с режиссёром Омского академического театра драмы. Они посмотрели спектакль с участием Чернова. Фактурный парень им очень понравился. Они принялись обрабатывать его и напрямую, и через педагога, доказывая, что лучше театра в России нет, что Омскую драму признают одной из самых интересных и ярких провинциальных сцен в России. Здесь смело ставят лучшие пьесы страны и мира. На постановки из других стран сюда приглашают самых интересных режиссёров: И. Цивиньску и Г. Барановского – из Польши, М. Фрида – из Швеции, П. Ланди – из Италии; художника Алехандро Луна – из Мексики.

И Олег согласился поехать туда, где обнаружилось много интересного.

Действительно, в 1990-х Омский драматический постоянно выезжает на престижные международные фестивали, часто гастролирует за рубежом. Проводит акции «Театральные сезоны Сибири». В рамках этого проекта в Омск приглашают мастеров российской сцены – И. Смоктуновского, М. Ростроповича, А. Демидову, А. Филиппенко, О. Басилашвили, О. Остроумову, С. Юрского, Н. Тенякову. Интересные творческие коллективы, в том числе из других стран, бывают на его сцене: «Театр Новы» из Польши, Репертуарный театр из Милуоки (США), «Бледные лица» из Ганновера, театр современного танца «Дженнифер Мюллер Уоркс» (США), чешский «Театр на Забрадли», японский театр «Сэйн роли эндза».

Олег устроился на службу в Омский академический театр драмы и очень скоро стал выходить на сцену в главных ролях.

В Омске публика очень любит театр. Театральные традиции здесь крайне сильны. Город считается одним из наиболее театральных городов в Сибири – здесь работает 14 театров! А Омский театр драмы является старейшим городским театром и одним из старейших в России: он появился в 1870-е годы. За свою историю театр получил семь «Золотых масок» – это тоже о чём-то говорит!

Олега приняли очень хорошо, поскольку одна из давних традиций театрального Омска заключается в том, что здесь стремятся открывать новые имена, не имеющие ещё сценической судьбы.

После переезда Чернову выделили служебную квартиру, что по тем временам было хорошим подспорьем. У него появился свой постоянный угол, куда можно прийти после спектакля, расслабиться, в нормальных условиях выспаться, чтобы назавтра снова выйти на сцену в хорошей форме.

Олег Чернов играл практически во всех ведущих спектаклях, в том числе – Иоанна Крестителя в «Саломее», Артемьева в «Живом трупe», Моряка в «Человек, животное и добродетель», Горецкого в «Волках и овцах», Пепла в «На дне» и других.

С Омской драмой ему повезло: здесь признали его талант, он оказался востребованным. Это придавало сил. Театр много гастролировал, и Олег вместе с ним ездил по стране, несколько раз побывал за границей.

В одной из телепередач «Мой герой» на Центральном телевидении Олег Чернов вспоминал свои самые первые зарубежные гастроли в небольшом государстве Коста-Рика в Центральной Америке. Там проживает небольшая русская диаспора. Театр давал два спектакля в столице страны Сан-Хосе. Зрители принимали русских артистов очень хорошо, неистово аплодировали.

«Это была фантастика, – рассказывал Олег. – Помню, однажды утром я сидел на балконе номера гостиницы, смотрел на потрясающие виды окрестных гор, рассматривал сверху индейский базар, где продавали всякую всячину, в том числе разного цвета пончо (латиноамериканская традиционная верхняя одежда в форме большого прямоугольного или квадратного куска ткани с отверстием для головы посередине). И понял, что могу сидеть на этом балконе с чашкой кофе всю жизнь! Непрерывно смотреть на этот мир, на великолепные горы и пить замечательный кофе...».

Мне кажется, что тогда это всё-таки был самообман. Пока что Олег не мог ещё усидеть на месте. Ему хотелось двигаться, перемещаться в пространстве и времени в поисках чего-то нового.

Он работал на омской сцене с большим удовольствием и не заметил, как пролетели четыре театральных сезона. Вот это да! – однажды снова задумался он. – Ты этого хотел в жизни, парень из Прокопьевска?

Ему казалось, что чего-то не хватает. Остроты, жизненного перца что ли?! Однажды его позвали на Омское телевидение – попробовать в качестве ведущего передачи. Он подумал и согласился. Из театра уволился, перешёл на новую работу – в телередакцию. Трудился на ТВ, почти год вёл программы. А жить пришлось на студии – прямо в рабочем кабинете. После ухода из театра ведомственную квартиру у него забрали, а снять другую всё не получалось.

Между тем, Олегу шёл 34-й год. И он снова решил переехать, чтобы изменить свою жизнь.

– Омск – странный город, – уверяет Чернов. – Вам об этом скажут и сами омичи. Если его полюбишь, то оттуда трудно физически всё бросить и уехать. Чувствую, что в Омске корни уже прорастают. И тогда я задумался: если я оттуда сейчас не уеду, то уже не уеду никогда. И я решился...

7.

Бывает, люди меняют место жительства так: ткнут наугад пальцем в карту, – куда попал перст, туда и едут. Наш герой недолго раздумывал, куда поехать на этот раз. Однажды он увидел музыкальный клип с видами Санкт-Петербурга и буквально заболел этим городом. Питер снился ему каждую ночь, поэтому в один прекрасный момент он побросал в дорожную сумку свой нехитрый скарб и взял билет в город своей мечты. Решил покорить ещё одну столицу – Северную Пальмиру. Хотелось пожить в окружении европейской архитектуры, попробовать свои силы на одной из столичных сцен, доказать и себе, и другим, что он может стать первым и здесь...

Были ли у него связи в тамошнем театральном мире? Нет. Ждал ли там кто-нибудь бывшего прокопчанина? Тоже нет. Думаю, что были амбиции и желание хорошего провинциального актёра достичь нового апогея, доказать себе и другим: я могу!

Всё же, когда Олег приехал в Питер, вышел с вокзала на проспект, то испугался: «По улице серой лентой шла не очень трезвая толпа. Мужики распинывали по сторонам пустые пивные бутылки». Он оторопел: «Куда же я попал?!» На культурную столицу страны это мало походило. Правда, потом его успокоили – оказывается в день его приезда в городе проходил традиционный пивной праздник.

– С другой стороны, город сам по себе мне очень понравился своими улицами, зодчеством, фасадами домов. Я походил по нему и понял, что готов осесть здесь надолго, может быть, навсегда. Подкатило то же чувство какого-то удовлетворения, что и в Сан-Хосе. Только здесь на душе было намного спокойней, ведь всё же я – на родине, в России...

Почему наш герой первым делом отправился в Театр на Васильевском острове? Наверное, потому, что это – один из самых молодых театров Санкт-Петербурга. Хотя зарождение театрального искусства в этой исторической части города относится к седой старине. Русский государственный публичный театр на Васильевском острове был учреждён ещё в 1756 году. Его первым директором стал великий русский писатель и драматург А. П. Сумароков, который в середине XVIII века создал репертуар для русской сцены. Нынешний Театр на Васильевском и славные традиции продолжает, и заявляет о себе как о современном творческом коллективе. Новый театр родился в 1989-м и получил название «Экспериментальный Театр Сатиры». Говорят, организаторы сыграли на амбициях чиновников: в Москве, мол, есть театр Сатиры, а в Петербурге нет. Как же так?!

В репертуаре театра – отечественная и зарубежная классика, современная драматургия, драма и комедия, фарс и классическая мелодрама. Также детские спектакли – для малышей и для подростков.

Во-вторых, этот храм «музы пламенной сатиры» всегда себя позиционировал как театр приезжих. В общем, в театре на Чернова придирчиво посмотрели,

послушали, испытали. И – зачислили на театральную службу. Он считает, что ему повезло работать на Васильевском.

Ведущим артистом он стал не сразу, для начала довелось сыграть несколько ролей второго плана. Но довольно скоро петербургские театралы и режиссёры оценили талант Чернова, сыгравшего в таких значимых спектаклях, как «Дон Жуан» (роль Гусмана), в «Пеппи Длинный чулок» (сыграл Папу), «Любовь втроём» (Ник), «Ариадна» (Юноша), «Небо падших» (Павел Шарманов), «Сила привычки» (Укротитель фортепьяно), «Эзоп» (Агностос)...

Олег полюбил Санкт-Петербург. И город тоже принял его. Хотя взаимность возникла не сразу.

– Питер нужно завоевывать, – делится жизненным опытом актёр. – В отличие от Москвы, этот город более закрытый, консервативный. Тебя здесь просто так не принимают, долго испытывающе смотрят и придирчиво оценивают твой талант, умение, мастерство. Тут, например, кто-нибудь из «знакомых» ещё с детства по телику больших артистов подходит к тебе, будто только что заметив тебя после удачного дубля, и исключительно тогда говорит: «Ну, вот теперь, здравствуй, Олег!» Конечно, это дорогого стоит...».

Оказалось, что у Чернова огромное комедийное обаяние, отмечают теперь его коллеги, любит шутить и смеяться, иногда повеселить партнёров.

8.

Но самое большое везение в его жизни заключалось в том, что, не успев он в Питере выйти на сцену, как его пригласили на кинопробы. Это было участие в съёмках одной из серий третьего сезона нашумевшего сериала «Улицы разбитых фонарей». Точнее, продолжение бесконечного криминального сюжета о рабочих буднях сотрудников 85-го отделения петербургской милиции. Герои кино – обычные оперативники, которым не чуждо ничто человеческое. У каждого, помимо работы, есть и личные дела, проблемы, заботы. Но при этом они – настоящие «менты», у них опасная и тяжелая работа без выходных, праздников и материального поощрения.

Олега «углядел» режиссёр сериала Григорий Жихаревич. Ему для малозначимой роли нужен был высокий, плечистый молодой человек. Чернов со своим ростом 182 сантиметра его вполне устроил. И вот в 2000 году Олег сыграл свою первую эпизодическую кинороль: некоего Лёню, сотрудника службы безопасности банка.

Сам же Олег считает, что с этим эпизодом он вытащил свой счастливый лотерейный билет. Предложения сниматься в кино посыпались, как из рога изобилия. В 2001 году у него была роль оперативника в одной из серий третьего сезона сериала «Агент национальной безопасности». Дальше – больше! Эпизодов была, как говорится, целая куча – в сериалах и в обычных фильмах: «Агентство НЛС», «Ключи от смерти», «Убойная сила», «Время любить», «Пейзаж с убийством», «Тайны следствия», «Женский роман».

Где-то с 2003-го ему стали предлагать кинороли среднего плана в фильмах «Любовь императора», «Чужое лицо», «Господа офицеры», «Неудержимый

Чижов», «Потерявшие солнце», «Большая прогулка», «Брежнев», «Гибель империи», «Опера-2. Хроники убойного отдела».

В них он – мент, военный, бандит, комсомолец... Олег от предложений поучаствовать в съёмках не отказывается. Работать он любит, а заодно постигает азы киномастерства.

На вопрос: нравится ли ему сниматься в кино? – всегда отвечал:

– Да, нравится. Хотя мне и театр нравится. Это, на мой взгляд, как бы две стороны одной медали. Кино – это очень интересно. Тут важно, как тебя снимают, какой стороной ты стоишь к камере, как «держишь» лицо. И много ещё подобных нюансов...

К 2004 году на него обратили не только кинорежиссёры, но и зрители. Многие отмечали тогда, что внешность этого актёра вполне вписывается в определение «брутальный мачо». В основном он востребован в жанре криминального детектива. Зачастую режиссёры видят его только в образе сотрудника милиции или полиции, или военного. И это амплуа постоянно сопровождает питерского актёра. Он – один из самых востребованных в этом жанре, и за плечами у него уже почти полтора десятка подобных проектов.

Честно говоря, другой на его месте мог бы и загрустить от такого однообразия, но только не Чернов. Он снова и снова соглашается на очередной кинопроект и упрямо идёт на съёмочную площадку. Будто ждёт свою удачу. И не ошибается.

В 2004 году киногруппа с его участием приступает к производству первого сезона военизированного приключенческого сериала «Морские дьяволы».

Героиня сериала Дарья Юргенс, она же – Багира, хорошо запомнила:

– Начали мы снимать самую первую серию «Дьяволов» 3 июня 2004 года. Очень хорошо запомнила эту дату, потому что 28 мая моей дочери исполнился год, и уже через несколько дней я была на съёмках. Это огромный период моей жизни, и он оставил неизгладимый след. На этом проекте все мы стали близкими людьми...

Режиссёр первых серий Алексей Праздников пригласил Чернова на главную роль: он – Иван Булатов с псевдонимом Батя, командир отряда «Тайфун», подводный диверсант-разведчик вымышленного спецподразделения ВМФ России.

Вообще по сценарию их в отряде четверо бойцов спецназа. Их называют «морскими дьяволами». Они действуют на земле, в воде и в воздухе. Понятия «братство», «дружба», «офицерская честь» – для них не просто абстракция, а то, чем они дорожат и ради чего готовы пожертвовать жизнью.

Сюжет самой первой серии таков: на ракетном полигоне обнаружено некое постороннее устройство слежения. Сюда срочно перебрасывают группу «Тайфун». Первая серия под названием «Подлёдный лов» вышла в эфир в 2005 году. И – понеслось!

– Думали, – делился с журналистами режиссёр, – получится проходное кино. И хватит его на один сезон. Но... не тут-то было! Сериал так «зацепил» зрителя, что кинокомпания «Гамма продакшн» решила продолжать производство...

Начались многомесячные командировки на съёмки сериала. Если первые сезоны снимали в четырёх странах: в России, Египте, Эстонии и Дании, то с шестого сезона сериал снимается только в России: в Геленджике, Санкт-Петербурге, Калининграде, Новороссийске. Также в сериале есть кадры гор Закавказья.

Оказалось, что российские места при определённой фантазии запросто можно выдать за другие страны. Например, Скандинавию, куда герои сериала отправились в одном из сезонов, нашли на окраине Петербурга. Современный малоэтажный Курортный район выглядел как раз так, как многие себе представляют скандинавские городки. Дальний Восток и даже Японию и вовсе нашли под Выборгом, где от пейзажей просто дух захватывает.

С арабскими странами, где также побывали «дьяволы», оказалось сложнее, и съёмочной группе пришлось лететь в Египет. Места, необходимые для съёмок, были найдены довольно быстро, в отличие от марганцовки, которая требовалась пиротехникам для подводных взрывов. Марганцовку в Египте так и не нашли, пришлось доставить из Петербурга.

Теперь уже «Морские дьяволы» насчитывают без малого два десятка сезонов. А зрители всё требуют продолжения.

Олег Чернов: «На встречах со зрителями, как минимум, всегда спрашивают про продолжение, где бы я ни был. Например, вчера в такси спросили, будет ли продолжение? Такая палитра интересная, большая. Редко какой сериал смотрят люди в возрасте от 7 до 70 лет».

Для съёмок «Морских дьяволов» Олег и его коллеги вынуждены были пройти специальное обучение, так как сериал изобилует сценами, где необходимо выполнять сложные трюки. Приходилось учиться дайвингу, погружению под воду на десятки метров. Изучали мастерство рукопашного боя, искусство маскировки.

Конечно, большинство сложных сцен с прыжками из машин, с моста и прочими кульбитами выполняли каскадёры, но актёрам тоже досталось немало непростых кадров. Вот где оченьгодились Чернову его спортивные навыки, полученные в Прокопьевске.

При этом он говорит, что старые серии приводят его в настоящее умиление. Там Олег Чернов сравнивает себя с молодым солдатом, который только проходит курс молодого бойца. Но со временем звезда проекта превратился в настоящего воина-профессионала, в морского контр-адмирала.

Ему приятно читать такие, например, отзывы:

«Мы с ребёнком являемся горячими поклонниками «Морских дьяволов». Ну не снимают сейчас уже фильмы про мушкетеров! Снимают про спецназовцев! И надо заметить качественно снимают, смотреть увлекательно и интересно. Очень харизматичные актёры. Олег Чернов (Батя), Дарья Юргенс (Багира), Владимир Ярош (Физик), Антон Гуляев (Кот), Дарья Циберкина (Мура), Михаил Тарабукин (Риф). Талантливые же все люди. Сериал успешный, народ его оценил».

Или вот ещё мнение: «Прикольный сериал, весёлый, цепляющий. Да, может не самый профессиональный и документальный по отображению жизни морского,

даже подводного спецназа. Но с самой простой задачей: вдохновлять мальчишек, может быть, исключительных девчонок, и побуждать простых зрителей вроде меня болеть за героев, попутно занимаясь бытом, – он справляется на все сто».

Хотя и критики от зрителей идёт навалом. Однако тут ответ один: не нравится – переключи канал! А пацаны, действительно, смотрят с удовольствием и хотят быть похожими на этих бравых героев. Одно это уже можно поставить сериалу в заслугу. Между тем, у Олега Чернова число киноработ уже приближается к 90.

Он периодически снимается в полнометражном кино. Так, из последних работ – у него главные роли: в криминальном фильме «В зоне риска» (2012), в мелодраме «Повороты судьбы» (2013), в биографической ленте «Людмила Гурченко» (2015), в детективе «Теория невероятности» (2015), в приключенческом сериале «Дайвер» (2020), в боевике «Гранит» (2021).

Он даже занимается дубляжом. В 2009 году его голосом говорил герой фильма «12 раундов» Дэни Фишер, которого исполняет Джон Сина (известный американский борец в стиле реслинг). В мировой ленте «007: Координаты «Скайфол» (2012) он дублировал Рауля Силва, которого играет Хавьер Бардем, – противника Джеймса Бонда.

«Хавьер Бардем мне интересен как актёр, – рассказывает наш герой. – Главной моей задачей было не испортить его замечательную игру в этой истории. По-моему, мне это удалось, и я очень рад. Насчёт Бонда даже не думал, его и так замечательно дублирует мой друг и коллега Валерий Соловьёв».

Творческий образ в большинстве этих работ – всё тот же: волевые целеустремленные мужчины, сотрудники правоохранительных органов, военные и герои спецназа. По словам Чернова, это амплуа не тяготит, поскольку отвечает его характеру и личности.

О многочисленных клипах с его участием скажем лишь коротко. Чернов не раз играл в видеороликах звёзд отечественной эстрады – Лолиты, Киркорова, Жасмин, Маликова. Даже эти небольшие роли он считает не менее важными, чем работу в кино и театре, и на съёмочной площадке выкладывается полностью...

9.

Конечно, работа в театре и кино наложила свой отпечаток и на характер нашего героя, и на его личную жизнь.

Он поясняет:

«Совру, если скажу, что популярность мне не нравится. Это – составляющая успеха любого актёра, и слукавит тот актёр, который скажет, что не стремится к этому. Это, в конце концов, плод наших трудов! И – да, моя популярность помогает мне быстрее решать некоторые бытовые вопросы».

В личной жизни Олега Чернова было четыре официальных брака. Сам он считает, что все они были не по расчёту, а только по любви.

Свою первую жену Людмилу он встретил в театре Прокопьевска – актриса входила в театральную труппу. Расписались они в 1988-м, в этом браке родился первый и единственный ребёнок артиста – сын Николай. Когда Олег объявил жене о своем

решении поступать в театральный вуз, жена была против. Чернов хотел перевезти семью и поселиться в студенческом общежитии. Но Людмиле эта идея не понравилась, она наотрез отказалась ехать в Красноярск. И семья распалась. В то время сыну было всего несколько месяцев. Родителям не удалось сохранить нормальные отношения. Людмила была категорически против встреч сына и отца. Олег пытался наладить нормальные отношения, но не получилось. Поэтому Олег не видел ребёнка лет двадцать. Первая их встреча состоялась, когда парень стал уже совсем взрослым. Найти взаимопонимание оказалось очень сложным делом...

Со второй супругой Анастасией Светловой Чернов познакомился в театральном институте – она училась с ним на одном курсе. Их дружба началась буквально с первого дня, а официально они оформили свои отношения на выпускном курсе: «Наши отношения развивались стремительно. Быстро расписались, выпили по пробке «Метаксы» и побежали на наш дипломный спектакль «Саломея»...

Их брак продолжался четыре года, потом они мирно расстались. Отношения остались дружескими. Поскольку Анастасия – тоже актриса, они иногда пересекаются в общих проектах, к примеру, в сериале «Морские дьяволы».

Третью жену Олега звали Ирина. Брак с ней длился на протяжении десяти лет. Олег всё это время был очень востребованным артистом, буквально перепрыгивал из одного сериала в другой. Постоянные командировки и очень частое отсутствие дома – всё это снова привело к расставанию. Ирина устала быть всё время одна и подала на развод.

Четвёртой женой Олега Чернова стала Марина Блейк, знакомство с которой состоялось в начале 2010-х на съёмочной площадке сериала «Инспектор Купер». «Мы сидели в одном вагончике, общались, и я обратил на неё внимание, – делится Олег. – Перед очередными съёмками «Купера» возник свободный вечер, я набрал её номер, и мы встретились. С тех пор не расстаёмся по сей день».

Супруги тоже подолгу бывают в разлуке, потому что Марина работает в Москве, а Олег – в Санкт-Петербурге.

Ни в одном из трёх последних браков у артиста нет детей.

10.

Не откажешь в популярности этому человеку из Прокопьевска.

Его давно узнают на улицах и в общественных местах: «В Москве даже больше, чем в Питере узнают, а уж в провинции, где телевизор – единственное развлечение, на улице трудно находиться. Я не жалуясь, мне приятно, всегда с удовольствием ставлю автограф, фотографируюсь – это же часть моей профессии».

Известно, что успешного человека окружает множество друзей и просто знакомых. Чернов – успешный. Друзей у него немало:

– У меня много друзей-актёров, режиссёров и других собратьев по цеху. И в кино, и в театре. И я ими очень дорожу, хотя, к сожалению, видимся мы нечасто. Но всё-таки есть же телефон и интернет, чтобы общаться. А работы друзей можно увидеть на экране и на сцене. Я чаще радуюсь за них, чем огорчаюсь. И это приятно.

Друзья же ценят в нём не только профессиональные качества. Так, актёр Михаил Тарабукин, говоря о Чернове, подчёркивает:

– Он очень тонкий, душевный человек. Прекрасный артист замечательный партнёр, очень терпеливый, очень интеллигентный.

И таких «очень» набирается немало. Коллегам женского пола Олег очень симпатичен. Он спокойный, подчёркивают они, в нём есть тот магнит, который на экране очень манит любую женщину. А его мужественность – не только на экране, она – и в жизни...

Он пожил в разных местах, городах. Но всегда чувствовал, что вот здесь он – временно. Все думали, наконец-то, Олег нашёл место для постоянного проживания – Санкт-Петербург, что он осядет здесь навсегда. И успокоится. Однако это не так, вернее, не совсем так. Прошло несколько лет и...

– Мы искали домик под Питером, а поступило очень хорошее предложение из Московской области, – улыбается Чернов.

И он перебрался на постоянное место жительства в Подмоскowie. Получается, снова переехал. Хотя, в Санкт-Петербурге бывает часто – по работе:

– Сажусь на электричку и через пять часов я уже в Питере. Живу между двумя городами.

Жизнь актёра расписана по съёмочным проектам, иногда – на год-полтора вперёд. Так что до сих пор нередко приходится ездить, перемещаться в пространстве. Хотя...

Приходит пора, когда хочется остановиться. Молодёжь всё чаще называет его Олегом Николаевичем. А сам он так много мотался по свету, был такой активный, что сейчас полюбил... пусть и нечастое, но – бездельничанье. Говорит: «Хочется побыть дома, ни о чём не думать, ничего не предпринимать».

Это удивительное состояние, когда отдыхает от бесконечных нагрузок на съёмочной площадке своё тело, руки, которым не надо грести под водой или цепляться за уступы скал, отключается от проблем голова, ведь не нужно заучивать очередной текст сценария или прикидывать, как лучше выполнить задачу, поставленную режиссёром.

– Не могу насытиться бездельем, – будто сам себя уверяет лёгкий на подъём Олег.

– Полюбил засыпать, когда хочу. Иногда это бывает в 3-4 утра. И просыпаюсь тоже, когда хочу, часов в 11 утра. Мне это кажется нормальным рабочим графиком бездельника. Потом гуляю с собаками, стригу газон или занимаюсь делами во дворе.

Посёлок, где он живёт, находится в лесу. И у него теперь есть ощущение, что там, за городом, настоящая жизнь только и начинается.

– Раньше у меня всё было наоборот. Мне казалось, что настоящая жизнь – это вечная круговерть, кипение съёмочного дня, беготня. Казалось, если я не бегу куда-то, то напрасно теряю время. А теперь я будто замедляюсь, прислушиваясь к природе, к звукам за окном и чувствую какую-то непрерывность бытия...

Он вдруг почувствовал иную сторону существования. Из городского асфальта и каменных джунглей приблизился к живой природе, лучше которой ничего выдумать нельзя. И она поражает его своим неисчерпаемым смыслом, создаёт несуетный философский настрой:

– Теперь я наблюдаю воочию существование леса и поля, птиц и облаков. Вижу смену времён года, как происходят перемены в природе и то, как это быстро на самом деле всё совершается. Не успеешь насладиться майскими птичьими голосами, им на смену приходит лето – июнь, потом июль. И вдруг уже – август! И природа «выдохнула», разродилась урожаем, развалилась, такая довольная. Ей – хорошо и она начала готовиться к зимней спячке. И если за всем этим пристально наблюдать изо дня в день, то приходишь к мысли, что, с одной стороны, – это вечность, с другой – скоротечность всего земного. И так всё быстро пролетает, что не успеваешь оглянуться, задуматься – а оно уже позади! Поэтому надо остановиться, посмотреть назад, взглядеться в перспективу, осмыслить своё место в этом мире.

Задумываешься о вечности. Думаешь: кто же ты здесь? Так, прохожий, который заскочил в эту нескончаемую вечность на какую-то секунду, и – почти мгновенно исчезнешь...

Галина Щербакова, надёжная, как танковая броня

С Галиной Александровной Щербаковой я познакомился в августе 1978 года. Помню даже день – первое число. Откуда такая точность? Всё просто: в этот день я – вчерашний выпускник специализации по журналистике филологического факультета Кемеровского государственного университета пришёл устраиваться на работу по направлению в редакцию прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда».

Редактор Анатолий Иванович Поздеев был в отпуске. Его обязанности выполнял его заместитель – Пётр Михайлович Бугаев. «Мы, – сказал он, – про тебя с редактором всё обговорили, будешь работать в отделе промышленности». Дал мне сразу какое-то задание, ну и для знакомства провёл по кабинетам бывшего уже теперь здания редакции на улице Октябрьской, 11-а. Зашли и в секретариат, где и сидела Галина Александровна – ответственный секретарь редакции. Пётр Михайлович представил нас друг другу и удалился дочитывать очередную полосу завтрашнего номера газеты. Хозяйка кабинета окинула меня придирчивым взглядом и, показалось мне, с колкой ехидцей заметила:

– Вроде ничего. Посмотрим, как умеешь писать...

Я тогда ещё не умел читать по лицам – это приходит с годами. Однако, человека, которому интересен окружающий мир и небезразличны судьбы других, легко

определить невооружённым взглядом. Отметил её смешливые глаза и неподдельный интерес к людям.

Вскоре я окончательно убедился, что ироничность – черта её характера, любит коллег «подковыривать», беззлобно, правда, но не без иронии. А ещё – въедлива и правдолюбива, во всякую свободную минуту любит порассуждать. Впрочем, не самые плохие качества для журналиста. В «Шахтёрке» я отработал без малого семь лет. И все эти годы, и ещё много лет Щербакова успешно справлялась с секретарскими обязанностями. Как говорится, пересидела четверых редакторов...

Родилась наша героиня 19 февраля 1942 года в городе Канск Красноярского края. Училась в школах разных городов страны, так как её отцу, офицеру, приходилось служить в различных гарнизонах СССР. Среднюю школу окончила в Канске. Потом у Галины Туровой (девичья фамилия Галины Александровны) позади остались студенческие годы на историко-филологическом факультете в Енисейском педагогическом институте (ныне Лесосибирский государственный педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск), в который поступила вполне сознательно.

– Вуз я окончила всего за три с половиной года. Получилось так, что студенткой вышла замуж, родила дочь, поэтому две сессии пришлось сдавать экстерном. А кроме того, у нас сократили пятый курс – в стране не хватало педагогов. И вот с дипломом учителя русского языка, литературы и истории я оказалась в Прокопьевске.

В 1963-м дипломированную выпускницу приняли в среднюю школу № 69, что на Ясной Поляне. Есть в Прокопьевске, сплошь состоящем из рабочих посёлков, и такой посёлок-микрорайон с красивым «толстовским» названием. Трёхэтажное кирпичное здание школы радовало глаз. Новое большое учебное заведение в городе только-только открыли, и оно считалось одним из лучших. Наша Галина Александровна с головой окунулась в учительство. И у неё, двадцатилетней, неплохо получалось. Есть тому живые свидетельства. Например, Щербакова до сих пор переписывается через соцсети со многими своими учениками. Одна из учениц, Эрна, уже 30 лет живёт в Германии, немка по национальности (что, впрочем, не было редкостью для жителей прокопьевской Ясной Поляны, и в 1990-е многие из них перебрались на историческую родину).

– Она однажды нашла меня в интернете и теперь часто шлёт мне прекрасные сообщения в Одноклассниках, – уточняет Галина Александровна. – Пишет очень грамотно. Говорит, что я была её любимой учительницей, хорошо преподавала русский, поэтому она до сих пор грамотная. А ведь я тогда совсем молодая была, неопытная. Просто девочка и сама старалась учиться хорошо, и сейчас отличается настоящей культурой, уважением к своей малой родине, всё время вспоминает школу и подруг...

И сегодня-то в школе № 69 немалый педагогический коллектив – 44 человека. А в 60-х годах прошлого столетия, когда Прокопьевск переживал первый послевоенный демографический бум, многие школьные классы были полным-полны, здесь

работало ещё больше учителей. Руководил школой директор, талантливый педагог Виктор Андреевич Мелер.

– Коллектив был очень большой, и «русачей» полно. Но почему-то я понравилась опытному педагогу Кларе Фёдоровне Савицкой. Она, между прочим, была талантливейшим преподавателем литературы. И работала только в старших классах. А правила русского языка, шутливо жаловалась нам, «стала подзабывать». И перед выпускными экзаменами просила руководство школы, чтобы к проверке сочинений старшеклассников подключали только меня. Эдуард Савицкий, её муж, работал тогда заместителем редактора «Шахтёрской правды». И вот, не знаю уж почему, но Клара Фёдоровна решила, что моё место – в редакции газеты. Стала настойчиво рекомендовать мне перейти в «Шахтёрку», буквально за руку привела меня в редакцию. Хотя я не думала никогда там работать, сомневалась даже. Но школьное учительство меня как-то не особо прельщало. Решила: будь что будет, схожу в редакцию, посмотрю, как там, потом решу. Сходила... С тех пор и осталась в журналистике. Зато всю жизнь благодарна Кларе Фёдоровне за такой поворот в моей судьбе...

Не могу не отвлечься от главного героя моего очерка – слишком уж тесно переплелись в Прокопьевске люди и судьбы. Дело вот в чём. После работы в нашем городе семья Савицких уехала на заработки в шахтёрский посёлок на острове Шпицберген. А когда через несколько лет они вернулись в Прокопьевск, Клара Фёдоровна стала преподавать в прокопьевской средней школе № 3, где я учился. Она вела у нас в старших классах литературу и русский язык. Она, действительно, была великолепным словесником. Бывало, мы слушали её уроки с разинутыми ртами, настолько интересными и познавательными они были. Причём, материал она давала не по трафарету учебника, а намного шире, заставляла нас учить не только те стихи, что были рекомендованы программой, мы разыгрывали на её уроках сценки с чтением отрывков из произведений Александра Пушкина и Александра Грина. Она прививала нам любовь к слову, меня персонально заставляла писать сочинения на отдельные от всего класса темы. И в том, что я тоже пришёл в журналистику, есть большой вклад Клары Фёдоровны. Вот как тесен мир...

А Галина Щербакова в 1967 году перешла в «Шахтёрскую правду», став корректором. При этом начала писать первые заметки в «Шахтёрку»: «Задания давала мне Ангелина Петровна Васильева. После Клары Фёдоровны она была вторым человеком, благодаря которому я осталась в редакции».

Галине было 25 лет. Первое время она скучала по школе: «Поработав в корректуре, решила обратно вернуться в школу. Как ни странно, любила учительскую работу и детей. И ребята ко мне хорошо относились. Я их учила с пятого до восьмого класса. В восьмом ушла... Но Ангелина меня буквально уговорила остаться. Запомнила её фразу: «Вспомни, от чего ты ушла! Ты начала писать, вот и продолжай!»

После корректорской Галину отправили в многотиражную газету «Советский горняк» шахты «Коксовая». Это произошло в январе 1973-го. Наверное, это было одновременно и повышение, и репортёрская практика. Возглавляла издание

редактор Елена Сергеевна Лившиц. Её многотиражка – единственная в городе – выходила два раза в неделю. Здесь Щербакова впервые почувствовала себя литсотрудником. Уже 4 апреля 1974-го её перевели корреспондентом в «Шахтёрку». Ещё через некоторое время она попала в штаб этой газеты – в секретариат. В то время здесь работала Екатерина Митрофановна Белокопытова. А потом Щербакова стала ответственным секретарём: «Когда меня пересадили в секретари, Лёва Удовиченко – работал тогда собкором областного ТВ – сказал: «Зачем тебе это надо?!» Якобы, у меня же лучше получается писать. Но я уже не могла подвести Екатерину Митрофановну...».

Профессиональный выбор – журналистика – был сделан Галиной Щербаковой уже навсегда. Редактор газеты Владимир Лаврентьевич Баринов собирал вокруг себя и обучал непростому газетному делу молодых, перспективных людей. Пятиразовая, ежедневная по рабочим дням, «Шахтёрская правда» была отличной школой мастерства для многих, ставших впоследствии маститыми, журналистов.

Здесь в своё время начинали корреспонденты «Комсомольской правды» Владимир Снегирёв и Юрий Совцов, главный редактор областного книжного издательства, писатель Зинаида Чигарёва, главные редакторы областной газеты «Кузбасс» Александр Трутнев, Виктор Кладчихин, Валерий Гужвенко, ответственный секретарь «Кузбасса» Юрий Дьяконов, фотокорреспондент «Кузбасса» Виктор Грызыхин, модный московский фотохудожник Дмитрий Коробейников, репортёры Валентин Щербинин, Дина Калитина, Наталья Дворецкая-Евтушенко, Валентин Шестаков, Алексей Равилов и многие другие. Впоследствии они стали известными и маститыми, а пока все – молодые, энергичные – так или иначе были «птенцами» бариновского «гнезда».

По общему мнению, Владимир Лаврентьевич был прирождённым руководителем газеты. Антонина Васильевна Фоменко, которая пришла в «Шахтёрку» уже в возрасте, так рассказывала о своём наставнике: «Помню первую встречу с Владимиром Лаврентьевичем. Он посмотрел на меня внимательно и говорит: «Если ты пошёл в газетчики, навсегда позабудь о покое. Ты теперь за всё в ответе, за хорошее и за плохое». Это было его наставление всем, кто приходил к нему работать».

В общем, наша Галина попала в надёжные руки:

– В «Шахтёрке» судьба свела с уникальными людьми, отличными учителями моей второй профессии, – отмечала она в интервью, опубликованном под заголовком «По зову сердца... и профессии», («Шахтёрская правда», февраль, 2022). – Одни передавали мне свой многолетний опыт, как современно, стильно и элегантно оформлять страницы газеты. Другие – как освоить азы журналистики: мыслить неординарно, расширять свой кругозор, добиваться хороших конечных результатов в работе. И всегда приходиться на помощь тем, кто в ней нуждается. Наряду с редактором Владимиром Лаврентьевичем с благодарностью вспоминаю ушедших от нас в мир иной старших товарищей, работавших в «Шахтёрке», у кого училась новому делу, – Леонору Израилевну Бейлину, Екатерину Митрофановну

Белокопытову, Анатолия Ивановича Поздеева, Ангелину Петровну Васильеву и многих других...

Автор этого очерка не устаёт повторять: кто работал в пятиразовой городской газете, знает, что значит настоящая потогонная система. Такая газета удивительно «прожорлива», требует от журналистов большой отдачи, означающей, что ежедневно надо сдавать в секретариат редакции не менее 200-300 строк различных материалов, заметок. Редактор же при этом требует от репортёров высокого качества статей и репортажей, глубины и основательного погружения в раскрываемую тему. Адаптироваться к такой системе, вписаться в жёсткий и напряжённый редакционный ритм получается далеко не у всех. У Щербаковой получилось.

Кто работал, знает: ответсек газеты – одна из самых сложных редакционных ступенек, в иных ситуациях бывает поважнее редакторской. Тут надо уметь собирать воедино материалы в текущий номер, иметь представление о том, как будут выглядеть «на выходе» газетные полосы.

Конечно, газету делает целый коллектив сотрудников во главе с главным редактором. Но «сложить», скомпоновать очередной номер вовсе не так легко, как может показаться со стороны. Пишущий сотрудник сдаёт в секретариат материал, который отражает линию своего отдела – партжизни, промышленности, культуры, писем. Прибавьте сюда фотокора, внештатных авторов, местных писателей и поэтов, желающих обязательно напечататься в городской газете. Редактору некогда разгребать эту текучку, он занят руководством, финансами, хозяйственными делами, просиживает на разных заседаниях, проводит летучки, планёрки. Кто-то однажды сказал, что редактор – законодательная власть в газете, а секретариат – исполнительная. Поэтому многое стекается к ответственному секретарю. И надо в ежедневном режиме распределять, когда и что напечатать, чтобы газета вышла интересной, чтобы в очередном номере было всего в меру, чтобы было «что почитать». Да ещё надо поговорить почти с каждым из авторов того или иного материала, постараться не обидеть его резким выражением, недооценкой – ведь многие из сотрудников с ревностью относятся к правке и замечаниям в своих материалах. В действительности же, Щербакова иной раз резала правду-матку автору в глаза, а потом долго успокаивала его, нацеливая на новые репортёрские подвиги.

Словом, секретариат – это штаб редакции, а начальником этого штаба в «Шахтёрке» почти 25 лет была Галина Александровна. От неё мы часто узнавали все городские и редакционные новости, у неё в кабинете всегда толклось немало народа. Газета при ней часто «выбивалась» из десятков печатных СМИ Кемеровской области современным внешним видом, интересным содержанием. Надо отметить, что «Шахтёрка» ещё в 1970-х – первой в Кемеровской области и одной из первых городских газет в СССР – перешла на офсетную печать.

Каждый вечер новый выпуск газеты вовремя сдавался в типографию. Ответсекретарь умело компоновала все тексты во взаимосвязи с общим содержанием очередного номера, объединяла их с иллюстрациями, украшала

разными рубриками, «отбивала» плашками, чтобы всё смотрелось привлекательно, читалось интересно, чтобы не было повторов в темах, жанрах...

Ещё она постоянно выкраивала время, чтобы улучшать оформление газетных полос, внедрять новые оформительские элементы, благо офсетная печать позволяла ставить самые немыслимые порой эксперименты.

А сколько ей приходилось гасить разных «подковёрных» редакционных интриг, без которых, думаю, не обходится жизнь ни одного творческого коллектива, – не счесть. Часто не удавалось нормально пообедать. Однако, если иной раз ситуация уж совсем была спорная, обращалась к руководству редакции, чтобы принять коллегиальное решение.

Для редактора мнение Галины Александровны всегда было важным. Впрочем, она умела и отступить, если чувствовала, что не права, понимая, что работа в команде означает, прежде всего, работу на результат, то есть, на читателя. Повторю, редакторы в «Шахтёрке» менялись, Щербакова оставалась. Но о каждом у неё есть своё собственное мнение, своё слово.

– Не могу назвать моего первого редактора добрячком, – это она о Баринове. – А вот добрым – да! Баринов был строг с журналистами, допускавшими фактические ошибки. Но он прекрасно понимал, с каким напряжением работают репортёры и корректоры газеты. Был у нас случай, когда корректор Люда Куксина всю ночь не спала, переживала: ей показалось, что в одном из материалов пропустила ошибку. А Владимир Лаврентьевич всегда появлялся в редакции первым, в семь утра. А тут, увидев, что его опередили, улыбнулся: «Ты что, пичужка, рано встала и сидишь, нахмурившись?» Он любил цитировать стихи. Та объяснила причину своего раннего прихода. «Ну, и нашла, что искала?» «Нет! Всё в порядке», – уже с лёгким сердцем ответила Людмила. Он по-отечески погладил её по голове и пошутил: «Спокойно! Газета без ошибки – что Людочка без улыбки!» Вот разве можно было после таких тёплых слов работать без удовольствия?!

Владимир Лаврентьевич очень заботился о сотрудниках. Все они имели благоустроенные квартиры. Я оказалась единственной, кто жил в семейном общежитии. Не могла же я, отработав в газете меньше года, претендовать на отдельное жилье... И вдруг как-то входит к нам в кабинет Владимир Лаврентьевич и по-особенному смотрит на меня.

– Ну, что, Галина, станцуешь? – а в глазах смешливые искорки.

– А разве есть повод?

– Есть, да ещё какой! – отвечает.

И протягивает мне какие-то бумаги. Пробежала глазами и чуть не подпрыгнула от радости: в них говорилось, что мне выделена двухкомнатная квартира площадью 66 квадратных метров! И таких примеров, когда редактор радовал сотрудников сюрпризами, можно привести немало. Владимир Лаврентьевич обладал почти уникальными способностями на равных вести деловые переговоры с руководителями обкома партии, горкома, предприятий... И всегда находил веские аргументы, отстаивая свою точку зрения.

С первых дней руководства «Шахтёрской правдой» он мечтал о собственном здании для редакции. Её сотрудники теснились в мрачных маленьких кабинетах городской типографии. Телефонный перезвон не давал возможности сосредоточиться. И вот солнечным летом 1967 года редакция переехала в новое здание. Каждый руководитель отделов – партийной жизни, промышленности, культуры, писем, социально-бытовых вопросов – и их подчинённые получили отдельные, светлые и уютные кабинеты.

В таком комфорте было бы просто стыдно выдавать полуфабрикат. Неудивительно, что многие прокопьевские журналисты становились известными и завоёвывали награды на профессиональных конкурсах, а тираж газеты год от года рос. Но комфортно почувствовали себя и полиграфисты. На первом этаже нового здания для них расположилась типография, где печатали «Шахтёрку». У коллег появились не только прекрасные рабочие места, но и уголки для отдыха: «Мы были первыми в области, кому благодаря редактору город подарил такое помещение. В сентябре 2015 года на бывшем теперь уже здании редакции «Шахтёрской правды» установили мемориальную доску в память о Владимире Лаврентьевиче Баринове...

В 1973 году решением обкома КПСС В. Л. Баринова перевели в Кемерово для организации и руководства издательством «Кузбасс». В «Шахтёрке» же на пост редактора заступил журналист Юрий Тотыш. Сын шорского писателя Софрона Тотыша.

– При нём появились новые рубрики на промышленные, культурные и другие многожанровые темы, – вспоминает Галина Александровна. – Юрий Софронович умел зажечь необычным огоньком любого журналиста. При нём, например, многие из наших вступили в члены Союза журналистов СССР. В те годы этого удостаивались только журналисты высокого класса. Он требовал, чтобы мы чаще встречались с директорами шахт, заводов, умели отстаивать истину, были принципиальны с интервьюируемыми при разработке любых сложных тем. Но он проработал в нашей газете совсем недолго. Это был очередной редактор, который, как говорится, пошёл на повышение в область».

А редактором стал Анатолий Иванович Поздеев.

«В «Шахтёрке» при нём редкий день обходился без дискуссий, – рассказывает Щербакова. – Для журналистской братии спорить – мёдом не корми. Особенно, если вопрос касается профессиональных интересов. Но в редакции все знали: Анатолия Ивановича трудно в чём-либо переубедить. Спорщик был ещё тот! И, что поразительно, чаще всего он оказывался прав. Видимо, благодаря своему аналитическому уму и многолетней работе собственным корреспондентом в областной газете «Кузбасс», всегда известной сильными кадрами. Он умел редактировать, наставлять, защищать своих подчинённых. Действительно, на каждом заседании бюро горкома он походил на наседку, которая крылом прикрывает своих птенцов от ястребов. Нам Анатолий Иванович всегда говорил: «Меньше эмоций, больше спокойствия, ведь жизнь коротка, а журналисты, согласно статистике, находятся на втором месте по смертности после поваров». А из самого эмоции так и шли.

Он, действительно, внёс новую струю в наш коллектив. И это не осталось незамеченным читателями. Если в 1974 году тираж газеты составлял 38 тысяч экземпляров, то уже к середине «восьмидесятых», на момент ухода Поздеева из газеты, «Шахтёрку» читали практически в каждой прокопьевской семье. В городе, уточню, тогда проживало около 300 тысяч человек.

Газета при нём всё чаще становилась лидером на всесоюзных конкурсах – за лучшие материалы на актуальные, проблемные темы. На газетных страницах появились новые рубрики: «О рабочей чести, долге и совести», «На темы морали», «Дай руку, товарищ подросток», «По письмам читателей» и другие, которые заставляли задуматься о таких категориях, как нравственность, ответственность за порученное дело – эти материалы активно обсуждали в рабочих коллективах, в общении между родными и близкими, соседями... В ответ на жизненные, важные для читателей статьи журналистов в редакцию потоком потекли письма. При нём постоянными стали встречи за «круглым столом» журналистов «Шахтёрской правды» и людей разных профессий.

При Поздееве стали популярными совместные семинары с коллективами газет Киселевска, Прокопьевского района. Мы встречались чаще всего на загородных дачах предприятий. С нами охотно делились здесь своими проблемами руководители обувной фабрики, домостроительного комбината, угольной компании «Прокопьевскуголь». Одним из методов «перетягивания» читателей на свою сторону стали выездные редакции. Росту тиража «Шахтёрской правды» помогала и общественная приёмная редакции. Для неё редактор выделил отдельный кабинет. Специалисты-ветераны по определённым дням вели здесь приём жителей. После этого в газете нередко появлялись интересные проблемные материалы, очерки, зарисовки. Деловые голоса, неожиданный смех постоянно звучали в просторных и светлых кабинетах редакции.

«У Анатолия Ивановича была, пожалуй, самая отличительная для настоящего руководителя черта характера: он мог признавать свои ошибки. Был такой момент в моей биографии, – признаётся Щербакова, – из-за одного спорного момента мы с ним не нашли общего языка. И я решила уйти из редакции в городскую газету Киселёвска. Написала заявление об уходе. Но через три дня он пригласил меня в «Шахтёрку», в редакторский кабинет, извинился, признав свою неправоту, и попросил вернуться обратно. Я ему говорю: «Как-то неудобно перед коллективом. Что мы скажем?» Улыбаясь, он произнёс: «Представлю вас так: знакомьтесь! Новый ответственный секретарь». Так его юмором был исчерпан, можно сказать, курьёзный для меня инцидент. А в моей трудовой книжке на строке об уходе из «Шахтёрской правды» появились слова: «Запись недействительна».

При всей принципиальности Поздеев был весьма скромным. Вот характерный пример. Газета отмечала 50-летний юбилей. На весь коллектив выделили всего один правительственный знак – «Отличник социалистического соревнования» Министерства угольной промышленности СССР. Анатолий Иванович со спокойной совестью и вполне заслуженно мог не обойти себя. Он же вручил эту награду мне – ответственному секретарю».

А вот мнение Натальи Фоминой, выпускницы журфака УрГУ 1978 года, которая прошла в «Шахтёрке» все ступеньки – от корреспондента до главного редактора газеты в 2001-2004 годах:

– Наш ответственный секретарь Галина Александровна Щербакова всегда с сочувствием относилась к молодым и при возможности в гонорарной разметке оценивала их материалы по максимуму. При этом помню её строгость и дотошность в сборе новостных материалов на первую полосу. Припоминаю, как я, выпускница «универа», и сверстники-коллеги старались перед сдачей номера не попадаться на глаза Галине Александровне, требовавшей заметку срочно в номер. И не какую-нибудь там «информашку», а новость, о которой назавтра заговорил бы весь город! И всё же, в 1981-м Поздеев и Щербакова рассорились, да так, что Галина Александровна написала заявление и уволилась. С его бесконечным курением она могла смириться. А вот другая слабость Анатолия Ивановича, которая, к сожалению, тоже распространена среди мужской части журналистов, уж больно её достала: «Надоело!», – заявила она.

Устроилась редактором многотиражной газеты на шахту «Красный углекоп». Поскольку плохо работать не умела, начала вкладывать в многотиражку всю душу, что не могло остаться незамеченным среди коллег и специалистов. Не раз бывала в подземных забоях предприятия. До сих пор гордится, вспоминая, что её издание хвалили на областных семинарах...

Весной 1985 года Анатолий Поздеев вынужден был уйти из «Шахтёрки». По решению обкома КПСС сменил его на этом посту я – Сергей Черемнов. Признаюсь, долго не мог согласиться с этим назначением, потому что всегда считал и считаю Анатолия Ивановича одним из главных своих учителей в журналистике. Я принял от него боевой, работоспособный коллектив, сложившиеся в редакции формы и методы работы. Надо было только поддерживать и продолжать то, что было заложено Поздеевым. Постоянно думать о сотрудниках и о читателях. Ну, и на месте не топтаться, поспевая за жизнью. Заместителем редактора я назначил Валерия Гужвенко. Вместе с Гужвенко в ноябре 1985-го мы снова заманили Щербакову в «Шахтёрку», зная её профессионализм и творческую жилку, восстановили в прежних правах и усадили в прежний, привычный для неё, кабинет. В редакции тех дней работало 28 человек, включая творческих и технических сотрудников. Ответсекретарём газеты вновь стала всё та же Галина Александровна Щербакова – надёжная, как танковая броня.

Напомню, 1985 год стал годом «перестройки и гласности», объявленными руководителем нашей страны М. С. Горбачёвым. Тогда в стране начиналось любопытное время. Нам хотелось острых публикаций, свежего взгляда на журналистику и на газетное дело.

Мы ориентировали наших репортёров писать правдиво, критично, открыто. Газета стала основательно критиковать парткомы, директоров шахт, заводов, вести серьёзные журналистские расследования. При этом тираж «Шахтёрки» неумолимо рос, перевалив за 70 тысяч экземпляров.

Но вместе с ответственным секретарём мы понимали, что нельзя стоять на месте и в том, как выглядит газета внешне. Много совещались на эту тему с Гужвенко и Щербаковой и, наконец, решили попросить помощи у бывшего сотрудника «Шахтёрки» – ответственного секретаря газеты «Кузбасс» Юрия Дьяконова. Чтобы помог нам «осовременить» внешний вид газеты.

На календаре был 1986 год. Юрий Васильевич согласился приехать на несколько дней в Прокопьевск, чтобы внедрить у нас модульную вёрстку. Он всё нам рассчитал, помог создать шаблоны новых макетов газетных полос (модульные сетки), провёл несколько занятий с ответственным секретарём, от которой, главным образом, зависело новое лицо газеты, с метранпажами печатного цеха.

Не углубляясь в теорию расчётов идеальных пропорций «золотого сечения» между колонками, строками, фотографиями и прочим, подчеркну, что в результате мы первыми в области перешли на современную модульную вёрстку. Галина Александровна больше всех радовалась, что у газеты абсолютно новый дизайн, и она стала более стильной, элегантной, светлой. В качестве эксперимента издали даже номер, где снимок передовых горняков занимал всю первую полосу...

Добавлю ещё, что в 1986 году Г. А. Щербакову приняли в Союз журналистов СССР. – Писать отдельно об учениках Анатолия Поздеева и его последующих преемниках – Сергее Черемнове и Валерии Гужвенко – не могу, – считает она. – Сначала первый стал редактором, а второй его заместителем. Получился деловой, умственно-классный тандем. Этот период в «ШП» без преувеличения можно назвать временем расцвета газеты, принёсшим ей общесоюзную известность. Молодые руководители «Шахтёрской правды» довели её до совершенства по содержанию и оформлению. Коллеги из других редакций завидовали. В этом «Шахтёрка» опять же оказалась впереди планеты всей.

– А следом – уже при редакторе Валерии Гужвенко – мы, можно сказать, совершили переворот в оформлении первой полосы... – добавляет Щербакова.

Да, редактором «Шахтёрки» Валерий Михайлович стал в мае 1987-го, когда автора этих строк перевели на работу в столицу области – на должность заведующего сектором печати теле- и радиовещания Кемеровского обкома партии. На счету ответсекретаря прокопьевской городской газеты появился пятый её редактор «Шахтёрской правды»...

«Идеи из головушки нашего нового шефа выскакивали, как из рога изобилия, – говорит Галина Александровна. – Наверное, не ошибусь, если скажу, что мы первыми в области начали выпускать рекламный вкладыш. В то время это была настоящая сенсация. Он стал связующим звеном между начинающими предпринимателями и газетой. Назвали его «Посредник». А чтобы в мозгах не было застоя, мы с благословения редактора стали намного чаще ездить на учёбу в Кемерово и Москву – в институты повышения журналистского мастерства. Газета становилась всё более уважаемой читателями, настоящим другом для их большинства.

Появилась при газете и молодёжная редакция, в которой жизнь так и бурлила. Валерий Михайлович дал старшим школьникам возможность самим делать свою

особую полосу. На страницах «Шахтёрской правды» были опубликованы первые опусы прокопьевских старшеклассников 90-х годов, которые выбрали журналистику своей профессией, – Анны Калашниковой, Виталия Базырина, Марины Чалапко, Юлии Черновой, Марины Мамонтовой, Елены Чащиной, Анны Сорокиной, Анастасии Баженовой, Людмилы Фоминой.

– Но всё же пик профессионального взлёта редакционного коллектива пришёлся на самое лихое для страны время – шахтёрские забастовки 1989 года и последующие за этим события, – уточняет Щербакова. – Журналисты города – с подачи Гужвенко – поддерживали своих дедов, отцов, родственников, отстаивавших права на лучшую жизнь. Иначе и быть не могло. Ведь почти каждую нашу семью можно назвать горняцкой. Мы дневали и ночевали вместе с забастовщиками на площади. Все репортажи о них в газете стали выходить со словом «вчера». А рано утром редактор и сотрудники раздавали забастовщикам свежие номера «Шахтёрки».

При редакторе Гужвенко мы, можно сказать, совершили переворот в оформлении первой полосы. Вот как это было. В последний день забастовки фотокорреспондент Николай Бабарицкий сделал прекрасный снимок. Он запечатлел момент, когда шахтёры покидают площадь, которая была для них местом круглосуточных жарких споров, дебатов и выступлений с трибуны. А подпись к снимку, щемящую душу, сделал сам редактор: «Шахтёры уходят. Победа или поражение? Спасибо вам, родные, за стойкость, мужество, выдержку!» И тут же у него возникла сногшибательная мысль. Возбуждённый, с горящим взглядом, знакомым мне, когда его осеняла какая-нибудь безумная, но оригинальная идея, он врывается ко мне в кабинет и буквально с порога восклицает: «Галина Александровна, давай рискнём и поставим этот исторический снимок на всю первую полосу!» И мы рискнули. И прославились среди коллег региональных и столичных газет. Этот кадр потом назовут «Снимок-легенда». А имя Николая Бабарицкого станет известным профессионалам многих стран... На семинарах в Москве, Кемерове нашу газету ставили в пример как лучшую по оформлению. Её называли своеобразной школой нового направления модульного дизайна.

Тогда же наша даровитая Лариса Фролова выдавала такие мощные материалы с разных уголков страны, куда её отправлял в командировки Валерий Михайлович, что ими зачитывался весь город. При Гужвенко значительно «подросли» журналисты газеты Нина Засадная, Ирина Смирнова, Николай Бабарицкий, Михаил Ткачёв, Игорь Семёнов... На другую работу – на высшие должности – перешли корректоры Людмила Куксина, Гульсира Игнатова.

При Валерии Гужвенко произошло и другое, не менее важное, событие. У газеты появилась своя самая современная печатная машина. Такой не было ни в одной редакции области. Мы долго обивали пороги кабинетов многих вышестоящих инстанций в Москве. И вот она, выстрадавшая нами, наконец, украсила огромный зал на первом этаже! Для читателя это тоже много значило – он стал получать «Шахтёрку» в ещё более современном полиграфическом исполнении».

Но в жизни любого, даже самого удачливого, человека не бывает ничего вечного, случаются крутые повороты. Вот и у Галины Александровны вышло так, что после

двух с половиной десятилетий в «Шахтёрской правде» пришлось сменить работу. Однако не хотелось завершать этот раздел моего очерка на грустной ноте. И я попросил Галину Александровну вспомнить что-нибудь повеселей из жизни журналистского коллектива «Шахтёрки». Ну не могли же в то время коллеги обходиться без весёлой шутки или шального розыгрыша. По себе знаю...

– Да, – сразу же среагировала Щербакова, – мне всегда везло на интересных людей. И весёлых! А таких у нас больше всего было в «Шахтёрке». Молодых, задорных, юморных! Прикольные таланты особенно проявлялись в стенгазетах. Выпускали мы их почти к каждому празднику. Особенно веселились по утрам над выпусками, посвящёнными 8 марта и 23 февраля. Каждый сотрудник получал в стенной печати «по заслугам». Сколько выдумки в них проявлялось! Народ-то у нас работал по-настоящему талантливый. Не случайно большинство журналистов из прокопьевской газеты впоследствии стали писателями, поэтами, именитыми фотохудожниками...

Но иногда, правда, приколы доставляли немало хлопот. Особенно первоапрельские. Вот пример. В редакцию постоянно приходили интересные фото из московского Агентства печати «Новости». А в 90-е годы в стране был ажиотаж на чертовски красивые итальянские дольки (женские колготки). Но из-за высокой цены купить их мог не каждый. Перед 1 апреля я выбрала снимки с такими дольчиками и огромными тракторами. И предложила нашему «главному юмористу» Дине Калитиной придумать к ним какие-нибудь прикольные подписи. Она придумала! И именно за эти дольки попала на скамью подсудимых. Да! Хотя, полоса в газете называлась «1 апреля – День смеха!». Но, к сожалению, некоторые плохо это восприняли.

Дина решила подшутить над Прокопьевским заводом резиново-технических изделий и под снимком сделала подпись: «Наш завод РТИ начал выпускать нарядные дольки по доступным ценам». Прокопьевские дамы не почувствовали первоапрельского юмора и буквально «осадили» звонками предприятие. Уж очень им хотелось пофорсить в дольчиках местного, так сказать, «разлива». Обидевшись на сотрудника «Шахтёрки» за то, что заводу доставили столько хлопот, руководители начали с ним судиться. В конце концов, дело закончилось миром.

А вот со второй подписью всё обошлось благополучно. Дина под снимком сообщила, что Прокопьевский шарикоподшипниковый завод № 14 начал выпускать тракторы. Звонков на предприятие тоже поступило немало. Уж такой у нас доверчивый народ – с юмором не всегда дружит. Зато директор ГПЗ-14 шутку на 1 апреля понял и подавать в суд на корреспондента не стал.

– А вот ещё одна из шуток чуть не закончилась для нашего сотрудника больничной койкой, – вздыхает Щербакова. – «Шахтёрская правда» была богата редакционной почтой. Люди делились с газетой не только своими проблемами. Рассказывали и о хорошем, что происходило в их жизни. Пришло как-то письмо с фотографиями кошки и собаки. Читатель с теплотой рассказывал о дружбе его домашних друзей. Письмо редактор расписал Азе Шабалиной. Но она не спешила давать его в газету. И Анатолий Иванович Поздеев почти на каждой летучке напоминал: «Аза

Арсентьевна, когда вы наконец подготовите материал по письму?» И она его, наконец, сдала! Не раньше – не позже, а именно к 1 апреля.

Вот тогда мы и решили над ней подшутить. Попросили собкора Лёву Удовиченко позвонить ей от имени автора письма. Он грустным голосом сообщил Азе, что публиковать письмо уже не надо. Кошка заболела, и её не стало. Аза в панике бежит к редактору и просит снять материал. Тот отвечает, что сделать этого не может: полоса подписана в печать. Шабалина – в слёзы! Ей действительно стало плохо. Нам пришлось отпаивать её корвалолом. Что могу сказать? В хорошей журналистской среде всегда были, есть и будут неунывающие весельчаки. А юмор, как принято считать, – главный спаситель человечества.

Короче говоря, четырёх редакторов она «пересидела», а из-за пятого... снова попрощалась с «Шахтёркой». Впрочем, не стану фантазировать, перелагая факты с чьих-то слов. Пусть сама расскажет:

– После почти 25-летней работы в «Шахтёрской правде» я и ещё семь моих коллег из-за принципиальных коммерческих расхождений с редактором Валерием Гужвенко покинули родную для нас газету, – вот всё, что она сказала о возникшем в начале 90-х годов конфликте, и продолжила. – Но, как говорят в народе, не было бы счастья, да несчастье помогло. Никто из нас не остался без работы. А меня, Дину Калитину и Ирину Смирнову «приютило» созданное в Прокопьевске городское телевидение «27 канал Плюс». Его возглавил бывший горняк Владимир Капустин. Владимир Михайлович был настоящим демократом. Поддерживал все идеи, которые исходили от журналистов. Вначале я попала в отдел теленовостей, тех самых, про которые говорят: «Смотрите нас на экране вечером в девятнадцать!»

Но о жизни города мы рассказывали не только в новостях. Появились у нас и интересные телесюжеты, передачи. А самые первые фильмы на телевидении я создавала вместе с оператором Анатолием Кравченко. Один назывался «Сороковая пахота». Героем его был фронтовик Леонид Васильевич Васильев. При нём после войны отстающее предприятие стало миллионером и было построено село Первомайское. Почти в течение часа на экране нашего ТВ демонстрировался фильм «Шахтёры» – о горняках шахты № 5-6, их работе, семьях, увлечениях. Не обошлось в фильме и без разговора о том, что дала забастовка шахтёрам. Во время его создания оператор Кравченко не раз побывал в забоях, в передовых бригадах. Этому фильму лестную оценку давали даже руководители других угольных предприятий.

Как-то незаметно для себя, нехотя даже, я втянулась в тележурналистику и почувствовала, что работать на ТВ намного интереснее. «Телевизор», как ни странно, будто в молодость вернул. Тем более, рядом сколько интересных ребят и девчат работали!

После распада страны телестудии в городах бывшего СССР стали появляться, как грибы после дождя. Повезло и Прокопьевску. Городская телерадиокомпания «27-й канал» образовалась 24 июня 1994 года и стремительно развивалась. В 2007 году руководству компании удалось добавить к местному телевидению и местное радио. ТРК завоёвывала в Прокопьевске популярность, охватывая всё большую

аудиторию телезрителей и радиослушателей. Людям были интересны ежевечерние городские новости, многим нравилось видеть по телевизору себя или своих коллег, соседей. Журналисты ТРК брались за решение порой самых непростых людских проблем, поднимали вопросы ЖКХ, ремонта жилья и дорог, благоустройства дворов, улучшения обслуживания в торговле, социальной и медицинской сферах.

– Надо отдать должное руководству города, – отмечает Галина Александровна, – оно поддерживало городское телевидение. И если сначала наша техника оставляла желать лучшего, то спустя некоторое время у нас появилось новое оборудование. В помощь «Новостям» дали старенький автомобиль, а затем – новый УАЗ.

Сколько интересных коллег работало со мной рядом: журналисты Дина Калитина, Ирина Смирнова, Татьяна Тренина, Юлия Огневская, Татьяна Эмих, Елена Романцова, главный инженер Сергей Барсуков и его заместитель Игорь Харитонов, операторы видеосъёмки и монтажа Игорь Буров, Вячеслав Переверзев, Александр Мухарев, Анатолий Кравченко, инженеры трансляции Владимир Тишківский, Андрей Будицкий, Александр Турий, Сергей Шилько, диктор Надежда Переверзева. Да всех и не перечислишь!

Каждый на телевидении работал с полной отдачей, несмотря на многие технические проблемы. Потому и последующие фильмы и передачи Ирины Смирновой, Татьяны Трениной, Дины Калитиной и других зрители воспринимали как что-то новое в информационном пространстве города. Каждую пятницу журналисты за «круглым столом» брали интервью у руководителей города, директоров предприятий и учреждений, говорили о том, как улучшить положение дел в Прокопьевске. Сегодня эта передача называется «Город и мы».

Большое внимание уделялось росту профессионального мастерства журналистов. Многие сотрудники ТВ побывали на учёбе в Нижнем Новгороде в Российском центре подготовки работников региональных телевизионных компаний «Практика». Возвращались оттуда с немалым багажом знаний. А начинающие журналисты Анна Калашникова, Елена Чашина, операторы Сергей Рябов, Сергей Калашник и другие стали получать заслуженные награды за профессионализм.

Кстати, именно в те годы администрация города наградила и меня благодарственным письмом за большой вклад в обеспечение реконструкции здания «ТВ Прокопьевск» и почётной грамотой – за инициативу и творчество в развитии телевидения «27 плюс». Среди самых первых в городе я стала лауреатом звания «Человек года-1998».

Когда в коллективе ТРК родилась идея выпускать ещё и свой печатный еженедельник «Диалог», директор Капустин задумку активно поддержал, с огромным желанием помогал наладить выпуск своей газеты. Хорошо понимал – надо стремиться к тому, чтобы о «27 канале» знали не только зрители, но и читатели, поскольку в то время по техническим причинам ещё не все жители города и Прокопьевского района имели возможность смотреть местное ТВ.

– Из отдела «Новостей» мне тоже пришлось уйти, – смеётся Щербакова, – но лишь потому, что меня назначили редактором «Диалога». Передо мной стояла задача: сделать телеспутник самым читабельным в городе. Для этого, в первую очередь,

надо было создать сеть распространителей. И вот здесь технический редактор Людмила Куксина стала моим незаменимым помощником. «Диалог» постепенно стал пользоваться огромной популярностью. А к следующему моему переходу на новую должность газетный тираж возрос до девяти тысяч экземпляров. Меня же снова перебрали на проблемный участок: доверили рекламное дело. Моя новая должность теперь называлась «заместитель директора ТРК по рекламе».

В то время сотрудники рекламного отдела начали создавать собственную креативную видеопродукцию, зарабатывать деньги коллективу на зарплату, на развитие компании. По сути, многое пришлось создавать с нуля: «Ведь в те годы мы только-только «оторвались» от социализма, страна начинала строить рыночную экономику. Мы учились не воровать, а честно зарабатывать деньги. Пришлось обучаться тому, как выстраиваются коммерческие связи, вырабатываются правила оказания рекламных телеуслуг и многому другому. Дело пошло и, надо сказать, неплохо. Меня это очень радовало...».

Пришлось заняться самообразованием. Она прекрасно понимала, что рекламный отдел – это тоже творческая часть ТВ. Поэтому постоянно покупала специальную литературу по рекламе, много читала, смотрела каналы центрального телевидения. И убедилась: главный в содержании рекламной видеопродукции, как и в информации, – человек. Он должен присутствовать на экране и всем своим видом популяризировать бренды, товары, услуги, торговые предприятия...

Требовалось наладить тесное сотрудничество с талантливыми людьми, которые бы согласились почти бескорыстно сотрудничать с отделом. И, конечно, надо было искать бизнесменов и убеждать их, что реклама на ТВ весьма результативна.

Энергичной и креативной Галине Щербаковой оказалось по плечу решение и этой задачи. А опыта и знания многих людей: руководителей предприятий, учреждений и частных фирм, – было не занимать. Со многими потенциальными рекламодателями она выстроила деловые отношения, убеждая их, что вкладываться в рекламу товаров и услуг в своём городе – выгоднее, чем отдавать рекламные деньги в областные или всесибирские СМИ. Под её руководством заработала целая группа телевизионных рекламистов, мастерство которых вскоре оценили и специалисты.

Г. А. Щербаковой активно помогала создавать ТВ-рекламу Светлана Коротницкая, заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества, художественный руководитель образцового коллектива фольклорного ансамбля «Калинушка». Постоянным участником всех рекламных творческих замыслов была Анастасия Качаева, впоследствии завоевавшая титулы «Мисс Прокопьевск» и «Кузбасская красавица», а с актёром Геннадием Юровым они изображали однажды молодожёнов, которые, по задумке рекламистов, обошли все рекламируемые салоны Дома быта, якобы выбирая товары, мебель, посуду и многое другое для «своего жилья».

– Алексей Кудря и его коллега Константин Щербаков были ещё теми выдумщиками! – рассказывает Щербакова. – Они понимали, что в рекламе ключевую роль играет слоган. Потому с огромным увлечением сочиняли остроумные, шокирующие,

просто гениальные тексты из нескольких слов. Одержимый идеями, Кудря мог сутками не выходить из кабинета, пока не добьётся желаемого. Журналист Виталий Тихонов предложил запустить на телевидении проект с культурно-значимым содержанием. Назвал его «Стань звездой – снимись в рекламе!» Виталий обратился к школьникам, студентам, просто ко всем желающим и предложил попробовать себя в роли поэтов, прозаиков, сценаристов, актёров для конкретно реализуемого какого-либо товара.

Начиная осуществлять задуманное, мы даже не предполагали, что в Прокопьевске столько талантов. Многие съёмки наших программ становились творчески-массовым мероприятием в людных местах города. Воображение у горожан – потенциальных рекламистов – было необычайно богатым.

Рекламную продукцию нашего собственного производства в то время уже специалисты выделяли, как что-то оригинальное, высокопрофессиональное, креативное. Так, интересные работы ТРК «27 канал», сделанные мастерами современной телерекламы Алексеем Кудрей, Константином Щербаковым, Виталием Тихоновым и их помощниками-журналистами, отмечались на фестивалях «С рекламой – по жизни!» в Кемерове и Новокузнецке.

– На заслуженный отдых я уходила в 2005-м из рекламного отдела прокопьевского ТВ, – поясняет Галина Александровна. – Оглядываясь в прошлое, могу с уверенностью сказать: тем, кто пришёл после нас, мы оставили самое современное телевидение – с «Новостями», трансляцией праздничных мероприятий в прямом эфире, интересными программами, наработанной рекламой, благоустроенным зданием, оснащённым телевизионной техникой, залом для встречи гостей, гаражом...

Но отдыхать не пришлось ещё несколько лет. Молодой редактор «Шахтёрской правды» Иван Кофанов предложил стать корреспондентом. И она согласилась «ради нескольких строчек» в «Шахтёрке». А через год бывшая сотрудница «27 канала» Татьяна Тренина, ставшая директором Новокузнецкой городской телерадиокомпании «10 канал», попросила Галину Александровну помочь с раскруткой новокузнецкого ТВ в Прокопьевске: «С оператором видеосъёмки Сергеем Калашником и корреспондентом Гульсирой Игнатовой мы успешно справились и с этой задачей».

И в «Десятке» Щербакова славно трудилась, прекратила официальную деятельность, лишь когда ей исполнилось 75.

– Выходит, журналистского стажа у меня почти 50 лет, – подсчитывает она. – Да ещё четыре года в школе – учителем русского языка и литературы. В общем, ни одного дня я за всю свою трудовую деятельность дома не сидела. Мне повезло: уроки журналистики получала от увлечённых, талантливых и смелых, известных многим коллегам старших наставников.

Г. А. Щербакова удостоена звания ветерана труда, награждена знаком Министерства угольной промышленности СССР «Отличник социалистического соревнования МУП СССР», областной серебряной медалью «70 лет Кемеровской области», почётными грамотами администрации Кузбасса и города Прокопьевска.

Имеет диплом городского конкурса «Лауреат звания «Человек года-1998», многочисленные награды Союза журналистов СССР и России.

Она и сегодня-то не сидит, сложа руки, – хлопчет по дому, на даче за порядком присматривает, с внучкой занимается разными делами, активно ведёт свой аккаунт в соцсети, переписывается по интернету с друзьями и знакомыми, обсуждая зарубежные, российские, областные и городские новости. Ей, вопреки возрасту и обстоятельствам, не утратившей интереса к жизни, до всего есть дело, на всё она имеет своё мнение. Что же, – на здоровье!

Сергей Черемнов: «Память о людях надо бережно сохранять»

Вы когда-нибудь пробовали брать интервью у самого себя? Некоторым это может показаться неадекватностью или показухой, но, с другой стороны, это интересный способ рассказать о себе. Как бы поговорить со своим вторым «я», прочувствовать проблемы, которые тебе приходилось решать в жизни, поделиться собственными наблюдениями и информацией о самом себе. Вот что у меня получилось...

Сергей Черемнов, журналист, многолетний пресс-секретарь кузбасского губернатора, автор рассказов и повестей, фотокниг, сборников очерков о журналистах, поэтах, писателях, художниках и актёрах.

Родился 12 января 1956 года в Прокопьевске в семье шахтёров. Окончил здесь школу № 3. Ещё в восьмом классе начал мечтать о профессии журналиста. Писал рассказы, посылал их в редакции газет и журналов, в том числе, в журнал «Крокодил». Однако напечататься не удавалось: «Я любил писать и записывать что-нибудь. Пробовал писать рассказы, несколько лет вёл дневник. Как говорится, писал в стол. По вечерам, когда бродил по улице, сочинял разные сюжеты. Журналистика была мечтой. Написал письмо в Томский госуниверситет, дескать,

расскажите, как поступить к вам на журфак? И они в ответ: может, не стоит в ТГУ, в Кемерове открывается специализация по журналистике... Туда я и поехал».

Кстати, была ещё одна причина, которая сблизила его с журналистикой. Когда ему было лет 14, родители подарили фотоаппарат. «Моя первая фотокамера называлась «Чайка II». Она позволяла делать аж 72 кадра с одной плёнки. Я снимал всё подряд, а потом часами просиживал в тёмной комнате, проявлял и печатал снимки. Это так затягивает! Делал фото друзей, природы, родных. С тех пор так и не расстаюсь с фотоаппаратом».

В 1973 году Сергей поступил на филологический факультет Кемеровского госуниверситета. Здесь же 5 ноября 1973 года опубликовал первую в жизни заметку – в студенческой газете «Молодой учитель»: «Над этой небольшой заметкой мы «мучились» втроём – я, Женька Худобин и Олег Курочкин – мои одноклассники. Тема была про то, что филфаковцы выиграли у кого-то матч по волейболу. Ну, сочинили мы кое-как заметку, думаем, а как её подписать? Три фамилии для информации из 15-20-ти строк – многовато. Решили поставить общий псевдоним «Осеев», где «о» – это Олег, «се» – Сергей, «ев» – Евгений. С тем и пришли в редакцию. Хорошо, что тогдашний редактор нашей многотиражки Людмила Филаткина, ставшая впоследствии известной ведущей популярной телепередачи «Урожайные грядки», лишних вопросов не задавала. Так и вышла в газете эта первая заметка».

А потом редакция многотиражки стала первым местом творческой работы Сергея, его «журналистскими университетами». Буквально в каждом номере этой газеты выходили его заметки, статьи, рассказы, «лаконизмы». Немало юмористических рассказов о жизни некоего студента Стёпы Одуванчикова он публиковал в университетской газете под псевдонимом Бен. Остапов.

Кемеровский пединститут в 1974 году получил статус университета, а вместе с КемГУ изменила статус и многотиражка. Газета сменила название – на «Путь в науку», вместо двух полос стала выходить на четырёх, ушла на Кузбасское телевидение Л. Филаткина. А на её место пришёл раздумчивый Иван Васильевич Якунин. Но, главное направление у редакции осталось: опора на студкоров. И Сергей был здесь порой незаменим.

На третьем курсе, когда перед студентами филфака встал выбор – на какую специализацию подать, у С. Черемнова сомнений не было: на специализацию по журналистике. Кстати, занятия специализации проводили такие известные в регионе мэтры журналистики, как Юрий Степанович Котляров, Николай Петрович Доможиров, Евгений Михайлович Пестерев, Евсей Львович Цейтлин, Максим Гаврилович Щербаков и другие.

В 1978 году окончил университет, и сразу же был принят на работу в газету «Шахтёрская правда» города Прокопьевска, стал корреспондентом отдела промышленности: «Приняли меня хорошо. А работы было хоть отбавляй! Газета выходила пять раз в неделю, по тиражу была второй городской газетой в области после Новокузнецка...».

Первым своим настоящим редактором Сергей считает главного редактора «Шахтёрской правды» того периода Анатолия Ивановича Поздеева. Он умел редактировать, наставлять, защищать своих подчинённых. «Помню, как за мой первый серьёзный материал с требованием о том, чтобы городские шахты перестали загрязнять реку Абу, Анатолий Иванович назвал меня мечтателем, но статью всё же опубликовал. С тех пор прошли десятилетия, а родная Абушка так и несёт до сих пор свои чёрные воды в Томь...».

На последнем курсе университета Сергей женился. Галина также училась на филфаке, шла на курс младше. И оказалась тоже из Прокопьевска. Вскоре у них родился сын Артём, через восемь лет – дочка Леночка. Так и идут они по жизни с Галей почти полвека, делят поровну и радости, и беды.

С мая 1979 года по ноябрь 1980-го Сергей Черемнов служил в армии, в зенитно-ракетных войсках ПВО. А дома его ждали жена и маленький сынишка: «Дни службы поэтому тянулись очень долго, кажется, бесконечно. Но были и там свои маленькие солдатские радости: увидел жизнь старинного Иркутска, побывал на Байкале. Почти год служил «на точке» под Омском, но иногда вывозили в город – красивый и просторный и зимой, и летом».

После демобилизации снова вернулся на работу в родную «Шахтёрку», где его назначили заведующим отделом промышленности редакции. Сергей продолжал усваивать технологию и тонкости производства угольной, строительной, лёгкой и других отраслей промышленности, писал статьи и корреспонденции об экономике, транспорте, зарисовки о своих земляках.

Его работу заметили в области. Союз журналистов Кузбасса присвоил звание лауреата областного творческого конкурса на лучший материал по экономии ресурсов. «Про меня тогдашнего как-то написал шуточные стихи коллега и большой друг, заведомом партийной жизни газеты Валерий Гужвенко: «Даёшь угля, хоть мелкого, но много! // Воскликнул Черемнов Серёга...». Это к тому, что газета своими публикациями помогала (вроде, не мешала!) увеличить угледобычу в Прокопьевске».

В 1983 году он стал собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району. За время работы его не раз признавали лучшим по соборовской сети газеты:

«Предложили повышение – в областную газету. Пошёл сразу, хотя и боязно было мне, молодому, среди «зубров» областной журналистики. Здесь в то время работали Александр Гаврилович Зайцев, Григорий Петрович Задорожный, Лев Сергеевич Амбиндер, другие «золотые перья» Кузбасса. Руководил газетой редактор Николай Андреевич Бурым, а соборовским корпусом газеты – его заместитель Анатолий Игнатьевич Бельчик. «Кузбасс» тех лет – это настоящая школа журналистики. Хотя, про соборов шутили: «Проснулся и уже – на работе!» Но я от заданий не отлынивал, писал статьи и заметки, печатал их на портативной машинке «Москва» и отправлял в редакцию. Участвовал в выпуске книг о шахтёрах, о регионе...».

В 29 лет, в марте 1985 года, Сергея Черемнова назначили главным редактором городской газеты «Шахтёрская правда». Был, наверное, самым молодым редактором муниципального издания в регионе. «Я долго упирался, не хотел менять соборовскую вольницу на большую ответственность за коллектив. В редакции тех дней работало 28 человек. Редактор «Кузбасса», а тогда уже редактором был Александр Васильевич Трутнев, вызвал меня в командировку в Кемерово, «спрятал» от партийных властей. Но кончилось тем, что меня вызвал к себе «на ковёр» секретарь Кемеровского обкома КПСС Пётр Михайлович Дорофеев, сказал: «Хватит прятаться, ты уже не мальчик, так что бери на себя ответственность! Все у тебя еще впереди...».

«Шахтёрка» по-прежнему выходила ежедневно по рабочим дням, её тираж в 1986 году вырос в полтора раза: разовый тираж издания превышал 70 тысяч экземпляров. Её выписывали не только в каждой прокопьевской семье, а и в каждом учреждении, на каждом предприятии города. «Это были годы увлекательной работы, страну всколыхнула перестройка. Мы печатали такое, что ещё совсем недавно казалось невозможным. Критиковали парткомы, генеральных директоров, вели журналистские расследования. И я чувствовал поддержку коллектива, поддержку читателей».

А уже в мае 1987 году Сергея вновь перевели, на этот раз – на работу в Кемерово – заведующим сектором печати, радио и телевидения Кемеровского обкома КПСС. Именно в это время он хорошо узнал родной регион. объехал каждый город, каждый район, каждую редакцию газеты и местного радио. Муниципального телевидения тогда ещё не было.

Жарким летом 1989 года вместе со всем Кузбассом Сергей переживал знаменитые шахтёрские забастовки. Понимал, что просто так они не закончатся, власть, да и сама страна, «зашатались». В Кемерове чумазые горняки сидели на асфальте на главной площади Советов, прямо перед зданием обкома. Митинги шли бесконечно. Было видно, как соскучились люди по свободному слову...

Была какая-то надежда на последний съезд правящей КПСС, который состоялся в концертном зале Московского Кремля в июле 1990 года. Сергею довелось работать в пресс-центре этого пятитысячного форума, делал специальные радио- и телерепортажи для Кузбасского областного телевидения и радио. Вместе с коллегой Александром Даньшиным удалось даже взять телеинтервью у генерального секретаря Центрального комитета КПСС М. С. Горбачёва, который, отвечая на вопросы, дал слово приехать в Кузбасс, к шахтёрам. Слова не сдержал...

Со многими интересными людьми, руководителями страны удалось пообщаться в те жаркие летние дни. Побывал даже на пресс-конференции председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина, уже опального тогда.

Чем-то внутренне ему не понравились оба этих лидера.

Но страна требовала перемен. На областном государственном телевидении Кузбасса Сергей делал еженедельную информационно-аналитическую передачу «10 + 20»:

«Помню, эта наша передача занимала в рейтинге программ телевидения Кузбасса третье место. А журналист газеты «Комсомолец Кузбасса» Дмитрий Сагара в одном из газетных телеобзоров назвал нашу передачу «Этот «жёлтый» телевизор». Хотя, мы старались нести зрителю общечеловеческие принципы добра и трудолюбия. Как-то в отдаленной татарской деревне Серебряково, что в Тисульском районе на самой границе с Красноярским краем, мы с Евгением Красносельским брали интервью у местного муллы, избираемого на эту «должность» односельчанами. «Какая главная мысль заложена в Коране для верующего человека?», – спросили мы его. «Молись и трудись», – коротко ответил пожилой деревенский философ...». Но, хотелось делать что-то своё, новое в кузбасской журналистике. И вот в 1990 году вместе с журналистами Евгением Красносельским, Александром Даньшиным, Юрием Романовым Сергей организовал первую в регионе областную независимую телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса» (АИК), где и работал главным редактором. Директором ТРК был Евгений Михайлович Баранов.

У многих кузбассовцев, наверняка, остались в памяти позывные и логотип телекомпании «АИК», выходившей в эфир на «третьей кнопке» по субботним вечерам в 90-е. Казалось, те выпуски «Вечернего телеканала «Для вас» смотрел весь Кузбасс. Ведущего «АИКа» Сергея Черемнова узнавали на улицах, в магазинах, в общественном транспорте.

Именно «АИК» стал пионером эпохи возникновения негосударственных телеканалов в Кузбассе и одним из первых в новой России. Информационные выпуски, репортажи, очерки, сюжеты о событиях в Кузбассе, об интересных людях Кузнецкой земли, общественно-политические, музыкально-развлекательные передачи, телепоздравления – вот далеко не полный перечень разноплановых и занимательных проектов, известных его телезрителям конца XX века. Актёры театра и кино, звёзды шоу-бизнеса, политики и политологи, рядовые кузбассовцы были частыми героями и участниками «АИКа»:

«Это было первое в Кузбассе эфирное областное независимое телевидение. Наши передачи люди смотрели в Кемерове, Новокузнецке, Прокопьевске, Берёзовском и других городах и районах. Я с Евгением Красносельским вёл новости и программы. Да не просто так. Иногда площадкой для нас, ведущих, становилась крыша здания обкома партии (ныне – главное здание областной администрации и правительства Кузбасса на площади Советов в Кемерове) или воды реки Томь, или городская аллея. Мы всё делали неформально! Огромная популярность была у нашей программы «Глубинка». Мы выезжали в сельские районы, в малые города Кузбасса, «откапывали» там интересных людей, мастеров какого-нибудь своего необычного дела, говорили об истории родного края. А завершались вечерние программы АИКа мультиком и художественным фильмом из советской коллекции. И это смотрели семьями! К нам приходил руководитель Кузбасского государственного областного телевидения Геннадий Михайлович Митякин, смотрел, как мы снимаем, монтируем и вздыхал: «Если б нам можно было так...».

Но, как это бывает в творческих коллективах, – начались разногласия. И Сергей ушёл из АИКа: «После этого я года два не мог смотреть телек...». Занимался

рекламой, маркетингом. Наступил переход к жёсткой рыночной экономике, скачущим ежедневно высоким ценам, бартеру. Каждый выживал в эти годы, как мог...

А в 1994-1996 годы Сергей Черемнов возглавил пресс-службу нового представительного органа власти региона – Законодательного собрания Кемеровской области первого созыва. Создавался и новый коллектив аппарата ЗС, и Сергея, как опытного специалиста, позвали на эту работу.

Период становления обновлённого депутатского корпуса области проходил непросто. Привычный облсовет был ликвидирован. Председателем нового ЗС Кузбасса избрали известного в регионе политика Амана Тулеева. Сергей активно включился в процесс популяризации нового кузбасского парламента, информирования населения о его работе.

В этот период он был ещё автором и ведущим еженедельной передачи «Форум» на областном телевидении, рассказывал о деятельности депутатов области: «Было интересно наблюдать, как на глазах менялись люди вместе со страной. Появлялись новые лидеры, на месте госпредприятий и учреждений создавался частный бизнес, при этом ухудшалась жизнь простых людей.

Депутаты ЗС того первого созыва в открытую выступили против областной исполнительной власти. Разгорелась самая настоящая война между властными: срывались сессии, депутатам и сотрудникам ЗС областная администрация месяцами не платила зарплату:

«Как мы это всё пережили!? В те годы мне часто приходилось бывать в Москве, базарной, ростовщической, где на каждом углу стояли ларьки и палатки, все что-то продавали. Меняли рубли на доллары. Аман Тулеев был членом Верхней палаты парламента страны – Совета Федерации. А поскольку я снимал в СФ материалы для «Форума», то постоянно общался с губернаторами, сенаторами, известными российскими политиками. Какой разной казалась мне жизнь России: в московском здании на Большой Дмитровке, где заседает Совет Федерации, было всё, а на московских улицах, в метро становилось невесело от усталых глаз людей, многочисленных нищих, занятых сбором милостыни».

В 1996-1997 годы Сергей работал в Москве, возглавлял пресс-службу российского Министерства по делам СНГ. Министром, как известно, был назначен Аман Гумирович Тулеев. Особое внимание в этот период Сергей Черемнов уделял освещению в СМИ России и ближнего зарубежья проблем налаживания отношений между нашей страной и странами-членами Союза Независимых Государств, которые ещё недавно были единой страной – СССР:

«Мой кабинет, как и кабинет Министра, находился на улице Варварка, 7. Рядом с гостиницей «Россия» (нет её теперь на карте Москвы). В двух шагах располагалась Красная площадь. Мы частенько в обеденное время навещали её с моим другом и коллегой по работе, сибиряком Николаем Самошонковым. Жили в двухместной комнате общежития Московского института инженеров железнодорожного транспорта на Новослободской. По вечерам и в выходные варили борщ и магазинные пельмени. Иногда ходили в театр Советской армии или в музей

Вооруженных сил. Благо, – жили с ними рядом. Но свободного времени было мало – все уходило на общение с прессой...».

Надо отметить, что о Министерстве в тот период заговорили очень активно. Наверное, не было федерального СМИ, где бы не размещались материалы о «министре единения», как называли Амана Тулеева с подачи одной из московских журналисток.

А после того, как в июле 1997 года Президент России Борис Ельцин назначил А. Г. Тулеева губернатором Кузбасса, Сергей Черемнов стал начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора.

Наступили годы большой, кропотливой работы. Сергей возглавлял штаб по строительству телерадиоканала «Областное государственное унитарное предприятие «Губернский телерадиоканал «Кузбасс»:

«Идея создания губернской радиостанции на коротких волнах (формата FM), которая бы работала на всю область, родилась в ещё в 1998 году. Она была проста: сделать качественное местное радио с отличной музыкой, интересными новостями, профессиональными ведущими и «хорошим жизненным тоном». Хотелось построить радиостанцию, которая бы не зависела от расписания и капризов Москвы.

В штаб строительства вошли связисты, руководство ГТРК «Кузбасс» и областного радиотелевизионного передающего центра, местные специалисты Россвязьнадзора:

«Штабили» еженедельно. Область выделила деньги. И вот в мае 2000 года состоялось открытие радиостанции Кузбасс FM в Кемерове, затем, и в Новокузнецке. В 2005 году Кузбасс FM начал вещать уже на территории всей Кемеровской области. В 2007 году запустили спутниковое вещание нашей радиостанции. А в сентябре 2001 года состоялся запуск первого телепередатчика губернского телевидения. Сначала этот канал вещал, «СТС-Кузбасс», сегодня его переименовали в «Кузбасс Первый...».

Под непосредственным руководством Сергея Черемнова в регионе был завершён процесс перевода городских и районных газет на современный офсетный способ печати:

«Однажды в конце 1990-х ко мне пришёл генеральный директор концерна «Кузбассполиграфиздат» Евгений Николаевич Панов. Напомнил, что в Кузбассе из 30 муниципальных газет 25 печатаются офсетным способом, а остальные – на северо-востоке Кузбасса – издают по старинке, на «высокой» печати. Как ленинскую «Искру»... Какой выход? Надо все газеты области перевести на офсет. Но на это не было денег в нищем тогда областном бюджете. И он предложил интересный вариант: на юге области, в городе Таштаголе, стоит в упаковке новая офсетная газетная машина. Досталась она местным газетчикам по случаю. Но эта техника не востребована, так как местная городская газета «Красная Шория» имеет маленький тираж, и ради неё монтировать и запускать эту машину нерентабельно. Таштагольцам выгоднее печатать свою газету в Новокузнецке – туда передают

набор по Интернету, а готовую газету привозят в город на электричке. Долго мы с Пановым рядили, как забрать у Таштагола офсетную машину и передать её на север области – в Мариинск. На эту операцию ушло около года. Наконец-то всё получилось. В Мариинске организовали кустовую типографию, начали печатать здесь горрайгазеты северо-востока Кузбасса красивым полноцветным офсетным способом».

Сергей Черемнов помогал работникам СМИ и их семьям во многих житейских вопросах, был организатором многочисленных творческих профессиональных конкурсов и семинаров для журналистов Кузбасса, среди них – известные областные конкурсы «Золотое перо Кузбасса», «ТВ-Престиж», «Радио-Престиж», «День шахтёра в Кузбассе». До этого, при другом губернаторе, работу с журналистами в регионе подзапустили, они чувствовали себя обделёнными, многие варились в собственном соку, хотелось объединить сообщество конкретными делами, поощрять профессионалов творческого цеха за хорошую работу...

Командировки шли бесконечной чередой, он постоянно находился в гуще событий региона:

«В те годы приходилось буквально спать с телефоном в руках. В любой момент суток могли позвонить из любой точки страны, региона или из «первой приёмной»... И ты всегда должен был быть на связи, принимать оперативные решения».

В тесном контакте с А. Г. Тулеевым С. И. Черемнов отработал без малого 18 лет. 13 последних лет этой совместной работы никак не удавалось сходить в отпуск, да и в обычные выходные отдохнуть от дел получалось не всегда. В результате, из-за длительного напряжения, перегрузок наступило так называемое выгорание. Ему удалось справиться с этой проблемой, но, по требованию губернатора, место работы пришлось сменить.

В августе 2011 года Сергей Иванович устроился на более спокойную должность – помощника вице-президента АО «Холдинговая компания «Сибирский деловой союз». Однако долго поработать в СДСе ему не дали, весной 2013 года из губернаторского кабинета поступила новая команда: уволить и отсюда, «списать в архив», пусть сидит дома и отдыхает от трудовых забот...

Но сидеть сложа руки Черемнов не привык. Поэтому с удовольствием принял предложение губернатора Владимирской области Светланы Юрьевны Орловой – поработать на Владимирский регион. И в мае 2015 года вместе с женой Галиной они уехали во Владимир, где Сергея назначили заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области. Его опыт, знания и организаторские способности вновь оказались востребованными. Семью кузбассовцев обеспечили нормальными условиями проживания в древней столице Северо-Восточной Руси.

В свободное от работы время вместе с Галиной они бродили по историческим улицам Владимира, посещали его знаменитые храмы, любовались фресками Андрея Рублёва и Даниила Чёрного:

«За шесть лет, что мы прожили во Владимире, объехали почти всё «Золотое Кольцо» России. Я уж не говорю о городах Владимирской области – часто бывали

в Суздале, бродили по улицам Суздаля и Александрова, Гороховца и Мурома, Гусь-Хрустального и Коврова, Кольчугино и Юрьев-Польского, многих других прославленных поселений региона.

В каждой поездке Сергей фотографировал местные достопримечательности, выкладывая снимки на своём интернет-портале, который он назвал «слово-сочетание.рф». Черемнов ещё в 2012 году, когда трудился в компании СДС, организовал этот сайт, посвятив его истории журналистики и журналистам Кузбасса. С тех пор подготовил и опубликовал сотни материалов о коллегах по СМИ. В них он рассказывает об их мастерстве и профессионализме, вспоминает тех, кого нет с нами:

«Многие материалы сайта об истории и действующих журналистах региона просто уникальны. Здесь также можно почитать книги кузбасских авторов, познакомиться с информацией «Книги рекордов Кузбасса». Вспомнить об ушедших уже от нас известных журналистах. На сайте есть уникальный раздел – «Книга Памяти», в которую я собираю имена журналистов, полиграфистов, корректоров, режиссёров, дикторов, фотографов, других работников редакций газет, типографий и радиовещания, (телевидения в те годы ещё не было) Кемеровской области, которые участвовали в Великой Отечественной войне. Этот список постепенно растёт, недавно он увеличился до 219 человек. Думаю, он – не окончательный, поиск продолжается...».

В администрации Владимирской области Сергей Иванович отработал около шести лет. В 2020 году вышел на заслуженный отдых, получив от губернатора Владимирщины благодарственное письмо.

Сергей Черемнов до сих пор увлекается фотографией, был участником нескольких фотовыставок, в том числе фотовыставок «Новый век. Европа, Россия, Кузбасс» (2005), «Какими мы были» (2005), «Притягательный регион России» (2006), «Из дальних странствий возвратись...» (2006), «Акценты» (2012), «Город в творческом объективе» (2015) и других. Его персональная фотовыставка «Мой город дышит, значит, он живёт» прошла в Кемеровской областной научной библиотеке имени В. Д. Фёдорова в 2013 году.

Его фотоснимки много раз публиковались в центральной и местной печати: газетах «Известия», «Труд», «Российская газета», «Коммерсант», «Ведомости», «Комсомольская правда», «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», журнале «Кузбасс XXI век» и других периодических изданиях области, страны и зарубежья, в различных фотоальбомах и книгах о Кузбассе.

Сергей Иванович – автор фотоальбомов и книг «Фоторакурсы», «Миры и мироздания», «Харизма», «Кузбасс – Китай: новые грани сотрудничества», «ФотоФакты или Пьер Ришар, Владимир Путин, Лео Бокерия и другие»; художественных произведений – сборников рассказов «На картошку», «Ёршик с ангиной», «Партийный хит сезона», «Сибиряки на Варварке». Книги, выпущенные под его руководством, – «Журналистика Кузбасса: строки истории», «Овеянные славой дороги в сорок пятый», «Золотое перо Кузбасса» – рассказывают о кузбасских средствах массовой коммуникации и тех, кто трудился и трудится в них.

Этой же теме посвящены созданные им уникальные справочные издания «Судьба в журналистике. Книга памяти журналистов Кузбасса» (т. I и II), а также серия сборников очерков под общим названием «Творческие люди» (т. 1-4).

Сергей Черемнов – любитель путешествий. Побывал в ряде стран Европы, Кавказа, Юго-Восточной Азии, во многих городах России.

5 ноября 2023 года исполнилось 50 лет его журналистской деятельности. Член Союза журналистов СССР и России. Избирался делегатом VI съезда Союза журналистов СССР (проходил 14-16 марта 1987 года в Москве) и VII съезда Союза журналистов России (проходил 16-17 мая 2003 года в Москве).

Он и сегодня продолжает плодотворно трудиться, писать новые материалы о репортёрах и редакторах, поэтах и писателях, художниках и актёрах Кемеровской области. Большинство его произведений хранится в Кемеровской областной научной библиотеке имени В. Д. Фёдорова:

«Память о людях, которые прославляли и прославляют Кемеровскую область, надо бережно сохранять, – уверен Сергей Иванович. – Этому посвящены многие мои очерки и рассказы. Поэтому я так кропотливо и настойчиво пишу о прошлом и настоящем нашего кузбасского творческого корпоративного цеха. Присоединиться к этой работе может любой желающий...».

С. И. Черемнов – заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Кузбасса, награждён орденом «Доблесть Кузбасса», медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени. Имеет и другие награды Кемеровской и Владимирской областей. Лауреат Всероссийского конкурса «Карьера» в номинации «Пресс-секретарь».

Оглавление

Вместо вступления. Прокопьевск – моя малая Родина.....	4
Михаил Анохин: «Не скорбен мой дух...».....	7
Николай Бабарицкий: «Так появился снимок «Шахтёры уходят».....	11
Владимир Баринов: «Если ты пошёл в газетчики, навсегда позабудь о покое»....	15
Иван Белоусов любил свою «Селяночку».....	19
Владимир Берязев и его Ойкумена.....	25
Николай Бобрышев: «Журналистика – тоже страсть».....	44
Пётр Бугаев: «Пусть остаётся. Среди живых».....	47
Виктор Грызыхин: «Приходилось работать и под пулями, и на радиоактивном ветру».....	54
Валерий Гужвенко – самый «неудобный» редактор страны.....	59
Виктор Давыдов поэзию подземного труда отобразил печатной строкой.....	70
Алексей Доронин: «Верю, что мы справимся со всеми вызовами времени».....	78
Юрий Дьяконов: «Для журналиста важно даже не то, что видно из окна, важен человек, который в него смотрит».....	84
Павел Зорин, без которого немыслима шахматная жизнь Кузбасса.....	103
Александр Карин: от Прокопьевска до Парижа.....	110
Максим Кутрунов: «Всё лучшее, что у меня было и есть, связано с журналистикой».....	140
Михаил Попрыдухин ушёл на фронт в самые первые дни войны.....	146
Алексей Равилов: «Жизнь удалась...».....	151
Виль Равилов, у которого в голове новые проекты.....	157
Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас».....	163
Владимир Снегирёв: «Я всегда поднимаю тост за удачу...».....	201
Юрий Совцов относит себя к «русофилам».....	210
Антонина Васильевна Фоменко: «Много человеческих судеб прошло через моё сердце!».....	215
Лариса Фролова: «Сейчас скажу, иначе передумаю».....	219
Анатолий Цыряпкин – журналист-топонимист.....	226
Олег Чернов: в поисках самого себя.....	232
Галина Щербакова, надёжная, как танковая броня.....	250
Сергей Черемнов: «Память о людях надо бережно сохранять».....	267

Об авторе

Сергей Черемнов родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета, отделение журналистики Сибирского института социального управления и политологии.

Работал корреспондентом, заведомом промышленности, главным редактором городской газеты «Шахтёрская правда» в Прокопьевске. Был собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс».

В 1987 году переехал в Кемерово, где заведовал сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровского обкома партии.

В 1991 году с коллегами организовал первую негосударственную областную телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса – АИК», работал в ней главным редактором.

В 1994-1996 годах руководил пресс-службой Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва.

В 1996-1997 годах в Москве возглавлял пресс-службу российского Министерства по делам СНГ. Затем около пятнадцати лет работал начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора.

В 2015-2020 годы трудился заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области (г. Владимир).

Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Член Союза журналистов России.

Автор сборников рассказов «На картошку» (2015), «Ёршик с ангиной» (2018), «Партийный хит сезона» (2019), «Сибиряки на Варварке» (2021); повестей «Галкину» (2020), «Бонины радости» (2020); серии сборников очерков о журналистах, поэтах, писателях, книг по истории журналистики Кузбасса.

Сергей Иванович Черемнов

Мои земляки – прокончане

ОЧЕРКИ и ЗАРИСОВКИ

Массово-публицистическое издание

(Электронная книга)

Компьютерная вёрстка, оформление и создание pdf автора

Редактор Нина Михайловна Инякина

Редактор фото Владимир Иванович Басов

Консультанты:

Галина Николаевна Черемнова

Наталья Георгиевна Круглякова

В книге использованы фотоиллюстрации

из личного архива автора и Internet

Гарнитура «Arial»

Подготовлено к публикации 01.06.2024 г.

© Черемнов С. И.,
г. Кемерово,
2024 г.